Вестник

Российско-Армянского

Университета

гуманитарные и общественные науки

ISSN 1829-0450

(26)

Издательство РАУ

N 2/2017

Հայ-Ռուսական համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՍԵՐԻԱ՝
ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(26)
ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 2/2017

Российско-Армянский университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(26)

Издательство РАУ

N 2/2017

Редакционно-издательский совет

«Вестник» РАУ

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА

Российско-Армянский университет, 2017г.

ISSN 1829-0450

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Политология

Юриспруденция

Экономика

Литературоведение

Журналистика

ПОЛИТОЛОГИЯ

ШКОЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ[1]

К.А. Мирумян

karmirrau@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется состояние школы и образования в раннесредневековой Армении, в особенности после провозглашения христианства в качестве государственной религии (301г.) и изобретения армянских письмен (405г.). Обосновывается мысль о том, что школьное дело и распространение просвещения в стране происходило при непосредственном участии и контроле со стороны армянского царя и католикоса. Более того, создание и развитие школьно-образовательной системы стало одним из важнейших компонентов проводимой царем государственной политики, призванной обеспечить духовно-культурную самобытность, национальную идентичность и самозащиту. Религия и школа были использованы в качестве мощного стратегического ресурса для решения судьбоносных национально-политических задач.

Ключевые слова: школа, просвещение, образование, духовно-культурная самобытность, национальная идентичность и самозащита.

Свержение парфянской династии и воцарение на иранском престоле персидской династии Сасанидов (227г.), возрождение древнеиранского зороастризма в качестве государственной религии и активизация в связи с этим экспансионистской политики сопровождалась жесткой политикой искоренения эллинистических традиций как в самом Иране, так и в других странах, в том числе в Армении. С целью политического подчинения Армении Сасаниды стремились уничтожить армянскую эллинистическую культуру, «синкретичный армянский эллинистический пантеон», эллинистические храмы [4, с. 53], что получило в Армении мощный отпор. Политика насильственного насаждения в Армении зороастризма и противоборство Армении фак-

[1] Статья опубликована в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)», при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ на 2016–2017гг.

тически приобрели характер столкновения не только двух форм религиозно-политической идеологии, но и двух форм мировоззрения, систем духовно-культурных ценностей, цивилизационного развития и интеллектуальной ориентации***. В этой неравной борьбе Армения в очередной раз выступила как носитель и защитник эллинистических традиций, как представитель эллинистического культурного мира.***

Наряду с династической, идейно-религиозной и культурной встала также проблема сохранения государственного суверенитета и национальной самобытности (идентичности), так как вследствие агрессивной политики Сасанидов в последней трети III века значительная часть Армении оказалась подконтрольной Ирану и Риму, вследствие чего само существование национальной государственности оказалось под реальной угрозой.

Противоборство соседних могущественных держав, в том числе за господство в стратегически важной для них Армении, углубление процесса феодализации, усиление в связи с этим центробежных устремлений армянских князей-нахараров, губительной междоусобицы, формирование среди армянской знати проримской и проперсидской политико-идеологической ориентации расшатывали устои государства, угрожая не только его внутренней целостности, но и самому существованию армянской государственности.

Перед страной встала сложнейшая историческая задача по нейтрализации и пресечению этих губительных процессов и тенденций. Внутренние противоречия были не менее опасными и трагическими для судеб народа, чем внешняя агрессия. К тому же одной военной силы было недостаточно, да ее и не было для борьбы на три фронта. Единственной реальной силой, способной сдержать внешнюю агрессию, установить в стране мир и согласие могло стать национальное единство, на что и была сделана ставка. Но этого еще нужно было добиться. Необходимо было консолидировать все силы нации, сплотить все слои общества в единое целое, вооружить весь народ единой общенациональной идеей, объединить его вокруг общенациональных задач и интересов. При этом необходимо было добиться, чтобы идеи централизованной власти, государственной целостности, единства нации и национальной самобытности (идентичности) были восприняты как тождественные, как составляющие национального суверенитета. ***Такую функцию могла выполнить лишь хорошо разработанная идеологическая система.***

Среди множества разноликих религиозных течений, учений и культов, распространенных в регионе, этим требованиям в наибольшей мере отвечало набирающее силу христианство с его ярко выраженным монотеизмом, которое, однако, ни в одной стране мира все еще не приобрело официального ста-

туса, не стало государственной религией. Политический гений Трдата III заключается в том, что он сумел выход из тяжелого внутреннего и внешнеполитического положения страны усмотреть в реформировании государственной (религиозной) идеологии. Поэтому не случайно, что выбор пал именно на идеологию христианства, которое вскоре после воцарения на армянском престоле **Трдата III Великого** (298г.) в 301 году впервые в мире было провозглашено государственной религией Армении.

Христианство в Армении, в отличие от Римской империи, внедрялось «сверху», со стороны царя Трдата III и его ближайшего окружения, и, в первую очередь, **Григора Лусаворича** (Просветителя), ибо, во-первых, его необходимость как политического и государствообразующего фактора осознавалась прежде всего социальными верхами, политической элитой, во-вторых, оно разрабатывалось и культивировалось на греческом и сирийском языках, которыми свободно владела армянская знать, получавшая, как правило, эллинистическое образование, что в значительной мере облегчало усвоение нового вероучения.

Процесс распространения христианства в Армении протекал мучительно и долго с применением порой жестких форм принуждения и насилия, так как широкие слои народа не могли сразу понять и воспринять новую религию. Им намного ближе и понятнее были традиционные языческие верования и культы, которые казались более естественными и привычными. Армяне продолжали поклоняться древним культам и божествам, любить «свои мифические песни, свои сказания, на них они воспитывались, им верили и постоянно предавались им» [9. Кн. XIII, 13]. Не могли легко отказаться от многовековых традиций и многие представители высшего светского и духовного сословия.

В Армении, как это было впоследствии и в других старнах, с принятием христианства началось преследование языческой религии и культуры, насильственное насаждение христианского учения, морали, мировоззренческих принципов, в ходе которого были разрушены многочисленные храмы и жертвенники, посвященные языческим богам, памятники языческой культуры, устоявшаяся в течение веков система школьного образования и воспитания. Однако христианские деятели и государство проявили определенную дальновидность. Языческое наследие не было уничтожено полностью: часто на месте (или на фундаменте) языческих храмов строились христианские церкви или храмы превращались в церкви, а вместо храмовых школ основывались церковные и монастырские. Сохранились и некоторые языческие праздники. Подобная, в общем гибкая политика, была призвана обеспечить

некую преемственность в духовной жизни народа, отчасти облегчить восприятие новой религии.

Христианские просветители и идеологи прекрасно понимали, что языческая религия глубоко укоренилась в сознании и мировосприятии народа, пронизывая весь его дух и быт. Для ее искоренения нужна была целенаправленная работа, четкая и долгосрочная программа действий. С целью повсеместного распространения христианства и укрепления его позиций в стране, активизации процесса христианизации народа необходимо было создать широкую социальную базу – носителей христианских ценностей. Путь к решению этих задач Григор Просветитель и Трдат III усмотрели в создании новой школьно-образовательной системы, призванной ускорить процесс «просвещения» всех слоев народа и воспитания его в духе христианских добродетелей, подготовки молодых кадров для проповеднической и церковно-религиозной деятельности.

По личному повелению царя из различных областей страны собирают одаренных и пытливых отроков, распределяют по группам и обучают «новоявленному учению». «И, разделив их на две части, – пишет армянский историк V века Агатангелос, – одних стали обучать сирийской грамоте, других – греческой». Чтобы оторвать учеников от языческих традиций и ускорить процесс приобщения к новым – христианским духовно-нравственным ценностям их снимали с насиженных мест и переселяли в отдаленные районы страны, «просвещая» и воспитывая там в уединении [1. С. 243].

Обучение в школах велось на греческом и сирийском языках, так как не было национальных письмен. Кроме того, на первых порах функцию учителей-наставников выполняли приехавшие с Григором Лусаворичем из Кесарии Каппадокийской его греческие и сирийские сподвижники. Однако их усилий было недостаточно для широкого и повсеместного внедрения христианства. Возникла потребность в подготовке многочисленных местных кадров, что могло быть реализовано посредством создания разветвленной школьной сети. В этом состояла главная задача, вставшая перед открытыми в начале IV века армянскими школами.

Особое внимание при этом уделялось детям жреческого сословия, на их обращение в христианскую веру. Понимая всю важность задачи, воспитанием и обучением жреческих отпрысков занимался лично Григор Просветитель. (Многие из них впоследствии стали крупными церковными деятелями и удостоились сана епископа). Политика привлечения в новооткрытые школы детей жрецов преследовала конкретные практические и социально-политические цели.

Во-первых, благодаря этому в значительной мере уменьшалось сопротивление все еще весьма сильного и влиятельного класса жрецов, которые могли усмотреть в этом мероприятии определенную социально-политическую гарантию и перспективу для своих детей. Во-вторых, к делу усвоения и распространения христианского учения привлекалась способная молодежь, получившая или получающая добротное духовно-интеллектуальное воспитание и образование, в той или иной степени уже была приобщена к существующим знаниям, культуре, языкам, что, так или иначе, должно было способствовать более успешному усвоению основ новой христианской религии. В-третьих, благодаря этому дети жрецов могли сравнительно легко добиться того же социального статуса, которым «обладали их отцы язычники и обеспечить преемственность в духовном сословии», преемственность поколений, хотя и на другой религиозно-идеологической и духовно-культурной основе. В-четвертых, тем самым несколько сглаживались социальные противоречия и конфликты, нейтрализовалась опасность противодействия со стороны класса жрецов, которые представляли значительную социальную и интеллектуальную силу и могли создать серьезные трудности на пути христианизации страны [7. СС. 38–39].

Однако основное внимание христианских просветителей было сконцентрировано на воспитании и обучении детей из низших социальных слоев, которые по их замыслу и должны были стать основными проводниками и убежденными пропагандистами нового учения. С целью содействия процессу распространения христианского учения Григор Просветитель основывает многочисленные школы греческого и сирийского типа для обучения этим языкам, подготовки переводчиков и приобщения к текстам Священного Писания. Историк V века Лазар Парпеци называет их «школами для обучения паствы», то есть простого народа. Идеологи нации понимали, что для решения проблемы и создания широкой социальной базы нового учения необходимо подключить к процессу усвоения христианских ценностей как можно более широкие слои народа, задача, которую могла выполнить только хорошо организованная школьно-образовательная система.

Католикос лично участвовал в распространении христианства в Армении, в частности в восточных провинциях – историческом Арцахе и основал там одну из первых в стране христианских церквей в поселении Амарас. Вскоре Амарасский монастырь стал крупным духовно-культурным центром края (Ныне находится на территории Арцахской Республики).

Языковая раздвоенность армянской школы была сопряжена с раздвоенностью религиозной жизни страны. Род Лусаворича традиционно полу-

чал греческое воспитание и образование и, естественно, придерживался греческой церковной и культурной ориентации, а род Альбианоса – восточной или «суверенной» национальной политики, выступая против не столько распространения эллинской образованности, сколько ее гегемонии. В условиях, когда идейные противоречия и столкновения будоражили весь тогдашний цивилизованный мир, упрочение христианской системы ценностей, морали и идеологии стало одним из реальных факторов повышения нравственно-воспитательного уровня народа, формирования духовно-нравственного единства нации, а это, в свою очередь, предполагало расширение сферы распространения просвещения, образования, наставническо-проповеднической деятельности.

После смерти Григора Лусаворича учрежденные им школы вследствие неустойчивости политического положения в стране и в регионе пришли в упадок. Впоследствии католикосу Нерсесу Великому (353–373гг.) пришлось фактически заново открывать школы, к тому же более многочисленные, чем при Григоре Просветителе. Школьное дело, подбор учеников и учительских кадров находились под непосредственной опекой и контролем церкви. Программа обучения в армянских школах была схожа с программой начальных греческих школ, учеников обучали читать, писать и считать. Главная задача этих элементарных школ состояла в обучении чтению и устному переводу с греческого и сирийского на армянский текстов Св. Писания для массы верующих, а также их комментарий.

Монастыри постепенно превращались в очаги просвещения и образования, выполняя также функции школы. Они пришли на смену храмовым школам. Наряду с этим учреждаются также светские школы, которые содержались за счет государства, князей-нахараров, общин и охватывали более широкие слои населения. Примечательно, что для обучения в этих школах привлекались дети и из низших слоев общества – «достойные из местных [детей]» (Агатангелос). Именно в этот период закладывается традиция по предоставлению низшим сословиям права получить школьное образование, что получило дальнейшее развитие в последующие периоды армянского средневековья. Многочисленные школы, открытые в этот период, также должны были способствовать дальнейшему распространению христианского вероучения. До изобретения армянских письмен обучение в монастырях и государственных школах продолжало весьтись на греческом и сирийском языках.

С принятием христианства в качестве государственной религии и созданием широко разветвленной школьной сети значительно расширяется по-

ток армянской молодежи в мировые центры эллинистической образованности и культуры – Александрию, Кесарию, Константинополь, Эдессу, Афины.

Принятие христианства наметило пути дальнейшего развития армянского народа и армянской государственности, ориентиры и критерии духовной жизни, культуры, мышления, мировоззрения, школы и системы образования. Христианство, хотя и с трудом, но постепенно проникало в национальное сознание, в образ жизни, в быт. Со временем оно превратилось в национальную идеологию, в мощное духовное оружие против внешних идейно-политических и духовно-религиозных притязаний.

В конце IV века все усилия армян, направленные на сохранение целостности государства Великая Армения, не увенчались успехом и в середине 380-х годов страна была разделена между Сасанидским Ираном и Восточно-Римской империей. В Западной (римской) части Армении царство было упразднено сразу, что резко изменило политическую ситуацию не только в самой Армении, но и во всем регионе.

Хотя в Восточной Армении царство номинально просуществовало до 428 года, тем не менее, опасность потери государственной целостности стала реальностью и на повестку дня был поставлен вопрос существования самой армянской государственности и нации как целостного духовно-культурного феномена. ***Проблемы, связанные с укреплением централизованной царской власти и сохранением государственного суверенитета, уступили место другой, более трудной и судьбоносной – проблеме национальной самозащиты, сохранения самобытности национального бытия и культуры, национальной идентичности, рудиментов государственности, решение которых усугублялось усиливающейся религиозно-идеологической экспансией извне и, в первую очередь, со стороны Сасанидского Ирана.***

В сложившихся условиях светские и духовные предводители народа в лице царя Врамшапуха и католикоса Саака Партэва осознали, что решение этих, поставленных в очередной раз самой историей задач, возможно лишь путем консолидации всех физических и духовных сил, внутренних потенций нации, всех социальных слоев общества, организации всеобщего фронта общенациональной борьбы. Это, в свою очередь, предполагало наличие политически организованной силы с хорошо разработанной и слаженной идеологической системой, способной взять на себя историческую миссию по организации и руководству борьбы против религиозно-идеологических и политических притязаний соседних держав, компенсировать упраздненные государственные структуры. В армянской действительности такой силой могла стать Армянская Апостольская церковь, призванная играть главную роль в поли-

тико-идеологической и духовно-культурной жизни страны особенно **после** потери политической независимости и государственной целостности [ср.: 4. СС. 23–13].

Существующая же в стране идеологическая система в лице монотеистического христианства, несмотря на столетнее существование в качестве официальной религии, не успела еще полностью раскрыть свои потенциальные возможности и не стала общенациональной религией, потому и не могла превратиться в единую духовную и идеологическую силу, охватывающую всю территорию Армении, все социальные слои общества, весь народ. Армянская Апостольская церковь институционально оформилась, отчасти национализировалась, укрепилась как политический и социально-экономический институт, став своеобразным нахарарством, но она еще не стала символом идейного и духовного единства нации, выразительницей и носителем общенациональных интересов.

Выполнению этой исторической миссии препятствовали не только историческая память народа, богатое языческое прошлое, жизненность устоявшихся в течение столетий традиционных форм мировоззрения и мироощущения, но и то обстоятельство, что в Армении распространение христианства и церковное богослужение велось не на родном языке, а на чуждых и непонятных для широких народных масс языках – греческом и сирийском, к тому же зачастую проповедниками-иностранцами. Лишь незначительная часть народа, преимущественно знать, владеющая греческой и сирийской письменностью, могла понять суть и значение этой религии. Многие же, как сообщает историк Бузанд, приняли христианство по «принуждению, без ревностной веры, не сознательно, не с надеждой и верой, как подобало» [9, Кн. III, 13].

Это обстоятельство существенно мешало полнокровной и широкомасштабной деятельности Армянской церкви, процессу окончательного превращения ее в национальную церковь, повсеместному распространению христианства, превращению христианской религии в общенациональную веру, в духовное убеждение. Иными словами, будучи государственной религией, следовательно, и государственной идеологией в течение столетия, христианство не превратилось в ***общенациональную религию и общенациональную идеологию.***

Кроме того, хотя после раздела Армении обе ее части (особенно восточная) пользовались определенной внутренней самостоятельностью, однако вскоре обе соседние державы возобновили политику духовно-религиозной ассимиляции. Вполне естественно, что это, прежде всего, проявилось в сфере языковой политики. В персидской части Армении был наложен запрет на

греческий язык, являвшийся официальным языком Армянской церкви, учебно-образовательной системы, культурной деятельности, деловых сношений – внутренних и внешних, а в византийской части – на сирийский и персидский языки, выполнявших, особенно сирийский, идентичные функции. Каждая из держав стремилась посредством языкового фактора решить вопросы духовно-религиозного и идейно-политического характера, подчинить их своим стратегическим имперским интересам, в реализации которых Армении в силу ее географического и военно-стратегического расположения отводилась первостепенная роль. То есть проблема языка в конкретных исторических и политических условиях приобрела подчеркнуто политическое содержание и направленность, выйдя за рамки сферы культуры.

Кроме того, следует принять во внимание еще одно обстоятельство. Народные массы говорили, естественно, на армянском, знать и духовенство владели также греческим, сирийским и персидским языками. Царившее в стране многоязычие в тот исторический период не могло способствовать духовному единению нации. Для этого необходимо было, чтобы весь народ, все социальные слои говорили на одном – родном языке.

Армянские идеологи, правильно ориентируясь в сложнейших политических перипетиях эпохи, и, осознав веление времени, пришли к с точки зрения практической политики трудно воспринимаемому, но в смысле стратегического политического мышления концептуальному выводу, что для решения проблем национальной самозащиты и сохранения идентичности необходимо, прежде всего, придать армянскому языку статус официального языка церкви, а значит – и управления, политической и культурной, школьно-образовательной деятельности. Реализация же этой масштабной задачи с необходимостью предполагало создание национальных письмен, богослужебной и другой литературы на армянском языке.

По замыслу армянских политических деятелей и мыслителей создание национальных письмен было призвано, во-первых, укрепить позиции Армянской церкви и христианского вероучения в Армении, вывести страну и народ из своеобразного тупика. Во-вторых, создать своеобразный заслон на пути идейно-религиозной экспансии Ирана и домогательств покровительствуемой им сироязычной церкви – активной проводницы политики Сасанидов. В-третьих, усилить национальный характер Армянской церкви, предоставляя возможность на языковой основе проводить линию, отделяюшую ее от греческой церкви (тенденция отделения от общей христианской церкви, проведения самостоятельной церковной политики). В-четвертых, обеспечить язы-

ковой и духовный суверенитет Армянской церкви как залога суверенитета нации и национальной идентичности.

Отнюдь не случайно Восточно-Римская империя впоследствии усмотрела в этом проявление центробежных, сепаратистских устремлений Армянской церкви. Вместе с тем в империи, конечно, понимали, что нейтрализация в перспективе влияния сирийской церкви (соперницы греческой церкви, в том числе в борьбе за позиции в армянской церкви) на армянскую, уменьшение ее роли и ослабление позиции в религиозной жизни армян вполне отвечает интересам империи и греческой церкви. Что касается позиции Сасанидского Ирана, то он (как и империя) в тот период не мог вести активную внешнюю политику и вынужден был довольствоваться тем, что изобретение армянских письмен противоречило также интересам греческой церкви и империи. В итоге ***обе державы проявили ощутимую терпимость к созданию армянского алфавита, так как политическая чаша весов в принципе не склонялась в пользу ни той, ни другой из противоборствующих соседних держав.***

Таким образом, идея создания армянского алфавита явилась не «неизбежным» результатом общественного развития или естественным следствием социально-экономических, политических и цивилизационных сдвигов в IV–V веках [ср.: 2. СС. 38–39], а выражением оригинального политического мышления национальных деятелей и идеологов. Эта задача была блестяще выполнена в 405 году великим ученым и просветителем **Месропом Маштоцем** при активном участии армянского католикоса **Саака Партэва** и всемерном содействии царя **Врамшапуха** (388–414 гг.). В этом вопросе позиции царской и церковной власти полностью совпадали. Изобретение армянских письмен – результат объединенных усилий двух форм власти.

Однако вопрос создания армянских письмен в начале V века, то есть спустя столетие после принятия христианства в качестве государственной религии продолжает интересовать арменоведов. К тому же, более естественным и закономерным представляется создание алфавита непосредственно после принятия христианства, как это имело место у многих народов (коптов, славян и др.). Сложность проблемы заключается в том, что изобретение армянских письмен не только выдающееся культурное явление в жизни народа. В этом факте переплелись идейные, политические, национальные, церковно-религиозные, культурные и другие факторы, то есть он представляет собой комплекс проблем, решение которых требует комплексного подхода.

Сохранившиеся исторические сведения и соответствующая научная литература показывают, что идея создания национальных письмен сформировалась сразу после упразднения царства в западной, римской части Арме-

нии в 390–391 годах. Армянские идеологи сознавали, что подобное в недалеком будущем может произойти и с восточной частью Армении. То есть с самого начала указанная идея имела ярко выраженный национально-политический оттенок. По-видимому, при наличии единого государства Великая Армения и сильной церкви проблема национальных письмен не рассмятривалась бы как первоочередная.

В арменоведении бытовало мнение, согласно которому создание армянского алфавита и письменности было обусловлено необходимостью богослужения и распространения христианства, создания христианской литературы на родном языке, то есть сугубо нуждами церкви. Но эта проблема существовала непосредственно и после принятия христианства.

Хотя исследователи указывали и на политическое значение данного культурного феномена, однако не раскрывали суть его политического содержания. В этом смысле определенный интерес представляет точка зрения А. Мартиросяна, согласно которой «основные стимулы имели не религиозно-церковный, а национально-религиозно-политический характер, и не следует особо разделять их и выискивать грани различия», что изобретение «алфавита было порождено вовсе не необходимостью иметь церковную литературу на родном языке. Национальную письменность и национальную христианскую литературу призвали к жизни политические тенденции пробуждающегося национального самосознания и необходимостью организовать сопротивление надвигающейся опасности» [6. СС. 127 и др.]. Данная точка зрения, подчеркивающая национально-политические мотивы создания армянских письмен еще не получила должной оценки и раскрытия в арменоведческой литературе.

Мне представляется, что отмеченные концептуальные установки хотя и акцентируют действие различных факторов, тем не менее, они в принципе не противоположны, а ***составляют различные звенья и аспекты единой идейно-политической концепции по спасению страны и нации от нависшей угрозы.***

Кристаллизация идеи создания национальных письмен и их изобретения представляют длительный и трудный процесс, что было обусловлено не только и не столько языковой и культурной сложностью задачи, сколько наличием ряда препятствий общехристианского религиозного и идейно-политического характера. Без решения подобных проблем невозможно было даже приступить к решению более конкретной задачи – созданию письмен. При этом следует учитывать то обстоятельство, что упомянутая проблема тесно переплеталась с интересами Восточно-Римской империи и Сасанид-

ского Ирана. Следовательно, создание алфавита предполагало решение ряда сложных политических, межцерковных и дипломатических проблем

Так известно, что в христианском мире действовал следующий принцип: в западной части империи с Богом можно общаться только на латинском и греческом языках, а в восточной – на греческом и сирийском. Естественно, что церковная литература также создавалась только на этих языках. В обеих частях христианского мира запрещалось использование «третьего» языка, что рассматривалось как ересь, которая получила название «трехязычной ереси». Следовательно, позиция армянского церковного собора имела серьезную идейно-политическую и церковно-религиозную подоплеку.

Поэтому перед царем Врамшапухом и католикосом Сааком стояла более трудная задача: избежать обвинения со стороны христианского мира в «трехязычной» ереси и нейтрализовать противодействие действующих внутри Армянской церкви партий (особенно сирийской). Для выхода из сложившейся ситуации существовал один, хотя и неординарный путь – получить официальное согласие иерархов или сирийской или греческой церкви на создание национальных письмен, ибо только в этом случае они могли быть признаны законными и легитимными в христианском мире. Царь Врамшапух и католикос Саак остановили свой выбор на сирийской церкви, что можно объяснить следующими обстоятельствами:

1) В этот период позиции сирийской церкви в Армении были более сильными, чем греческой церкви.

2) В отличие от греческой сирийская церковь не имела государственно-политической опоры. Кроме того, сирийская церковь находилась в жесткой конфронтации с греческой.

3) По-видимому, учитывалось и то обстоятельство, что в то время западная часть Армении уже была включена в состав Восточно-Римской империи и полностью лишилась политической независимости.

Приведенные аргументы и соображения дают основание утверждать, что поездка Маштоца в сирийские религиозные и культурные центры (Эдессу, Амид, Самосат), обусловлена не столько культурными, сколько церковно-политическими соображениями. Его задача, как представляется, заключалась в том, чтобы убедить иерархов сирийской церкви и заручиться их согласием на проведение богослужения в армянской церкви на родном языке, и как следствие этого – право на изобретение национальных письмен. Тем самым нейтрализовалась бы опасность обвинения в ереси другими христианскими церквами, а сирийская партия в Армении уже не могла препятствовать созданию армянских письмен. Сказанное свидетельствует о том, что сирийская миссия

Маштоца была, прежде всего, церковно-политической и дипломатической, и он выступал в качестве личного представителя, посла армянского царя (возможно и католикоса). Этим можно объяснить высокий уровень приема со стороны светских и духовных предводителей Эдессы, Амида и Самосата.

Несомненно, что Маштоц во время переговоров с иерархами сирийской церкви должен был проявить незаурядные дипломатические способности, умение лавировать в тонких церковно-политических вопросах, глубокую осведомленность в межцерковных отношениях, в догматических различиях, нюансах, идейно-политических контекстах восточно-христианского мира. В противном случае ему вряд ли удалось бы выполнить возложенную на него миссию. Однако из-за отсутствия письменных свидетельств весьма трудно судить о конкретных аргументах, использованных Маштоцем в ходе переговоров.

Тем не менее, дальнейшая культурно-просветительская деятельность школы Саака Партэва и Месропа Маштоца, особенности армянских письмен и письменности, взаимоотношения Армянской церкви с Сирийской и Греческой церквами и многие другие обстоятельства позволяют в общих чертах обрисовать и реконструировать некоторые концептуальные установки, которыми руководствовались царь Врамшапух, католикос Саак Партэв и Месроп Маштоц.

Своим обращением к сирийским, а не к греческим епископам Армянская церковь выразила свое лояльное и уважительное отношение к сирийской церкви, следовательно, и к сирийскому языку как одному из официальных языков христианской церкви. Поэтому мы полагаем отнюдь не случайным, что на первом этапе деятельности армянской переводческой школы переводы осуществлялись преимущественно с сирийского языка, хотя отправной моделью для создания армянского алфавита принято считать именно греческий алфавит.

Иная ситуация сложилась в Армении в начале V века, то есть в период создания армянских письмен. Греческая церковь стремилась к гегемонии и за нею стояла государственно-политическая власть, вся мощь Восточно-Римской империи. Сирийская церковь продолжала оставаться мощной идейно-религиозной силой и имела сильные позиции в восточных провинциях империи и в самой Армении. Обе церкви проводили свою политику в Армении через соответствующие партии внутри армянской церкви и особенно через языки и богослужебную литературу. Это обстоятельство также должны были учесть армянские идеологи, в том числе царь Врамшапух, Саак Партэв и Месроп Маштоц. Таким образом, ситуация была намного сложнее, чем са-

ма проблема создания армянского алфавита и организация богослужения на армянском языке.

Изобретение национальных письмен, таким образом, явилось поворотным событием в культурно-исторической жизни армянского народа и было продиктовано следующими обстоятельствами: 1) потерей государственной целостности (сер. 80-х годов IV в.) и угрозой потери государственности как таковой, что и произошло в 428 году; 2) необходимостью создания мощного идеологического заслона с целью пресечения политико-идеологической и духовно-религиозной экспансии извне и, в первую очередь, со стороны маздеистской Персии; 3) потребностью широкого распространения и повсеместного внедрения в народное сознание христианской идеологии как единственного в то время дееспособного духовно-идеологического оружия; 4) потребностью ведения богослужения на родном и общепонятном армянском языке для обеспечения внутренного духовного и идейного единства народа; 5) необходимостью подготовки предпосылок для создания христианской переводной, а затем и оригинальной литературы; 6) для национальной самозащиты и сохранения единства нации, национальной идентичности, национального и церковного суверенитета .

Маштоц на основе тщательного изучения алфавитов многих цивилизованных народов и учета лучших принципов письма и графики создал алфавит более богатый по сравнению с использованными письменами, а также самобытные буквенные знаки. «Познать мудрость и наставления, понять изречения разума» – первые слова, написанные армянскими письменами на родном языке.

Изобретение армянского алфавита сыграло непреходящую роль в духовно-интеллектуальном развитии народа, создало мощный фундамент для равертываемой борьбы за духовную и культурную самобытность, а посредством этого и борьбы за «сохранение или восстановление национальной» или государственной независимости. Хотя этот осознанный культурно-исторический акт был «опосредован потребностями церкви и религии» [2. С. 39], однако они, в свою очередь, являлись порождением конкретной политической и идеологической ситуации в стране, будучи в конечном счете подчинены общенациональным интересам.

Создание национальных письмен позволило также избавиться от «засилья» греческого и сирийского языков, духовного, политического и идеологического влияния через эти языки соответствующих христианских церквей, что означало также ***создание своеобразного духовно-культурного заслона***

на пути политико-идеологической агрессии, стоящих за этими церквами держав – Восточно-Римской империи и Сасанидского Ирана.

После создания национальных письмен Маштоц при активном участии католикоса Саака Партэва и всемерном содействии царя Врамшапуха разворачивает бурную учебно-просветительскую и литературно-переводческую деятельность, открывает многочисленные школы для обучения армянским письменам. Центром образования и подготовки учительских кадров становится столица Армении – Вагаршапат, где обучали преимущественно придворную знать и азатов. По окончании учебы юношей отправляли в разные области Армении для обучения народа армянской грамоте и распространения христианства на родном языке. Маштоц во время своих многочисленных поездок по стране открывает армянские школы, а на месте существующих греческих и сирийских школ основывает армянские, сохранив, однако, обучение греческому и сирийскому языкам. Маштоц основал и первую в Арцахе (при Амарасском монастыре) школу (М. Каганкатваци). Естественно, что создаваемые в Арцахе школы по своим учебным программам, содержанию учебно-образовательного процесса, формам и методам преподавания были идентичны школам в других провинциях Армении.

Наиболее одаренных юношей направляли в научные и культурные центры Византии, Сирии и Александрии для совершенствования в науках, языках и подготовки к переводческой деятельности.

Важнейшим пунктом данной программы являлось обеспечение необходимой церковно-богословской литературой на родном языке. Естественно, что на первых порах речь могла идти о переводной литературе. Поэтому Месроп Маштоц и Саак Партэв со своими многочисленными учениками, получившими прекрасное образование в лучших греческих и сирийских научно-культурных центрах, приступили к переводу основных памятников церковно-богословской литературы, творений отцов церкви и, в первую очередь, Библии, дабы «облегчить просвещение своего народа» (*Корюн*). С этой же целью одаренную молодежь отправляли в Сирию, Византию. Перевод Библии способствовал превращению армянского языка в «общенациональный литературный язык, дал официальное признание живому разговорному языку и тем самым придал ему силу национального письменного языка… Своим авторитетом Библия ввела армянский язык в число других литературных языков того времени и помогла покончить с иноземным духовным засилием» [2. С. 41].

До середины V века армянские переводчики перевели с греческого и сирийского основную церковно-богословскую литературу, в частности, произведения видных христианских писателей – Василия Кесарийского (Вели-

кого), Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Евсевия Кесарийского, Ефрема Сирина, Григория Назианзина, Григория Нисского и др. В своей деятельности первая школа переводчиков руководствовалась строгой программой, включающей основные разделы христианской литературы – библику, герменевтику, апологетику, литургику, патристику, мартирологию и агиографию, канонику, историю. Переводная литература послужила основой для становления оригинальной армянской христианской литературы.

Переводная и оригинальная литература, созданная в первой половине V века, была призвана решать конкретные духовно-культурные и политико-идеологические задачи и была направлена главным образом против экспансионистской политики Ирана.

Вместе с тем, Месроп Маштоц и Саак Партэв понимали, что этого недостаточно, что необходимо расширить фронт борьбы и создать надежный тыл, чтобы суметь выстоять против внешней агрессии. Исходя из этих соображений, Маштоц приступает к созданию письмен для иверского и агванского языков, при поддержке правителей и церковных иерархов этих стран налаживает культурно-просветительское и переводческое дело. В значительной мере этому способствовало то обстоятельство, что церкви этих стран были тесно связаны с Армянской церковью и фактически «находились под той же угрозой.

Укрепив таким образом тыл, Маштоц сумел распространить армянские письмена и в римской части Армении (421–422гг.), добился того, что в армянских церквах богослужение впредь совершалось на армянском языке. Тем самым, были созданы предпосылки для обеспечения языкового и культурно-духовного единства всего армянского народа, языковой автономности, ослабления влияния греческого языка и литературы, а одновременно и идейно-политического подчинения.

Итак, был создан широкий фронт борьбы, развернуто мощное культурное движение за идейную и духовную самобытность, что было призвано компенсировать отсутствие государственности, рудиментарность и зыбкость политической независимости. В этом заключается гениальность трех титанов мысли, концепция их широкомасштабной деятельности. Врамшапух, Месроп Маштоц и Саак Партэв представляются взору современного исследователя как духовные и политические лидеры, идеологи нации, не только глубоко осознавшие роль и значение культурного, особенно языкового, фактора в сохранении самобытности национального бытия, но и планомерно и методично проводившие в жизнь свою программу. Иными словами, они не только теоретически, но и на практике доказали, что национальный язык, национальная культура являются неисчерпаемым стратегическим ресурсом нации,

способным компенсировать отсутствие государственности и политической независимости.

Благодаря этому христианство, **официально** принятое в стране столетием раньше, за короткий исторический период превратилось также в **господствующую и общенациональную** религию, а Армянская церковь стала выразителем и защитником общенациональных интересов, вследствие чего борьба за христианскую церковь и веру правомерно отождествлялась с борьбой за государственную и политическую независимость, национальную идентичность. Национально-освободительное движение армянского народа и осбенно Аварайрская битва (451г.) явилась материальной формой выражения сдвигов в национальном сознании. Мощный заслон на пути политико-идеологической экспансии заставил Сасанидский Иран фактически отказаться от проводимой им захватнической политики, а Армения вскоре приобрела статус полусамостоятельного государства. Позиции христианства в Армении значительно укрепились, а персидская угроза отошла на второй план.

Таким образом, создание армянского алфавита и письменности было обусловлено не только и не столько потребностями церковного богослужения и распространения христианства, создания христианской литературы на родном языке, то есть сугубо нуждами церкви. Основными факторами являлись не религиозно-церковные, а национально-религиозно-политические

Создание армянского алфавита вряд ли правомерно рассматривать и как результат закономерного общественно-политического и социально-экономического развития страны. В период после раздела Армении, потери гусударственного суверенитета вряд ли можно говорить о развитии (тем более закономерном) указанных сфер национальной жизни. Что касается обусловленности создания национальных письмен необходимостью создания христианской церковной литературы на родном языке, то эта проблема была более актуальной особенно после принятия христианства в качестве государственной религии, то есть столетием раньше. Кроме того, как показывает история других христианских народов церковь всегда стремилась управлять народом, направлять его, всячески подчеркивая свою богоизбранность и статус в том числе путем сакрализации официального языка церкви. Логика армянских политических деятелей и идеологов шла в противоположном направлении – развернув на базе армянских письмен мощное духовно-культурное и идеологическое движение обеспечить культурную самобытность, культурный «суверенитет» нации, гарантию духовно-культурной безопасности, национальной идентичности. Изобретение национальных письмен было призвано также послужить основой для развития высоких форм национальной

культуры – научной, философской, художественной и др., для подъема национального сознания и самосознания. Решение этой задачи также, в свою очередь, предполагало создание соответствующей школьно-образовательной системы. А это не только культурная, образовательная, но и общеполитическая задача. Следовательно, ***стержневым, определяющим фактором был фактор национально-политический, а остальные были производными и вспомогательными, а не наоборот.***

С 60-х годов V века на первый план выдвигается опасность духовно-идеологической экспансии со стороны Восточно-Римской империи. Победа диофизитской партии на Халкедонском соборе (451г.) повлекла за собой новую волну ожесточенной борьбы с монофизитскими церквами. Армянская церковь, не принявшая участие в работе Собора и уклонившаяся от официального объявления своей позиции в разгоревшемся споре, продолжала следовать решениям первых трех Вселенских соборов, и фактически находилась в поле критики диофизитов. Усиление конфессиональных споров внутри христианского мира, экспансионистских притязаний со стороны империи поставили перед Армянской церковью и идеологами нации новую задачу: определиться в выборе религиозно-идеологической и церковно-политической ориентации, выработать соответствующую идейную концепцию, что, в свою очередь, предполагало наличие соответствующей системы духовно-культурных ценностей.

В противостоянии с маздеистским Ираном многое было ясно и понятно, образ противника был явственно очерчен, чему способствовала военно-политическая агрессия и неприкрытая ассимиляторская политика Сасанидов. Иначе обстояло дело с христианской Византией особенно после того, как христианство стало общенациональной религией армян. Конфронтация с весьма опытным идейно-религиозным противником из христианского же лагеря была в этом смысле более трудной. Она требовала больших духовных и интеллектуальных усилий, логической и философской виртуозности, утонченности мысли, учета тончайших конфессиональных и мировоззренческих нюансов, умения конструировать на этой основе логически стройную и теоретически обоснованную систему воззрений. Армянским идеологам предстояло дать идейно-теоретическое и логическое обоснование своего понимания христологической и тринитарной проблем в рамках того же вероучения. А так как идейно-религиозная борьба между христианскими церквами основывалась также на широком использовании античного логико-философского инструментария, то это, в свою очередь, предполагало выработку и соответствующей теоретической ориентации и базы. Возникла необходимость в

форсированном развитии таких научных дисциплин как грамматика, риторика, логика, философия и другие, без которых невозможно было дать рациональное осмысление и решение теологических проблем, что и обусловило «необходимость создания специальной философской и иной светской научной литературы» [2. С. 149].

Предпринятые армянскими идеологами и теоретиками в этом направлениии шаги были адресованы главным образом ***потенциальному*** идейному противнику. Не будучи уверенными в окончательном исходе борьбы между церковно-религиозными партиями в империи, армянские идеологи и теоретики стремились создать прочную теоретическую и духовно-интеллектуальную базу ***независимо от того, с кем придется иметь дело: с официальным диофизитством или все еще сильным монофизитством.*** Важно было другое: быть идейно и теоретически подготовленными к конфессиональным спорам с византийскими теологами, к защите идейных основ национальной церковно-религиозной концепции, идеологического суверенитета.

Естественно, что в свете указанных общенациональных задач армянские теоретики и идеологи не могли довольствоваться античным наследием, полученным из вторых рук через труды византийских мыслителей и отцов восточнохристианской церкви, после соответствующей обработки и трансформации в лоне византийской философской мысли. Необходимо было самим непосрелственно обратиться к сокровищнице античной мысли, создать научно-литературную и учебно-образовательную базу для приобщения к античному наследию на армянском языке в самой Армении, включить его в школьно-образовательную систему, что обеспечило бы его широкое распространение и включение в систему национальной культуры. Эта задача была выполнена армянской грекофильской (эллинофильской) школой, представители которой – **Давил Керакан** (Vв.), **Лазар Парбеци** (Vв.), **Мовсес Хоренаци** (Vв.), **Давид Анахт** (V–VIвв.), **Анания Ширакаци** и многие другие, получили блестящее лля своего времени образование в научных и культурных центрах эллинистического мира – Александрии, Эдессе, Константинополе, Афинах.

В период деятельности армянской грекофильской (вторая половина Vв. – начало VIIIв.) в Армении начинается очередной подъем эллинистического начала, расцвет эллинизма, в то время как на греческом и латинском Западе эллинистическая культура претерпевала упадок. С одной стороны, Восточно-Римская империя (Византия) традиционно считается главной и естественной наследницей древнегреческой культуры, с другой – в течение V–VI веков там были закрыты все центры и школы эллинистической образо-

ванности, науки и культуры. Примечательно, что как и во времена Тиграна Великого, преследуемые в Византии сторонники эллинистической образованности и культуры находили приют в Армении и Персии.

Появление армянской грекофильской школы, однако, нельзя объснить лишь конфессиональными спорами, так как без подготовленной «первыми переводчиками» и мыслителями теоретико-методологической почвы ее деятельность протекала бы по крайней мере иначе, в других формах. Сформировавшаяся в первой половине V века традиция заключала в себе внутренние потенциальные возможности теоретического обоснования деятельности грекофильской школы, которая затем приобрела собственную логику развития.

Но именно древнегреческая и эллинистическая наука и культура стали одним из основных источников становящейся армянской христианской культуры, своеобразным мерилом культурного развития, критерием научности. В этот же период Армянская Апостольская церковь постепенно приобретала национальный характер, отмежевываясь в своей деятельности от влияния греческой (и сирийской) церкви и выражала в условиях отсутствия собственной государственности национально-политические и государственнические интересы нации.

Деятельность грекофильской школы шла в следующих основных направлениях:

1. **Переводческая,** предполагающая наличие национальной письменности. Она находится в прямой зависимости от того, какие цели преследовались, какие задачи ставились и решались при этом, насколько глубоко она затрагивала научно-философские и культурные традиции, тип и стиль мышления, систему школьного образования (при ее наличии), потребности культурно-исторического и духовно-интеллектуального развития народа.

При наличии разработанной программы переводческая деятельность обычно носит целенаправленный и системный характер, что, в свою очередь, предполагает всестороннее и основательное знание античного наследия, приложение значительных творческих усилий по подбору подлежащих переводу памятников, отвечающих потребностям интеллектуально-образовательной жизни страны. Таким образом, составление программы, выбор и сам процесс перевода требовали не только высокой языковой и философской культуры, творческого подхода, свободного «лавирования» в богатейшем античном наследии, но и национально-политической концепции.

Армянские грекофилы, получившие первоклассное эллинистическое образование, в совершенстве владевшие армянским, греческим и сирийским языками, перевели значительное количество памятников античной науки,

философии и литературы, что послужило основой для: а) разработки армянской научно-философской терминологии, б) создания оригинальной научно-философской литературы и в) организации учебно-образовательного процесса. Эти тенденции, в свою очередь, стимулировали арменизацию переводимых сочинений, что проявилось, в частности, в замене греческого иллюстративного материала армянским, в включении целых пассажей, приближающих текст к армянской действительности и способствующих его лучшему восприятию и усвоению национальным сознанием.

Особую ценность представляют переводы тех памятников античности, оригиналы которых или утеряны, или же сохранились в неполном и искаженном виде. Значение древнеармянских переводов не ограничивается их культурно-исторической ценностью. Благодаря принципу буквального, материального перевода, высокой философской культуре и блестящему знанию языков армянские грекофилы обеспечивали высочайшую точность переводов, что позволяет на их основе уточнить греческие оригиналы сочинений Аристотеля, Порфирия, псевдоаристотелевских работ «О мире» и «О добродетели» [10; 2. С. 200]. Вместе с тем, переводы целиком или частично утраченных греческих оригиналов приобретают значение первоисточников, без которых ряд страниц мирового историко-философского и вообще культурного процесса невозможно осветить.

Анализ переводной продукции грекофильской школы позволяет выделить три основные группы: а) выдающиеся памятники античной научно-философской мысли (труды Аристотеля, Платона, Дионисия Фракийского, Филона Александрийского, Порфирия и др.), б) произведения раннехристианских мыслителей, не порвавших с традициями античного теоретического мышления (Кирилл Александрийский, Григорий Нисский, Василий Кесарийский, Немесий Эмесский и др.), в) философско-богословские трактаты известных теоретиков христианства (Тимофей Элур, Евтихий Константинопольский и др.).

2. **Комментаторская научно-философская литература.** В многочисленных «толкованиях», «анализах», «комментариях», созданных в тот период грекофильской школой, можно выделить три широких пласта: а) комментарии, цель которых состояла в том, чтобы сделать удобопонятными отдельные понятия, идеи или положения комментируемого источника, ввести их в философский и культурно-образовательный обиход эпохи, б) комментарии, ставящие задачу объяснить, истолковать основную понятийно-категориальную систему, фундаментальные для данного трактата и соответствующей области знания положения и идеи, отражающие основное содер-

жание, внутреннюю логику и структуру комментируемого труда, перевести их на язык эпохи. Вследствие этого предметом восприятия и усвоения становится произведение в целом, как целостный феномен вписываясь в научный и культурный контекст эпохи, в) литература, в которой толкование, анализ, комментарий выступают в качестве литературной формы, исследовательского метода, посредством которых философы, отталкиваясь от положений античных авторов, излагали свои взгляды, свое видение и понимание проблем на основе античных и национальных культурных и философских традиций. В этом случае происходило своего рода углубление, развитие, детализация античных теорий, то есть актуализация теоретических и идейных потенций античной мысли в новых культурно-исторических условиях. При этом, во всех трех случаях подлежащие толкованию положения и понятия имеют как выборочный, так и системный характер.

Самостоятельная научно-философская литература, в которой также можно выделить следующие группы: а) произведения, опирающиеся на идущие из античности философские традиции, б) произведения эклектического характера, в которых античное и христианское начала мирно сосуществуют, в) произведения, созданные на основе творческого переосмысления и синтеза античного научно-философского наследия и национальной философской мысли и представляющие более или менее разработанную систему знаний.

Многогранная и плодотворная деятельность грекофильской школы в упомянутых направлениях способствовала включению античного научно-философского и культурного наследия в контекст формирующейся армянской христианской культуры, превращению его в достояние национальной теоретической мысли и культурологического мышления, обогащению учебно-литературной базы армянских школ, особенно высшего типа, в мощный стратегический ресурс нации.

Сказанное отнюдь не означает, что лишь в этот период и благодаря грекофильской школе армянская интеллигенция стала приобщаться к античной науке и культуре. С трудами и учениями античных авторов образованная часть армянского общества была хорошо знакома задолго до создания армянской письменности, тем более, – деятельности грекофильской школы. Речь здесь идет, с одной стороны, об усвоении и распространении наследия античности на базе национальной письменности как в научных, так и учебно-просветительских целях и адресованного более широким слоям общества, с другой стороны, о включении этого наследия в новую мировоззренческую, идеологическую, культурную, морально-психологическую, школьно-образовательную систему ценностей, принципов и норм, обусловленных, в свою

очередь, политико-идеологическими процессами и связанного с ними исторического акта принятия христианства в качестве государственной религии.

Подъем эллинистического начала в армянской культуре в период его повсеместного спада в научной литературе обычно объясняется существующими в стране эллинистическими традициями и потребностями, возникшими в связи с обострением церковно-богословских споров в середине V века. Но и в этом случае остается открытым вопрос: почему Армянская Апостольская церковь, превратившаяся к этому времени в мощную политико-идеологическую силу, дала «зеленый свет» наследию античности. Если речь идет об извлечении логико-теоретического инструментария, то эта задача была в достаточной мере решена уже в рамках армянской патристической философии, в частности, в сочинениях Езника Кохбаци и Егише, что наблюдается также в трудах восточных и западных представителей этого направления. Кроме того, и латинские и греческие теологи находились, по сути дела, в идентичном положении.

И как бы парадоксально ни звучало, но происходящие в Армении и Византии реальные процессы позволяют утверждать, что ***армянские грекофилы более творчески и более непосредственно обращались к греческому культурному и особенно научно-философскому наследию, чем сами византийские авторы.*** Нам представляется, что именно различие в формах наследования и использования этого наследия создавало необходимые идейно-теоретические предпосылки для реализации различных культурных, а через это – и политических задач, что, в свою очередь, подготовляло теоретический фундамент для противостояния византийскому культурному, идеологическому и наконец – политическому экспансионизму. Следовательно, ***борьба за идеологическую и политическую независимость сопровождалась борьбой за культурную самобытность, что в условиях Армении зачастую приобретала форму опосредованной, «снятой» конфронтации с политикой, проводимой соседними державами, и, в первую очередь, византийской, в области культуры, науки, философии и образования.***

Так или иначе, но в V–VII веках в Армении наблюдается усиление эллинистического начала, светской культуры. Даже тогда, когда при Юстиниане I Великом в Византии был положен конец эллинистическим традициям, в Армении они не были прерваны. Данное явление можно объяснить лишь с учетом ряда обстоятельств и факторов:

1) Наличием в Армении многовековых эллинистических традиций, охватывающих различные сферы общественной и культурной жизни страны, системы государственного устройства и правления. В этом (и только в этом)

смысле следует говорить о естественном и органичном продолжении армянской эллинистической культуры и вообще эллинистических традиций как одного из основных внутренних факторов появления данного феномена.

2) Тем, что эти традиции выступали как средство для эффективной идейно-теоретической борьбы против халкедонитов, как реакция «на углубляющуюся вероисповедную и вообще идеологическую борьбу армян с византийцами» [3. С. 20].

Действительно, обострение конфессиональных споров в середине V века явилось одним из внешних факторов, стимулировавших деятельность грекофильской школы и укрепивших эллинистический дух в армянской культурной среде. Вышеприведенные соображения дают основание для признания еще одного компонента, придающего политический оттенок как деятельности грекофильской школы, так и эллинистической культуре Армении того времени в целом. *Это –* ***усиление духа античности в период его упадка в Византии, что обеспечивало научно-философскую и вообще культурную автономность, самобытность, независимость от византийской теоретической мысли и что прикрывало еще один, хотя и опосредованный канал, идейно-теоретического влияния и политики духовно-религиозного подчинения, проводимой могущественным соседом.***

Наличие указанных факторов обеспечило Армении то специфическое место, которое она занимает в истории цивилизации в смысле отношения к античному наследию и формам его усвоения и развития. Они же явились теми стимулирующими причинами, которые привели к тому, что «в культурном развитии феодализирующейся Армении не было перерыва и резкого отрыва христианской культуры от «языческой» – эллинистической культуры» [3. С. 8]. Кроме того, «V–VII вв. были временем, когда в древнем мире единственным хранителем синтезированной с ***христианской культурой»*** античной культуры являлась Армения.

«Безболезненность», сама возможность такого культурно-научного явления, «крена» в эпоху усиления христианского мировоззрения и политико-идеологического статуса церкви в раннесредневековой Армении объясняется наличием комплекса «внешних» факторов, затеняющих в данную культурно-историческую эпоху «внутренние» закономерности. Поэтому смещение акцентов, уровней задач и целей не воспринималось как нечто неприемлемое, тем более, что предпринятые в этом направлении шаги в конечном счете служили одной конечной цели – сохранению культурной самобытности народа, духовного единства, национальной идентичности, возрождению политической назависимости и государственной самостоятельности, т.е. цели,

которую преследовала в своей деятельности Армянская церковь и ее идеологи, передовая и патриотически настроенная часть армянской нации [8, с. 53].

Следует оговориться, что сказанное отнюдь не умаляет культурно-исторического значения византийской цивилизации и ее самобытности. Оно не означает также возрождения в той или иной форме распространенной в свое время концепции, рассматривающей византийскую культуру, как регресс по сравнению с культурой античной, как слабую реминисценцию последней. Вместе с тем, византийскую культуру периода перехода от античности к средневековью не следует рассматривать и с точки зрения теории континуитета, то есть непрерывного развития [5. С. 10].

Здесь речь идет лишь о некоторой ***специфике путей формирования христианской культуры в Армении и Византии, о различиях, наблюдаемых в формах усвоения и включения античного культурного наследия в новую систему духовных ценностей, новое – христианское мировоззрение.***

* * *

Первая национальная школа была основана Месропом Маштоцем при поддержке католикоса и царя. В различных областях Армении открывались многочисленные школы, а функционирующие до этого греко- и сироязычные школы превращались в армяноязычные с сохранением преподавания греческого и сирийского языка.

Помимо языков, в новооткрытых национальных школах изучали арифметику, историю, музыку, богословские дисциплины, приобщались к естественнонаучным знаниям. В армянских школах обучение буквам и искусству счисления проходило одновременно – буквы армянского алфавита имели как фонетическое, так и арифметическое значение. В школах высшего типа (вардапетаранах) содержание обучения включало также предметы тривиума – грамматику, риторику, философию, литературу. Ученики приобретали и определенные педагогические навыки и умение.

Новооткрытые учебные заведения по их уровню и назначению можно подразлелить на школы, училища, семинарии и вардапетараны. Первоначально они открывались государством и церковью, а с низложением династии Аршакуни – при содействии церкви и общины. В начале V века в духовно-интеллектуальной жизни страны важную роль играли государственно-светские школы, находящиеся пол опекой и на содержании государства и предназначенные для относительно более широких слоев общества. Доминирующее положение занимали также духовные школы – церковно-монастырские, в которых и, особенно в монастырских высших школах, учебно-образовательная и воспитательная работа находились на сравнительно более

высоком уровне. Здесь, помимо изучаемых в государственно-светских школах предметов (правописание, арифметика (логистика), музыка, религия), обучали также грамматике, риторике, философии, богословию и т.д. Эти специальные учебные заведения – вардапетараны, функционировали отдельно от начальных (элементарных школ). К числу известных вардапетаранов V–VII веков относились школы Арарата, Сюника, Аршаруника. После успешной сдачи выпускных экзаменов слушатели получали ученую степень вардапета и право на самостоятельную преподавательскую работу и проповедничество.

После ликвидации Армянского царства (428г.) государственно-светские школы были закрыты. Вместо них в VI–VII веках основываются новые церковно-монастырские и частные школы, содержащиеся на общинные средства.

Важной формой высшего образования и приобщения к достижениям мировой науки и культуры оставалась отправка талантливой молодежи в западные центры науки и просвещения.

Тем не менее, в V–VII веках произошли определенные сдвиги в области преподавания «семи свободных искусств»: предметов тривиума-грамматики, риторики и логики и наук квадривиума-арифметики (теории чисел), геометрии, музыки (теории музыки) и астрономии. Важную роль в деле внедрения «квадривиума» в систему высшего школьного образования сыграла естественно-математическая школа Анания Ширакаци.

Церковно-монастырские школы были доминирующими вплоть до IX века, то есть до создания Багратидского царства. В этот период светская школа отступила на второй план, а в некоторых областях и вовсе перестала функционировать. Содержание образования, обучения и воспитания в них в основном носило религиозно¬этический характер.

С конца IX века вновь окрываются светские школы. Государство само организовывало и финансировало школьное дело, определяло круг изучаемых предметов, всячески заботилось о распространении образования и просвещения. Существенному изменению подверглось содержание образования и обучения. Наряду с доминирующими в системе образования «тонкими» (или «внутренними»), то есть духовными науками, большое внимание начинают уделять изучению также «внешних» (светских) наук – граматики, логики, философии, естественно-математических дисциплин, медицины, теории календаря и т.д.

Существовавшие в раннесредневековой Армении различные школы можно классифицировать следующим образом. По характеру они делились

на духовные и светские, по форме – на государственные, общинные, монастырские, церковные, частные – домашние, по степени – на начальные (элементарные), средние и высшие. К светским школам относились государственные, общинные, частные, к духовным – монастырские и церковные.

Почти все крупные мыслители и педагоги, а также общественно-политические и духовные деятели этой эпохи в той или иной степени затрагивали вопросы образования, обучения и воспитания или сами занимались преподавательской деятельностью. Выдающимися представителями культурно-просветительской и педагогической мысли этого периода являются Саак Партэв, Месроп Маштоц, Мовсес Хоренаци, Давит Анахт, Анания Ширакаци, Степанос Сюнеци и др., которые в своих воззрениях аккумулировали педагогические идеи своей эпохи, той или иной школы или идейного направления. Разумеется, развитие педагогической мысли как по форме, так и по содержанию, как в этот, так и в последующие периоды не всегда протекало по восходящей линии, а было обусловлено конкретными социально-политическими и историческими условиями.

Таким образом, идеологи армянского нарыла сознавали, что стремление к национально-культурной самобытности можно осуществить только путем усвоения общечеловеческих ценностей, но проведя их через призму национального сознания и систему национальных ценностей, творчески переосмысливая их и включая в контекст задач, периодически встающих перед нацией и ее идеологами. Только в этом случае возможно создать действительно самобытную национальную культуру – жизнеспособную и действенную, способную решать разнородные проблемы национального бытия. Самобытность не исключает, а наоборот, предполагает творческое заимствование, взаимовлияние, следовательно, и взаимообогащение культур. Ярким свидетельством этому является многовековая история культуры армянского народа, которую можно представить как один из множества вариантов постоянного синтеза различных культурных традиций и ценностей, а Армению как место встречи и скрещивания начал Востока и Запада. Более того, указанный процесс имеет не столько естественный или стихийный характер, сколько значение важнейшего теоретико-методологического и идейно-политического принципа.

Программной сверхидеей, пронизывающей все политическое мышление армянских деятелей, как светских, так и церковно-религиозных, была идея государственной целостности, национального единства, а с их потерей – восстановления национальной, политической и государственной независимости. То, что было потеряно в реальной государственно-политической сфе-

ре, они стремились сохранить в сознании армянского народа, отсутствие государственной целостности и политической независимости заменили идейным, языковым и культурным единством народа. Важная роль в этом процессе школьно-образовательной системе и воспитанию.

Сказанное имеет не только историко-познавательное значение, оно одновременно может послужить живым уроком, образцом и для нашего поколения. Деятели Армянской Апостольской церкви и культуры в течение веков, фактически, выступали и как политические мыслители, носители национально-политической программы, способствуя обеспечению культурной, а опосредовано, и политической независимости. Этой цели были подчинены все сферы духовно-культурной жизни, в том числе наука, философия, искусство, и особенно, школьно-образовательная система и др.

Из вышеизложенного следует, что V–VII века являются переходными в культурном и научно-философском развитии Армении. Именно в этот период происходит своеобразный синтез национального, античного и христианского начал, в результате чего формируется самобытная национальная культура с сильно выраженным античным духом. Подобную направленность армянской культуры, как уже отмечалось, трудно объяснить одним лишь культурным фактором, прогречской культурной ориентацией.

Отмеченные методологические принципы и концептуальные идеи нашли отражение в политических учениях мыслителей раннесредневековой Армении. Благодаря им был создан методологический инструментарий, теоретическая база, способствующая осмыслению национально-политического бытия, фундаментальных религиозно-идеологических и политических сдвигов в регионе и в мире. Разработанные в этот культурно-исторический период методологические принципы, научно-философский арсенал знаний были творчески усвоены и развиты в эпоху высокого армянского средневековья.

В условиях отсутствия политической независимости и государственного суверенитета армянские мыслители и деятели придали политическую и стратегическую направленность духовно-культурному и идеологическому факторам. Эта тенденция выразилась, в частности, в создании в эпоху Тиграна II Великого ***политической концепции культуры*** – понятие, которое необходимо различать от понятий ***культурная политика***, ***политика в области культуры*** и других подобных понятий.

Последовательное осуществление политической концепции культуры придало развитию национальной культуры программный и целенаправленный характер, благодаря чему удалось сохранить духовно-культурную ***самобытность и безопасность*** народа – национальный образ жизни, традици-

онную систему ценностей, историческую память и национальную идентичность, что опосредовано означало также защиту национальной безопасности и национального суверенитета. Наличием такого концептуального мышления можно объяснить то обстоятельство, что даже в условиях отсутствия государственной и политической независимости армянский народ сумел создать богатейшую духовную культуру, через национальные достижения обогатив сокровищницу мировой цивилизации. Благодаря этому то, что было потеряно в реальной государственно-политической сфере народ сумел сохранить на уровне национального сознания и самосознания, приобретавших значение политических идеалов.

В истории армянского народа государственная политика в силу исторических условий зачастую уступала место национальной политике, носителем которой вследствие специфики истории нации выступала Армянская Апостольская церковь как единственный общенациональный институт. Поэтому не случайно, что национально-политическая проблематика часто приобретала форму национально-церковной проблематики: политическая мысль решала проблемы защиты интересов и безопасности нации, национальной идентичности под оболочкой церковно-политических проблем и наоборот.

Перечисленные фундаментальные факторы на протяжении многих столетий обусловили содержание и форму армянской политической мысли, политической культуры в целом, политологический инструментарий, операциональные методы и способы, которые в своей совокупности были нацелены на осмысление наличного политического бытия нации и осуществление национального бытия-цели – восстановление политической независимости и национальной государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агатангелос*. История Армении. История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. Статья и комм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. Ер., 2004.
2. *Аревшатян С.С.* Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв). Изд-ие 2-е, перераб. Ер., 2016.
3. *Еремян С.Т.* Характеристика эпохи // Культура раннефеодальной Арменн: IV–VII вв. Ер., 1980.
4. История армянского народа. Т. II. Ер., 1984. (на арм. яз.)
5. Культура Византии: IV – первая половина VII в. М., 1984.
6. *Мартиросян А*. Маштоц. (Историко-критическое обозрение). Ер., 1982. (на арм. яз.)
7. *Мирумян К.А*. Культурная самобытность в контексте национального бытия. К формированию политической концепции культуры в Армении. Ер., 1994.
8. *Мирумян К.А*. Становление естественнонаучной мысли в Армении.Ер., 1991.
9. *Бузанд Фавстос*. История Армении / Пер. с древнеарм. и комм. М.А. Геворкяна. Ер., 1953.

10. *Conybeare F*. A collection with the Anciant Armenian version of the Greek text of Aristotels Categories etc., Anecdota Oxoniensia. Oxford, 1982. Ñì. òàêæå: Àðåâøàòÿí Ñ. Ñ. Óêàç. ðàáîòà. Ñ. 200.

ՈՒՍՈՒՄՆԱԿՐԹԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԸ ՎԱՂ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ ՈՐՊԵՍ ԱԶԳԱՅԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԳՈՐԾՈՆ

Կ.Ա. Միրումյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում հիմնավորվում է այն միտքը, որ դպրոցական գործն ու լուսավորության տարածումը քրիստոնեությունը պետական կրոն հռչակելուց /301 թ./ և գրերի գյուտից /405 թ./ հետո կատարվում էր հայոց թագավորի և կաթողիկոսի անմիջական մասնակցությամբ: Ավելին, ուսումնակրթական համակարգը դարձավ պետական քաղաքականության բաղկացուցիչ մասը և կոչված էր ապահովել ազգի հոգևոր-մշակութային ինքնությունն ու ինքնապաշտպանությունը: Քրիստոնեական կրոնն ու դպրոցը դիտվում էին իբրև հզոր ռազմավարական միջոց ազգային-քաղաքական խնդիրների լուծման համար:

Հիմնաբառեր՝ դպրոց, լուսավորություն, կրթություն, հոգևոր-մշակութային ինքնություն, ազգային ինքնություն և ինքնապաշպանություն:

THE SCHOOL EDUCATIONAL SYSTEM AS A FACTOR OF NATIONAL POLICY IN EARLY MIDDLE AGES ARMENIA

K. Mirumyan

ABSTRACT

The article analyzes the status of the school and the education in early Middle Ages Armenia, in particular, in period which comes after the adoption of Christianity as a state religion (301 A.D.) and after the invention of Armenian (405 A.D.). It argues that the Armenian king and the Catholicos were directly involved in the process of schools' development as well as in the enlightenment streams in the country. Moreover, the creation and the development of the school educational system itself became one of the most important components in king's state policy implementation. The latter was aimed to secure the cultural and national identity of Armenians, as well as their self-defence. In this context, the school and the religion served as a powerful strategic resource for reaching most of the national-political goals.

Keywords: school, enlightenment, education, cultural identity, national identity and self-defence.

CULTURE AS A STRATEGIC RESOURCE FOR ARMENIANS AND THE REPUBLIC OF ARMENIA[1]

H. Sarkisyan, A. Gabrielyan

gabrielyanakop@gmail.com, politicRAU@yandex.ru

ABSTRACT

The entire complex of activities and customs, that constitutes the religious, socio-behavioural, economic, and worldview basis of culture, can be generally divided into two large groups: defensive and offensive ones. Defensive cultures are more focused on a group itself and are aimed at preserving historical identity, whereas offensive culture is related to the export and spread of core cultural values, including material and non-material goods. Today both the Republic of Armenia and the Armenian Diaspora do not use their entire potential to maximize the utility from the cultural wealth that they own. The Diaspora is more successful in a sense of promoting Armenian culture at informal levels, however, lack of coordination between the Republic and the Armenian communities around the world harden the possibility to systematize “offensiveness” of the culture.

Keywords: Defensive, offensive culture, the Republic of Armenia, Armenian Diaspora,systematization.

If a war is the continuation of politics, the politics is the continuation of national culture.

1. Socio-historical perspective of understanding Culture as a strategic resource

As the Cambridge dictionary suggests, culture is the way of life that includes general customs and worldview of a group of a people in a particular period [1], which usually has a long-time extension. In a less broad sense, culture is a complex of activities, including arts and philosophy, which play an important role for the development of civilization and of people's minds [2]. Starting from these two broad but precise definitions of culture as socio-historical notion, one can infer that culture becomes an essential factor in particular periods of state and societal development, gaining strategic importance. The Armenian experience, as the experience of Armenian people, may serve as a vivid example in this respect.

[1] Статья опубликована в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)», при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ на 2016–2017гг.

First, it should be clear that the experience of Armenian people, understood as a cultural heritage of the nation, is broader than the same experience of the current Republic of Armenia, as the latter has only 26 years of existence, whereas the experience of Armenians counts more than 20 ages. Having no statehood for centuries, the Armenian people were able to consolidate around a set of core values and principles which constitute the backbone of Armenian culture, such as the Armenian Christian Miaphysitism, acceptance of which is considered as "probably the most crucial step in its history" (Garsoian, 1997: 81), or the Armenian alphabet, introduced in 405 AD by an Armenian statesman MesropMashtots. On the one hand, the importance of cultural factor is paramount for the internal consolidation of a society, for self-consciousness of people, when the core elements of the culture help people define their socio-historical "DNA", and unite them based on value and spiritual solidarity (Hall, 1993: 349–363). Historically, the holding power of internal consolidation gave people a possibility to identify their originality compared to other existing peoples, communities and groups. This cultural distinctive originality, or identity [3], could be based on many factors and elements, such as faith and language, as mentioned above. On the other hand,as a sensual continuation of understanding of own identity, the cultural factor becomes crucial for people's relationship with the external world, e.g. for defining their own place in, and "introducing" ownself to the world, for the external spread of own culture and, via culture, of own influence (Hall, 1996: 596–632). The Armenian people, whose historical cultural heritage counts more than 2 millennia, should have a huge experience in spreading that influence, however it is not always a rule per se.

The entire complex of activities and customs, that constitutes the religious, socio-behavioural, economic, and worldview basis of culture, can be generally divided into two large groups: defensive and offensive ones. Correspondingly, we can distinguish between defensive and offensive cultures. Defensive cultures are those which help a group of people develop, crystalize, and maintain their originality for internal purposes. Defensive cultures are more focused on a group itself and are aimed at preserving historical identity by passing core cultural values of the group from one generation to the other.In contrast, offensive cultures are those which are not limited to the boundaries of particular region or nation-state and proclaim the necessity of borderless dissemination. The export of core cultural values, material and non-material attributes is a necessary condition for offensive culture. Even though the distinction between defensive and offensive cultures may seem too formalistic and artificial, and the borderline between them is usually blurred, the very distinction helps us consider more closely how the transformation from defensive to offensive culture occurs on both formal and informal levels, and

how it may occur in Armenian case. Perhaps, the best examples of these two groups of culture are the policies of the United States, and Japan respectively. In the first example the transition from defensive (protectionism, non-interventionism, and "entangling alliances with none"(Jefferson, 1801) to offensive culture was made voluntarily when the general accumulation of cultural wealth, political and economic might prompted the United States to release 'internal energy' and expand their influence from the first half of the last century, thus beginning to export what is largely-known today as 'American culture' with its all corresponding features (Levin, 2011: 2–41; Kennedy, 2002: 57–76) [4]. In contrast, Japan's defensive culture, known as Sakoku (meaning 'closed country'),was in power until external demand and influence eroded its cultural and commercial seclusion by the mid-50s of the 19th century [5]. In both examplesonce defensive culture has been changed into offensive one, it remained in the given status.It is difficult to identify, if the history knows any example of reverse action, i.e. when the offensive culture is replaced by its defensive opposition.

After the World War II it is more than a half of a century both American and Japan cultures are open, are intensively promoted and satisfy not only the demands of own societies, but also are sufficiently powerful to extend influence abroad.In this sense, culture is also widely considered as one of the primary sources of soft power, a well-known approach in international and domestic policies, thanks to J. Nye (Nye, 2004). Playing a vital role in contemporary foreign affairs, soft power is a mean of influence through and by cultural component, where cultural and political attractiveness, political values are measured. According to the global index of Soft Power for 2016, the United States and Japan occupy the first, and the seventh positions respectively,thanks to their perception abroad (McClory, 2016).

Today both countries serve as a good example of how mass and high culture of a particular group or country can be widely recognized around the world and become an often-applied attribute of foreign affairs and non-violent expansion. This expansion presumes appliance of a wide spectrum of activities at formal and non-formal levels. The activities of various state cultural and educational institutions, centres, and organizations, which deal with promotion of positive image of a country via numerous cultural and economic measures, constitute the basis of formal cultural expansion. Educational organizations, state media, public agencies and other entities like USAID (USA), *Rossotrudnichestvo* (Russia), *Confucius* In*stitutes* (China), *British Council* (UK) serve, perhaps, the best example of how cultural influence can be systematized at formal state level.

Non-formal cultural expansion, i.e. the one that is not directly controlled by or linkedto a state or government, is realized through NGOs, social networks, groups of interest, and institutions of popular culture which produce material and non-material goods. The latter are very often similarly useful to promote culture, as the material goods, especially when it comes to the current generation of consumers. To put it simply, viral "Gangnam Style" by the South Korean rapper PSY, that has almost 3 billion views in YouTube service, has no less success in promoting South Korea than the famous South Korean Samsung. It is even considered as the "biggest cultural export" of the country (Kim, 2012: 2).Here, numerous examples can be brought: from film production to sports industry; from recognized think-tanks to alternative media and social nets; from word-known shopping brands to new but aggressively developing commerce companies, which conquer thematic markets and all serve as promoters of specific culture, usually linked to a particular country. Hence the question of formal belonging of these 'cultural disseminators' is tied not only to the question of where their financing comes from, but also to the matter of values which they defend and disseminate, as the latter are also always associated with particular country. The activities of non-formal cultural actors usually lead to the same results as the actions of state agencies: The logic of their activities leads to a raising interest not only towards their brand but also towards the country of origin. Thus, directly or indirectly, they serve for a good of a country which they represent in general sense: German, Mexican, Indian, Japanese, Australian, or any other entity that unwillingly or consciously promote the attractiveness of the culture, represented by their brand, becomes an agent of respective influence.

Logically, this affirmation allows us to draw many positive correlations between the popularity of an organization, brand, symbol, and general attractiveness of a country where this entity has been developed. Thanks to their success, culture of that particular country becomes important resource of influence in foreign affairs. Consider brand 'Made in Germany'. For almost every consumer 'Made in Germany', or German trademark means reliability, durability, excellent quality of a product or service which has German origin, was manufactured in Germany, or even was developed under control of a Germany-relatedentity, e.g. officially registered in Germany but made somewhere else. Such a tremendous success of German brand and reliability towards 'German quality' became possible only because the brand has been consistently supported at national and state levels. As the Global Ranking of Soft Power suggests, "Germany remains the primary driving force in European affairs. It is still widely admired for its advanced-manufacturing goods, engineering prowess, its coolheaded approach to foreign policy, and an

economy that seems to translate growth into well-being better than most"(McClory, 2016: 40).Moreover, thanks to successful performance over the years, "Germany has generated gains in well-being that outpace its growth rate" (Beal, 2015: 26).

Considering Germany's, America's, Japan's or any other example, it is difficult to identify the precise moment when accumulation of internalwealth and power has been 'enough' for an exportand external promotion of culture or, in other words, for a change from defensive to offensive culture. However, it is certainly clear that culture becomes an offensive strategic resource only when its use is systematized, when it has a consistent pattern and respective persistent social and statesupport. In this respect, strategic utility of culture is ceteris paribus equal to the sum of utilities of all its components and their activities.

Understanding the examples of how culture as a strategic resource has been used in other countries may help contemporary Republic of Armenia to utilize its activities at international scale to distribute Armenian culture wider and farther.

2. Culture as a strategic resource for Armenians and the Republic of Armenia

As it was mentioned in the first chapter, in the history of Armenian people the cultural factor wasthe main factor for consolidating the nation. It is quite interesting though that the model of Armenian national culture was developed in a way to preserve national identity not only through own cultural tradition, but rather via fruitful synthesis of national culture and the leading elements of all-human culture.

The Ancient and Medieval Armenian cultural tradition amalgamated with then-contemporary traditions of both Eastern (Near East, Middle Asia), and Western (Ancient Greek, then catholic and Byzantian) philosophical schools. As a result, the philosophy of Armenian pundits such as Nerses I the Great, Eznik-Koghbatsi, David the Invincible, Gregory of Tatev, Mkhitar Gosh, and many others not only incorporated leading concepts of foreign authors, but also gave a birth to a unique Armenian philosophy. The latter was the first manifestation of Armenian offensive culture, as it introduced and widely spread the Armenian interpretation of the role of a state and its relationship with church; the importance of the rule of law and separation of powers; the necessity of cultural (read: national) independence, considered through the independence of church, language and writing [6].The uniqueness of Armenian philosophical and political thought was recognized by contemporaries of the Armenian authors. Such synthesis allowed the Armenians to integrate flexibly into the regional and global cultural, political and civilizational projects of the past. The necessity and importance of such integration

is relevant also today, considering the fact that the majority of Armenians are spread around the worldand form Armenian Diasporas. At the same time, understanding of where the Armenian cultural paradigm can be placed in the current geopolitical paradigm is important in order to guarantee its preservation under the transformation of established rules and formation of new integration blocks in the contemporary world.

It is interesting though, that having such a rich historical experience, Armenian culture generally has almost always had a defensive nature. The Armenian defensive culturewas a result of a centuries-old absence of statehood. It is considered paradoxical, but one of the first fundamental elementsthat shaped Armenian culture, the alphabet, was invented when the Armenian early-Medieval kingdom of Arsacids (Arshakuni) was in deep political crisis (Baynes, 1910). As the country was holding between the Byzantine Empire in the West and the Sassanid Empire in the East, the Armenian pundits envisaged forthcoming impossibility of further existence of the Armenian kingdom.Hence their efforts were aimed at guarantying national survival in the future through giving a nation a possibility of self-identification through the alphabet which, together with the language and the faith, formed a sacred triune of Armenian defensive culture. As the next centuries confirmed, the Armenian defensive culture, based on those three elements, allowed Armenians to maintain unity, especially when living under foreign rule.

Armenia, as a historical-geographic unit, has been always an arena for irruptions, wars, and struggles between the majorgeopolitical actors of different times, such as the Parthians and Romans, the Arabs, Seljuks and Mogols, the Mongols, Byzantians and Turks-Osmans, the Persians and Russians.The same defensive culture had a great impact on the ability of Armenians to survive and live after the Genocide in Ottoman Empire in 1915. The defensive culture shaped the surviving basis for Armenian Diasporas around the world, and allowed Armenians to identify themselves with their homeland and ancestry including when living far abroad. However, under the absence of systemic approach, which is guaranteed by a national state (or the extreme limitation of systematicity, the source of which under the absence of state was church), the Armenian defensive culture could not transform into a culture with offensive nature and systemic character. Being an inexhaustible strategic resource, the Armenian defensive culture completed its major mission – it has guaranteed and defended self-consciousness of Armenian people – but the formation of its logical continuation in a form of an offensive culture was not possible as long as Armenians were under foreign rule. The defensive culture was a guarantor of spiritual independence of Armenian people, but to make the next step, namely, to create conditions for actualizing Armenian culture be-

yond the closed monolithic society in many regions and for other people, the Armenians lacked systematicity, i.e. they lacked own state.

The first sprouts of modern Armenian offensive culture originated in the Soviet Union. The establishment of own republic within the framework of the union, as well as peace in the Transcaucasian region that lasted almost 70 years, became a fruitful ground for gradual release and development of Armenian culture in many forms and varieties. Even though the Soviet rule did not encourage the amplification of national element from all-Sovietculture, the popularisers of Armenian culture were capable of developing it in a way that the national feature was manifested in almost all the works of the Armenian people in the Soviet Union: Armenian performing artsgained broad audience not only in the Soviet Union but also abroad.

After the collapse of the USSR in 1991 and emergence of two new Armenian states, namely the third Republic of Armenia [7] and non-recognized Republic of Artsakh (Nagorno-Karabakh), the Armenian culture could have continued its gradual development and completed its transition to the offensive stage. The stockpile of this strategic resource could have allowed Armenians to start its transformation. However, there has been not much success achieved for the last 26 years.

First, the resource potential of Armenian Diaspora has not been used properly: although the 8-million Diaspora became another center of concentration of Armenian defensive culture, its vast intellectual and financial potential has not been consolidated. The Ministry of Diaspora, that was opened in Yerevan in 2008, has been the first institutionalized attempt of the Republic of Armenia to consolidate Armenians of the world around their historical homeland. However, this consolidation has not had a precise goal or aim to strive for, and appealed mainly to the past, to the common history of Armenians, and less to the future perspectives, potential cooperation initiatives and deeds of the nation. Yet again, the limitless strategic resource the defensive culture of Armenian Diaspora allowed it to grow independently for almost a century after the Genocide, and create own instruments and institutions of cultural representation. Sometimes, these institutions are much more effective in disseminating information and knowledge about Armenian culture, its heritage and modern tendencies than the Republic of Armenia itself. A vivid example is the Armenian General Benevolent Union with an annual budget of over $46 million [8]. It operates in 31 countries and 74 cities of the world, addressing “the needs of Armenians with traditional and progressive programs worldwide – from schools, scouts, camps and support for the arts to internships, virtual learning and young professional networks” [9]. The other example is the

CalousteGulbenkian Foundation, established in 1956 in the will of CalousteGulbenkian, a Portugal-based petrol magnate of Armenian origin. The private foundation, which has headquarters in Lisbon and delegations in London and Paris, is focused on «fostering knowledge and raising the quality of life of persons throughout the fields of the arts, charity, science and education» [10].

Even though such organizations operate systematically, their cultural influenceis not systemically consolidated around the issues of the Republic of Armenia. Due to different visions and absence of strategically defined systemic and consistent relationship, the agenda in promoting Armenian culture and the ways of doing that is not identical for the Republic of Armenia and the Armenian Diaspora.

Because of this fact, the second reason of why expansion of Armenian culture has not been notably successful over the last 26 years is that the export of Armenian culture from the Republic of Armenia is strictly limited to the material goods and non-material heritage of the past. Being strictly severed in natural resources and always proud of own human potential, for a very long time the contemporary Republic of Armenia has not produced or exported own intellectual values and properties. This tendency has been gradually changing with a generous support of Armenian philanthropes and benefactors who have opened several IT-oriented schools in the Republic of Armenia and Artsakh, the most famous of which are, perhaps, Tumo Center for Creative Technologies, Ayb School for gifted youth, and the UWC Dilijan College – the first international boarding school in Armenia.

Although such support is essential for the country, it is obviously not enough if the South Caucasian Republic strives to create consistent offensive culture, and cultural brands recognized at international level. Hence, even though the Republic of Armenia makes the first steps towards promoting its new image, including through domestic development of IT technologies, it seems like the country is still being stuck with insufficient will to change the paradigm into offensive culture. Maintenance of identity through the defensive culture in previous times does not guarantee the nation to have the same success in the future, especially, if the culture cannot be flexible enough to absorb the modern tendencies and produce unique values, thus being transformed into a flexible offensive culture which in turn may addresscurrent challenges that Armenians and the Republic of Armenia face.

One of these challenges is tied with the necessity to use soft power in foreign affairs more complexly: the Armenian official diplomacy has not accepted the instruments of soft power at their full scale. Because of this protraction, the civil

society of the country, local media and public entities heavily criticize the Armenian officialdiplomacy and its inability to act in a more versatile way in order to guarantee the success in export of Armenian culture, its material and non-material goods. To guarantee the respective success the major goal of ascending Armenian offensive culture should be: a) in tying official and non-official diplomacies, the strives of Diaspora with the efforts of official Yerevan; b) in making recognizable the Armenian cultural brand worldwide.

In turn, the given strategy can be realized only when consistent and coordinated effort will be crystalized between public, private and state agencies of Armenia, as well as between those agencies and the respective entities which act on behalf of Armenian Diaspora. There are three steps to do that:

1. On both formal (government, state agencies) and informal levels (civil society, NGOs), to establish a constant body that will unite local Armenians with those who live abroad. Such body can have a formal character and, in a broad sense, become a consultative body for the National Parliament of the Republic of Armenia. The decision and suggestions of that body will have a mandatory force for further consideration by the respective state authorities, but their implementation will depend mainly from the National Parliament.

2. To open an endowment and investment fund for small and medium enterprises of Armenian origin which have a potential to distribute own goods in domestic market and then in nearby countries. The fund can operate at the intersection between the Ministry of Economic Development and Investments of the Republic of Armenia, the Ministry of Foreign Affairs, and the Ministry of Diaspora. The principles of operations of such fund can be decided furthermore, yet it should be clear that the fund has to become an additional framework for the betterment of relationship between Armenia and Diaspora. Later, the major pool of the fund can be shaped with the support of those entities which benefit from it.

3. The Armenian foreign policy at both formal and informal levels should be more open in using modern technologies and software. Here, we mean not only digitalization of the workload, but rather the usage of different public channels through which Armenian culture and its brands can be distributed, shared and popularized. The performance assessment mechanisms for such activity could be based on ensuring minimal standard level of popularity for the particular goods and services.

3. Conclusion

The question of actualization and systematization of the offensive culture for Armenia and Armenians is stillrelevant even though the heritage of the defen-

sive culture should have allowed Armenian people to make the respective successful shift.

The success of Armenian culture in foreign markets largely depends on the internal mechanisms which should be developed to ensure the respective export of culture. Today both the Republic of Armenia and the Armenian Diaspora do not use their entire potential to maximize the utility from the cultural wealth that they own. The Diaspora is more successful in a sense of promoting Armenian culture at informal levels, however, lack of coordination between the Republic and the Armenian communities around harden the possibility to systematize “offensiveness” of the culture. At the same time, formal institutions of the Republic still work in a very outdated way, ignoring partially or completely neglecting new tendencies and tools for, at least, betterment of own public image.

Preserving historical experience, the Armenian public policy should be aimed at developing Armenian brand using new formats and technologies, largely available in current times. Three of those formats (a formal body tied with the state authorities; an investment and endowment fund; usage of public channels) have a potential to strengthen the relationship between the country and Armenian community which is spread across the world. However, only in case of sufficient political willingness implementation of these plans may be possible. Sooner or later, this willingness will appear simply because both Armenians across the world, the Republic of Armenian and Artsakh are largely interdependent. Hence only their common effort can generate necessary result, seen as a new Armenian offensive culture.

BIBLIOGRAPHY

1. Cambridge Dictionary: *Culture*. Online at: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/culture
2. Collins English Dictionary*:* Definition of Culture. Online at: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/culture
3. The two terms, originality and identity, are considered as equal notions in the given context.
4. Although, for the sake of preciseness the authors of this article agree that understanding the US policy in the first half of the last century as isolationist is not the only game in town. A good example of opposite view is Bear F. Braumoeller. The Myth of American Isolationism. Draft version 1.2. Online at: http://projects.iq.harvard.edu/files/wcfia/files/579_mythofusisol.pdf. Retrieved 16 January 2017.
5. For more on Japan’s isolationism see: Hellyer, Robert I (2009). Defining engagement: Japan and global contexts, 1640-1868. Harvard University
6. For the works and philosophical concepts of those mentioned authors, as well as the history and representatives of Armenian Medieval philosophy, see: Мирумян, Карлен (2005). История политической науки. Средневековье. Возрождение. Реформация. Ер., РАУ. Ч. 2. (*Mirumyan Karlen (2005). The History of Political Science. Part II. Middle Ages. Renascence. Reformation.*)

7. The first Republic of Armenia was declared almost immediately after the collapse of the Russian Empire. It did not last long, and in 1920 the country was sovietized. The second, Soviet Socialist Republic of Armenia existed until 1991, and disappeared with the USSR, giving the floor to the current, i.e. third Republic of Armenia.
8. To compare, the annual budget of the Ministry of Diaspora in 2015 was $2,13 million. Source: Ministry of Diaspora of the Republic of Armenia. *Budget of the RA Ministry of Diaspora 2015 (in Armenian).* Online at: http://www.mindiaspora.am/res/Byuje/2015/byuje_2015.pdf. Retrieved 2 February 2017.
9. Armenian General Benevolent Union. *Our Mission*. Online at: http://agbu.org/about/. Retrieved 2 February 2017.
10. CalousteGulbenkianFoudnation. *About Us.* Online at: https://gulbenkian.pt/en/the-foundation/-about-us/ Retrieved 2 February 2017.

КУЛЬТУРА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС АРМЕНИИ И АРМЯНСТВА

О.Л. Саркисян, А.А. Габриэлян

АННОТАЦИЯ

Совокупный комплекс деятельности и традиций, составляющих религиозный, социально-поведенческий и мировоззренческий базис культуры можно в целом разделить на две широкие группы: оборонительную и наступательную. Оборонительная культура нацелена на сохранение исторической идентичности, в то время как наступательная культура связана с экспортом и распространением стержневых культурных ценностей, включающих материальные и нематериальные блага. Сегодня как Республика Армения, так и армянская диаспора не используют свой потенциал в полной мере для максимализации пользы от культурного богатства, коим они обладают. Диаспора более успешна в деле продвижения армянской культуры на неформальном уровне, однако, недостаток координации между Республикой и армянскими общинами мира усложняет возможность систематизации наступательной культуры.

Ключевые слова: оборонительная, наступательная культура, Республика Армения, армянская диаспора, систематизация.

ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ ՈՐՊԵՍ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԵՎ ՀԱՅՈՒԹՅԱՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐԱԿԱՆ ՌԵՍՈՒՐՍ

Հ.Լ. Սարգսյան, Ա.Ա. Գաբրիելյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Մշակույթի կրոնական, սոցիալ-վարքային, տնտեսական և աշխարհայացքի հիմքը կազմող գործունեության և սովորույթների ողջ համալիրը կարող է ընդհանրապես բաժանվել երկու խոշոր խմբերի՝ պաշտպանական և հարձակվողական: Պաշտպանական մշակույթը նպատակ ունի պահպանել

պատմական ինքնությունը, իսկ հարձակվողական մշակույթը կապված է հիմնական մշակութային արժեքների արտահանման եւ տարածման հետ, ներառյալ նյութական և ոչնյութական արժեքները: Այսօր և Հայաստանի Հանրապետությունը, և Սփյուռքը չեն օգտագործում իրենց ողջ ներուժը, որպեսզի նրանք ունենան օգտակարություն մշակութային հարստությունից: Սփյուռքը շատ ավելի հաջողակ է հայ մշակույթի խթանման տեսանկյունից ոչ ֆորմալ մակարդակներում, սակայն հանրապետության և աշխարհի հայ համայնքների միջև գործունեության համակարգվածության բացակայությունը դժվարացնում է հարձակվողական մշակույթի համակարգումը:

Հիմնաբառեր՝ պաշտպանական, հարձակվողական մշակույթ, Հայաստանի Հանրապետություն, Սփյուռք, համակարգում:

КУЛЬТУРА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПОЛИТИКИ: ОПЫТ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ ДЛЯ АРМЕНИИ[1]

Н.А. Дунамалян

Российско-Армянский университет
en.dunamalyan1991@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Опыт многих стран демонстрирует многообразие подходов и форм реализации различной культурной политики. В этом контексте актуальной задачей является выделение концепта «культура как политический ресурс», основанного на соотношении внутренней и внешней культурной политики как взаимодополняющих элементов.

В данной научной статье представлен анализ специфических подходов культурной дипломатии и возможности применения некоторых методов на армянской культурной почве.

Ключевые слова: культурная политика, дипломатия, мягкая сила, культурное влияние, ресурс.

Одним из важнейших инструментов современной политики и создания положительного имиджа за рубежом является культура. Культура представляется наиболее эффективным средством влияния в долгосрочной перспективе, в том числе и в политической сфере, без применения насильственных методов или неконвенциональных способов давления на общественные отношения. Символика, язык, кухня, модели поведения, историческое наследие, искусство – все это представляет неисчерпаемый ресурс культурного потенциала нации, направленный на консолидацию общества внутри государства и создание благоприятного имиджа страны за рубежом. Восприятие культуры как ресурса политики может ошибочно отождествляться с разработанной Дж. Наем концепцией «мягкой силы», хотя такое понимание культуры вбирает аспект не только внешнеполитического взаимодействия, но и внутриполитическую сферу. В этом смысле концепт «культура как ресурс политики» обозначает более широкое понятие, совмещающее внутреннее и внешнее проявления культурного развития общества. В академической лите-

[1] Статья опубликована в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)», при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ на 2016–2017гг.

ратуре в различных контекстах могут быть использованы также схожие понятия культурной дипломатии, внутренней и внешней культурной политики, культурного влияния и т.д. [1] В данном случае мы рассматриваем культурный потенциал политики не только как фактор формирования положительного имиджа Армении за рубежом, но и в качестве основания для укрепление внутренних общественных отношений, связей с диаспорой и включения Армении в глобальные политические процессы.

Культурная дипломатия различных государств мира показывает отличие способов и средств использования культурного ресурса, но также отражает тенденцию применения новых методов достижения политических целей. Основное различие практики применения культурной дипломатии заключается в распределении функций между различными институтами и в выборе специфики основных направлений культурной политики. В этом контексте можно выделить опыт некоторых государств в сфере расширения культурного влияния. Меняющиеся условия глобального взаимодействия уже в начале нового тысячелетия заставили начать поиск более гибких стратегий культурного влияния, направленных на внешний и внутренний рынки. Фактор культуры возрос вместе с постепенным отказом от «грубого» взаимодействия между странами, а также с приходом понимания о долгосрочности культурного влияния и внедрения своих культурных кодов и символов в другие общества.

Можно выделить три основные модели культурной политики, отраженные на примерах различных стран: 1. финансирование культурных программ государством и определение рамок деятельности институтов культурного влияния (Франция, Германия, Турция), 2. свободная от государственного регулирования культурная дипломатия, основанная на деятельности отдельных личностей или сообщества внутри страны или за рубежом (Италия, Испания), 3. смешанная модель культурной политики, совмещающая элементы государственного вмешательства и деятельности негосударственных акторов (Великобритания, Китай, Иран, Япония). Несмотря на различие этих моделей, общим началом для институтов культурного влияния является распространение национального языка как основы культуры (Институт Гете (Германия), Институт Конфуция (Китай), Институт Сервантеса (Испания), Институт Юнуса Эмре (Турция), Фонд «Русский мир» (Россия), Общество Данте Алигьери (Италия), Японский фонд, Британский совет и т.д.). Кроме того, отметим, что бывшие колониальные метрополии с помощью культурной дипломатии стараются сохранить контроль над бывшими колониями, формируя некоторый образ «фантомной» культурной политики, следующей

уже по проложенному пути (примеры: Франция и африканские страны, Турция и Балканы, Япония и Юго-Восточная Азия и т.д.). Рассмотрим несколько примеров применения этих моделей на практике.

Эталоном реализации своего культурного потенциала в сфере политического влияния является Япония, хотя изначальный процесс формирования положительного имиджа японской культуры был, прежде всего, продиктован негативным образом Японской империи после Второй Мировой войны. Данный процесс начался в 60–70-е гг. прошлого века вместе с комплексным развитием экономики страны. В 1972г. был создан Японский фонд, деятельность которого была направлена в большей степени на образовательные программы, продвижение японского языка за рубежом, культурный обмен и т.д., но наибольший размах культурная дипломатия приобрела в начале XXI века, когда начали разрабатываться концептуальные основы применения «мягкой силы» Японии. В 2004г. был создан Консультативный совет во главе с профессором университета «Хосэй» А. Тамоцу, одной из задач которого стало улучшение имиджа Японии в мире. Специфика японского подхода к продвижению собственной национальной культуры базировалась на двух элементах: 1. совмещение исторического наследия и современной поп-культуры Японии; 2. восприятие японской культуры как части мирового наследия [2]. Очевидно, что программа развития культурного влияния Японии не имела бы успех без государственной поддержки, но нужно отметить, что стержнем японской культурной дипломатии был не только экспорт своей традиционной культуры.

Японские традиционные культурные смыслы, во многом, транслируются через поп-культуру, что способствует подключению сферы бизнеса к процессу распространения японской культурной символики за рубежом. Вместе с тем, подобное влияние не ограничивается влиянием аниме, кинематографа, компьютерных игр, техники и т.д., но и конкурентным рынком образования, охватывая более широкую целевую аудиторию, включающую в себя группы разных возрастов и национальностей.

Пример Японии показывает разносторонность и необходимость комплексного взгляда на восприятие культуры в качестве стратегического ресурса, учитывающего ряд факторов специфики культурного наследия, экономического потенциала, взаимодействия государства и общества, а также выбора правильной стратегии и формирования институтов культурного влияния. В 2013г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ объявил о старте программы “Cool Japan” [3]. Несмотря на то, что название дублирует известную формулу премьер-министра Великобритании Тони Блэра “Cool Britain”,

японское правительство показывает готовность к продолжению и углублению японской культурной дипломатии за рубежом.

Британия и Франция представляют два полюса европейской культурной дипломатии. Если Британия ставит основной акцент на расширении своего культурного влияния в контексте расширения ареала западной культуры в целом, то Франция преследует цель укрепления собственного влияния при помощи международной организации Франкофонии и других институтов. Пассивность Великобритании, несмотря на большие траты на межведомственные государственные программы и филиалы Британского совета по всему миру, в большей степени объясняется отсутствием собственного взгляда на культурную политику за рамками англосаксонского мира или европейского сообщества, но процесс Брекзита может способствовать поиску британской модели «мягкой силы». Франция, в свою очередь, на протяжении 50 лет пытается построить некоторую модель «французского мира», говоря о диалоге культур в рамках Международной организации Франкофонии и, вместе с тем, на 80% финансируя данную организацию. Кроме того, финансирование культурной дипломатии проводится на уровне всех министерских ведомств. Франция также ставит задачу популяризации французского языка, расширения телевещания французских телеканалов по всему миру. Как мы видим, доля государственного финансирования французской культурной дипломатии довольно высока, что показывает специфику и некоторую односторонность французского подхода к пониманию «культуры как политики».

Институты культурного влияния в различных странах имеют довольно различную структуру и каналы взаимодействия, хотя и преследуют схожие цели. Культурную дипломатию стран Западной Европы, во многом, объединяет направленность многих зарубежных программ на продвижение демократических принципов, прав человека и пропаганду общеевропейских ценностей, но все же интересы этих стран разнятся в деле сохранения собственной культуры и расширения ее влияния. Институциональную основу культурной политики развитых европейских государств составляет помощь правительства и выделение средств из бюджета на нужды определенных фондов. Например, в Германии бюджет, главным образом, распределяется между несколькими фондами, отвечающими за различные сферы (Фонд им. Фридриха Эберта, Фонд им. Фридриха Науманна, Фонд им. Конрада Аденауэра, Фонд им. Ганса Зайделя, Фонд им. Генриха Белля, Фонд им. Розы Люксембург). Уникальность данных германских фондов заключается в привязке каждого из них к определенной политической партии, входящей в Бундестаг, и исполнении определенных специфических функций, распределен-

ных между фондами. Специализированными фондами в области образования, культуры и популяризации немецкого языка являются Германская служба академических обменов и Институт Гете [4]. Основными сферами культурного влияния Германии остаются образование и искусство.

В свою очередь, культурная политика Италии строится в довольно парадоксальных условиях, так как на фоне постоянных политических и экономических кризисов и отсутствия конкретных институтов культурного влияния страна остается наиболее привлекательным местом для туризма и культурного обмена. Итальянская модель культурной политики противоположна французской: государство не использует весь потенциал итальянской культуры для укрепления своего влияния в мире, финансируя культуру по остаточному принципу. На данный момент Италия расходует на культуру менее 1% от национального бюджета, что, однако, не влияет на рост вливаний в госбюджет от доходов туризма (Италия находится на первом месте в списке всемирного наследия ЮНЕСКО с 47 памятниками культуры) [5]. Таким образом, культурное и историческое наследие Италии способствует развитию итальянской модели культурного влияния без ощутимой поддержки государства.

Институты культурного влияния в различных странах Европы отличаются друг от друга и выражают специфику внутренних социальных и политических отношений, определяющих конфигурацию основных факторов культурной дипломатии. Развитие экономической системы предоставляет необходимую основу для проведения собственной внешней культурной политики, но, вместе с тем, уровень культуры той или иной страны выявляет сильные и слабые стороны методов влияния, поэтому государства выбирают более удобный способ культурного воздействия. Уязвимость культурной дипломатии проявляется, как минимум, в двух отношениях: 1) продвижение национальных языков, символики, традиций и т.д. может столкнуться с неприятием или отрицанием носителей другой культуры, поэтому распространение универсальных ценностей и работа культурной дипломатии в этих рамках представляется наиболее эффективным (пример, США); 2) культура с большим трудом может быть монополизирована политической властью, поскольку при наличии многочисленных средств коммуникации, диаспоры за рубежом или сильной политической оппозиции национальная культура, а с ней и зародыш культурной дипломатии будет подвергнут фрагментированию. Подобная модель характеризуется неустойчивостью внутренних связей и возможным противоречием между государственным и негосударственным подходом к культуре. Так, иранская или китайская диаспоры в США и дру-

гих странах, во многом, не разделяют подходов культурной политики Ирана или Китая, но, вместе с тем, способствуют популяризации национальной культуры за рубежом. Таким образом, государственный курс проведения внешней культурной политики имеет очень сложную культуру и зависит от многих негосударственных факторов, поэтому государству в этом аспекте отводится роль регулятора отношений.

Эти примеры свидетельствуют о сложной модели использования культурного потенциала в качестве стратегического ресурса, включающего не только внешнеполитические факторы, но и особенности внутренней политики. Уникальность развития любого общества оставляет неизгладимый отпечаток в том числе и на культурной политике, поэтому, определяя основные тенденции применения культурного потенциала в политике, необходимо учитывать уровень политической культуры и экономического развития, менталитет, возможности формирования национального «бренда». Важно также обратить внимание на культурную политику соседних государств.

Сопредельные Армении Иран, Грузия, Турция и Азербайджан ведут различную культурную политику как внутри страны, так и за рубежом. Кроме того, различный экономический потенциал и культурный фон той или иной страны дает различные бонусы для продвижения своих политических интересов. Турция проводит очень активную внешнюю политику, хотя многие исследователи отмечают чередование применения жестких и мягких политических стратегий турецким правительством на протяжении 50 лет [6]. Идеология неоосманизма, описанная в работе бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» [7], подстегнула усилия турецкого руководства в распространении своего влияния через каналы «мягкой силы». В 2007 году по инициативе президента Турции А. Гюля был открыт Институт им. Юнуса Эмре. Институт Ю. Эмре стал главным проводником турецкой «мягкой силы» за рубежом, открыв ряд Центров турецкой культуры им. Юнуса Эмре по всему миру. Главной задачей центра является обучение турецкому языку, распространение турецкой культуры и изучение истории Турции. Важной особенностью Центров является практика переводов иностранных книг на турецкий язык, а также открытие библиотек и передача большого количества турецкой литературы в различных странах. На данный момент существует около 42 центров турецкой культуры им. Юнуса Эмре. Р.Т. Эрдоган на заседании Совета сотрудничества высшего уровня между Российской Федерацией и Турецкой Республикой заявил о возможности открытия такого центра и в Москве [8].

Особенностью Института Ю. Эмре является активная деятельность на территориях бывшей Османской империи, что свидетельствует об имперских амбициях турецких властей и совсем «некультурных» целях деятельности центров турецкой культуры. Специфика турецкой культурной дипломатии заключается также и в противостоянии государственных институтов культурного влияния и существования ряда организаций, позиционирующих себя как самостоятельные структуры. В сфере образования ряд школ и лицеев, действующих в рамках деятельности общественно-политического движения «Хизмет» под руководством турецкого общественного и религиозного деятеля Ф. Гюлена, придерживаются высоких стандартов образования, функционируя в различных государствах и конкурируя с межгосударственными образовательными центрами (прежде всего, в Казахстане и странах Центральной Азии). Такая двойственность культурной политики делает невозможным создание долгосрочного плана культурного влияния Турции за рубежом.

Другой вопрос состоит в том, насколько эффективно турецкие институты культурного развития могут представить все богатство многонационального культурного фонда Турции, памятники которого находятся на территории современной республики. Исламистская ориентация Р.Т. Эрдогана, во многом, препятствует гармоничному представлению культурного потенциала Турции, что ведет к политическим спекуляциям в области культуры и, как следствие, к расколу общества. Таким образом, культурная политика Турции является отражением политической ситуации в стране и борьбы различных политических групп за власть.

В случае другого крупнейшего государства региона, Ирана, культура остается в тени политических процессов и ограничений, так как в условиях постоянных санкций и неоднозначного восприятия иранской внешней политики со стороны Запада богатейшее культурное наследие Исламской республики не играет значительной роли на международной арене. До Исламской революции 1978г. шахское правительство пыталось проводить политику популяризации иранской культуры за рубежом. Главным проводником культурного влияния был Фонд культуры Ирана, преобразованный уже после революции в Фонд Саади, который занимался организацией курсов персидского языка, культурными обменами, выставками и т.д. Но после революционных потрясений и введения ряда ограничений как внутри страны, так и из вне культурная дипломатия Ирана начала переживать кризис.

Одной из причин кризиса были «силовые» и политические попытки экспорта революции, что создало некоторый негативный образ Ирана. С дру-

гой стороны, главным носителем иранского культурного влияния стала диаспора. Около 5 млн. людей покинули страну, обосновавшись в Северной Америке, Австралии, Европе, странах Персидского залива, Турции. В 2008г. на средства диаспоры был основан фонд «Фарханг», представляющий из себя нерелигиозную, неполитическую и некоммерческую организацию, созданную в Лос-Анджелесе. Деятельность этого фонда проходит по двум направлениям: ознакомление американского общества со всем богатством иранской культуры, поддержка и развитие иранской культуры и искусства для воспитания следующего поколения американцев иранского происхождения. Важную роль также играет и независимый иранский кинематограф, показывающий жизнь рядовых жителей Ирана.

Культурная политика Ирана направляется, прежде всего, государственными органами, что созвучно модели политического строя Исламской республики, но для более успешной культурной дипломатии и преодоления политической изоляции иранское общество должно прилагать большие усилия, направленные на создание позитивного имиджа за рубежом и переход к внутриполитическим реформам, способствующим благоприятным условиям для инвестиций и развития туризма.

Грузия обладает всем этим набором, отличаясь от других стран региона готовностью к внутриполитическим изменениям и реформированию экономической системы. На данный момент туризм в Грузии является наиболее быстрорастущей отраслью, обеспечив 6,7% ВВП Грузии в 2015г. [9] Правительство старается привлечь еще большие инвестиции для развития инфраструктуры и создания новых туристических центров. В 2016 году Грузию посетило более 6 млн. туристов, но, согласно статистике, большинство из них – туристы из постсоветского пространства.

Туризм остается наиболее привлекательным инструментом культурного влияния Грузии, поскольку отсутствие сильной диаспоры и нестабильность политических и экономических институтов ведет к поиску более легких путей инвестирования в экономику. Национальная администрация туризма Грузии ведет активную политику по привлечению зарубежных туристов, проводя крупные маркетинговые компании на целевых рынках, а также ознакомительные туры для прессы. Вместе с тем, политика сближения с НАТО и ЕС предоставляет возможности использования грузинской культуры для привлечения инвестиций из США и европейских государств, но без конкретной стратегии культурной политики Грузии будет сложно использовать свой культурный потенциал при наличии ограниченных ресурсов.

Но не всегда наличие ресурсов ведет к успешной культурной политике, так как разработка стратегии культурного влияния основано, прежде всего, на «внутреннем» материале и осмыслении своего исторического прошлого. Попытки создания собственного взгляда на историю и фальсификация многих фактов ставили цель консолидации азербайджанского общества и конструирования особой национальной идентичности на современном этапе, но такие действия ведут к диссонансу между «национальными» версиями исторических событий и общепринятыми фактами. Культура Азербайджана представляет собой культурное наследие различных народов и этносов, проживающих или проживавших на территории Азербайджана. Однако процесс «азербайджанизации» населения, продолжаясь в период независимости, препятствует формированию комплексной стратегии культурной политики. Несмотря на постоянные социально-экономические и политические кризисы, власти Азербайджана могут позволить себе проводить периодические финансовые вливания с целью формирования определенного имиджа страны за рубежом, но, в большинстве случаев, эти акции имеют фрагментарный характер [10]. К подобным акциям можно отнести различные фестивали, конкурс «Евровидение», Первые Европейские игры, проведение Формулы 1 и т.д.

Относительными преимуществами азербайджанской культурной политики, соответствующей специфике политической системы республики, являются: 1) большой ресурсный фонд; 2) возможность проведения совместных акций с Турцией, что активно используется в контексте распространения литературы и информационного сопровождения государственной политики за рубежом; 3) существование конкретных институтов, проводящих культурную политику, хотя и без определенной специфики деятельности. Одним из таких институтов является Фонд им. Гейдара Алиева, финансирующий различные мероприятия, направленные на создание положительного имиджа властей Азербайджана внутри страны и за рубежом; 4) использование потенциала азербайджанской диаспоры.

Различные подходы культурной политики стран региона говорят о сложном соотношении факторов культурного влияния и необходимости учета национальной специфики общества, поэтому методы и инструменты культурного влияния варьируются в различных обществах и выражают устойчивую связь между внутригосударственной культурной политикой и элементами культурного влияния, направленного на другие страны. Несмотря на различие подходов, можно выделить несколько элементов культурной полити-

ки, способствующей успешному применению формулы «культура как стратегический ресурс»:

1. разработка продуманной культурной политики, основанной на утверждении консенсуса в обществе по ряду вопросов, имеющих культурный, исторический, ментальный характер;

2. продвижение национального языка;

3. укрепление связей с диаспорой и использование ее потенциала как внутри государства, так и за рубежом;

4. совмещение культурного потенциала общества и современных технологий, несмотря на консервативность некоторых элементов общественного менталитета;

5. сохранение национальных памятников и развитие инфраструктуры туризма;

6. построение конкурентоспособного образовательного рынка;

7. увеличение культурных и образовательных обменов, а также развитие общественной дипломатии;

8. развитие искусства, литературы, кинематографа, элементов массовой культуры и их представление на мировой рынок;

9. сотрудничество с мировыми СМИ;

10. сотрудничетво в рамках межрелигиозных контактов;

11. создание конкретных институтов культурного влияния, имеющих специфические сферы деятельности (политика, культура, образование, искусство и т.д.).

Для армянской действительности вышеперечисленные инструменты культурного влияния имеют абстрактное значение, оторванное от современных политических реалий, но вместе с тем, существование армянской государственности, во многом, зависит от способности армянского общества реализовать хоть их малую часть. Армянская культура, обладая огромным потенциалом влияния, по политическим и социально-экономическим причинам не всегда рассматривается как стратегический ресурс политики. Отдельные акции, направленные на улучшение имиджа Армении, имеют важную функцию популяризации страны за рубежом, но, вместе с тем, подобные мероприятия не стыкуются с комплексной культурной политикой, хотя и получают некоторое финансирование из бюджета страны.

Специфика армянской культурной дипломатии во многих отношениях похожа на применяемую в Советском Союзе в различные периоды «технику гостеприимства», присущую многим постсоветским странам на современном этапе. Такая техника была призвана сформировать у визитера положитель-

ный образ государства, используя «выборочное представление реальности» [11]. К этому можно прибавить и феномен гостеприимства как части национального менталитета, выраженного в многочисленных гастрономических фестивалях в различных уголках Армении. В сфере искусства также обращаются к данной «технике», так как основной целью многих фестивалей (кинофестиваль «Золотой абрикос», международный театральный фестиваль “High Fest” и многие другие) является привлечение знаменитых деятелей искусства и организация их визитов в Армению. Не преуменьшая роли данных фестивалей в развитии современного армянского искусства, стоит заметить ограниченное влияние этих мероприятий на общество как внутри страны, так и за рубежом, так как целевая аудитория (деятели искусства, представители интеллектуальной элиты) остается прежней. Кроме того, различные выставки, фестивали, представляющие армянское искусство за рубежом, не имеют полноценной информационной поддержки, а также сталкиваются с проблемой некоторой «элитарности» в ущерб влияния продуктов массовой культуры.

Два основных направления, определяющих культурную дипломатию современной Армении, можно охарактеризовать как «государственное» и «индивидуальное». Ограниченность ресурсов и профессиональных кадров ведет к концентрации нескольких правительственных ведомств на проведении того или иного мероприятия. Вместе с тем необходимость государственной поддержки способствует снижению активности неправительственного сектора в организации различных мероприятий, направленных вовне. Таким образом, армянское общество становится, в основном, объектом влияния различных зарубежных институтов. Например, в 2015г. усилиями министерства культуры и министерства иностранных дел РА была проведена конференция «Культурная политика и политика во имя культуры», приуроченная 70-летию ЮНЕСКО, в которой приняли участие более ста делегатов из различных стран. В рамках этой конференции были подняты проблемы сохранения культурного наследия и в то же время был проведен обзор культурной деятельности в РА. В других сферах подобные мероприятия также проводятся на основе межведомственной кооперации.

«Индивидуальное» направление культурной дипломатии основано на организации различных мероприятий усилиями филантропов и благотворительных организаций из армянской диаспоры. Одним из подобных мероприятий, наиболее ярким, является гуманитарная премия «Аврора», где Армения представляется в качестве субъекта культурного влияния. Такие форматы при широкой информационной поддержке международных СМИ пока-

зывают роль Армении как части глобального мира, подогревая интерес иностранных акторов к армянской культуре и истории. Отметим также тот факт, что темпы экономического развития создают предпосылки для привлечения не только бизнес-инвестиций, но и культурных программ из различных государств. На данный момент среди европейских программ наиболее популярными являются направления, связанные с развитием отношений с такими странами, как: Бразилия, Вьетнам, Южная Корея, Казахстан и др., так как рост экономики ведет также к сотрудничеству в иных сферах. В свою очередь, финансирование программ немецких фондов или Британского совета для Армении и других стран постсоветского пространства остается очень скромным.

Но все-таки усилия отдельных лиц не могут заменить разработку национальной программы культурного развития. Без определенного системного видения проблем армянского общества, его истории и будущего, основных перспектив развития невозможно построить эффективную культурную политику, которая необходима не столько для утверждения фактора армянского культурного влияния, сколько консолидации армянской нации, проживающей в различных уголках мира.

Армянский язык является интегрирующим звеном внутренней и внешней культурной политики, вовлекая армянскую диаспору со всего мира в общеармянскую программу развития. Если обращаться к опыту зарубежных стран, то Израиль решил проблему языка для всего еврейства, возродив иврит (который оставался языком религиозных текстов), но опыт развития армянского общества может подсказать более гибкие методы языковой политики реформирования на основе литературного армянского языка (популяризация языка через каналы массовой культуры, переводы зарубежных фильмов, развитие современной армянской литературы и т.д.). Проблема языка является жизненно важной проблемой для всего армянства. Диаспоральные структуры пытаются привить знание языка молодому поколению, но не во всех местах данные институты работают эффективно. Со многими диаспорами связь вовсе потеряна. Из армянского бюджета не выделяются значительные суммы для развития армянского языка за пределами Армении. Отсутствие понимания стратегической роли языка, во многом, определяет отсутствие институтов.

Будучи матрицей развития армянской нации, язык способен стать инструментом интеграции армянства, а также приобщить других к армянской культуре. Еще одна проблема заключается также в чрезмерной неоднородности армянской диаспоры, проживающей в разных регионах мира, и степени

интеграции армянского меньшинства в тот или иной общественный дискурс США, России, европейских государств, Сирии и т.д. Поэтому ставится вопрос необходимости восприятия армянского государства как национального проекта, переосмысления всей истории армянства и структуры развития в различных сферах. Культурная политика и дипломатия, элементы «мягкой силы», национального брендинга являются исходными категориями разработки комплексной программы развития армянского государства как проекта всего армянства. Культурные же связи с диаспорой могут стать ключом для решения широкого круга задач, не зацикливаясь на двух основных вопросах. Политическая элита Армении должна осознавать необходимость сопряжения деятельности диаспоральных структур и государственных органов во избежание формирования двойственных подходов, углубляющих кризис взаимопонимания.

Другим инструментом культурного влияния является туризм. Развитие данной сферы услуг не требует больших интеллектуальных затрат, но, вместе с тем, заостряет акценты на модернизации транспортной инфраструктуры, сохранении исторических памятников, создании новых туристических центров в республике. В 2016г. на сохранение памятников из бюджета РА было выделено 437.5 млн. арм. драмов [12], в бюджете на 2017г. были прописаны траты на развитие туризма в размере 100 млн. арм. драмов, хотя туризм в совокупности принес в 2016г. Армении около 660 млрд. арм. драмов [13]. Таким образом, невнимание государственных органов к развитию туристической сферы и спад экономического роста ведут к увеличению роли личных инвестиций граждан страны в эту отрасль и фрагментарному становлению туристической инфраструктуры. Отметим также, что Армению посещают в большинстве случаев туристы армянского происхождения, чему свидетельствуют недостатки маркетинговых компаний по привлечению населения других стран.

В контексте фактических военных действий и непреходящего экономического кризиса рассуждения о задачах развития культурной дипломатии Армении могут показаться абстрактными и труднодостижимыми, но культура как стратегический ресурс скрывает огромный потенциал более долгосрочного укрепления своих международных позиций, чем политические действия или ресурс военного принуждения. Однако без государственной поддержки, формирования институтов культурного влияния и, самое главное, при отсутствии четкой концепции культурной политики любые акции, направленные на популяризацию армянской культуры, будут иметь фрагментарный характер.

Таблица 1. SWOT-анализ модели культурной дипломатии Армении

Strenghths – сильные стороны	*Weaknesses – слабые стороны*
• страна с богатейшим историческим наследием и большим количеством памятников, • подходящее место для культурного, экстремального, гастрономического, экологического туризма, • большая диаспора за рубежом	• недостаточная оценка государством богатого культурного потенциала страны, • низкий уровень государственного финансирования культуры, • отсутствие устойчивых связей с диаспорой, • отсутствие институтов культурного влияния, низкий уровень «национального» брендинга
Opportunities – возможности	***Threats – угрозы***
Интеграция диаспоры в развитие армянской культурной политики и создание условий со стороны государства для эффективного применения культурного потенциала за рубежом	Отсутствие четкой долгосрочной стратегии развития внутренней и внешней культурной политики на государственном уровне

ЛИТЕРАТУРА

1. *Журавлева Н.Н.* Коммуникативные стратегии в сфере культурной дипломатии: современные дискуссии // Вестник ВГУ. Сер: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, № 2, (ч. 2).
2. См.: *Королев В.А., Кудрявцева С.С.* «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. СС. 190–208.
3. Электронный ресурс: https://www.cj-fund.co.jp/en/.
4. *Ланьшина Т.А.* «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. СС. 28–58.
5. *Василенко Е.В.* Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» государства. URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/kulturnaja_diplomatija_kak_instrument_magkoj_sily_gosudarstva_2015-11-23.htm.
6. *Rubin L.* A typology of soft powers in Middle East politics. The Dubai Initiative. Working Paper no. 5. Dubai, Dubai School of Government. 2010.
7. *Davutoğlu A.* Stratejik derinlik: Turkiye’nin uluslarasy konumu [The strategic depth: Turkey’s international position].İstanbul, Kyure Yayinlary. 2012 (на тур. яз.).
8. Электронный ресурс: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/54022.
9. Электронный ресурс: http://gnta.ge/wp-content/uploads/2014/08/ENG-new.pdf.
10. Электронный ресурс: http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/policy/international-cooperation-/documents/country-reports/azerbaijan_en.pdf.
11. *Холландер П.* Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978). С-Пб., 2001. С. 75.
12. Электронный ресурс: http://www.gov.am/files/docs/2015.pdf.
13. Электронный ресурс: https://www.wttc.org/-/media/files/reports/economic-impact-research/-countries-2016/armenia2016.pdf.

CULTURE AS STRATEGIC RESOURSE OF POLITICS: AN EXPERIENCE OF DIFFERENT COUNTRIES IN THE FIELD OF CULTURAL DIPLOMACY AND WAY OF ITS IMPLEMENTATION FOR ARMENIA

N. Dunamalyan

ABSTRACT

The experience of many countries demonstrates the diversity of approaches and forms of implementation of different cultural policies. In this context actual task is highlughting of concept “Culture as a political resource”, based on the correlation of internal and external cultural policies as complementary elements.

The article presents an analysis of the specific approaches to cultural diplomacy and the possibilities of applying certain methods on Armenian cultural ground.

Keywords: cultural policy, diplomacy, soft power, cultural influence, resourse.

ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ ՈՐՊԵՍ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐԱԿԱՆ ՌԵՍՈՒՐՍ. ՏԱՐԲԵՐ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ՓՈՐՁԸ ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ԴԻՎԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՈԼՈՐՏՈՒՄ ԵՎ ԴՐԱ ԿԻՐԱՌՈՒՄԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՄԱՐ

Ն.Ա. Դունամալյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Բազում երկրների փորձը ցույց է տալիս տարբեր մշակութային քաղաքականության կիռարման մոտեցումների և ձևերի բազմազանություն: Այդ համատեքստում արդիական է դառնում «Մշակույթ որպես քաղաքական ռեսուրս» հասկացության վերհանման խնդիրը, որը հիմնված է մշակութային քաղաքականության ներքին և արտաքին տարրերի համադրման վրա:

Հոդվածը ներկայացնում է մշակութային քաղաքականության յուրահատուկ մոտեցումների վերլուծությունը և այդ մեթոդների կիրառման հնարավորությունը հայ մշակութային հողի վրա:

Հիմնաբառեր՝ մշակութային քաղաքականություն, դիվանագիտություն, փափուկ ուժ, մշակութային ազդեցություն, ռեսուրս:

К ВОПРОСУ О «МЯГКОЙ СИЛЕ» РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ: АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА[1]

С.С. Ширханян

saqshir@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Концепция «мягкой силы» давно признана в научной литературе. Постепенное усиление ее позиций, однако, влечет за собой необходимость изучения также тесно связанных с ней проблем. В связи с этим, выделяется, прежде всего, проблематика национального брендинга, степень научной разработанности которой пока невысока. В данной статье не только представляются основные подходы к определению последнего понятия, но и в этом контексте предпринимается попытка по применению наиболее корректных исследовательских схем к современным реалиям Республики Армения.

Ключевые слова*:* мягкая сила, национальный брендинг, публичная дипломатия.

Введение

В XXI веке каждый член мирового сообщества имеет (или должен иметь) какое-либо **«предложение».** Активная вовлеченность в международное, по своей сути – «торговое» общение в контексте современных глобализационных процессов выступает не только и не столько в качестве инструмента повышения степени своего политического влияния, сколько как необходимое условие «бытия», самого существования в мире политики. Перефразируя слова выдающегося английского философа XVIII века *Дж. Беркли* («существовать – значит быть воспринимаемым» [цит. по: 1, 477]), можно утверждать, что в наши дни быть – означает быть включенным в процессы международного общения, выступать субъектом глобального сообщества, которое основано на взаимозависимости и которое диктует свои «правила игры», отвергающие изоляционизм и «поощряющие» открытость и взаимообмен.

В вышеотмеченном контексте неслучайно, что меняется сама «модель» межгосударственного и международного общения. Если для значимой части истории человечества был характерен преимущественно жесткий, силовой

[1] Статья опубликована в рамках деятельности научной группы «Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)», при поддержке предоставленного МОН РФ финансирования научно-исследовательской деятельности РАУ на 2016–2017гг.

«паттерн» взаимодействия, то в условиях современных реалий он постепенно демонстрирует свою исчерпанность. И речь вовсе не о том, что человеческая природа изменилась и человек стал «менее склонен» к насилию, но, прежде всего, о том, что в условиях специфики новой эпохи военная мощь, хотя и продолжает быть важной, однако, весьма наглядным образом показывает свою ограниченность. Последнее обстоятельство же, в свою очередь, «выпячивает» необходимость формирования альтернативного, более гибкого инструментария проведения геополитического процесса.

Думается, что именно в контексте отмеченной логики и была сформирована известная концепция **«мягкой силы»,** автором которой является американский исследователь *Джозеф Най* [см.: 2]. Новый подход позволяет достигать политических целей, обходя прямое насилие: формирование привлекательного **имиджа** страны вызывает симпатии людей и целых государств за рубежом, вследствие чего последние добровольно ориентируются на идеологические, ценностные и иные позиции данной страны, при этом, механически вовлекаясь в пространство реализации ее политических (и не только политических) интересов. В то же время данный момент выявляет не «испарение» насилия в международных отношениях, но акцентирование внимания на переходе от прямого насилия к опосредованному, **«структурному» насилию,** о чем в свое время писал известный норвежский исследователь *Йохан Галтунг* [см.: 3], хотя и рассуждал в контексте рассмотрения иного рода проблем. В том же духе следует оценивать и ослабление позиций жесткой силы: подчеркивание роли новых подходов вовсе не отменяет ярко выраженный политический характер международного общения, эти аспекты лишь фиксируют тенденцию перенесения политической борьбы из плоскости **«физического» в пространство преимущественно «умственного» противостояния.** Иначе говоря, несмотря на отмеченные изменения в пространстве международных отношений наших дней, ни насилие как инструмент политики, ни сама политика и свойственное ей преследование ярко выраженных интересов не отошли на второй план и, возможно, наоборот, получили новый импульс.

Таким образом, очевидно, что имиджологическая борьба диктует свои правила политики. Она создает такие условия, для которых проведение массивной работы по формированию привлекательного имиджа государства становится первоочередной задачей: вопросы правильной политики **национального (государственного) брендинга** выходят на передний план, а борьба в это сфере становится одной из ключевых в продвижении политических и геополитических интересов. При этом, как подметил *Й. Фэн*, изучение

национального брендинга требует обращения внимания на три момента: идентичность (самовосприятие страны или народа), сам бренд (т.е. то, как представляется идентичность данного народа/страны миру) и имидж (то, как мир на деле воспринимает данный народ, его идентичность (сквозь призму созданного им бренда) [см.: 4]. То есть, одно дело иметь «предложение», другое дело – уметь его представлять миру, тем более, в условиях специфики современной информационной эры. Чрезмерно большой поток информации оказывает существенное влияние на ориентации людей и целых государств, человеческий разум словно «теряется» в пространстве многообразия «кибермира», и восприятие индивидов, стран и народов, зачастую, сводится, казалось бы, к весьма примитивной, но в то же время исключительно важной плоскости – **плоскости образов.** Именно поэтому проблема изучения аспектов брендинга и имиджологические вопросы приобретают подчеркнутую актуальность.

По нашему убеждению, отмеченный срез проблемы актуален также и для реалий Республики Армения, потенциал «мягкой силы» которой остается малоизученным. Исходя из этого, в данной статье предпринята попытка исследования брендинговых аспектов определения возможностей мягкой силы Армении. Прежде, однако, следует обратиться к самому концепту «национального брендинга», изучение которого в современной науке представлено многими противоречиями и неоднозначностью.

Дефиниционные аспекты «национального брендинга»

В научной литературе термин «национальный брендинг» встречается в самых разных значениях, что обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, важное осложнение представляет собой тот факт, что термин пришел из английского, где слово “national” используется как в значении «государственного», так и «национального». В этой связи *Дж. Уидлер*, определяя данное понятие, справедливо отмечает, что далеко не ясным остается то, что именно «брендируется» – народ или государство? [5, 148].

В реалиях, где наблюдается четкое разграничение национального и государственного, данный вопрос, безусловно, стоит намного острее. Для Армении же этот аспект имеет двойственное значение: с одной стороны, в условиях мононациональной страны «национальное» и «государственное» внутри государства совпадают; с другой стороны, для РА понятие национального намного шире, чем «государственное» (и это отмечено также в Стратегии национальной безопасности РА [см.: 6]), что связано с наличием армянской диаспоры, в несколько раз превышающей по своей численности

население самой Армении. Поэтому вышеотмеченный аспект весьма существенен для армянских реалий, особенно с учетом того, что диаспора является исключительно важным «каналом» национального брендинга.

Во-вторых, данное понятие было разработано преимущественно в рамках двух дисциплинарных блоков, представляющих **экономическую и политическую** интерпретации этого концепта. Узко экономическая трактовка «национального брендинга» рассматривает понятие в рамках экономического менеджмента, в частности, в тесной связи с распространенным в научной литературе термином **COO (“country of origin”)** [см.: 7], который выражает именно экономический аспект брендинга – бренд страны непосредственно связан с его продукцией («*Made in Germany», «Made in Japan»* и др.). Следует отметить, однако, что изначально «национальный брендинг» имел политическое содержание; так, британский исследователь *Саймон Анхольт,* который первым употребил данный термин (1996г.) утверждает, что данное понятие отражает прежде всего значимость **репутации** страны, ее политического имиджа. В своих статьях Анхольт выступает против «экономизации» национального брендинга [См.: 8], и эту позицию поддерживают ряд и других авторов[2].

Между тем, речь вовсе не о взаимоисключении вышеотмеченных двух традиций толкования понятия, а, скорее, о недопустимости крайностей при его концептуализации. В условиях современного глобализированного и экономически детерминированного мира политическая и экономическая трактовки отмеченного понятия не только не противоречат друг другу, но тесно переплетены: экономика выступает как ключевой ресурс политического процесса, а политическое «реноме» государства, в свою очередь, выступает как важнейший фактор для инвестиций, для экономического развития в целом.

Наконец, третье обстоятельство, которое вносит значимую долю неясности и неоднозначности при определении «национального брендинга», заключается в том, что термин имеет много схожего с понятием «публичная дипломатия». В связи с этим, следует отметить, что по вопросу соотношения этих двух концептов среди исследователей существует много разногласий. *Г. Сзонди* условно выделил 5 подходов, которые по-разному рассматривают соотношение «публичной дипломатии» и «национального брендинга», начиная от их полного разграничения и заканчивая их отождествлением (см. Рисунок 1).

[2] Например, британский исследователь Й. Фен, пытаясь отмежевать «национальный брендинг» из понятийно-категориального аппарата экономики, выделяет основные различия между национальным и коммерческим брендингом, отмечая, что они имеют совершенно разные цели, атрибутику, направлены на разные аудитории и т.д. [См.: 9].

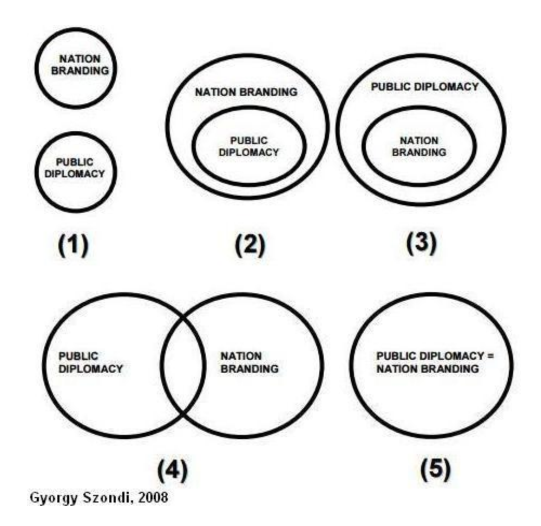

Рисунок 1

Объединяет эти подходы то, что все они признают схожесть национального брендинга и публичной дипломатии в их стремлении сформировать определенный положительный имидж, и в этом смысле голландский исследователь *Ян Мелиссен* прав, отмечая, что «изнутри» национальный брендинг и публичная дипломатия – «это сестры» [10, 19]. С другой стороны, во всех пяти подходах наблюдается дифференциация позиций на основе различий вышеотмеченных экономической и политической трактовок национального брендинга. Так, если придерживаться экономического определения «национального брендинга», то последний выступает как часть «публичной дипломатии» или же как тесно сопряженная с ней область знаний, местами накладываемая на сферу публичной дипломатии. Политическая интерпретация «национального брендинга», напротив, значительно расширяет объем данного понятия, она признает важность экономического фактора, но не сводит национальный брендинг лишь к данному пласту проблемы. В этом случае уже публичная дипломатия выступает как часть брендинга.

В рамках настоящего исследования мы будем придерживаться именно последней точки зрения. Данная позиция представлена преимущественно С. Анхольтом, который выделяет **6 факторов или параметров** (см. Рис. 2), посредством которых формируется, имплементиру-

Рисунок 2

***Источник*: http://nation-brands.gfk.com/**

ется и измеряется «национальный брендинг»[3]: 1. **люди** (сложившееся мнение о самих людях, т.е. о населении данной страны, ее открытости, дружелюбии, толерантности и т.д.), 2. **власть** (легитимность действующей в стране власти, ее компетентность, ее политика по таким глобальным вопросам как демократия, правосудие, окружающая среда и др.), 3. **экспорт** (образ конкретных товаров и услуг, экспортируемых данной страной), 4. **туризм** (туристическая привлекательность), 5. **культура и наследие** (восприятие культуры страны, ее исторического наследия и места в современном мире), 6. **инвестиции и иммиграция** (степень привлекательности страны для проживания (иммиграции в страну), а также ее инвестиционная привлекательность). Следует отметить, что, по сути, это единственная на сегодняшний день призма изучения и измерения национального брендинга государств. При этом, как можно заметить, все 6 индикаторов выражают ту или иную грань **именно репутации** страны и народа.

Национальный бренд Армении и индекс “Anholt-GfK”

Индекс *“Anholt-GfK”* применяется к более 50 государствам мира. Это страны, которые наиболее активны в мировой политике и наиболее развиты в социально-экономическом плане. Данный индекс ранее никогда не был применен к реалиям Республики Армения, поэтому ниже предлагается вкратце рассмотреть все 6 анхольтовских параметров национального брендинга в контексте специфики Армении.

Люди. Армения известна как гостеприимная страна, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы, статьи, видеоматериалы туристов, журналистов и т.д.: по крайней мере, такой имидж сложился на постсоветском пространстве. Тем не менее, в условиях фактического отсутствия реальной социологической работы по выявлению «уровня дружелюбия и открытости» армянского народа к другим нациям и всему миру, а также ввиду того, что сама эта работа зачастую политизируется и ангажируется, рассуждения касательно данного пункта имеют весьма ограниченный характер. В отличие от других параметров измерения брендинга, «дружественность» или «гостеприимство» – это категории, которые не имеют научной базы, по ним нельзя найти статистику, научный анализ практически невозможен, тем более, что встречающиеся по данным вопросам материалы зачастую имеют «заказной» характер. Вместе с тем, что касается толерантности, то факт отсутствия каких-либо проблем с национальными и этническими меньшинствами, прожи-

[3] Так называемый “Anholt-GfK Nations Brands Index”.

вающими в Армении (езиды, русские, ассирийцы, курды, украинцы, греки, грузины и др.) позволяет утверждать, что в этом вопросе Армения имеет высокие показатели.

Власть. В данном вопросе следует выделить два среза проблемы: внутренний и внешний, т.е. мнение народа о власти своей страны и мнение, сложившееся в международном сообществе. С одной стороны, тяжелое социально-экономическое состояние, высокий уровень безработицы и бедности [см.: 11], значительно возросший уровень протестных настроений значительно подрывают уровень легитимности действующих властей в РА. С другой стороны, наблюдатели ОБСЕ о выборах, проводимых в РА, всегда выступали с докладами преимущественно положительного содержания, несмотря на критику по тем или иным вопросам [см.: 12]; Армения в международных отношениях выступает как лояльный партнер и выполняет все обязательства, налагаемые на нее тем или иным договором; в международных структурах Армения всегда поддерживает инициативы по решению глобальных проблем, в том числе по COP21 [см.: 13], по терроризму и т.д.; Армения – одна из тех стран, которая не подвергла сомнению ни одно из решений, принятых Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ)[4]. Иначе говоря, отмеченные обстоятельства не позволяют сделать однозначный вывод касаемо данного пункта измерения национального брендинга Армении.

Экспорт. По официальным данным, в 2015 году главным экспортируемым продуктом выступили «минеральные продукты» (около 33%) [см.: 15]. Этот факт свидетельствует о том, что Армения нуждается в существенной работе по улучшению показателей COO: нужно экспортировать не сырье, а готовые продукты и создавать бренд **«Сделано в Армении».** Традиция коньячного производства помогла создать бренд армянского коньяка (хотя бы в советском и постсоветском пространстве), однако это лишь малая часть потенциала, который Армения может реализовать. Иное дело, что данный вопрос требует серьезных инвестиционных проектов.

Инвестиции и иммиграция. Инвестиционный климат РА переживает кризисные времена, и это принимается также политической элитой страны [см.: 16]. Есть четкое понимание, что государство нуждается в конкретных шагах по привлечению иностранных инвестиций. Несмотря на то, что по многим показателям Армения занимает солидные позиции (например, 43-е

---

[4] В отличие, например, от соседнего Азербайджана, Верховный Суд которого 18 ноября 2016 года принял решение оставить под стражей азербайджанского журналиста И. Мамедова вопреки решению ЕСПЧ, который ранее постановил освободить политзаключенного. На это последовала жесткая реакция генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда [см.: 14].

место в мире (2016г.) в рейтинге *Всемирного Банка по параметрам “Doing business”* [см.: 17]), проводятся регулярные форумы [см., например: 18], многие отдельные агентства сконцентрированы на привлечении инвестиций[5], тем не менее, пока не удается достигнуть ощутимых результатов.

Еще более сложная ситуация наблюдается в вопросе иммиграции: с 1991 года по сей день в Армении наблюдалась лишь эмиграция; исключение составил лишь период с 2004 по 2006 год, когда впервые было зафиксировано положительное сальдо между уезжающими и приезжающими в страну, т.е. впервые отток (эмиграция) населения заменился притоком (иммиграцией). Тем не менее, следует отметить, что это были преимущественно армяне, миграцию которых можно объяснить, скорее, сравнительной стабилизацией социально-экономической ситуации в Армении, нежели каким-либо действием или результатом национального брендинга, основной аудиторией которого традиционно выступают иностранцы. Следовательно, даже отмеченный краткий период иммиграции лишь в незначительной мере может быть связан с проблематикой национального брендинга РА. В то же время, очевидно, что иммиграционная привлекательность страны непосредственно зависит от других, вышеотмеченных показателей, ее успех детерминирован развитием в других сферах.

Туризм. Природные условия, а также многовековая и богатая история Армении предоставляют хорошие возможности для развития туризма в стране. По официальным статистическим данным, с каждым годом число туристов, посещающих Армению, лишь возрастало [см.: 19], однако, в 2015 году Армению посетило лишь 1 млн. 192 тыс. туристов, т.е. на 11 тыс. меньше, чем в прошлом году (2014 – 1 млн. 203 тыс.). Для сравнения, в соседней Грузии в 2015 году этот показатель составил более 2,2 млн., в Азербайджане – 2 млн. Таким образом, мы не только уступаем соседям по развитию туризма, но и теряем саму динамику развития туризма в стране. В этой связи уместно будет привести данные опроса, проведенного Международным проектом “Aurora Humanitarian Initiative” в 10 странах мира. На вопрос о вероятности посетить Армению, 32% респондентов ответило: «Крайне маловероятно», 15 процентов – «Маловероятно», а 24% и вовсе ответило: «Никогда бы не приехал в Армению» [см.: 20].

Культура и наследие. Ключевым компонентом национального бренда, тем не менее, выступает культура народа и его историческое наследие.

---

[5] Например, Global SPC // http://www.investinarmenia.am/en/, Invest in Armenia // http://invest-in-armenia.com/en/ и др.

Анхольт выделяет этот момент, прежде всего, в силу политического потенциала культурного фактора, ее способности выделять страну, выделять ее образ, ее бренд. Как было отмечено, бренд страны в анхольтовском понимании – это, в первую очередь, его репутация, но именно культура позволяет расширять и укреплять репутацию среди других.

Примечательно, что исключительное значение данному фактору придает и Дж. Най, который рассматривает культуру (наряду с политическими ценностями и внешней политикой) в качестве основного ресурса мягкой силы [2, 11]. В частности, Най отмечает влияние культуры на умы людей: культурный продукт может заставить других добровольно подражать образу жизни данного народа, его ценностям и идеалам. Тем не менее, отмечает автор, это возможно лишь тогда, когда культура имеет элементы «универсализма», она не должна быть замкнутой, «местнической».

Многовековая богатая культура армянского народа в течение истории проходила разные этапы развития, но она никогда не ставила перед собой «экспансионистские» цели, она не имела амбиций универсализации, она выступала средством, скорее, «защиты», нежели «нападения». Поэтому неправомерно будет утверждать, что в настоящее время Армения, продвигая свою культуру в мире, может достичь тех политических и геополитических целей, которые характерны для ведущих держав мягкой силы (США, Китай, Германия и др.), тем более, что это требует наличия ряда иных ресурсов (политических, экономических и т.д.), которыми обладают отмеченные державы. В то же время сказанное не отменяет всей значимости и необходимости проведения работ в области продвижения армянской культуры, так как эти действия могут принести ряд других дивидендов: развитие туризма, привлечение инвестиций и т.д. Кроме того, и сама политическая составляющая не отходит на второй план: например, культура может помочь повлиять на общественное мнение разных стран касательно Карабахского конфликта, признания Геноцида армян (производство фильмов, фотовыставки и т.д.) и др. В этом контексте важно проводить такие мероприятия, которые могут иметь большой международный резонанс. В качестве примера можно привести мероприятия, приуроченные 1700-летию принятия христианства в Армении, объявление (ЮНЕСКО) Еревана Всемирной книжной столицей в 2012г. (в связи с 500-летием первой печатной книги на армянском языке), ежегодно проведение кинофестиваля «Золотой абрикос», мероприятия, посвященные 100-летию Геноцида армян и др.

Заключение

В современном мире, где информация достигает своего адресата за считанные секунды, а сложившееся мнение людей имеет существенное значение как для экономического развития, так и для достижения политических целей, создание привлекательного имиджа страны является насущной необходимостью. Вместе с тем, привлекательный образ – ядро концепта мягкой силы – не всегда с необходимостью приводит к достижению каких-либо глобальных геополитических целей государства: в случае со многими странами мягкая сила зачастую ограничивается лишь возбуждением интереса к стране, а не прямым вовлечением в ареал добровольной реализации ее целей и стратегических интересов.

Так же обстоит дело и в случае с Арменией: в настоящее время перед РА нет цели (равно как и возможностей) проводить политику, которая обеспечила бы такие условия, чтобы нам, нашему образу жизни, нашим ценностям подражали (естественно, речь идет не об отдельных личностях). Между тем, ресурсный потенциал мягкой силы Армении в силе вызвать интерес к нам, привлечь внимание других народов, прежде всего, к нашему древнему и исключительно богатому культурно-историческому наследию, что, в свою очередь, положительно отразится на экономике страны (культурный туризм, поток туристов увеличит также иностранные капитальные вливания и др.), а также косвенно повлияет на политическую репутацию Армении. Именно в этом должна заключаться наша первоочередная цель и именно поэтому создание национального бренда имеет особую актуальность.

В то же время очевидно, что достижение отмеченной цели требует координированных и централизованных действий. Более того, этому должно способствовать то обстоятельство, что, в отличие от публичной дипломатии, национальный брендинг осуществляется, прежде всего, государственными органами, что позволяет повысить уровень контроля над осуществляемыми программами. В связи с этим, предлагаются следующие рекомендации:

• следует разработать стратегию по политике национального брендинга РА;

• следует сформировать координационный центр или комитет, ответственный за организацию и регулирование работ в данной области;

• следует интенсифицировать связи с армянской диаспорой: она предоставляет уникальную возможность для презентации армянской культуры во всем мире, а формирование национального бренда немыслимо без непосредственного вовлечения диаспоры;

• необходимо расширить и углубить весь инструментарий самопрезентации: все телеканалы и радиоканалы, а также печатные и интернет-СМИ должны иметь версию или вещание на английском, а также на других иностранных языках; рекламные ролики о стране, ее культуре [см.: 21] желательно транслировать по ведущим зарубежным телеканалам, для привлечение внимания туристов – все это также может сыграть существеннную роль;

• следует проводить как можно больше мероприятий, которые могут стать темой публикаций в международных средствах массовой информации: «Армения» должна больше упоминаться в международной ленте новостей; важную роль в этом плане могут сыграть «каналы» армянских знаменитостей (Ким Кардашьян, Генрих Мхитарян, Алексис Оганян и др.[6]);

• наконец, представляется необходимым расширить государственные программы по поддержке отечественных производителей, выпускающих продукты с надписью «Сделано в Армении» (вне зависимости от того, что именно они производят).

Таким образом, концепт национального брендинга представляет собой далеко не единственную, но, при этом, весьма важную грань в понимании политики и международных отношений наших дней. Он выступает как существенная компонента исследовательской призмы, основанной на концепции «мягкой силы», ценность которой, в свою очередь, обусловлена далеко не «академической модой», но, прежде всего, прагматическим взглядом на социально-политичиеские реалии эпохи. Вместе с тем, малоизученность «национального брендинга» вызывает необходимость проведения дальнейших, более глубоких исследований, результаты которых могут быть приложены на сферу практической политики. В этом смысле исследования по брендингу Армении не должны составлять исключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антисери Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. В 4-х т. Т. 3 / пер. и под ред. С.А. Мальцевой. СП-б.: «Пневма», 2002. 688 с.
2. *Joseph S. Nye Jr.* Soft Power: The Means To Success In World Politics. New Yorl: Public Affairs, 2004. 191 p.
3. *Galtung, Johan.* Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research, Vol. 6, No. 3 (1969). PP. 167–191.
4. *Ying Fan.* Branding the nation: towards a better understanding // https://core.ac.uk/download/pdf/336086.pdf

[6] Примечательно, что результаты ранее отмеченного опроса “Aurora Humanitarian Initiative” так же подтверждают тот факт, что армянские знаменитости среди иностранцев намного известны, чем армянская культура, ее история, ценности и т.д. [См.: 20].

5. *Widler J.* (2007) Nation branding: With pride against prejudice, Place Branding and Public Diplomacy 3(2). PP. 144–150.
6. Стратегия национальной безопасности Республики Армения // http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinerus.pdf
7. *Papadopoulos N. and Heslop L.* (2002), “Country equity and country branding: problems and prospects”, Journal of Brand Management, 9:4-5. PP. 294–314.
8. *Anholt S.* Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // Exchange: The Journal of Public Diplomacy, Vol. 2 [2013], Iss. 1, Art. 1. PP. 1–7.
9. *Fan Y*. 2006. Nation branding: what is being branded? // Journal of Vacation Marketing, 12(1). PP. 5–14.
10. The new public diplomacy: soft power in international relations / ed. by Jan Melissen. Palgrave Macmillan, 2005. 221 pp.
11. Национальная статистическая служба РА // http://www.armstat.am/am/?nid=126&id=08010, http://www.armstat.am/am/?nid=81&id=1718
12. Доклады ОБСЕ по парламентским выборам 2012г. // http://www.osce.org/odihr/elections/91643?download=true, по президентским выборам 2013г. // http://www.osce.org/odihr/elections/101314?download=true, по конституционному референдуму 2015г. // http://www.osce.org/odihr/elections/220656?download=true.
13. UN Climate change newsroom // http://newsroom.unfccc.int/unfccc-newsroom/armenia-submits-its-climate-action-plan-ahead-of-2015-paris-agreement/
14. Заявление генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда касательно решения Верховного суда Азербайджана по делу И. Маммадова // http://http//www.coe.int/ru/web/portal/-/azerbaijan-statement-by-secretary-general-jagland-on-the-decision-of-the-supreme-court-today-rejecting-the-appeal-by-ilgar-mammadov
15. Таможенная служба РА // http://www.customs.am/Content.aspx?itn=csCIForeignTradeByProducts
16. Выступление новоназначенного премьер-министра РА К. Карапетяна 14.09.2016 // https://www.youtube.com/watch?v=L6cuXkbq8iI
17. World Bank Group, “Doing Business” project // http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/armenia
18. Armenia investment forum, 10-11, October 2016 // https://invest-armenia.com/
19. Министерство экономического развития и инвестиций РА // http://www.minecono-my.am/uploades/20160902175539858.pdf
20. Веб-сайт “Aurora Humanitarian Initiative” // https://auroraprize.com/hy/aurora/article/multimedia/10642/%C2%AB%D4%B1%D5%BE%D6%80%D5%B8%D6%80%D5%A1%C2%BB-%D5%B0%D5%A1%D5%B6%D6%80%D5%A1%D5%B5%D5%AB%D5%B6-%D5%AF%D5%A1%D6%80%D5%AE%D5%AB%D6%84%D5%AB-%D5%B0%D5%A5%D5%BF%D5%A1%D5%A6%D5-%B8%D5%BF%D5%B8%D6%82%D5%A9%D5%B5%D5%B8%D6%82%D5%B6
21. Индийская реклама на телеканале “Euronews” и других каналах // https://www.youtube.com/watch?v=_qBE_Z8JbzY

THE ISSUE OF ARMENIAN «SOFT POWER»: NATIONAL BRANDING ASPECTS

S. Shirkhanyan

ABSTRACT

The «soft power» concept represents one of the most recognized approaches in modern Political Science. However, its eventual domination stresses the necessity to pay attention to some interconnected issues, as well. In this context, it should be underlined the topicality of research in the sphere of national branding issues which has a low degree of academic development. This article not only presents the major approaches on defining the «national branding» but also makes an attempt to apply some of those research schemes to the modern realities of Armenia.
Keywords: soft power, national branding, public diplomacy.

ՀՀ «ՓԱՓՈՒԿ ՈՒԺԻ» ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋ. ԱԶԳԱՅԻՆ ԲՐԵՆԴԻՆԳԻ ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆՆԵՐ

Ս.Ս. Շիրխանյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

«Փափուկ ուժի» հայեցակարգը վաղուց ընդունված է գիտական հանրության կողմից: Այս տեսության դիրքերի աստիճանական ամրապնդումը, սակայն, ընդգծում է փափուկ ուժի հետ սերտորեն փոխկապակցված մի շարք այլ խնդիրների ուսումնասիրման անհրաժեշտությունը: Այս առումով հատկապես առանձնանում է «ազգային բրենդինգի» խնդրակարգը, որն ունի գիտական մշակվածության ցածր աստիճան: Սույն հոդվածի շրջանակներում ոչ միայն ներկայացվում են այդ հասկացության սահմանման հիմնական մոտեցումները, այլ նաև այդ համատեքստում փորձ է արվում կիրառել կամ տեղայնացնել որոշ հետազոտական սխեմաներ արդի հայ հասարակական-քաղաքական իրողության պայմաններում:
Հիմնաբառեր՝ փափուկ ուժ, ազգային բրենդինգ, հանրային դիվանագիտություն:

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԲԱՑԵՐԻ ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ն.Ա. Հակոբյան

ԳԱԱ փիլիսոփայության և իրավունքի ինստիտուտ

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում հեղինակը հանգամանորեն վերլուծության է ենթարկել իրավունքի տեսության արդի հիմնախնդիրներից մեկի՝ իրավունքի բացի հասկացության հետ կապված հարցերը: Մասնագիտական աղբյուրների քննական վերլուծության արդյունքների հիման վրա հոդվածում տրված է իրավունքի բացի հեղինակային սահմանումը. Բացը իրավունքում՝ իրավական կարգավորմ ան սահմաններում կոնկրետ հասարակական հարաբերության նորմատիվ կանոնակարգման համար անհրաժեշտ իրավական նորմի բացակայությունն է:

Հիմնաբառեր՝ իրավականբաց, իրավականվակուում, բացը օրենքում, բաց իրավակարգավորման մեջ, իրավունքի անալոգիա, իրավամեկնաբանում:

Գիտական գրականության մեջ գոյություն ունեն իրավունքում բացերի (իրավաբանական վակումներ)[1] հասկացության մասին մի մյանց հակասող հասկացություններ: Առանձին իրավագետներ առան ձնացնում են միայն երկու եղանակը՝ իրավունքի անալոգիան և օրենքի անալոգիան[2]: Այլ մասնագետները հաստատում են նշված բացերի հաղթահարման բազմաթիվ մեթոդների առկայությունը[3]:

Իրավական բացերի վերականգնման գծով գործունեության բնույթը նույն պես հանդես է գալիս իբր և վեճի առարկա: Այստեղ, մասնավորապես, առաջադրված են երկու տեսակետեր. Նշված գործունեու-

[1] Մասնագիտական գրականության մեջ այս եզրույթը հաճախակի օգտագործվում է իբրև իրավունքում բացի հոմանիշ (տե ս *Верещагин А.Н.* Судебное правотворчество в Росии. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004: էջ 96. *Langenbucher K.* Argument by analogy in European Law // Cambridge Law Journal. 1998. 57. P. 483):

[2] Տե՛ս *Сабо И.* Социалистическое право. М., 1964: էջ 279; *Пиголкин А.С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Сов. государство и право. 1970. № 3: էջ 56:

[3] Տե՛ս *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и пременению законов. М., 1997:էջ 102, 104–110; *Лазарев В.В.* Проблемы в праве и пути их устранения. М., 1974: էջ 179. *Боннер А.Т.* Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980: էջ 85:

թյունը դիտարկվում է կամ իբր և իրավակիրառական[4] կամայլ[5]: Մասնագետների կարծիքները նաև տարբերվում են այն հարցի շուրջ, թեարդյոքի րավունքի բացերի լրացման ժամանական հրաժեշտ է դիմել իրավաբանական ֆիկցիաներին. Ոմանք ընդունում են այդպիսի անհրաժեշտությունը[6], ուրիշները՝այն բացառում են[7]:

Նշենք, որ շարադրված տեսակետները, ըստ էության, ինկատի են առնում բացառապես հասարակական հարաբերությունների այն ոլորտները, որոնք արդեն օրենսդրորեն կարգավորված են: Մեր , իրավունքում բացի առկայության մասին կարելի է խոսել միայն այնպիսի փաստերի նկատմամբ, որոնք գտնվում են իրավական ներգործության ոլորտում:

Իրավունքում բացի հասկացության սահմանման նկատմամբ այս կամ այն վեճի լուծման համար իրավական նոր մի բացակայությունն ինքնին դեռ ևս չի վկայում բացի առկայության մասին, քանի որ ենթադրվում է, որ իրավական կարգավորումը չի ընդգրկում և չպետք է ընդգրկի հասարակական հարաբերությունների ողջ բազմազանությունը: Իսկ որպես դրա առկայության ցուցանիշ, այս տեսակետից, հանդես է գալիս հասարակական հարաբերությունների միայն այն ոլորտը, որը ենթակա է կարգավորման իրավական նորմերի միջոցով[8]:

Այսպիսով, հիմնական եզրահանգում, որը կարելի է կատարել իրավունքում բացի վերոնշյալ սահմանումից կայանում է նրանում, որ դիտարկվող երևույթի էության նկատմամբ, այս պես կոչված, «նեղմոտեցման» կողմնակիցները փաստացիորեն խոսում են օրենքում, այլ ոչ թե իրավունքում առկա բացի մասին: Հանուն արդարության հրաժեշտ է նշել, որ «բաց» հասկացության կիրառման ոլորտի նմանատիպ սահմանում նիր հիմնավորում նունի դրա ստուգաբանության նկատմամբ ձևական մոտեցման տեսակետից, քանի որ «բաց» բառն ուղիղ իմաստով նշանակում է «չլրացրածտեղ», իսկ փոխաբերականի մաստով՝ որոշակի թերություն, բացթողում: Ընդորում

---

4 Տե՛ս *Леушин В.И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве: дис… канд. юрид. наук. Свердловск, 1971: էջ 36, 98: *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 2. М., 1982: էջ 347, 349.

5 Տե՛՛ս *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. С-Пб., 1911, էջ 362; *Завадский А.В.* К учению о толковании и пременении гражданских законов. М., 2008, էջ 162– 163, 237, 282:

6 Տե՛՛ս *Pospilis L.J.* Anthropology of Law: a Comparative Theory. N.Y.: Evanston; San Francisco: L., 1971. PP. 21–22:

7 Տե՛՛ս *Штейнберг И.З.* Что такое «движение свободного права?» (Закон и судия). М., 1914. էջ 15; *Завадский А.В.* Նշված աշխ. էջ 356, 359:

8 Տե՛՛ս *Малахов В.П.* Право в контексте форм общественного создания. Принцип правопонимания. М., 2015, СС. 6–7.

թերությունը հասկացվում է իբր և արատ, անկատարություն, ոչ լրիվ քանակություն, իսկ բաց թողումը՝ իբր և անփութության հետևանքով թույլ տված սխալ, անուշադրություն: Համապատասխանաբար, ելնելով «բաց» բառի ճշգրիտ արժեքից, իրավունքում բացերիմասին, այդ թվում նաև՝ նոր հասարակական հարաբերությունների առաջացման հետ կապված դրանցի հայտ գալու մասին, որոնք գոյություն չեն ունեցել իրավակա նակտի հրապարակման ժամանակ, չի կարելի խոսել ընդհանրապես, քանի որ չի կարելի «բաց թողնել, թերադիտարկել» միբան, որըորոշակի ժամանակաշրջանում ընդհանրապես գոյություն չի ունեցել:

Վ.Վ. Լազարևի կարծիքով, իրավական կարգավորման ոլորտի սահմանափակ ըմբռնումը, որը բնորոշ է բացի էության նկատմամբ «նեղ» մոտեցման համար, պայմանավորված է, մի կողմից, հիմնական իրավական հասկացությունների, և մասնավորապես՝«իրավունք» և «օրենք» կատեգորիաների սուբյեկտիվ մեկնաբանմամբ, իսկ մյուս կողմից՝ բուն «բաց» հասկացության ամբողջական ացմամբ, քանի որ այդպիսին են հաճախակի համարվում իրավակիրառական մարմիններին տրամադրված հնարավորությունները՝ հստակեցնելու օրենքում կիրառվող վերացական, գնահատական հասկացությունները (ինչպիսիք են, օրինակ «գործնական շրջանառության սովորույթը», «արդար մտադրությունները» և այլն)[9]:

Այսպիսով, բացի հասկացության սահմանման նկատմամբ «նեղ» մոտեցում օգտագործելու ժամանակ գոյություն ունի վտանգ կորցնելու տարբեր ությանսահմանը՝ բուն «իրավունքի բացերի» ու «օրենքի բացերի» հասկացությունների միջև, որոնցից յուաքանչյուրը ոչ միայն ունի իր տեսական հիմնավորումը իրավունքում, այլ և՝ իրական արտացոլում գործող օրենսդրության մեջ: Այս կապակցությամբ Վ.Վ. Լազարևը նշում է, որ իրավունքում բացերի բազմաթիվ վիճահարույց հարցեր կարելի է վերացնել այն դեպքում, եթե նախապես դիտարկվեն բուն իրավունքի հասկացությունը, սահմանվեն հասարակական հարաբերությունների վրա իրավական ներգործության սահմաններնու դերը[10]:

Մեր կարծիքով, սակայն, տվյալ դեպքում բավարար է դիմել ժամանակակից ինստիտուցիոնալ իրավաընկալմանը, որին համաձայն իրավունքը՝ իբր և հասարակական հարաբերությունների կար-

---

[9] Տե՛՛ս *Лазарев В.В.* Проблемы в праве пути их устранения. М., 1974, էջ 6:

[10] *Лазарев В.В.* Проблемы в праве пути их устранения. М., 1974, էջ 7:

գավորիչ համարվում է «առնվազն հարաբերական որ են անկախ պետությունից և օրենքից կամանգամ՝ օրենքին նախորդող, օրինակ, իբրև վերապատմական բնական իրավունք կամ իբրև հասարակական, պայմանականորեն ու հասարակայնորեն հիմնավորված իրավունքը, որը տրոհվում է օբյեկտիվ հասարակական հարաբերություններում»[11]: Համապատասխանաբար, գործող իրավական ուսմունքում հաստատվում է իրավունքի աղբյուրի նկատմամբ: Պետությունն այս իրավիճակում հանդիսանում է օրենքների, սակայն ոչ իրավունքի բացառիկ ստեղծողնու աղբյուրը[12]:

Այսպիսով «բացերը իրավունքում» և «բացերը օրենքում» հասկացությունների հիմնավորված տարանջատումը չի բացառում, սակայն, նաև դրանց առանձնացված կիրառման որոշակի պայմանականություն, որի մասին նույնպես անհրաժեշտ է մի քանի դատողություններ անել: Ժամանակակից իր ավաբանական գրականության մեջ, որպես կանոն, ընդգծվում է, որ սոցիալական առումով իրավունքը երբեք չի եղել վերացական. Այն միշտ արտահայտում և ամրագրում է հասարակական խավերի, իշխանության կամ որոշակի սոցիալական խմբերի կամքն ու շահերը: Չկա «ընդհանրապես» իրավունք, այն միշտ առարկայական և իրական է: Դրանից ելնելով, դուրս են բերվում իրավունքի հետևյալ հիմնական հատկանիշները (կարելի է ասել, որ դրանք իրավունքի հատկանիշներն են նեղ, իրավաբանական իմաստով).

1) Իրավունքը՝վարքագծի նորմերի ուկանոների համակարգ է: Այս համակարգը պետք է լինի ներքուստ միասնական ու անհակասական. Դրան որ մերը պետք է ուղղված լինեն խիստ որոշակի՝ կարգավորիչ և այլ գործառույթների կատարմանը և միասնական նպատակներին հասնելուն, ինչ ը հանդիսանում է իրական, գործող իրավական համակարգի պարտադիր պահանջներից և միաժամանակ հատկանիշներից մեկը:

2) Իրավունքը՝ոչ միայն նորմերի համակարգ է, այլ՝պետության կողմից սահմանված կամ պաշտպանված նորմերի համակարգ: Ստեղծելով իրավական նորմեր, պետությունը գործում է անմիջապես իր, դրան լիազորված մարմինների միջոցով, կամ փոխանցելով որոշակի նորմատիվ–իրավական ակտեր հրապարակելու իր առանձին

[11] Տե՛ս *Четвернин В.А.* Демократическое конституционное государство. Введение и теорию. М., 1993, էջ 13, 61:

[12] Տե՛ս Проблемы теории государства и права / Под. ред. М.Н. Марченко,. М., 2015. СС. 294–295.

լիազորությունները ոչ պետական մարմիններին կամ կազմակերպություններին:

3) Իրավունքը միշտ արտացոլում է պետական կամքը՝ իբրև իրավունքի հիմք, որն իր հերթին, ըստ զանազան հայեցակարգերի, որոնք առկաեն նաև իրավագիտական գրականության մեջ, իր մեջ մարմնավորում է դասի, իշխող խմբի, ժողովրդի, հասարակության կամ ազգի կամքը:

4) Իրավունքը իրենից ներկայացնում է համապարտադիր բնույթ կրող վարքագծի նորմերի կամ կանոների համակարգ: Համապարտադիր լինելը՝ իբր և իրավունքի առանձնահատուկ հատկանիշ և պահանջ, տարածվում է ոչ միայն շարքային քաղաքացիների, պաշտոնատար անձանց, տարբեր ոչ պետական մարմինների ու կազմակերպությունների վրա, այ լև՝բուն պետության վրա:

5) Իրավունքը պաշտպան վում ու ապահովվում է պետության կողմից, իսկ իրավունքի նորմերում պարունակվող պահանջների խախտման դեպքում, կիրառվում է պետական հարկադրանքը:

Հաշվի առնելով վերոշարադրյալը, Լ.Ի. Սպիրիդոնովն իրավունքն ավելի լայնոր են սահմանում է իբրև «ազատ ու հավասար սուբյեկտների միջև հասարակայնորեն նշանավոր հարաբերությունների՝ պատմականորեն ստեղծված կարգի նորմատիվ արտացոլում»[13]: Այս կարգից շեղումները կարող են վերացվել պետական հարկադրանքի միջոցներով:

Այդպիսի մոտեցման ժամանակ, մի կողմից, հասկանալի է դառնում «իրավունքում բացերի» և «օրենքում բացերի» ողջ հարաբերականությունը, ինչպես նաև՝ անվանված իրավական երևույթների էությունը տարանջատելու փորձը: Մյուս կողմից, դիտարկվող երևույթների միջև տարբերության անտեսումը, առաջինի ու երկրորդի նույնացումը հղի է բացերի որորնման ու վերացման հիմնախնդրի հանգեցմանը՝ օրենսդրության զուտ «տեխնիկական» սխալների, այսինքն՝ օրենքի բացերի վերացմանը:

Իրավունքում բացերի էության ընկալման նկատմամբ մեկ այլ մոտեցում, որ նարտահայտված է Ս.Ի. Վիլնյանսկու, Վ.Վ. Լազարևի և այլոց աշխատություններում կապված է իրավական երգործության ոլորտի մեջ ընկնող հասարակական հարաբերությունների ավելի լայն մեկնաբանմամբ:

---

[13] Տե՛ս *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. С-Пб., 2015, էջ 101–102.

Այդպես, օրինակ, ըստ Ս.Ի. Վիլնյանսկու սահմանման, իրավունքում բացը արտահայտվում էի րավական նորմեր ով հասարակական հարաբերությունների լրիվ կամ մասնակի չկարգավորվածությամբ[14]: Ելնելով, իրավունքում բացի պայմանական որ են «լայն» կիրառումից, Վ.Վ. Լազարևն այն սահմանում է իբրև «նորմատիվ կարգավորումների լրիվ կամ մասնակի բացակայություն, որոնց անհրաժեշտությունը պայմանավորված է հասարակական հարաբերությունների զարգացմամբ և գործերի գործնական լուծման պահանջներով, հիմնական սկզբունքներով, գործող օրենսդրության քաղաքականությամբ, իմաստով ու բովանդակությամբ, ինչպես նաև դասային կամքի այլ դրսևորումներով, որոնք ուղղված են իրավական ներգործության ոլորտում կենսական փաստերի կարգավորմանը»[15]:

Նշված սահմանման մեջ գոյությունուն են երեք հիմնական դրույթներ.

1) Հասարակական գիտակցությունը ձևավորող՝ հասարակական հարաբերությունների զարգացման որոշակի մակարդակ.

2) Հասարակական կամքի, հասարակական գիտակցության տարբեր դրսևորումներ, որոնք իրենց արտացոլումն են գտնում գործող օրենսդրության հիմնական սկզբունքներում, քաղաքականության, իմաստի և բովադակության մեջ և այլն.

3) Գործերի գործնական լուծման անհրաժեշտություն:

Հետևաբար, իրավունքում բաց սահմանելիս, պետք է ինկատի ունենալ հասարակական կամքի, հասարակական գիտակցության և իր կողմից ընդգրկվող բոլոր հարաբերությունների դրսևորումները: Իրավունքում բացի հասկացության սահմանման նկատմամբ այդպիսի մոտեցման ժամանակ կապված է դառնում մեծ հաշվով հասարակական հարաբերությունների այն ամբողջ ոլորտը, որը կարող է ընդգրկված լինել իրավագիտակցության կողմից:

Տարանջատելով «իրավունքի բացեր» և «օրենքի բացեր» կատեգորիաները, իրավաբանական գրականության մեջ նշվում է, որ «օրենքում բացերը» տեղի են ունենում այն տեղ, որտեղ նորմատիվ ակտը, ընդհանուր ձևով կարգավորելով հասարակական հարաբերությունները, թողնում է այդ հարաբերությունների և դրանց նմանվող հարաբերությունների որոշակի ասպեկտներ առանց իրավական միջնորդավորման, այն

[14] *Вильнянский С.И.* Значение логики в применении правовых норм // Учен. Зап. юрид. ин-та. Вып. 3. Харьков, 1948, նույնի Толкование и применение гражданско-правовых норм // Метод. материалы ВЮЗИ. Вып. 2. М., 1948:

[15] *Лазарев В.В.* Проблемы в праве пути их устранения. М., 1974, էջ 37:

ժամանակ, երբ այն պետք է լինի հենց այդ նորմատիվ ակտում: Նորմատիվ ակտերի իսպառ բացակայության պայմաններում, այսինքն՝ այն տեղ, որտեղ անգամ ընդհանուր ձևով սահմանված հարաբերությունները չեն ստացել իրենց իրավական ձևավորումը, առկա է «իրավունքում բացը»[16]: Դժվար է համաձայն եւ շարադրված կարծիքի հետ, քանի որ օրենքում առկա բացը են թաղրում է նույն օրենքում իրավական նորմի բացակայությունը, որը սահմանում է իրավական կարգավորման ընդհանուր շրջանակները: Լիովին հավանականէ, որ մասամբ այդ հարաբերությունները կարգավորված լինեն մեկ այլ օրենքում, ինչի հետ կապված հիմք չի լինելու խոսել օրենքում բացի առկայության մասին:

Մերկ արծիքով, օրենքում առկա բացը են թաղրում է պահանջվող իրանական նորմի բացակայությունը (ոչ լրիվությունը, հակասականությունը) օրենսդրության ողջ զանգվածում, այլ ոչ թե մեկ հստակ օրեքում: Այդպիսի մեկնաբանումից կարելի է եզրակացնել, որ բացը իրավունքում իրավական կարգավորման սահմաններում հասարակական հարաբերության նորմատիվ կարգավորման համար անհրաժեշտ՝ հստակ նորմի բացակայություն է:

Այսպիսով, կատարված վերլուծության արդյունքների հիման վրա կարելի է հանգել հետևյալ եզրակացությունների.

1. «Իրավունքիբաց» հասկացությունը վերաբերում է միայն պոզիտիվ իրավունքին, հետևաբար բնական իրավունքը իր էությամբ չի կարող «բաց» ունենալ, քանի որ այն կատարյալ և բնական իրավունք է:

2. Իրավունքի բացի առկայությունը չի բացառում, լայնառումով, իրավունքի հետագա իրացումը հասարակական հարաբերությունների կարգավորման պրոցեսում:

3. Բացը իրավունքում կոնկրետ նորմատիվ կարգադրի լրիվ կամ մասամբ բացակայությունն է իրավակարգավորման ոլորտում գտնվող փաստական հարաբերությունների կարգավորման խնդրում:

4. Իրավունքում բացը տեղի է ունենում այն տեղ, որտեղ բացահայտվում է փաստերի և կապերի կարգավորման համարան հրաժեշտ նորմերի, սկզբունքների, գաղափարների լրիվ կամ մասնակի բացակայությունն աղբյուրներում՝ հասարակական հարաբերությունների այն ոլորտներում, որոնց վրա իրավական ներգործության անհրաժեշտությունն ընդգրկված է մասնագիտական իրավաբանական իրավագիտակցությամբ:

[16] Տե՛ ս՝ *Дробшевский С. А., Тихонравов Е.Ю.* Способы восполнения пробелов в праве. М., Изд-во «Норма», 2016, էջ 33–34:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

1. *Верещагин А.Н.* Судебное правотворчество в Росии. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. С. 96.
2. *Langenbucher K.* Argument by analogy in European Law // Cambridge Law Journal. 1998. 57. P. 483.
3. *Сабо И.* Социалистическое право. М., 1964. С. 279.
4. *Пиголкин А.С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Сов. государство и право. 1970. № 3. С. 56:
5. *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и пременению законов. М., 1997. СС. 102, 104–110.
6. *Лазарев В.В.* Проблемы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 179.
7. *Боннер А.Т.* Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 1980. С. 85.
8. *Леушин В.И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законадательстве: дис… канд. юрид. наук. Свердловск, 1971, СС. 36, 98.
9. *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т. 2. М., 1982. СС. 347, 349.
10. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. С-Пб., 1911. С. 362.
11. *Завадский А.В.* К учению о толковании и пременении гражданских законов. М., 2008, СС. 162–163, 237, 282, 356, 359.
12. *Pospilis L.J.* Anthropology of Law: a Comparative Theory. N.Y.: Evanston; San Francisco: L., 1971. PP. 21–22
13. *Штейнберг И.З.* Что такое «движение свободного права»? (Закон и судия). М., 1914. С. 15.
14. *Малахов В.П.* Право в контексте форм общественного создания. Принцип право-понимания. М., 2015. СС. 6–7.
15. *Лазарев В.В.* Проблемы в праве пути их устранения. М., 1974. СС. 6,7.
16. *Четвернин В.А.* Демократическое конституционное государство. Введение и теорию. М., 1993. СС. 13, 61.
17. Проблемы теории государства и права // под. ред. М.Н. Марченко, М., 2015, СС. 294 –295.
18. *Спиридонов Л.И.* Теория государства и права. С-Пб., 2015. СС. 101–102.
19. *Вильнянский С.И.* Значение логики в применении правовых норм // Учен. Зап. юрид. ин-та. Вып. 3. Харьков, 1948.
20. *Вильнянский С.И.* Толкование и применение гражданско-правовых норм // Метод. материалы ВЮЗИ. Вып. 2. М., 1948.
21. *Лазарев В.В.* Проблемы в праве пути их устранения. М., 1974. С. 37.
22. *Дробшевский С.А., Тихонравов Е.Ю.* Способы восполнения пробелов в праве. М.: «Норма», 2016. СС. 33–34:

ПОНЯТИЕ ПРАВОВЫХ ПРОБЕЛОВ

Н.А. Акопян

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье автор обстоятельно проанализировал вопросы, связанные с понятием пробела в праве в одной из современных проблем теории права.

На основании результатов аналитических исследований профессиональных источников в статье дано авторское определение пробела в праве: пробел в праве – отсутствие необходимой пра-

вовой нормы для нормативного регламентирования общественного отношения в конкретных пределах правового регулирования.
Ключевые слова: правовой пробел, правовой вакуум, пробел в законе, пробел в правовом регулировании, аналогия права, правокомментирование.

THE CONCEPT OF GAPS IN THE LAW

N. Hakobyan

ABSTRACT

The main focus of this article is the challenges pertaining to the concept of the gap in the law, one of the contemporary problems of the theory of law. The author has developed his own definition of the gap in the law, based upon the analysis of professional sources. The definition reads as follows: gap in the law is the absence of a normative act, required to regulate particular social relations within the framework of the provided legal regulation.
Keywords: gap in the law, legal vacuum, legislative omission, regulatory gap, analogy in law, legal interpretation.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ В ЧАСТИ ИНСТИТУТА УЗУФРУКТА В РФ И РА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е.Э. Гянджумян

АННОТАЦИЯ

В рамках данной научной статьи рассматриваются вопросы, касающиеся правового регулирования ограниченных вещных прав в армянском и российском законодательствах на примере института узуфрукта. Автор представляет различные интерпретации данного понятия не только в РА и РФ, но и в некоторых зарубежных странах. Кроме того, предложенные автором формулировки предполагают провести четкое разграничение между видами ограниченных вещных прав, подчеркивают необоснованность отведения второстепенной роли правам jura in re aliena, а также предлагают доработку определения и применения данного института, что обогатит более четкое восприятие этого понятия.

Ключевые слова: ограниченные вещные права, узуфрукт, права jura in re aliena, эмфитевзис, сервитут, право пользования жилой площадью

Учитывая сложившуюся судебную практику, потребности гражданского оборота, а также последние тенденции развития науки гражданского права, авторы концепций совершенствования гражданского кодекса в РА [1] ипроекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее – Проект) уделили существенное внимание преобразованию законодательства применительно к вопросам правового регулирования отдельных видов ограниченных вещных прав, так как действующее законодательство, относительно развернуто обращаясь к институту права собственности, необоснованно отводит правам jura in re aliena лишь второстепенную роль.

Так, Проект ФЗ № 47538-6 предлагает в разделе II выделить 4 подраздела: подраздел 1 «Владение» («Понятие и виды владения», «Защита владения», подраздел 2 «Общие положения о вещных правах» («Общие положения», «Защита вещных прав»), подраздел 3 «Право собственности» («Общие положения о праве собственности», «Приобретение права собственности», "Прекращение права собственности», «Общая собственность», «Право собственности на земельныеучастки и иные природные объекты», «Право соб-

ственности на здания и сооружения», «Право собственности на помещения»), подраздел 4 «Ограниченные вещные права» («Право постоянного землевладения», «Право застройки», «Сервитут», «Право личного пользовладения», «Ипотека», «Право приобретения чужой недвижимой вещи», «Право вещной выдачи», «Право оперативного управления»). Иными словами, в РФ авторы проекта ФЗ предлагают значительно расширить круг ограниченных вещных прав, включив нормы о праве застройки, праве постоянного владения и пользования земельным участком (эмфитевзис), праве личного пользования (узуфрукт), праве приобретения чужой недвижимой вещи, праве вещных выдач.

В частности, авторы законопроекта выделяют в качестве самостоятельного ограниченного вещного права право личного пользовладения, не давая определения понятия последнего. Так, п.1 ст. 302 Проекта устанавливает, что «собственник недвижимой вещи вправе предоставить другому лицу – гражданину, а в случаях, установленных законом, – некоммерческой организации (пользовладельцу) право личного владения и пользования такой вещью (узуфрукт).

Следует отметить, что спецификой конструкции данного института, предлагаемой автором является установление субъектного состава в виде граждан и некоммерческих организаций, объектов – в виде здания, помещения или иной недвижимой вещи. Кроме того, согласно п. 2 ст. 302, «использование вещи, предоставленной в личное пользовладение, в предпринимательской деятельности не допускается». По нашему мнению, субъектная ограниченность и невозможность установления права личного пользовладения в коммерческих целях свидетельствует о социальной природе данного института.

Таким образом, *право личного пользовладения можно определить как право гражданина или некоммерческой организации владеть и пользоваться недвижимой вещью, принадлежащей другому лицу, не связанное с осуществлением владельцем и пользователем предпринимательской деятельности*.

Кроме того, заслуживает внимания вопрос дифференциации данного института с другими видами ограниченных вещных прав, на примере с эмфитевзисом и сервитутом.

Так, рассматривая опыт зарубежных стран в сфере вещных прав, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день в одних государствах предусматривается возможность наряду с узуфруктом самостоятельного закрепления эмфитевзиса (Нидерланды, Канада, Италия), в других – законодатель,

отказавшись от эмфитевзиса, расширил содержание других ограниченных вещных прав (Швейцария, Австрия, Германия) [3].

Что касается вышеотмеченного Проекта, авторы последнего предусматривают симультанное существование как узуфрукта, так и эмфитевзиса посредством выделения критерий их разграничения, так правом постоянного землевладения признается право владения и пользования чужим земельным участком, устанавливаемое бессрочно или на определенный срок, для ведения сельскохозяйственного производства, лесного хозяйства, организации рыболовства, рыбоводства, охоты, создания особо охраняемых территорий и геологических объектов, а также для иных предусмотренных законом целей, достижение которых связано с использованием природных свойств и качеств земельного участка.

Таким образом, авторы четко разграничили сферы применения данных институтов не только на субъектных и объектных уровнях, но, первостепенно, исходя из предназначения последних. В частности, в отличие от узуфрукта, эмфитевзис может быть установлен лишь для достижения установленных законом целей, связанных с использованием природных свойств и качеств земельного участка.

Заслуживает внимания также вопрос соотношения узуфрукта с сервитутом. Так, несмотря на то, что узуфрукт еще в римском праве оценивался как личный сервитут, тем не менее, относительно проблемы соотнесения институтов можно выделить не менее трех законодательных подходов. Согласно первому подходу, узуфрукт выступает самостоятельным ограниченным вещным правом, существующим параллельно с сервитутом (Франции, Италии). Второй подход характеризирует узуфрукт в качестве разновидности личного сервитута в соответствии с традициями римского права (Австрия, Словения). И, наконец, третий подход, в соответствии с которым узуфрукт наряду с предиальным и персональным сервитутами является подвидом сервитутных прав (Германия, Швейцария) [4].

Согласно Проекту, узуфруктне рассматривается в качестве вида сервитута, а выделяется в самостоятельный институт. В этой связи стоит отметить, что придание правовой автономности имеет важное значение с точки зрения регулирования правовоотношений, поскольку нормы, относящиеся к сервитуту более не будут нести субсидиарного характера.

По нашему мнению, выделяемые особенности обеспечивают четкое разграничение между видами ограниченных вещных прав. В частности, регламентируя субъектный и объектный состав, цель установления узуфрукта,

законодатель стремится дифференцировать данный институт с другими правами на чужие вещи, также нашедшими отражение в Проекте.

Как известно, в РА также был разработан законопроект по усовершенствованию гражданского законодательства в части закрепления особой разновидности ограниченных вещных прав, а именно – личного сервитута, включая его подвид – узуфрукт.

Законодатель РА, предусмотрев институт сервитута, ограничился лишь вещным сервитутом, в то время как в современных гражданских правоотношениях возникла реальная потребность по рассмотрению содержания данного института шире, связывая его существование не только с вещью, но с конкретной личностью. В условиях наличия проблесков данного института в гражданском законодательстве РА, кристаллизовалась необходимость более четко регламентировать систему прав на чужие вещи, дифференцировав разновидности сервитута. Так, авторы Проекта предлагают выделить вещный и личный сервитуты. В свою очередь, личные сервитуты по замыслу авторов должны будут подразделяться на три подвида: 1) личный ограниченный сервитут; 2) личный полный сервитут (узуфрукт); 3) право пользования жилой площадью.

Сущность *личного ограниченного сервитута* состоит в предоставлении права пользования и владения недвижимостью конкретному лицу по согласию для достижения конкретных целей. В отличие от личного ограниченного сервитута в теории *узуфрукт (личный полный сервитут)* может быть установлен как по согласию сторон, так и по завещанию относительно и движимого, и недвижимого имущества. Более того, по традициям римского права, узуфрукт предоставляет возможность узуфруктарию пользоваться не только вещью, но и плодами и прибылью от использования вещью, таким образом, каким бы пользовался собственник данного имущества, поскольку полученное от использования вещью рассматривается в качестве собственности узуфруктария. Право предоставляется на безвозмездном начале, если иное не установлено по согласию сторон. Согласно проекту, узуфрукт может быть установлен только в пользу физических лиц и некоммерческих организаций. В случае установления узуфрукта относительно земельного участка, обременение будет распространяться также и на строение, находящееся на земельном участке. И наконец, *право пользования жилой площадью*, уже закрепленное в действующем ГК РА. Так, ст. 225 ГК РА гласит, что правом пользования лица жилой площадью является его право проживания на жилой площади, являющейся собственностью другого лица. Более того, право пользования лица жилой площадью, являясь неразрывно связанным с лицом пра-

вом, не может отчуждаться, быть самостоятельным предметом залога, аренды или безвозмездного пользования, а также не может передаваться другому лицу в порядке наследования или правопреемства. С лицом, обладающим правом пользования лица жилой площадью, при согласии последнего могут проживать члены его семьи (супруг, несовершеннолетние дети) [7].

Исходя из системного анализа положений, закрепленных в Проекте по совершенствованию гражданского законодательства РА, и соотнося их с тенденциями развития гражданского законодательства РФ, можно прийти к следующим выводам.

Авторы проекта ГК РА в качестве модели для регулирования вещно-правовых отношений взяли в основу классическую классификацию, фундамент которой покоится в римском праве. В частности, так праву usus соответствует личный ограниченный сервитут, праву ususfructus – личный полный сервитут, habitatio – право пользования жилой площадью. Четвертый подвид сервитута opera eser vorum velanimalium (право личного пользования трудом чужого раба или животного) ввиду развития правовых отношений на сегодняшний день утратил свою актуальность [10]. Создатели Проекта ГК РФ, отталкиваясь от зарубежного опыта, склоняются к самостоятельной разработке системы ограниченных вещных в соответствии с тенденциями развития института прав на чужие вещи и потребностями отечественной правовой практики, с учетом ее специфики.

В отличие от авторов Проекта ГК РФ, авторы проекта соотносят институты сервитута и узуфрукта в виде рода и его подвида. Иными словами, узуфрукт рассматривается в качестве разновидности одного из видов личного сервитута, в связи с этим, положения, относящиеся к регулированию сервитута, подлежат применению в субсидиарном порядке.

Авторы проекта не предусматривают возможность сосуществования институтов узуфрукта и эмфитевзиса, что выражается в расширении содержания института узуфрукта посредством охвата в качестве объектов как движимое, так и недвижимое имущество, включая и земельные участки.

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день отсутствует единый подход к вопросу о соотношении институтов прав на чужие вещи, в виду того, что законодатель каждого государства, закрепляя то или иное ограниченное вещное право, самостоятельно определяет содержание последнего и его место в системе ограниченных вещных прав. В связи с этим, с учетом современных подходов оправданное и объективно закономерное отклонение от традиционного подхода либо, наоборот, приверженность к консервативности правовых конструкций в деле систематизации ограни-

ченных вещных прав в части узуфрукта не может быть однозначно оценено в негативном ключе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепции совершенствования гражданского законодательства РА//www. moj.ru
2. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»)//www.base.garant.ru
3. *Пиляева В.В.* Гражданское и торговое право зарубежных стран: Учебное пособие. М.: ТК Велби, 2008.
4. *Залесский В.В*. Основные институты гражданского права зарубежных стран / М.: Норма, 2009.
5. Германское Гражданское уложение // www.gesetze-im-internet.de/bgb
6. Гражданский кодекс Италии //www.altalex.eu/content/italian-civil-code-translated-english
7. Гражданский кодекс Республики Армения от 05.05.1998г. № 239 // Официальный вестник РА, 1998 / 17 (50).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. № 51-ФЗ (ред. от 22.10.2014г.).
9. Гражданский кодекс Швейцарии // www.lawyersswitzerland.com/civil-law-in-switzerland
10. *Покровский И.А*. История Римского права, издание 3-е, исправленное и дополненное Петроград, издание юридического книжного склада «Право», 1917.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF LIMITED PROPERTY LAWS ON THE EXAMPLE OF USUSFRUCT INSTITUTION, THE PERSPECTIVES OF IMPROVEMENT OF THE MECHANISMS IN THE PROCESS OF THEIR LEGAL REGULATIONS IN ARMENIA AND RUSSIA

Y. Gyanjumyan

ABSRACT

The present article is devoted to the study of important issues having deep connections with the mechanism that makes a legal regulation in the domain of limited property law in Armenian and Russian legal systems based on the example of the Institution usufruct. The author represents various interpretations of the following concept not only in Armenia and Russian Federation, but also in some foreign countries. Besides this, the hypothesis of the author in the process of formulation is supposed to lead a definite distinction in the paradigm of different forms of property laws. At the same time, in his hypothesis, the author denies the very fact, that limited property law plays secondary role, or have no theoretical background in respect of other law branches. As a matter-of-fact, the author suggests reformulation and reapplication of the following institution because, according to him, it will provide us with the opportunity to enrich and make more understandable the perception of various elements of the following concept.

Keywords: limited property rights, usufruct, jura in re aliena, emphyteusis, servitude, right to use a dwelling house.

ՍԱՀՄԱՆԱՓԱԿ ԻՐԱՅԻՆ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ՝ՈՒԶՈՒՖՐՈՒԿՏԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ ՄԱՍՈՎ, ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ՄԵԽԱՆԻԶՄՆԵՐԻ ԲԱՐԵԼԱՎՄԱՆ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ ՀՀ-ՈՒՄ և ՌԴ-ՈՒՄ.ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ

Ե.Է. Գյանջումյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը նվիրված է Հայաստանի Հանրապետության և Ռուսաստանի Դաշնության օրենսդրական ոլորտում առկա սահմանափակ իրային իրավունքի իրավական կարգավորումների մեխանիզմին վերաբերող հարցերի ուսումնասիրությանը, որն ուզֆրուկտ ինստիտուտի օրինակի վրա է հիմնված: Հոդվածի հեղինակը նշված հասկացույթի վերաբերյալ ներկայացնում է տարաբնույթ մեկնաբանություններ, որոնք առկա են ՀՀ-ում և ՌԴ-ում, նաև որոշ արտասահմանյան երկրներում: Բացի այդ, հեղինակի կողմից առաջ քաշված հիպոթեզը միտված է հստակորեն տարանջատելու սահմանափակ իրային իրավունքների զանազան ձևերը: Միաժամանակ հեղինակը ընդգծում է այն , որ սխալ և չհիմնավորված է մասնագետների կողմից jura in re aliena իրավունքներին երկրորդական բնույթ հաղորդելը: Այս ամենին զուգընթաց՝ հեղինակը նաև առաջարկում է տվյալ ինստիտուտի վերաիմաստավորում և վերաձևավորում, տվյալ հասկացույթը և նրա առանձնահատկություններն ավելի հստակ հասկանալու նպատակով:

Հիմնաբառեր՝ սահմանափակ իրային իրավունքներ, ուզուֆրուկտ, jura in re aliena իրավունքներ, էմֆիտևզիս, սերվիտուտ, բնակելի տարածության օգտագործման իրավունքը:

СТАБИЛЬНОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО И РЕФЕРЕНДУМНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Ц.М. Макарян

Российско-Армянский университет
ciallamakaryan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена проблемам демократичности избирательных и референдарных процессов в Республике Армения, в частности, такому критерию демократичности указанных процессов, как стабильность соответствующего законодательства. Проведен анализ избирательного и референдарного законодательства РА за последние 25 лет с точки зрения их стабильности и выявлены сроки внесения изменений в соответствующее законодательство либо принятия новых законов о выборах или о референдуме.

Ключевые слова: институт непосредственной демократии, стабильность избирательного законодательства, референдум, демократичность избирательных и референдарных процессов.

Выборы и референдум, как институты непосредственной демократии, как демократический способ формирования власти и решения важнейших для общества и государства вопросов закреплены законодательством всех демократических государств. Однако наличие правового регулирования указанных институтов и периодическое проведение выборов и референдумов еще не гарантируют демократичности избирательных и референдумных процессов. Мировое сообщество выработало множество критериев для определения характера или степени демократичности избирательных и референдумных процессов. К таковым относятся, например, наличие таких принципов избирательного и референдумного права, как всеобщее избирательное право, равное избирательное право, прямое избирательное право, свобода волеизъявления, тайность голосования, периодичность выборов или такие требования, как организация выборов и референдумов независимым органом, возможность наблюдения за выборами и референдумом, эффективная система обжалования и защиты избирательных и референдумных прав и т.д. [1]. К числу вышеперечисленных критериев определения степени демократичности избирательных и референдумных процессов является стабильность избирательного и референдумного законодательства, что и станет предметом рассмотрения в рамках данной научной статьи. Для упрощения изложения научного материала далее в статье в качестве собирательного будет приме-

няться термин «избирательный» для обозначения «избирательного» и «референдумного».

Стабильность избирательного законодательства важнейшее условие не только для обеспечения демократического характера избирательных процессов, но и качественности этих процессов и, особенно, их результатов, так как нестабильность избирательного законодательства, его частые изменения, на наш взгляд, влекут за собою уменьшение интереса граждан к избирательным процессам, а также к неизбежному непризнанию общественностью результатов избирательных процессов.

Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ провел «Обзор избирательного законодательства и практики государств-участников ОБСЕ» (2013г.), в рамках которого отметил, что «стабильность нормативно-правовой базы является важным принципом демократических выборов, так как участникам избирательного процесса необходима своевременная информация о правилах, регулирующих выборы. Раздел II.2.b. Кодекса хорошей практики ВК 2002 года рекомендует, чтобы «основные элементы закона о выборах ... не подвергались правкам менее чем за год до выборов ...». У БДИПЧ часто возникал вопрос о стабильности нормативно-правовой базы, в частности, когда изменения в законодательной базе принимались в очень короткий срок перед выборами (Азербайджан, бывшая Югославская Республика Македония, Грузия 2012, Казахстан 2011, Молдова, Польша, Румыния 2012, Испания, Соединенные Штаты Америки 2012) или между двумя турами одних и тех же выборов (Украина 2010). В связи с этим, зачастую давались рекомендации по обеспечению того, чтобы законодательные поправки вносились заблаговременно до даты выборов» (п. 1.3.5.).

В Своде рекомендуемых норм при проведении выборов и Своде рекомендуемых норм при проведении референдумов, а также в Интерпретирующей декларации о стабильности избирательного права, принятых Венецианской комиссией, требования о стабильности избирательного либо референдумного законодательства сводятся к тому, что:

1) за исключением норм, регулирующих технические вопросы и конкретные аспекты, которые могут оформляться в виде подзаконных актов, нормы избирательного права или нормативно-правовые акты, составляющие законодательство о референдуме, должны быть закреплены, по крайней мере, в виде обычного закона;

2) не следует пересматривать законодательство о референдуме и о выборах незадолго до выборов или до проведения референдума;

3) оптимальным сроком для запрета внесения изменений в избирательное законодательство считается год до проведения выборов или референдума;

4) ограничения по внесению изменений касаются избирательного законодательства не вообще, а лишь той его части, которая касается основополагающих элементов закона о выборах или основных положений законодательства о референдуме;

5) принцип ограничения пересмотра избирательного законодательства не является главенствующим по отношению к другим принципам вышеуказанных Сводов, поэтому на него нельзя ссылаться «для сохранения ситуации, противоречащей стандартам европейского наследия в сфере выборов, или при создании препятствий в отношении выполнения рекомендаций со стороны международных организаций» [2, 4, 5].

Итак, рассмотрим указанные требования подробнее.

Первое требование о закреплении норм избирательного законодательства на уровне как минимум обычного закона, в современных демократических странах сегодня сводится к наличию в Конституции норм или даже специальной структурной части (главы, раздела), регулирующих основные принципы избирательного права, основы избирательной правосубъектности и иные основные начала избирательного режима; обязательное провозглашение принципов избирательного права; иногда статус органов, ответственных за организацию и проведение выборов и т.д. Достоинством армянской действительности в указанной области является конституционное закрепление принципов избирательного права (ст. 2 и 7 Конституции РА), субъективных избирательных прав и права на участие в референдуме (как активного, так и пассивного избирательного права) (ст. 48 Конституции РА), а также конституционного статуса Центральной избирательной комиссии (ст. 194–195), которой в реформированной Конституции посвящена отдельная глава (глава 11 Конституции РА); отдельная глава посвящена институту референдума (глава 15 Конституции РА). Отдельно, как мы считаем, следует отметить тот факт, что с 1999 года в Армении избирательное законодательство кодифицировано, что облегчает его понимание и правоприменение [3]. Более того, после конституционной реформы 2015 года Конституцией РА был введен новый вид нормативно-правового акта, ранее не имевшего место в правовой системе страны, – конституционного закона. При этом, первым конституционным законом, принятым на основе конституционных поправок 2015 года, стал новый Избирательный кодекс РА, принятый 25 мая 2016 года и вступивший в силу с 1 июня 2016 года. Отметим так же, что, наряду с Из-

бирательным кодексом РА, согласно части 2 статьи 103 Конституции РА, конституционным будет и новый Закон РА «О референдуме» [4].

Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемый критерий демократичности избирательных и референдумных процессов в Армении обеспечен на весьма высоко «защищенном» уровне.

Обращаясь ко второму требованию о том, что избирательное и референдумное законодательство не должно изменяться непосредственно перед самими выборами или референдумом, следует обратить особое внимание на риторику данных рекомендаций. Так, в Своде рекомендуемых норм при проведении выборов Венецианская комиссия использует термин «следует запретить», тогда как в Своде рекомендуемых норм при проведении референдумов применяется словосочетание «не следовало бы изменять». Бесспорно, требование о том, что своевременное установление «правил игры» во время избирательных процессов должно быть более строгим, чем во время референдумов. И это понятно, ведь крайне редко точные сроки референдума бывают известны заранее.

Европейские стандарты в области демократических принципов в качестве срока ограничения для пересмотра избирательного законодательства устанавливают год до проведения выборов или референдума. Рассматривая армянскую действительность через призму данного критерия, приходится делать не утешающие выводы.

Если рассмотреть историю развития избирательного законодательства современной Армении [5, 78–92], то можно выделить в ней следующие этапы:

1. 1991г. – приобретение независимости РА, принятие первых в РА законов о выборах и о референдуме;

2. 1995г. – принятие Конституции РА и на ее основе первых избирательных законов,

3. 1999г. – первая кодификация избирательного законодательства РА;

4. 2001г. – принятие первого на основе Конституции закона о референдуме;

5. 2005г. – внесение первых изменений в Конституцию РА;

6. 2011г. – принятие второго Избирательного кодекса РА;

7. 2015г. – внесение вторых изменений в Конституцию РА и принятие третьего Избирательного кодекса РА путем принятия в 2016 году Конституционного закона, который вступил в силу с 01.06.2016г.

После провозглашения независимости Республики Армения в 1991г., руководствуясь Законом РА «О выборах Президента Республики Армения», при-

нятого 02.08.1991г. (закон действовал до 04.06.1996г.), Постановлением Верховного Совета РА 16 октября 1991г. были назначены выборы Президента РА.

Принятие Конституции РА имеет важное значение в развитии избирательного законодательства в том смысле, что именно Конституция РА предопределила роль и место выборов и референдума в ряду иных демократических институтов. Принятием Конституции 1995г. было обусловлено и принятие Закона РА «О выборе Президента Республики» (был принят 30.04.1996г. и вступил в силу 04.06.1996г.). Впервые после принятия Конституции РА президентские выборы были проведены 22 сентября 1996 года в один тур. Однако должность Президента, оставшаяся вакантной в результате отставки Президента в феврале 1998г., была замещена в ходе внеочередных президентских выборов, прошедших впервые в два тура – 16 и 30 марта 1998 года.

Последующие очередные президентские выборы, прошедшие 19.02.2003 года в 2 тура и 19.02.2008 года в один тур, были проведены в порядке, установленном первым Избирательным кодексом РА, принятым 5 февраля 1999 года и вступившим в силу 28 февраля 1999 года.

Последние очередные президентские выборы были проведены уже в порядке, установленном новым Избирательным кодексом РА 2011 года, и состоялись 18 февраля 2013 года в 1 тур. Указанный Избирательный кодекс частично действующий, он был принят 26 мая 2011 года и вступил в силу 26 июня 2011 года, при этом будет действовать до 01.09.2017 года в части, регулирующей организацию и проведение муниципальных выборов.

Предстоящие парламентские выборы в РА будут проводиться уже на основе Конституционного закона – Избирательного кодекса РА, принятого 25 мая 2016 года.

Относительно парламентских выборов в Армении символичным был 1995 год, когда путем конституционного референдума была принята Конституция РА, причем референдум по принятию Конституции был проведен одновременно с первыми выборами депутатов Национального Собрания.

В порядке, определенном Избирательным кодексом РА 1999 года, были организованы и проведены выборы депутатов Национального Собрания 30 мая 1999 года, 25 мая 2003 года и 25 мая 2007 года.

Последние парламентские выборы в РА были проведены в порядке, установленном действующим Избирательным кодексом, и состоялись 6 мая 2012 года.

Обобщая вышеизложенное, в период времени после принятия Конституции РА можно выделить следующие этапы в развитии избирательного законодательства:

1. 1995–1999гг.
2. 1999–2005гг.
3. 2005–2011гг.
4. 2011–2015гг.
5. 2015г. по настоящее время.

Особого внимания заслуживают избирательные кодексы и внесенные в них изменения.

Первый Избирательный кодекс, который действовал с 28.02.1999г. по 26.06.2011г., был изменен в общей сложности 15 раз, а второй Избирательный кодекс, который действует с 26 июня 2011 года до 1 июня 2016 года был изменен 7 раз, при этом создается впечатление, что сложилась традиция изменять избирательное законодательство непосредственно перед каждыми общегосударственными выборами.

Более того, действующий Избирательный кодекс РА, принятый, казалось бы, совсем недавно – 25 мая 2016 года, на основе которого пока полномасштабно выборы не проводились, на протяжении полугода с момента вступления в силу данного Кодекса в него уже дважды вносились изменения (причем, попыток внести изменения было 3, однако Закон о внесении изменений и дополнений от 30.06.2016г. NЗР-120-Н не был применен, так как был аннулирован).

Так, если проследить хронологию внесения изменений в избирательное законодательство и проведенных выборов и референдумов в период со времени принятия Конституции РА по сегодняшний день, получится следующая картина (Таблица 1.).

Выборы/ Референдум	**День голосования выборов/ референдума**	**Принятие избирательного законодательства либо его пересмотр**	**Период времени между днем голосования выборов /референдума и днем вступления в силу закона (поправок)**
Референдум по принятию Конституции	05.07.1995г.	В Закон РА О референдуме 1991 года были внесены изменения, принятые и вступившие в силу 22.05.1995г.	**1, 5 месяца**
Выборы Национального Собрания (НС)	05.07.1995г.	Закон принят 04.04.1995г., вступил в силу 05.04.1995г.	**3 месяца**
Выборы Президента РА	22.09.1996г.	Закон принят 30.04.1996г., вступил в силу 04.06.1996г.	**около 4 месяцев**

Внеочередные выборы Президента РА	16.03.1998г.	Изменений в законе не было	
Выборы НС	30.05.1999г.	**Кодекс был принят 05.02.1999г., вступил в силу 28.02.1999г.**	**3 месяца**
Выборы Президента РА	19.02.2003г.	Кодекс был изменен 03.07.2002г., изменения вступили в силу **03.08.2002г.**	**Около 6 месяцев**
Конституционный референдум	25.05.2003г.	В Закон РА О референдуме 2001 года были внесены изменения, принятые 31.03.2003г. и вступившие в силу 01.05.2003г.	**24 дня**
Выборы НС	25.05.2003г.	Кодекс был изменен 03.07.2002г., изменения вступили в силу **03.08.2002г.**	**Около 10 месяцев**
Конституционный референдум	27.11.2005г.	В Закон РА О референдуме 2001 года были внесены изменения, принятые 28.09.2005г. и вступившие в силу 06.10.2005г., при этом ИК РА был изменен законом, принятым 19.05.2005г. и вступившим в силу 01.06.2005г.	**Около 2 месяцев и 6 месяцев**
Выборы НС	25.05.2007г.	Кодекс был изменен 22.12.2006г., изменения вступили в силу **27.01.2007г., затем 26.02.2007г.** Кодекс был вновь изменен, а **24.03.2007г.** изменения вступили в силу	**4 месяца и 2 месяца**
Выборы Президента РА	19.02.2008г.	Кодекс был изменен 16.11.2007г., изменения вступили в силу **20.11.2007г., затем 18.12.2007г.** Кодекс был вновь изменен, а **01.01.2008г. эти зименения вступили в силу**	**3 месяца и около 2 месяцев**
Выборы НС	06.05.2012г.	**Кодекс был принят 26.05.2011г., вступил в силу 26.06.2011г.**	**Около 10 месяцев**
Выборы Президента РА	18.02.2013г.	Кодекс был изменен **20.03.2012г.,** изменения вступили в силу **01.06.2012г.**	**Около 9 месяцев**
Конституционный референдум	06.12.2015г.	В Закон РА О референдуме 2001 года были внесены изменения, принятые 10.06.2015г. и вступившие в силу 18.07.2015г., при этом ИК РА был изменен законом, принятым 11.11.2015г. и вступившим в силу 19.11.2015г.	**Около 5 месяцев и 17 дней**

Анализ данных Таблицы 1 свидетельствует о том, что только в период времени, предшествующий внеочередным президентским выборам 1998г., Избирательный кодекс РА не подвергся изменениям.

Следует признать, что в основе таких изменений не всегда лежит объективная необходимость и уж тем более продуманная концептуальная основа. Именно поэтому нередко можно встретить характеристики избирательного законодательства как одного из самых политизированных. «Даже когда не ставится цель сознательного манипулирования, создается впечатление, что изменения продиктованы непосредственными политическими интересами партии властей» [6, п.65].

Успех или неудача на выборах могут быть серьезно предопределены содержанием избирательного законодательства, конституционно-правовым регулированием отношений на каждой стадии избирательного процесса. Нестабильность и политическая предопределенность избирательного законодательства приводит к тому, что граждане теряют доверие не только к нему, но и к самим выборам, а также сформированным на их основе представительным органам [7, 29].

Однако следует отметить, что при подробном рассмотрении приведенного в вышеуказанной таблице каждого случая можно констатировать, что предпринятые изменения были направлены на корректирование тех недостатков, которые были выявлены в рамках организации и проведения предыдущих выборов и/или референдумов, в том числе и с учетом замечаний и позиций, отраженных в докладах международных организаций, представленных ими в рамках осуществленной в Армении наблюдательской миссии.

На первый взгляд, анализ данных вышеприведенной таблицы позволяет сделать вывод о том, что такой критерий демократических выборов и референдума, как стабильность избирательного законодательства, в Армении не обеспечен. Однако констатировать подобное можно было бы лишь в случае, если бы приведенные выше законодательные поправки касались «основополагающих элементов» закона о выборах или «основных положений» законодательства о референдуме.

Так, в пунктах 64–66 Пояснительного доклада к Своду рекомендуемых норм при проведении выборов (принят Венецианской комиссией на 52-й пленарной сессии, Венеция, 18–19 октября 2002 года), обращаясь к вопросу об «основополагающих элементах» законов о выборах, говорится, что «на практике следует защищать не столько стабильность базовых принципов ..., сколько стабильность некоторых конкретных норм избирательного законодательства, особенно тех норм, которые регулируют саму избирательную

систему, состав избирательных комиссий и определение границ избирательных участков». Указывается также, что «один из способов не допустить манипулирования заключается в том, чтобы определить в конституции или в документе, имеющем более высокий статус, чем обычный закон, наиболее принципиальные элементы (сама избирательная система, членский состав избирательных комиссий, границы избирательных округов или порядок их определения)».

Относительно «основных положений» законодательства о референдуме Свод рекомендуемых норм при проведении референдумов гласит:

«i. Основными являются положения, относящиеся в частности :

• к составу комиссий референдума или другого органа, которому поручено организовать проведение голосования;

• к праву голоса и к спискам участников референдума;

• к формальной и фактической правомерности текста законодательного акта и вопроса, выносимых на референдум;

• к характеру референдума (без учета правил, подробно определяющих технические нормы);

• к участию сторонников и противников проекта (вопроса) референдума в передачах государственных СМИ».

Таким образом, следует разобраться, касались ли изменения, внесенные в избирательное законодательство незадолго до проведения выборов либо референдума, приведенных выше «основополагающих элементов» закона о выборах или «основных положений» законодательства о референдуме.

Об этом гласит и приведенный нами последний – пятый – критерий демократичности избирательных процессов. Это означает, что недопустимо ссылаться на принцип ограничения пересмотра избирательного законодательства, сохраняя при этом ситуацию, заведомо противоречащую иным международным критериям и стандартам демократических выборов.

Однако даже в случае, когда пересмотр избирательного законодательства накануне выборов или референдума касается основных элементов, то и тогда необходимо оценить степень необходимости подобных изменений, уровень качественности пересмотра избирательного законодательства именно с точки зрения демократичности избирательных процессов, то есть возможности влияния этого пересмотра на уровень демократичности указанных процессов.

С этой точки зрения попытаемся рассмотреть ситуацию с конституционным референдумом, проведенном в Республике Армения в 2015 году, учитывая тот факт, что срок между изменениями в избирательное законодатель-

ство и днем проведения референдума составил 17 дней. В рассматриваемом случае избирательное законодательство изменилось тогда, когда конституционный референдум уже был назначен. Так, конституционный референдум 6 декабря 2015 года был назначен Указом Президента УП-754-Н от 08.10.2015г., который вступил в силу 09.10.2015г., а 11.11.2015г. был принят и 19.11.2015г. (то есть в период организации и проведения референдума – за 17 дней до дня голосования) вступил в силу Закон РА «О внесении изменения и дополнений в Избирательный кодекс Республики Армения», который определил право избирателей участвовать в голосовании с применением идентификационной карты, а также порядок такого голосования. Задача на самом деле была неотложной и крайне актуальной: необходимость изменений была обусловлена тем, что с 1 июня 2012 года вступил в силу Закон РА «Об идентификационных картах», согласно статье 2 которого идентификационная карта – документ, удостоверяющий личность гражданина РА и гражданство РА, вместе с тем Закон определял, что после 1 января 2014 года прекращается выдача (обмен) паспортов, предусмотренных Постановлением правительства РА № 821 от 25 декабря 1998 года (условно назовем их паспортами «старого» образца), за исключением установленных законом случаев. Переходными положениями закона было также установлено, что паспорта «старого» образца, выданные до 01.01.2014 года (а в установленных законом случаях и после 01.01.2014г.), считаются действительными до истечения срока их действительности. До истечения срока действительности паспорта гражданин вправе получить также идентификационную карту. Так как начиная с 1 января 2014 года паспорта «старого» образца фактически не выдавались, у многих граждан РА уже не было паспортов «старого» образца, а в качестве документа, удостоверяющего личность, применялись только идентификационные карты.

Избирательный кодекс РА, действующий на момент организации и проведения конституционного референдума 06.12.2015г., в качестве документа, удостоверяющего личность избирателя, идентификационную карту не рассматривал (часть 3 статьи 64 Избирательного кодекса РА). При сохранении подобного регулирования часть граждан РА, обладающих избирательным правом и правом на участие в референдуме, лишились бы возможности принять участие в референдуме 2015 года в силу отсутствия у них документа, удостоверяющего личность, в понимании Избирательного кодекса. Было очевидно, что гражданин должен иметь возможность реализовать свое право на участие в референдуме, предъявляя для участия в голосовании идентификационную карту, так как в ситуациях, когда у гражданина не было паспорта

«старого» образца, он просто лишался права участия в референдуме и избирательного права, если ему не предоставить возможность проголосовать с помощью идентификационной карты. Подобное регулирование способно было привести к антиконституционным проявлениям, во избежание которых и был предпринят пересмотр Избирательного кодекса РА накануне референдума 6 декабря 2015 года.

Итак, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что выработанные международным сообществом критерии демократических выборов являются общечеловеческим наследием и, несомненно, должны соблюдаться. При этом недопустимо под предлогом обеспечения вышеуказанных критериев создание таких ситуаций, когда имеющееся законодательное регулирование способно исказить смысл и содержание основополагающих прав либо самих демократических институтов.

Подчеркнем, что указанные гарантии направлены исключительно против непродуманных изменений избирательного законодательства, направленных на удержание политической власти либо на обслуживание узкопартийных краткосрочных интересов находящихся во власти политических сил (в том числе и оппозиционных).

ЛИТЕРАТУРА

1. См. например: Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года (ст. 21); Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 16 декабря 1966 года (ст. 25); Конвенция «О стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод граждан государств – участников Содружества Независимых Государств» 2002 года; Свод рекомендуемых норм при проведении выборов: руководящие принципы и пояснительный доклад (Венеция, 18─19 октября 2002 года). Заключение n° 190/2002 CDL-AD (2002) 23, Свод рекомендуемых норм при проведении референдумов: руководящие принципы и пояснительный доклад (Страсбург, 2008 года). Исследование е № 371 / 2006CDL-AD(2007)008rev и др.
2. Стабильность избирательного права. Интерпретирующая декларация, утвержденная на 15-м заседании Совета по демократическим выборам (Венеция, 15 декабря 2005 года) и на 65-й пленарной сессии Венецианской комиссии (Венеция, 16─17 декабря 2005 года). CDL-AD (2005)043. Источник: Основополагающие документы Венецианской комиссии в области избирательного права и политических партий. Кишинев: Cu drag, 2016. С. 45.
3. *Тохян Ф.П.* Проблемы конституционно-правового регулирования парламентских выборов в странах молодой демократии. Ер.: Изд-во РАУ, 2004.
4. В пункте 7 «Перечня законов, поименно названных конституционными поправками, и подлежащих принятию, изменению или дополнению», утвержденном пунктом 1 Указа Президента РА от 10 февраля 2016 года N УП-170-И, в числе иных, указан также Закон РА «О референдуме», а в качестве окончательной даты представления проекта закона на рассмотрение Национального Собрания установлено 1 сентября 2017 года.

5. Об этом см. также: Развитие избирательных систем в Центральной и Восточной Европе с 1991 года. / Гл. ред. Жолт Солноки. Издатель: Ассоциация организаторов выборов стран Европы (АОВСЕ), Будапешт, 2016.
6. Свод рекомендуемых норм при проведении выборов ─ Руководящие принципы и Пояснительный доклад, принятые Венецианской комиссией на 52-й сессии (Венеция, 18─19 октября 2002 года), Страсбург, 30 октября 2002г. Заключение n° 190/2002 CDL-AD (2002) 23.
7. *Шустров Д.Г., Малютин Н.С.* Концепция корректировки российского конституционно-правового законодательства в вопросе регулирования протестных отношений / Под ред. к.ю.н. С.Н. Шевердяева М., Юридический факультет МГУ, НОЦ КИМС, 2013.

STABILITY OF ELECTION AND REFERENDUM LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Ts. Makaryan

ABSTRACT

This scientific Article concerns the issues of democracy of election and referendum processes in the Republic of Armenia, particularly, to the criterion of democracy of the specified processes like stability of the relevant legislation. The analysis of the election and referendum legislation of the Republic of Armenia for the last 25 years was conducted in the view of their stability and terms for making changes to the relevant legislation or adoption of new laws on elections and referendum have been revealed.

Keywords: institution of direct democracy, stability of election legislation, referendum, democracy of election and referendum processes.

ԸՆՏՐԱԿԱՆ ԵՎ ՀԱՆՐԱՔՎԵԻ ՄԱՍԻՆ ՕՐԵՆՍԴՐՈՒԹՅԱՆ ԿԱՅՈՒՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

Ց.Մ. Մակարյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Գիտական հոդվածը վերաբերում է Հայաստանի Հանրապետությունում ընտրական եւ հանրաքվեի գործընթացների ժողովրդավարական խնդիրներին, մասնավորապես, ժողովրդավարության այնպիսի գործընթացների չափանիշին, ինչպիսին համապատասխան օրենսդրության կայունությունն է: Կատարվել է ընտրական և հանրաքվեի մասին ՀՀ օրենսդրության վերջին 25 տարիների վերլուծություն՝ կայունության տեսանկյունից, եւ ներկայացվել են համապատասխան օրենսդրությունում փոփոխություններ կատարելու կամ ընտրությունների կամ հանրաքվեի մասին նոր օրենքներ ընդունելու ժամկետները:

Հիմնաբառեր՝ անմիջական ժողովրդավարության ինստիտուտ, ընտրական օրենսդրության կայունությունը, հանրաքվե, ընտրական եւ հանրաքվեի գործընթացների ժողովրդավարությունը:

КОНЦЕПТ «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Р.М. Саркисян

Российско-Армянский университет
raffa13@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматриваются причины возникновения и проблемы, способствующие формированию социального государства. Анализируются факторы, вследствие которых эта идея нашла нормативное, конституционное и практическое выражение.

Ключевые слова: социальное государство, социальность законодательства, правовое государство, Конституция.

Идея социального государства не является достижением нашего времени и имеет достаточно извилистую и долгую историю, где каждый этап ее развития носил на себе отпечаток исторической эпохи. Выдающиеся мыслители, философы, политические деятели каждой эпохи стремились создать как в теории, так и на практике модель идеального общества (государства), где все граждане страны «от мала до велика» имели бы место. По сути, история человечества – это бесконечный поиск путей улучшения и облегчения существования самого человека в мире, чему свидетельство и культурное развитие, и научно-технический прогресс в целях поиска идеальной организации общества.

Для раскрытия сущности концепта «социальное государство» и его практического применения целесообразно обратиться к историческому наследию авторов теории этой идеи, исследовать условия и предпосылки ее возникновения, проблемы, для решения которых появилась идея социального государства и постепенно нашла свое нормативное и конституционное выражение. Согласно мнению С.В. Калашникова, «социальное государство формируется на определенном историческом этапе эволюции общества, когда возникают соответствующие политические и экономические условия» [1]. Так или иначе, человечество пришло к такому типу взаимоотношений, когда государство берет на себя определенные обязанности по заботе о человеческом благе. Неудивителен тот факт, что на разных континентах параллельно сформировались концепции, призванные обеспечить эти функции государства. Так, наряду с концепцией социального государства, зародивше-

гося в Европе, в Соединенных Штатах была выдвинута концепция «государства всеобщего благосостояния».

Идея социализации права так же, как и социальности государства, зародилась еще во времена античности. Тогда и были заложены основы учения о социально-правовом государстве в трудах таких мыслителей, как Аристотель («Политика»), Платон («Идеальное государство»), Кампанелла («Город солнца»), нравственное государство Гегеля, модель коммунистического общества К. Маркса а и др. – все они из себя представляли идеальные модели, призванные обеспечить благо для всего человечества.

Однако многие исследователи считают, что появление идеи формирования социального государства связано с теориями Т. Гоббса и Дж. Локка, которые являлись результатом переосмысления Английской революции 1648г. и Славной революции 1688г. Так, Т. Гоббс «анализом отношений индивида и государства заложил предпосылки для развития свободного целеполагания и атомизации общества, составляющих основу частной конкуренции и рынка» [2].

Дж. Локк, будучи сторонником политического компромисса, который был осуществлен в ходе Славной революции 1688г., основу политических договоров и политики видел в консенсусе, в согласовании интересов индивидов, отводя государству, прежде всего, функцию охраны собственности и свободы договоров [3].

В XIX веке исследователи модифицировали идеи XVII–XVIIIвв. в соответствии с новыми историческими условиями, суть которых состояла в том, что практические меры по урегулированию взаимоотношений между обществом и государством, с одной стороны, носили насильственно-репрессивный характер, а, с другой стороны, выражали объективную потребность в смягчении социальных контрастов и антагонизмов.

Однако в этот период в основном рассматривались социальные функции государства, что не является еще свидетельством его социального характера и основной акцент ставился на представлении о должном и справедливом в социальном устройстве разных стран. По мере исторического развития стала преобладать гуманистически ориентированная модель социальных отношений, в связи с чем возник вопрос критерия социальной справедливости, который, исходя из гуманистических взглядов, должен иметь всеобъемлющий характер, то есть распространяться на каждого члена общества. Таким образом, все представители общества наделяются качеством, которое имеет социальную направленность, что означает – субъекты общественных отношений становятся равны между собой в отношении к этому качеству. Отсю-

да вытекает, что сущность критерия социальной справедливости заключается в равенстве, которое трактуется как одинаковое отношение и является обобщающей и интегрирующей категорией, носящей универсальный характер.

Однако именно в этой сфере взаимоотношений в применении этой категории нужна большая осторожность, так как применимо к социальной действительности абсолютное равенство субъектов общества некорректно. Представляя сложную, взаимосплетенную систему, социум сам по себе уже исключает полное равенство между всеми его членами и возникает противоречие между отношением к определенному социальному равенству и невозможностью его практической реализации.

В сложившейся ситуации выход находится в правовой плоскости.

Так как право носит установленный государством, обязательный для всех, формальный характер и рамки выбора определяются законодателем. Тогда как в экономической, культурной, политической сфере есть определенная свобода выбора. Исходя из вышесказанного, можно утверждать о неразрывной связи социальной справедливости, изложенной в концепции социального государства, с одной стороны, и правом – с другой.

Идеи о должном и справедливом стали предпосылками, определившими появление концепта «социальное государство», и среди первых трудов, в которых были изложены основы социального государства,выделяют книгу Р. Фон Моля «Наука полиции под началом юридического государства»,изданную в 1832г. Несмотря на то,что в ней и не употребляется определение «социальное государство», но, по утверждению В.Г. Постникова, именно в этом труде было сформулированоего раннее определение: «Задача юридических государств нового времени состоит в том, чтобы посредством разумной организации общей силы дать возможность, как отдельному члену, так и фактически существующим второстепенным жизненным кружкам развивать свои силы и преследовать свои разумные цели, и чтобы помогать и защищать их в этом» [4]. Сам термин «социальное государство» был введенв научный оборот немецким философом Лоренцом фон Штейном в 1850г., в труде «История социального движения Франции с 1789г.», который подразумевал, что социальное государство должно поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов и для отдельной самоопределяющейся личности, благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу своих граждан [5].

Фактически Штейн предложил доктрину, содержащую ряд принципиальных положений, которые расширяют понимание обязательств государст-

ва, где преодолевается подход к нему как к арене классовой борьбы. Нельзя не согласиться с мнением Чекменевой, что исходным критерием выделения социального государства в особый тип стал государственный патернализм, обращенный на всех членов общества независимо от их социальной принадлежности [6]. Появление термина «социальное государство» фактически ознаменовало признание изменившейся природы государственности. Данное понятие отразило свершившийся переход от «полицейского государства», «государства общественного договора», «государства как высшей формы власти» к «государству, осуществляющему социальные функции, к государству, которое берет на себя ответственность за благосостояние граждан, обеспечивает доступность социальной поддержки всем членам общества, создает государственные системы социального обеспечения и социальной защиты, вводит бюджетное финансирование социальных программ и новые механизмы социальной политики в виде государственного социального страхования, становится доминирующим субъектом социальных функций в обществе [7].

Дальнейшее развитие теория социального государства получила в 1930 году, когда Г. Геллер ввел понятие «социальное правовое государство», акцентирующее право гражданина на социальные гарантии со стороны государства. «Впервые в истории извечное противопоставление свободы и равенства, к которым стремились на протяжении столетий люди как к одним из первичных целей человеческой жизни, было снято через компромисс: стало возможным ограничение свободыради социального благосостояния», ибо «полная свобода для сильных и талантливых несовместима с правом на достойную жизнь для слабых и малоодаренных» [8].

Следующим этапом развития концепта социальное государство явилось его конституционное воплощение.

Несмотря на многообразие мнений в научной литературе по этому поводу, можно выделить основные причины, обусловившие данное явление. Первое – это стремление властей сохранить социальную стабильность, социальный порядок, не допустить неконтролируемого государственного развития. Как отмечает Л.Н. Кочеткова, «теория социального государства в момент своего первоначального оформления представляла собой... некий «третий путь» между крайностями либерального индивидуализма и опасностями революционного социализма, делая главный упор на устранение противоречий за счет усилий государства с целью сохранения самого общества» [9].

Продолжая это мнение, Р.А Ромашова и Н.С. Нижник считают, что «появление социального законодательства не было самоцелью зарождаю-

щейся социальной политики государства того времени. Социальные акты принимались вследствие многочисленных забастовок, манифестаций. Таким образом, в ситуации социальной напряженности государство должно было внести изменения в свою политику для сохранения власти, улучшив положение населения принятием социальных законов» [10].

Утверждению концепта социальное государство способствовал также ряд объективных предпосылок социально-политической обстановки в разных странах.

К таковым А.К. Евстратов относит: а) превращение рабочего класса в главный класс – производитель, рост его квалификации и образовательного уровня; рост организованного рабочего движения в странах капитала; существование социалистических стран, оказывавших постоянное воздействие на капиталистический мир; в) ускорение научно-технического прогресса и значительное повышение производительности труда; г) выдвижение на первый план государственного регулирования экономических, социальных процессов во имя социально-политической стабилизации общества [11].

Однако от факторов, породивших появление социального государства-до получения конституционного закрепления, был пройден немалый путь.

В рамках данной статьи нами представлены первоначальные нормативно-правовые акты, имеющие социальную направленность, а также первые нормативные элементы, которые проложили путь конституционного отражения основ социального государства.

Первоначальная практика принятия социальных законов относится к началу XIX века, однако, с особой интенсивностью они начали появляться со второй половины XIX века. Например, в этот период в России были приняты такие нормативные акты, как закон от 6 июня 1882г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах», в 1886г. после морозовской стачки были приняты «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» и ряд других. Законы аналогичных направлений принимаются также в Соединенном Королевстве, Германии, США, Франции и ряде других стран. Уже в 1833 году 29 августа в Соединенном Королевстве принимается «Акт, регулирующий труд детей и подростков на фабриках Соединенного Королевства». Во Франции 15 июля 1893г. был принят закон о бесплатной медицинской помощи, 8 апреля 1898г. – закон о несчастных случаях на производстве. В Германии 15 июня 1883г. был принят закон о страховании рабочих в случае болезни, 22 июня 1889г. – закон о страховании на случай инвалидности и старости.

Эти акты были откликом на социальные волнения и в определенной степени соответствующей реакции со стороны политических кругов, которые имели доминирующее положение в государственной власти.

Таким образом, серия протестных общественных движений и объективные предпосылки, среди которых российский исследователь С.С. Алексеев выделил «гигантский научно-технический прогресс, переход общества от традиционных к либеральным цивилизациям, потребовавшие гуманистического содержания либерализма, обеспечения достойного уровня жизни людей, выработки форм социальной, в том числе государственной деятельности, направленной на общественное служение» [12], обусловили появление новой формы взаимодействия государства и социума в виде идеи социального государства. В процессе возникновения и формирования социального государства также немаловажную роль сыграла «...деятельность различных политических сил, прежде всего, социал-реформистских, которые последовательно выступили завоплощение идей социального государства» [13].

Впервые конкретно конституционное отражение идея социального государства получила в 1949 году в Конституции Германии, где страна непосредственно была провозглашена социальным государством. Ранее закреплялись лишь отдельные положения. Так, в статье 13 Конституции Франции 1848г. от 4 ноября были закреплены положения о «свободе труда и промышленности», в целях реализации данной свободы Конституция предусматривала «безвозмездное первоначальное обучение, средства к профессиональному образованию», «равенство в отношениях хозяина и рабочего». Там же содержалась норма об оказании помощи «покинутым детям, калекам и старцам, не имеющим ни средств к существованию, ни родни, которая могла бы их содержать» [14].

Интересен тот факт, что, по утверждению О.А. Жидкова, «Конституция Мексики раньше, чем это имело место даже в развитых странах Запада, признала важные социальные права трудящихся» и в ней делается упор на социальную справедливость и гармонию частных и общественных интересов» [15].

Это означает, что на разных континентах общество приходило к необходимости утверждения социальных основ государства в основном законе.

Первая Конституция социалистического толка была принята 10 июля 1918г. в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, который включал важный блок социальных положений таких, как: предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование (ст.17), признавалось равенство граждан независимо от

расовой и национальной принадлежности (часть 22), активное и пассивное избирательное право предоставлялось независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, пола (часть 64). Однако необходимо отметить, что есть серьезные отличительные особенности между социалистическим государством и социальным государством с точки зрения современного понимания последнего в разрезе фундаментальных ценностей, к примеру, в области прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя.

Современное понимание социального государства есть результат длительного теоретического развития этого понятия и в обобщенном виде выглядит следующим образом:

«Социальное государство (государство всеобщего благосостояния, благоденствия) – политическая система, в которой каждому гражданину гарантирован достойный уровень жизни и широкий выбор социальных благ: занятость, жилье, медицинская помощь, образование, пенсия и т.д. [16]. К этому определению можно добавить соучастие в управлении производством, а в идеале примерно одинаковые возможности для реализации личности в обществе. Таким образом, идея социального государства на современном этапе подразумевает не только защиту уязвимых слоев населения, а сколько обеспечение равного доступа к социальным благам каждого члена общества.

В настоящее время социально-правовой характер своих государств провозгласило большинство стран мира.

Социализация законодательства, как и конституционных основ, есть объективная тенденция развития мирового конституционализма, поскольку конституция юридически закрепляет важнейшие устои государственной и общественной жизни и без социальной составляющей ее внутренняя структура была бы неполноценной.

Подводя итоги, необходимо отметить, что теория социального государства являлась парадигмой деятельности государства на определенном этапе своего развития, и ее следует рассматривать как закономерный выбор стратегии развития современной государственности.

Несмотря на то, что она возникла в результате борьбы рабочего класса Европы за свои права и в дальнейшем дала ощутимые результаты в плане достижения высоких стандартов жизни и социальных гарантий в XXв., однако, в начале XXIв. наметились новые проблемы, требующие своего осмысления и решения в рамках теории социального государства. В качестве таковых можно отметить следующие: вопросы практической реализации основ социального государства, закрепленных в Конституции, вопрос – каково оп-

тимальное соотношение между индивидуальной свободой и активной регулирующей ролью государствав современном мире и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калашников С.В*. Социальное государство:эволюция и этапы становления//Человек и труд. 2002. № 10. СС. 47–51.
2. *Козловски П*. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. С. 158.
3. *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Соч. в 3-х т. Т.3. М.:Мысль, 1998. С.310.
4. *Постников В.Г*. Становление социального государства, его конституционно-правовые и политические характеристики // Журнал российского права. 2005. № 1. СС. 98–105.
5. *Кочеткова Л.Н*. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3.
6. *Чекменева Т.Г*. Социальное государство:теория и практика.
7. *Берлин И.* Стремление к идеалу // Вопросы философии. 2000. № 5.
8. *Кочеткова Л.Н*. Теория и практика социального государства:социально-философский анализ.Дис. д-ра фил.наук. М., 2010 С. 39.
9. Государство, общество, личность: проблемы совместимости. М.: Юристь, 2005. С. 266.
10. *Евстратов А.Е*. Генезис идеи социального государства: историко-теоретические проблемы. Автореф. кан.дис. Омск, 2005. С. 9.
11. Конституционные проблемы социального государства // Федерализм. 2011. № 2. С. 90.
12. *Старшова У.А*. Конституционные основы социального государства в Российской Федерации. Автореф. кан.дис. Саратов, 2014. С. 10.
13. Конституция Франции от 14 ноября 1848г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Т.2.
14. История теории и государства зарубежных стран. Уч.для вузов. М.: Норма, 2002.С. 484.

.15 Аналитический вестник «Социальное государство Росссийской Федерации: состояние и правовое развитие // 2004. № 15. С. 12.

THE CONCEPT OF THE SOCIAL STATE: THE HISTORICAL ASPECT

R. Sarkisyan

ABSTRACT

The article discusses the causes and problems of forming of the social state. Analyzes the factors by which this idea can have practical, organizational and especially constitutional expression.

Keywords: social state, social legislation, legal state, the Constitution.

ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԸ՝ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԱՍՊԵԿՏ

Ռ.Մ. Սարգսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ուսումնասիրվում են պատճառները եւ խնդիրները, որոնք նպաստել են սոցիալական պետության ձեւավոր-

մանը: Այն գործոնները, որոնց շնորհիվ այս գաղափարը գործնական, նորմատիվ եւ հատկապես սահմանադրական արտահայտությունը է ստացել:

Հիմնաբառեր՝ սոցիալական պետություն, սոցիալական օրենսդրության, օրենքի գերակայությունը, Սահմանադրություն:

ЭКОНОМИКА

ВЗАИМНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СТРАНАХ ЕАЭС: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ[1]

И.Б. Петросян

Российско-Армянский университет
petrosyan.irina@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Региональная экономическая интеграция обычно приводит к сокращению торговых барьеров и ограничений в области инвестирования. Создание интеграционного объединения воздействует на размеры потоков ПИИ, которые, в свою очередь, являются отражением изменения в относительных преимуществах экономики. В данной работе проведен ретроспективный анализ потоков капитала между странами Евразийского экономического союза до начала интеграционных процессов, а также исследована структура взаимных инвестиций и инвестиций из других стран в текущем периоде времени.

Ключевые слова: региональное интеграционное объединение, прямые иностранные инвестиции, абсолютные преимущества, инвестиционный потенциал, Евразийский экономический союз.

В течение последних десятилетий количество региональных интеграционных соглашений (объединений) неуклонно растет, и к 2017 году, по данным Всемирной торговой организации (ВТО), оно достигло 445 [1]. Как известно, создание интеграционных объединений оказывает существенное влияние не только на развитие объединяющихся стран, но и на всю мировую экономику в целом, в особенности, если доли интегрирующихся стран в мировой экономике значительны. При создании интеграционных объединений происходит изменение в объемах взаимной торговли и перемещении ресурсов. Однако, если исследованию взаимосвязей между международной торговлей и интеграционными процессами посвящено множество научных исследований, то взаимосвязям между интеграцией и прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) уделено относительно мало внимания. Углубленное изучение теоретических концепций взаимосвязей между экономической ин-

[1] Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Армения-ЕАЭС: состояние и перспективы торгово-экономических отношений», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2016–2017гг.

теграцией и ПИИ представляется особенно важным, поскольку они составляют основу для проведения эмпирических исследований и разработки национальной и региональной политики в области стимулирования притока ПИИ.

Региональная экономическая интеграция обычно приводит к сокращению торговых барьеров и ограничений в области инвестирования. Создание интеграционного объединения воздействует на размеры потоков ПИИ, которые, в свою очередь, являются отражением изменения в относительных преимуществах экономики. Изменение относительных преимуществ выражается в изменениях относительных издержек на производство товаров и услуг в странах интеграционного объединения и остальных странах, темпов экономического роста, уровня восприятия политического риска отдельных стран со стороны инвесторов, агломерации экономик. Некоторые из этих изменений являются прямым эффектом либерализации экономических отношений между объединившимися странами, такие как, например, изменение относительных преимуществ экспорта продукции вследствие снижения таможенных тарифов, по сравнению с созданием иностранных филиалов. Некоторые же изменения будут косвенно отражать последствия экономической интеграции, как, например, изменение темпов экономического роста, которые, в свою очередь, будут воздействовать на потоки ПИИ.

Однако, в действительности, очень трудно определить прямые и косвенные эффекты региональной экономической интеграции на потоки ПИИ. В связи с этим, в большинстве существующих на сегодняшний день исследований не делается попытки построения и оценки структурных моделей взаимосвязей «интеграция-ПИИ» и используются более простые модели, в которых региональная интеграция выступает в качестве «глухой переменной», разделяющей исследуемый период на до- и послеинтеграционный.

Причины, направления и последствия потоков ПИИ исследовались множеством известных ученых, таких, как Баласса (взаимосвязи между ПИИ и размером рынка) [2], Коджима (динамические сравнительные преимущества) [3], Озава (ПИИ и фазы экономического развития) [3], Иэтто-Гиллес [4], однако наиболее значимым трудом в этой области является работа, опубликованная Даннингом, который впервые представил концепцию «OLI» [5]. Согласно его идее, компании будут осуществлять инвестиции в том случае, если расходы на расширение ниже, чем одновременные преимущества трех видов: собственность (ownership), местоположение (location) и интернационализация (internalization).

Проанализируем ожидаемые эффекты региональных интеграционных процессов на потоки ПИИ. С этой целью необходимо подразделить ПИИ на те, потоки которых перемещаются внутри интеграционного объединения, и те, которые поступают в интеграционную группировку из других стран. Также важен механизм (канал), посредством которого передаются импульсы потокам ПИИ. Снижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле приводит, в основном, к росту ПИИ обоих типов. Создание таможенных союзов положительно влияет на потоки межрегиональных ПИИ, однако по части второго типа инвестиций ясности нет, в силу того, что это зависит от дифференциации ограничений в торговле по отношению к странам членам и не членам союза. При создании монетарного союза воздействие на инвестиции обоих типов также положительное.

Создание интеграционного блока приводит к росту размеров рынка, что, в свою очередь, воздействует на магнитуду колебаний потоков ПИИ. Также возникает возможность использования экономии от масштаба по трем направлениям: создание крупных предприятий, производящих определенный вид продукции, горизонтальная специализация и вертикальная специализация. Также вследствие возрастающей конкуренции между предприятиями внутри интеграционного объединения вследствие снижения таможенных пошлин, начинает увеличиваться количество слияний и поглощений.

Если вновь обратиться к концепции “OLI”, то создание таможенных союзов воздействует преимущественно на относительные преимущества местоположения в силу изменений во внешней торговле [6]. Для компаний как стран-членов союза, так и остальных стран, ПИИ внутри союза способствуют достижению более сильных относительных преимуществ вследствие динамических интеграционных процессов, таких как, например, реорганизация производства или возросший уровень конкуренции. В этих процессах происходит экономия транспортных издержек, и потоки ПИИ начинают перераспределяться по оптимальным направлениям. Однако необходимо заметить, что в условиях снижения таможенных тарифов сравнительные преимущества от местоположения могут снизиться по причине роста привлекательности экспорта, по сравнению с открытием иностранных филиалов.

Экономическая интеграция также оказывает существенное влияние на фактор собственности по причине динамических эффектов. Для компаний, функционирующих внутри союза, экономическая интеграция обеспечивает доступ к расширенным рынкам и возможность использования экономии от масштаба, стимулируя компании к наращиванию инвестиций в научно-исследовательские разработки. Что касается компаний, оперирующих вне

интеграционного блока, для них становится важным наличие изначальных относительных преимуществ по собственности для того, чтобы конкурировать с внутренними конкурентами и дальнейшего накопления таких преимуществ.

Также следует обратить внимание на то, что важное значение имеет также пространственное распределение ПИИ: интеграционные процессы могут привести к росту инвестиций в страны интеграционного блока из других стран, в то время как эффекты на страны блока могут быть несущественными или даже негативными.

На сегодняшний день Евразийский экономический союз, созданный в 2015 году пятью государствами постсоветского пространства (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Республика Казахстан и Кыргызская Республика), является одним из значимых интеграционных объединений в мировой экономике. По ряду показателей (численность населения, ВВП, объем промышленного производства, объем внешней торговли, запасы сырьевых видов ресурсов, в том числе, энергоносителей и т.п.). Союз занимает существенные позиции в мире. Однако, как известно, в ЕАЭС существует неравномерность по распределению данных показателей в силу того, что экономики объединившихся стран коренным образом отличаются друг от друга по масштабам и в нем присутствует страна-лидер – Российская Федерация, степень присутствия которой в экономиках остальных стран Союза изначально настолько существенна, что создание экономического союза на данный момент времени не дает ожидаемых результатов. Эта специфичная характеристика и отличительная черта ЕАЭС является причиной того, что, несмотря на постепенное устранение барьеров в передвижении товаров и услуг, рабочей силы и капитала, мощной активизации в перемещении готовой продукции и ресурсов не происходит. Как известно, свобода перемещения капитала воздействует на экономический рост, общее макроэкономическое равновесие, валютный курс, величину процентной ставки и, соответственно, может приводить к изменению проводимой макроэкономической политики государства или влиять на ее результаты. Однако для этого необходимо, чтобы свобода перемещения капитала в действительности приводила к активизации и росту потоков капитала между интегрирующимися странами.

Для анализа изменений, произошедших во взаимных потоках капитала между странами-членами ЕАЭС, необходимо провести ретроспективный анализ потоков капитала до начала интеграционных процессов, а также исследовать структуру взаимных инвестиций и инвестиций из других стран.

Как известно, активность притоков капитала в принимающую страну зависит не только от формально существующих барьеров, но и от всех составляющих институциональной среды, инвестиционной привлекательности и наличия явных конкурентных преимуществ. Она обусловлена также легкостью ведения бизнеса и вступления на национальные рынки. С этой точки зрения, все страны-члены ЕАЭС находятся практически на одинаковых уровнях. В качестве подтверждения данного предположения можно проанализировать динамику Индекса “Doing Business” и рейтинги исследуемых нами стран. Так, по данным на 2017 год, РФ занимала в рейтинге среди 180 стран 40-ое место, и это значительный прогресс, по сравнению с 2011 годом, когда страна находилась на 124 месте. Казахстан, Беларусь и Армения разделяют 35-ое, 37-ое и 38-ое места, соответственно. Самой отстающей по данному показателю является Кыргызская Республика, занимающая в рейтинге 75 место. Что касается показателя «передового рубежа», также рассчитываемого со стороны Всемирного банка, и показывающего насколько страны со временем улучшили свою бизнес-среду, то некоторые страны Союза улучшают свои позиции, в некоторых же положение не изменяется. На Рис. 1 показана динамика данного показателя с 2010 года.

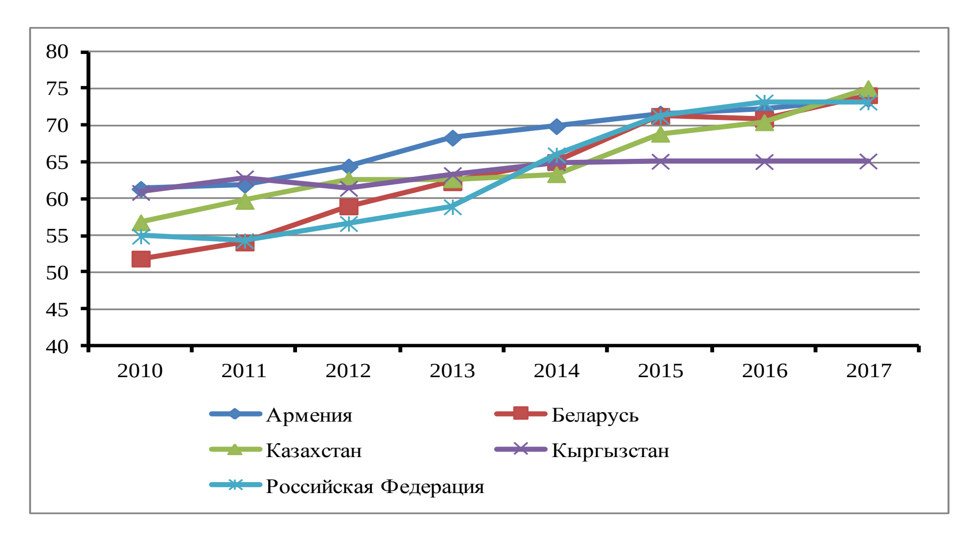

Рисунок 1. Динамика индекса «передового рубежа» в странах ЕАЭС в 2010–2017гг. [7].

Как видно из Рис. 1, у всех стран Союза наблюдается прогресс в изменении правового режима. Согласно методологии расчета данного показателя, наилучшее значение показателя составляет 100, и в 2010 году разрыв между

реальными показателями и наилучшим значением составлял более 40 баллов. На сегодняшний день все страны, за исключением Киргизии, уменьшили разрыв до 25–27 баллов, что является значительным прогрессом. Что касается Киргизии, то значении показателя практически не изменяется вот уже три года, в РФ же после резкого скачка в 2015 году изменения также несущественны.

Как отмечалось выше, РФ является доминирующей экономикой в ЕАЭС, экономические же связи между остальными странами гораздо слабее. Это подтверждает анализ запаса ПИИ в странах ЕАЭС, осуществленных со стороны инвесторов из РФ. Примечательно то, что оценки данного показателя, осуществляемые со стороны ЦБ РФ и Евразийского Банка развития, существенно разнятся.

Таблица 1. Динамика накопленных ПИИ РФ в страны ЕАЭС, млрд. долл. США [8]

Страна	**2009**		**2010**		**2011**		**2012**		**2013**		**2014**		**2015**	
	МВИ СНГ	ЦБ РФ	МВИ СНГ	ЦБ РФ	МВИ СНГ	ЦБ РФ	МВИ СНГ	ЦБ РФ	МВИ СНГ	ЦБ РФ	МВИ СНГ	ЦБ РФ	МВИ СНГ	ЦБ РФ
Армения	2.0	1.5	2.2	1.8	2.4	1.4	2.6	1.6	2.8	1.4	3.0	1.5	3.1	1.2
Беларусь	4.6	5.7	5.9	5.7	8.0	4.7	8.4	3.9	8.3	4.1	8.5	4.5	8.3	3.6
Казахстан	9.7	1.7	9.3	2.0	10.1	2.6	10.2	2.5	8.7	2.8	8.8	2.7	7.1	2.4
Киргизия	0.4	0.1	0.6	0.1	0.6	0.1	0.7	0.2	0.7	0.2	0.7	0.2	0.8	0.2
Всего в ЕАЭС	**16.7**	**9.5**	**18**	**9.6**	**21.1**	**8.8**	**21.9**	**8.2**	**20.5**	**8.5**	**21**	**8.9**	**19.3**	**7.4**

Несмотря на существенную разницу в оценках со стороны Евразийского Банка развития и ЦБ РФ, примечательно то, что в 2015 году наблюдается сокращение общего объема накопленных ПИИ в странах ЕАЭС. Примечательно также и то, что если оценки ЕБР до 2014 года имеют положительный тренд, то показатель по оценкам ЦБ РФ постоянно колеблется и не имеет четкой тенденции к росту.

Несмотря на то, что РФ является самым крупным инвестором в экономиках стран ЕАЭС, в действительности, доля инвестиций, осуществляемых в ЕАЭС в общем объеме инвестиций из РФ, несущественна. На Рис. 2 представлена динамика доли инвестиций РФ в страны ЕАЭС в общем объеме инвестиций.

Как можно заметить из Рис., наиболее удачным был 2015 год, после которого доля инвестиций в ЕАЭС в общем объеме инвестиций снизилась до 5,2%. Максимальным за исследуемый период было значение 7,7%.

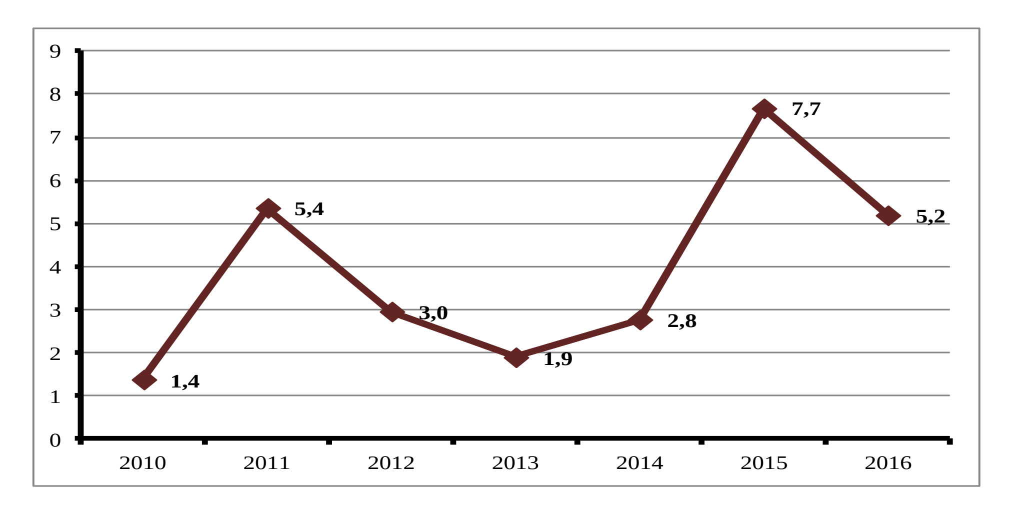

Рисунок 2. Динамика доли инвестиций РФ в страны ЕАЭС в общем объеме инвестиций, в 2010–2017гг. [9].

Что касается доли инвестиций из стран ЕАЭС в экономику РФ, то и здесь картина аналогичная.

Доля инвестиций из стран ЕАЭС крайне несущественна, что обусловлено как масштабами самой экономики РФ, в которую поступают очень большие объемы иностранных инвестиций, так и небольшим инвестиционным потенциалом остальных стран ЕАЭС. Важно отметить, что рост показателя до 7,5% в 2015 году обусловлен не существенным ростом инвестиций в абсолютном объеме, а резким сокращением поступающих в РФ ПИИ в связи с региональным кризисом и экономическими санкциями.

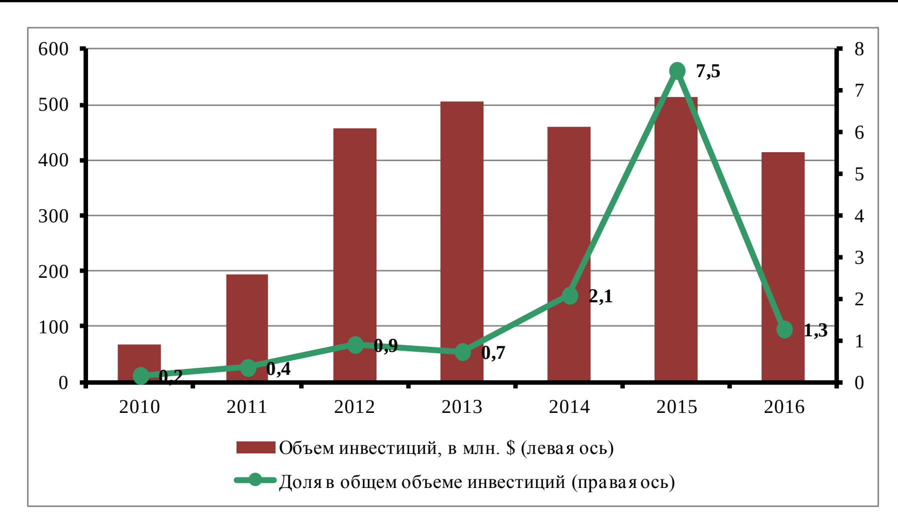

Рисунок 3. Динамика инвестиций в РФ из стран ЕАЭС, в 2010–2017гг. [9].

Что касается взаимных инвестиций между остальными странами ЕАЭС, то их объемы невелики как в абсолютных, так и в относительных показателях. Это обусловлено изначально слабыми экономическими взаимосвязями и отсутствием привлекательных для инвесторов сфер для взаимного инвестирования. В таблице 2 приведено сравнение взаимных инвестиций в странах ЕАЭС в 2010 и 2016 годах с целью подтверждения данной гипотезы.

Таблица 2. Взаимные инвестиции стран-членов ЕАЭС в 2015г., млн. долл. [8].

Реципиент / Донор	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Армения	**X**	10	0	0	3
Беларусь	0	**X**	34	0	204
Казахстан	8	53	**X**	695	3367
Киргизия	0	4	0	**X**	0
Россия	3056	8297	7095	811	**X**

Приведенная таблица как нельзя лучше демонстрирует то, что наиболее активным инвестором в экономики стран ЕАЭС является РФ, также наблюдается значительная инвестиционная активность между Казахстаном и Киргизией, причем в одностороннем направлении – Киргизия является реци-

пиентом. Наиболее слабые взаимосвязи наблюдаются между Арменией и Киргизией, Арменией и Казахстаном. Учитывая также остальные показатели, можно констатировать, что на период начала интеграции значимых взаимосвязей по части инвестиций у объединяющихся стран не было.

Если же обратиться к данным за 2016 год, то картина практически не изменилась. Между Арменией и Киргизией и вновь нет взаимных инвестиций, инвестиции из Беларусии не осуществлялись, а что касается Казахстана и Российской Федерации, что показатель чистого принятия обязательств отрицательный, что означает уход капитала из страны. В Беларусии картина схожая. По-прежнему нет взаимных инвестиций с Киргизией, однако произошел резкий рост инвестиций из Казахстана и сокращение инвестиций из России. Потоки инвестиций в российскую экономику из остальных стран сократились по сравнению с 2015 годом.

Однако немаловажным является и то, что все осуществляемые инвестиции в основном не диверсифицированы. Инвестиции из РФ осуществляются крупными российскими транснациональными компаниями в сферы деятельности естественных монополий, добычу и разработку ресурсов, транспорт и инфраструктуру. Это подтверждает приведенный ниже рисунок. Наибольшую долю во взаимных инвестициях занимает топливно-энергетический комплекс – практически половину всех накопленных взаимных инвестиций, второй по величине сферой инвестирования является отрасль цветной металлургии. И хотя на прочие отрасли приходится 21,9% всех ПИИ, доли каждой из объединенных нами отраслей совершенно незначимы.

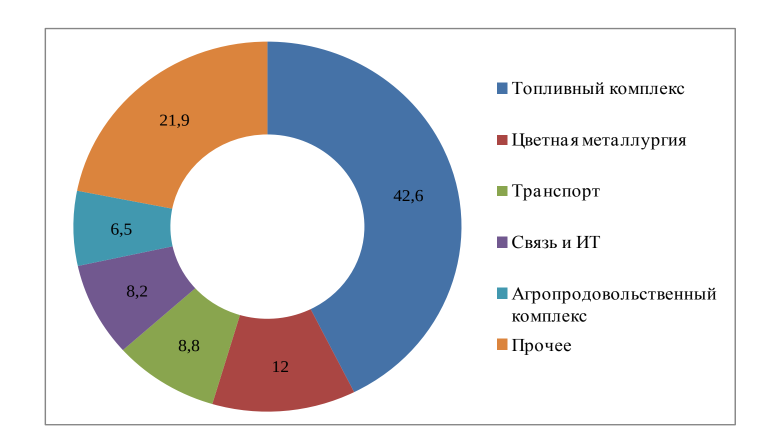

Рисунок 4. Отраслевая структура накопленных ПИИ в странах ЕАЭС, 2015г. [8].

Если обратиться к специфике взаимных инвестиций между всеми странами Союза, то становится ясно, почему даже после объединения активизации потоков не происходит.

По сути, расширение и углубление интеграции предполагало рост межрегиональных инвестиционных потоков. В то же самое время, потенциал для расширения инвестиций ограничен. Если говорить о доминанте в области инвестиций – РФ, то необходимо отметить, что крупные транснациональные компании уже задействованы на рынках Казахстана, Беларусии, Армении и Киргизии. К тому же, большая часть привлекательных и рентабельных активов уже приобретена. К этому добавляется и растущая конкуренция за рынки региона со стороны стран Западной Европы, а также стран Азии, в особенности, Китая.

Если обратиться к экономике Беларусии, то можно отметить, что после РФ Беларусь является самым крупным реципиентом инвестиций в интеграционном объединении, однако, исходя из данных, полученных в таблице 2, видно, что кроме РФ ни одна из стран региона не осуществляет крупных инвестиций. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, у Беларусии практически отсутствуют абсолютные преимущества, в силу небольшой наделенности природными ресурсами, что, согласно концепции Даннинга, не дает развиваться преимуществу «по локализации» при наличии интеграционных процессов. Однако это преимущество может быть развито благодаря выгодному географическому положению, достаточно развитой транспортной, логистической и энергетической инфраструктуры. Во-вторых, потоки инвестиций как внутренних, так и внешних, жестко регламентируется со стороны государства. Несмотря на то, что в 2013 году, еще до создания ЕАЭС, был принят «Закон об инвестициях», открывающий для инвесторов в вопросах осуществления инвестиций и видов источников финансирования, однако на практике данный закон работает не в полной мере. К этому добавляется доминирование государственной собственности в экономике, а также приоритетность достижения целей осуществляемой экономической и социальной политик государства. Все это сводит на нет возможность развития преимущества «собственность», описанном выше. То же самое можно сказать и об инвестирование Беларусии в остальные страны ЕАЭС. В большей степени инвестиции осуществляют крупные компании, принадлежащие государству, в которых крайне затруднена процедура принятия инвестиционных решений вследствие высокой степени бюрократизации. Что касается частного сектора, то он представлен, в основном, субъектами малого и сред-

него бизнеса, которые не обладают необходимым инвестиционным потенциалом.

Экономика Казахстана характеризуется растущими инвестиционными возможностями с возрастающим уровнем конкуренции. Основными конкурентами РФ в области ПИИ являются Китай и страны Западной Европы, которые рассматривают местные компании в качестве потенциальных потребителей своих технологий. Инвестиционные связи Казахстана с Арменией и Беларусью, как отмечалось выше, крайне слабы, однако объем инвестиций в экономику Киргизии достаточно велик.

Инвестиционная привлекательность экономики Киргизии на данный момент времени крайне низка. Как отмечалось выше, в рейтинг страны по индексу легкости ведения бизнеса очень низок, а за последние несколько лет не происходило улучшения в индексе «передового рубежа». Это обусловлено и тем, что государство не обеспечивает благоприятных условий для зарубежных инвесторов, т.е., по сути, преимущество «интернационализация», возникающее от интеграции по Даннингу, использовать не удается. Кроме того, страна характеризуется высоким уровнем странового риска, обусловленного, прежде всего, нестабильной политической обстановкой. Усугубляет сложившуюся ситуацию и частое перераспределение собственности, санкционируемое государством, что, естественно, препятствует потоку ПИИ. Еще одним фактором является низкая квалификация рабочей силы. Дефицит квалифицированных работников не позволяет инвесторам осуществлять крупномасштабные проекты без дополнительных затрат на привлекаемую извне квалифицированную рабочую силу.

Что касается экономики Армении, которая характеризуется как малая открытая экономика, однако в то же самое является малоемкой в силу ограниченного потенциала внутреннего рынка и низкой наделенности ресурсами. Несмотря на высокие рейтинги по показателям легкости ведения бизнеса, Армения характеризуется высоким страновым риском. Основным инвестором в регионе продолжает оставаться РФ, однако ПИИ осуществляются, в основном, крупными транснациональными компаниями РФ только в определенные отрасли экономики, такие, как: телекоммуникации, топливно-энергетический комплекс, железнодорожное сообщение, добыча и переработка полезных ископаемых (в частности, цветная металлургия). Как показано в таблице 2, инвестиционные связи с другими государствами-членами ЕАЭС практически отсутствуют. ПИИ из Беларусии и Казахстана представлены всего лишь одним-двумя крупными проектами, прибыльность и эффективность которых требует дополнительных исследований.

В силу названных выше причин, объемы инвестиции из Армении также низки. Это обусловлено низким уровнем сбережений, а также тем, что в экономике нет столь крупных предприятий, которые были бы в состоянии осуществлять вложения в зарубежные предприятия.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что срок существования ЕАЭС как интеграционного объединения слишком мал для активизации взаимных инвестиций, изначально предпосылок для усиления потоков взаимных инвестиций у объединившихся стран не было, что обусловлено отсутствием привлекательных для инвесторов сфер инвестирования.

Экономикой, доминирующей в сфере ПИИ во всех странах ЕАЭС продолжает оставаться РФ, как в силу больших запасов капитала, так и в силу того, что РФ является основным торговым партнером вышеуказанных стран.

Экономики объединившихся стран разнородны и не обладают высокой диверсифицированностью.

Финансовые рынки стран ЕАЭС обладают небольшой емкостью и не развиты, что еще больше затрудняет инвестиционные процессы.

Страны-члены ЕАЭС имеют высокие страновые риски, в том, числе, как показал опыт последних лет, им свойственен высокий уровень валютных рисков, эффективных механизмов хеджирования которых выработать еще не удалось.

Также все страны характеризуются слабо развитыми институтами гарантирования и страхования инвестиций, которые позволяют отчасти нивелировать страновые риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Всемирной торговой организации: www.wto.org.
2. *Balassa Bela* American Direct Investments in the Common Market // Banca Nazionale del Lavoro Quarterly Review, 77. 1966. PP.121–146.
3. *Kojima K., Ozawa T.* Micro- and Macro-Economic Models of Direct Foreign Investment: Toward a Synthesis // In H. P. Gray (Ed.), Transnational Corporations and International Trade and Payments. New York: Routledge. 1993. PP. 63–85.
4. *Ietto-Gillies G.* Transnational Corporations and International Production: Concepts, Theories and Effects. // Cheltenham & Northampton: Edward Elgar Publishing. 2005. 288 pages.
5. *Dunning J.H.* Toward an eclectic theory of international production: some empirical tests // Journal of International Business Studies, 11. 1980. PP. 9–31.
6. *Kreini M.E., Plummer M.G.* Effects of regional integration on FDI: An empirical approach // Journal of Asian Economics, 19(5-6), 2008. PP. 447–454.
7. Электронный ресурс «Doing Business»: http://russian.doingbusiness.org/.
8. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ // Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. 2016. Доклад № 39. 71 с.

9. Официальный сайт Евразийского банка развития: www.eabr.org.
10. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: www.eurasiancommission.org.
11. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации: www.cbr.ru.

MUTUAL INVESTMENTS IN THE EAEU: RETROSPECTIVE ANALYSIS

I. Petrosyan

ABSTRACT

Regional economic integration usually leads to a reduction in trade barriers and investment restrictions. The creation of integration agreement affects the size of FDI flows, which, in turn, reflect a change in the relative advantages of the economy. In this paper, we made a retrospective analysis of capital flows between the countries of the Eurasian Economic Union before the start of integration processes, and researched the structure of mutual investments and investments from other countries in the current period of time.

Keywords: Regional economic integration, foreign direct investment, absolute advantages, integration potential, Eurasian Economic Union.

ՓՈԽԱԴԱՐՁ ՆԵՐԴՐՈՒՄՆԵՐԸ ԵԱՏՄ ԵՐԿՐՆԵՐՈՒՄ՝ ՀԵՏԱՀԱՅԱՑ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ

Ի.Բ. Պետրոսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տարածաշրջանային տնտեսական ինտեգրումը որպես կանոն բերում է առևտրային խոչընդոտների և ներդրումների ոլորտում սահմանափակումների նվազեցմանը: Ինտեգրացիոն միավորման ստեղծումը ազդում է օտարերկրյա ուղղակի ներդրումների հոսքերի վրա, որոնք, իրենց հերթին, ներկայանում են տնտեսության հարաբերական առավելությունների փոփոխման արտացոլում: Ներկայացվող աշխատանքում իրականացվել է Եվրասիական տնտեսական միության երկրների միջև կապիտալի հոսքերի հետահայաց վերլուծություն՝ ինտեգրացիոն գործընթացների զարգացումից առաջ, ինչպես նաև փոխադարձ ներդրումների կառուցվածքի հետազոտում ընթացիկ ժամանակաշրջանում:

Հիմնաբառեր՝ Տարածաշրջանային տնտեսական ինտեգրում, օտարերկրյա ուղղակի ներդրումներ, բացարձակ առավելություններ, ներդրումային ներուժ, Եվրասիական տնտեսական միություն:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЭКОНОМИЧЕСКИМ РОСТОМ

Т.О. Оганесян

Российско-Армянский университет
tatevik.hovhannissyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье раскрывается сущность социального прогресса, посредством привязки к категории человеческих потребностей дается ее уникальное определение, анализируется взаимосвязь и взаимозависимость таких понятий, как социальный прогресс и экономическое развитие.
Ключевые слова: социальный прогресс, экономическое развитие, человеческие потребности.

В отечественной и мировой экономической литературе существует множество исследований по проблематике экономического роста и социального прогресса, их взаимосвязанности и взаимозависимости. Литературный анализ показывает, что гипотезы о прогрессивной динамике общественного прогресса выдвигались еще древними философами. Тем не менее, системную формулировку эти гипотезы получили в эпоху Просвещения, что, в большинстве своем, связано с общей направленностью данной эпохи на прогресс. Так, в трактовке идейного вождя Просвещения **Ф.М.А. Вольтера** общественный прогресс или «прогресс человеческого духа», как называл его сам философ, представлялся как переход человечества от бессознательной жизни (которой живет вся природа) к сознательной – цивилизованной, основанной на развитии человеческого разума [1].

Итальянский ученый **Д. Вико** полагал, что прогресс представляет собой круговорот. При достижении обществом высшей точки своего развития имеет место возврат на начальную точку, после чего начинается новый цикл [2]. Прогресс состоит в том, чтобы начинать новый цикл с точки, стоящей выше начальной точки предыдущего цикла.

В отличие от своих современников, **И.Г. Гердер** не рассматривал человеческое развитие как результат наличия у человека разума. Ученый, скорее, находил больше схожих черт между человеком и природой и, рассуждая о человеческом развитии, проводил параллель между человеком и растением. Общественный прогресс просветитель видел в совершенствовании общественных отношений в сторону кристаллизации гуманизма, что, по его мнению, есть ни что иное, как цель человеческой природы [3].

М.Ж.А. Н. де Кондорсе также рассматривал общественный прогресс в историческом контексте. В социальном прогрессе Кондорсе видел преодоление неравенства между народами и социальными классами, а также в совершенствовании всех людей в интеллектуальном, моральном и физическом отношениях, а в качестве основы такового отмечал образование [4].

Обращаясь к изучению сути общественного прогресса в исторической ретроспективе, уместно вспомнить немецкого философа **Г.В.Ф. Гегеля**, согласно которому цель прогресса – это осознание и стремление к свободе [5]. Правовое государство представлялось Гегелем основой реализации прогресса как такового.

Интересным представляется анализ сути социального прогресса, приведенный в трудах **К. Маркса**. Весь общественный прогресс изучался ученым с экономической стороны, в контексте производственных отношений. Согласно Марксу, человека уникальным делает не разум, а труд, его способность приспособить к себе природу [6].

О. Конт считал экономику производной от социальных отношений. Общественное сознание определяет общественное бытие – так можно сформулировать главный тезис социальной философии Конта. Базисом прогресса выступает интеллектуальное и моральное совершенствование социума [7]. Основным средством достижения социальных изменений Конт считает социальные реформы, которые имеют целью изменение отношений между людьми в сторону братства и гармонии, а также нравственно-интеллектуальную трансформацию общественного сознания.

Идея общественного прогресса рассматривалась и в российской философии. В частности, **Н.А. Бердяев** видел в идее общественного прогресса духовно-религиозное начало. Высшей точкой общественного прогресса философ считает наступление Царства Божьего, основной мерой которого является справедливость [8]. Прямой линии социального прогресса не существует – этот процесс всегда является комплексным.

У. Ростоу, наоборот, рассматривает общественный прогресс с исторической точки зрения. Весь исторический процесс разделен ученым на пять основных этапов (эр), в зависимости от уровня научно-технического развития общества [9]. Последней эрой, согласно Ростоу, является эра индустриального общества.

С исторической точки зрения к изучению сути общественного прогресса приходит и **З. Бжезинский**. В частности, весь процесс общественного прогресса политолог разделяет на три основных этапа – аграрная, индустриальная, технотронная. Современный мир имеет место быть в условиях тех-

нотронной цивилизации, когда доминирует экономика знаний, являющаяся основой для развития личности.

Своеобразным является подход к изучению сути социального прогресса, наблюдаемый в трудах историка прошлого века **А.Д. Тойнби.** Согласно ему, человеческая история есть не что иное, как объединение историй циклического развития отдельных цивилизаций, причем невозможно заранее предсказать развитие и крах данной цивилизации. Тойнби считает, что мировая история написана не целыми обществами, а конкретными личностями. Если отдельно взятая личность сможет найти путь к развитию, то и общество будет развиваться.

Рассматривая различные трактовки как экономического, так и социального прогресса, мы можем убедиться, что во многом эти понятия переплетаются. В экономической теории экономическое развитие рассматривается как основа социального прогресса. С другой стороны, в трудах современных авторов все больше встречаются попытки опровергнуть достоверность подхода, основанного на том, что общественное развитие базируется исключительно на экономическом прогрессе. Дело в том, что рост и развитие экономики не всегда являются залогом общественного развития, основой повышения уровня социального благосостояния общества в целом и отдельного индивида в частности.

С точки зрения взаимосвязи и взаимозависимости между экономическими и социальными системами, уместно вспомнить соответствующее высказывание Карла Поланьи: «Экономический порядок обычно бывает функцией от социального, причем, второй обеспечивает первый» [10].

Имеет смысл вспомнить, что, согласно одному из законов диалектики (закон динамики структур), впервые сформулированному Г.В.Ф. Гегелем, количественные изменения системы в определенный момент приводят к ее качественным изменениям и, наоборот. Таким образом, развивающаяся система, подвергаясь количественным изменениям с сохранением своей структуры, к определенному моменту и в течение определенного – длительного – времени, модифицируется и качественно, в результате чего ее структура меняется. Верно и обратное суждение. Количественные и качественные изменения определяют сущность развития системы, причем количественные изменения происходят в течение длительного времени, а качественные – скачкообразно, при достижении определенного предела [11].

Если обратиться к экономической трактовке данного закона, то можно отметить, что экстенсивный – количественный – экономический рост в определенный момент может привести к интенсивному росту и, наоборот. Исхо-

дя из того, что качественный рост ускоряет процесс развития, превалирование качественных изменений над количественными будет обеспечивать экономике прогресс в более короткие сроки. Социальный прогресс как следствие предполагает повышение производительности труда и расширение инновационного потенциала, из-за чего сама экономическая структура качественно меняется. Следовательно, социальный прогресс ведет к интенсивному экономическому росту в долгосрочной перспективе. Очевидно, что развитое, образованное, цивилизованное, запрограммированное на мыследеятельный и творческий процесс общество, как логический результат, будет стремиться к обеспечению лучших экономических условий, чтобы продолжать существовать, мыслить и творить. Так, экономический рост и развитие в данной работе рассматриваются нами не как самоцель, прогресс ради прогресса, а, скорее, как следствие, объективно вытекающее из социального прогресса.

Углубляясь в изучение сути социального прогресса, а также закономерностей экономического роста и развития, мы сталкиваемся с обращением различных ученых к категории человеческих потребностей. Вся хозяйственная деятельность сводится к реализации потребностей. Потребности человека определяют мотивы его деятельности, а социально-экономические отношения любой страны строятся, исходя из человеческого фактора. Следовательно, каковы потребности общества, таковой будет и социально-экономическая система. В процессе реализации своих потребностей человеку свойственно изменять окружающий мир и себя самого, в результате чего развивается общество в целом.

Переходя к предложению собственного определения сути социального прогресса, вспомним два экономических закона, которые, как представляется, наиболее полно отражают степень влияния потребностей на социально-экономические отношения. Первым является экономический закон возвышения потребностей, согласно которому потребности людей растут не только количественно, но и качественно. Необходимо вспомнить также и другой закон, согласно которому спрос порождает предложение (закон, сформулированный Кейнсом в 1930-х годах). Из сопоставления этих законов следует, что при наличии спроса на новый товар экономика будет трансформироваться таким образом, чтобы обеспечить его предложение. Причем, при качественном росте потребностей в экономике будет наблюдаться расширение в сторону производства качественно новых товаров. Карл Маркс, рассматривавший социальный прогресс с экономической точки зрения и считавший повышение производительности труда движущей силой социального прогресса, саму суть трудовой деятельности сводил к естественной потреб-

ности человека, которая и побуждает его трудиться. Выстроим же следующую логическую цепочку: если труд (точнее, рост его производительности) является базисом для общественного развития, и, в свою очередь, в основе труда лежит естественная потребность человека, а потребности, согласно закону возвышения потребностей, растут не только количественно, но и качествено, то получается, что основу социального прогресса составляет качественный рост потребностей человечества. Таким образом, **социальный прогресс – это бесконечный процесс совершения обществом качественного перехода от базовых потребностей к более комплексным, который сопровождается улучшением производственной, научной и нравственной характеристик общественных отношений**. Социальный прогресс трансформирует экономику в направлении удовлетворения комплексных потребностей социума, что неизбежно несет в себе зачатки экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Огурцов А.* Философия науки эпохи Просвещения. М.: Наука, 1993. 213 с. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/ogur_filnk/06.php.
2. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. Москва–Киев, 1994. 656 с.
3. *Гобозов И.* Социальная философия. М., 2003. 528 с. С. 287.
4. Progress of the Human Mind – the tenth stage. A.-N de Condorcet, "Sketch for a Historical Picture of the Progress of the Human Mind". http://www.bl.uk/learning/histcitizen/21cc/utopia/revolution1/condorcet1/condorcet.html.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. Пер. А.М. Водена. С-Пб.: Наука, 1993, 2000. 480 с. С.72.
6. *Ратиков А.И.* Философия. Основные идеи и принципы. М.: Политиздат, 1990. 368 с. С. 98.
7. Социология Огюста Конта (1798–1857) и Карла Маркса (1818–1883). Персональный сайт С.Кирдиной: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=208&lang=ru [дата обращения: 17.06.2015].
8. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. YMCA-PRESS, Париж, 1969. 269 с. С. 224.
9. *Пятилетова Л. В., Хабибулина М.С.* Современные теории общественного развития. Уральский Государственный Университет путей сообщения. № 7–8 (22–23) / 2013. http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-teorii-obschestvennogo-razvitiya.
10. *Радаев В.* Экономическая социология. Издательский дом ГУ ВШЭ, УДК 316.334.2, М., 2005.
11. *Петров В.* Законы диалектики в развитии технических систем. Израиль,Тель-Авив, 2012. http://www.trizland.ru/trizba/pdf-books/zrts-03-dialekt.pdf.

THE DEFINITION OF SOCIAL PROGRESS AND ITS INTERCONNECTION TO THE ECONOMIC GROWTH

T. Hovhannissyan

ABSTRACT

In this article, by linkink the social progress to the category of human needs, the essence of social progress is revealed, its unique definition is given, the interrelation and interdependence of such concepts as social progress and economic development is analyzed.

Keywords: social progress, economic development, human needs.

ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ԱՌԱՋԸՆԹԱՑԻ ՍԱՀՄԱՆՈՒՄՆ ՈՒ ՎԵՐՋԻՆԻՍ ԿԱՊԱԿՑՎԱԾՈՒԹՅՈՒՆԸ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԱՃԻ ՀԵՏ

Տ.Հ. Հովհաննիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տվյալ հոդվածում, սոցիալական առաջընթացը կապելով մարդկային պահանջմունքների հետ, բացահայտվում է վերջինիս էությունը և տրվում է սոցիալական առաջընթացի սահմանումը, վերլուծվում են վերջինիս ու տնտեսական աճի փոխկապակցվածությունն ու կախվածությունը:

Հիմնաբառեր՝ սոցիալական առաջընթաց, տնտեսական զարգացում, մարդկային պահանջմունքներ:

МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКСПОРТА В РА

Ц.М. Макарян

Российско-Армянский университет
colomakar@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье представлены действующие в РА институты предоставления государственной финансовой поддержки в целях стимулирования экспорта, принятые правительством в 2016 году. Рассмотрена целесообразность и формат предоставления субсидий на покрытие страховой премии экспортеров от страхования экспортных кредитов, а также вопрос предоставления государственных гарантий Агентству по страхованию экспортных кредитов.

Ключевые слова: система государственного содействия и стимулирование экспорта, страхование экспортных кредитов, субсидирование процентных ставок финансирования экспортеров и страховой премии экспортных кредитов.

Учитывая важность развития экспортно-ориентированных отраслей и производств, правительство РА в 2016г. ввело ряд новых регуляций, касающихся институтов предоставления государственной финансовой поддержки в целях стимулирования экспорта. В частности, это касается страхования экспортных кредитов, субсидирования процентных ставок по кредитам для предприятий, осуществляющих производственную деятельность с экспортной ориентацией. Следует отметить, что в результате этих нововведений установлено определенное взаимодействие между институтами экспортного страхования и субсидирования процентных ставок экспортеров, так как до 2016г. такое взаимодействие просто отсутствовало, о котором было указано нами ранее [1]. С учетом и при наличии этих положительных нововведений, тем не менее, существует ряд противоречивых механизмов, что, в определенной мере, объективно снижает эффективность механизмов государственной финансовой поддержки в целях стимулирования экспорта.

13 января 2016г. постановлением премьер-министра РА был создан Совет содействия экспорта [2]. Тем же постановлением был установлен регламент работы указанного Совета, порядок представления заявок и оценки резидентов экспортеров РА для оказания содействия, в том числе финансового, формы заявок, а также список наименования продукции, для которых в 2016г. будет в первоочередном порядке предоставлено указанное содействие. Согласно 1-му приложению данного постановления, руководителем Со-

вета является премьер-министр, в состав Совета включены: вице-премьер по вопросам международной экономической интеграции и реформ (он же заместитель руководителя Совета), руководитель аппарата правительства РА, министры финансов, экономики и сельского хозяйства, главный советник Президента РА, первый заместитель руководителя аппарата Президента РА, первый заместитель министра по вопросам международной экономической интеграции и реформ. Как видно из постановления, состав Совета довольно представительный.

Согласно регламенту работы Совета, утвержденный приложением 2 данного постановления, Совет принимает заявки от резидентов РА, оценивает эти заявки, ведет учет одобренных заявок, на основании договоров экспортных поставок экспортеров заявителей принимает решение о предоставлении содействия данному предприятию резиденту экспортеру РА. Решение о предоставлении содействия может быть полным, частичным или на определенных условиях.

Можно констатировать, что в целом правительство РА для содействия экспорта установило очень важную регуляцию, что однозначно следует приветствовать. Тем не менее, сам механизм принятия решения для такого содействия экспортеров в начале 2016 года был установлен в ручном режиме, так как каждый раз для каждого заявителя решение о содействии должен был принимать вышеуказанный сверх представительный Совет. По всем канонам регулирования экономических процессов такая регламентация содействия экспортеров относится к числу экстренных методов, которые применимы в особых условиях или чрезвычайных ситуациях, а между тем речь идет о повседневном процессе, где задействованы десятки тысяч экономических субъектов. Исходя из этого, следует полагать, что такое содействие будет оказано в единичных случаях, либо такой механизм просто не в состоянии будет обслуживать такую важную и объемную задачу. Для полного представления положения дел рассмотрим также процесс принятия заявок для экспортеров, который представлен в приложении 3 вышеуказанного постановления. Примечательно что, согласно этому приложению, Совет для экспортеров резидентов объявляет приглашение о подаче заявок, где указываются оговариваемые условия, сроки и порядок представления заявок, порядок оценки заявок и процедуру получения информации об условиях. Такая регламентация указывает на то, что этот важный процесс строится не на перманентной основе, а является одноразовой акцией по определенным правилам. В 5-ом приложении вышеуказанного постановления указано номенклатура продукции, для которых в первом полугодии 2016г. будет представ-

лено первоочередное содействие экспортерам. В составе такой продукции 5 наименований: это – вино, фруктовая водка, консервы, мясные изделия, рыба и рыбная продукция. Сам список также указывает на то, что процесс предоставления содействия экспортерам имеет довольно ограниченный и может временный характер.

10-го марта 2016г. постановлением премьер-министра РА были внесены изменения и дополнения в постановлении о содействии экспортеров [3]. Было отредактировано название указанного постановления. Следует отметить, что утратили силу те положения постановления, согласно которым Совет сам определяет тех экспортеров, которым следует оказывать содействие для осуществления экспортных сделок, то есть, по сути, был отменен ручной режим принятия решений со стороны Совета. Одновременно была установлена процедура оказания содействия экспортерам на основе особого «Процессуального руководства по оказанию содействию», которое утверждается Советом.

9-го марта 2016г. Совет по содействию экспорта принял постановление [4], согласно которому процесс содействия экспортеров был определенно упорядочен. Так, постановлением Совета установлено, что содействие экспортеров сводится к субсидированию процентных ставок кредитов представляемых коммерческими банками для пред- и после экспортного финансирования и факторинга реализуемого посредством страхования экспортных кредитов, а также возмещению страховых премий по страхованию экспортных кредитов осуществляемых государственным агентством по страхованию экспортных кредитов. Указанным постановлением установлено:

• содействие представляется для каждой партии экспортируемой продукции;

• величина пред экспортного финансирования составляет 25 млн. драм, а страховое покрытие по страхованию экспортных кредитов эквивалентно сумме до 600 тыс. долл. США;

• субсидирование процентных ставок кредитов представляемых коммерческими банками для пред экспортного финансирования и факторинга реализуемого посредством страхования экспортных кредитов составляет 3 процентных пункта;

• длительность пред- экспортного финансирования и факторинга не превышает 180 дней;

• страховые премии взимаемые государственным агентством по страхованию экспортных кредитов возмещаются полностью.

В «Процессуальном руководстве по оказанию содействию» пред- и после экспортного финансирования и факторинга реализуемого посредством страхования экспортных кредитов зарегламентировано, что для получения пред- экспортного финансирования резидент компании обращаются в государственное агентство по страхованию экспортных кредитов. Если сделка одобряется агентством по страхованию экспортных кредитов, то после этого организация экспортер обращается в коммерческий банк для получения пред- экспортного финансирования. Банк оценивает кредитоспособность организации экспортера и при положительной оценке получает также письменное подтверждение от Агентства по страхованию экспортных кредитов о лимите предоставляемой сделки. При положительной оценке сделки со стороны Агентства и банка весь пакет направляется в Фонд развития Армении (далее Фонд). Фонд, Агентство и банк подписывают трехстороннее соглашение, на основании которого Фонд развития Армении субсидирует процентные ставки кредита пред- экспортного финансирования в пределах 3 процентных пунктов, а также возмещает страховую премию Агентства.

Схожий механизм установлен также для экспортного факторинга. Экспортер сначала обращается в Агентство по страхованию экспортных кредитов для страхования краткосрочного экспортного кредита. В том случае, если организация экспортер пользовалась услугой пред- экспортного финансирования представленного через Агентство, то согласие на страхование экспортного кредита считается полученной. Компании экспортеры полисы на страхование экспортного кредита представляют в банк для получения факторинга по сделке страхования экспортного кредита. Далее процесс осуществляется по схожей схеме трехстороннего договора с участием Агентства, банка и Фонда.

Регламентация экспортного содействия в рамках постановления Совета экспортного содействия на основе «Процессуального руководства по оказанию содействия» экспортерам довольно прагматична с учетом установленного взаимодействия между Агентством и Фондом».

Теперь обратимся к некоторым процессуальным нормам указанного регулирования, в частности, к вопросу полного возмещения или субсидирования страховой премии, а также к механизму удержания и управления рисков экспортного страхования. Заметим, что в данном случае речь идет о полном возмещении, а не со-финансировании со стороны государства, и термин возмещение в данном случае означает субсидию со стороны государства, поскольку, согласно Соглашению ВТО по субсидиям и компенсационным мерам [5] (статья 1-ая, где дается определение субсидии), это однозначно

относиться к субсидии. В частности, пункт 1.1 Соглашения определяет, что субсидия существует когда: оказывается финансовое содействие правительством или любым публичным органом (Фонд развития Армении, по сути, публичный орган, средства фонда в основном поступают из бюджета, руководит им премьер-министр) в формате, когда: правительство предоставляет товары или услуги помимо общей инфраструктуры или закупает товары; правительство осуществляет платежи в механизмы финансирования или поручает, либо предписывает частному лицу выполнять одну или несколько функций, которые обычно возлагаются на правительство, причем на условиях, которые, фактически, не отличаются от обычной практики правительств. Одновременно важно и то, что такая субсидия является специфической в соответствии с положениями статьи 2-ой.

Альтернативой такого субсидирования страховых премий может являться возмещение или субсидирование операционных расходов Агентства или возмещение затрат Агентства по разработке новых продуктов, что, в свою очередь, приведет к снижению страховых премий для страхователей. Как известно, страхованию экспортных кредитов присущи многие проблемы и изъяны, в том числе, высокие операционные расходы, обратная селекция или антиселекция, неопределенность в определении последствий от возникших рисков, высокая корреляция рисков и потерь, страховое мошенничество или умышленные действия страхователей, катастрофический характер рисков, и, следовательно, сложность в установлении страховых тарифов. В этом смысле государственное субсидирование призвано преодолеть сложности управления рисков этого вида страхования. Очевидно, что возможности субсидирования государства ограничены, чтобы «поправить» все объективные проблемы и изъяны страхования экспортного кредитования. Следует заметить, что вне зависимости от формы государственного субсидирования, оно снижает уровень страховых премий для страхователей. Но прямое субсидирование страховых премий для страховщиков экспортеров оценивается экспертами довольно проблематичным, поскольку оно искажает рыночные отношения. Заметим, самое главное то, что прямое субсидирование страховых премий, по сути, никак не связано с управлением страховых рисков экспортных кредитов, а оно направлено на снижение затрат или повышение доходов экспортеров. Такое субсидирование более выгодно для выгодоприобретателей с низким уровнем рисков, чем для тех, у которых уровень рисков высок. Между тем, если субсидирование связывается с ожидаемыми потерями, то оно должно быть полезным для выгодоприобретателей с высоким уровнем рисков, что присуще рыночным коммерческим общепринятым канонам. В

высоких зонах риска тариф страховой премии должен включать надбавку за катастрофические риски. С другой стороны, субсидирование премии, как правило, приносит больше выгод крупным экспортерам, чем более мелким. Таким образом, можно резюмировать, что все виды субсидирования страховой премии в конечном итоге содержат искажающий элемент. Еще одна проблема в том, что применение субсидирования страховых премий в дальнейшем приведет к увеличению количества выгодоприобретателей, которые будут претендовать на получение дополнительных доходов или снижение расходов. В целом, субсидирование выявляет следующие позитивные и отрицательные факторы. Положительные:

• способствует вовлечению в процесс финансово слабых и начинающих предпринимателей;

• частично ослабляет проявление анти селекции;

• стимулируется рынок, страховщик имеет возможность повысить емкость рынка; поскольку субсидирование вовлекает в рынок низко рискованных кандидатов;

• пресекает упадок и стимулирует экономический подъем и рост.

Противопоказания:

• искажает рыночные принципы и мотивацию;

• в случае не классифицированного субсидирования, когда оно предоставляется тем лицам, которые способны заплатить страховые премии, углубляет дискриминацию (в этом случае необходимо выявить слабых и менее платежеспособных);

• создает зависимость в будущем для реализации таких страховых продуктов, блокирует распространение не субсидируемых продуктов;

• в будущем при возможном участии на рынке страхования экспортных кредитов частных страховщиков может создать для них дополнительные трудности, поскольку их страхователи могут не попасть в списки субсидируемых.

Для оценки субсидирования в целом следует сопоставить социальные затраты и социальные выгоды субсидирования. При таком сопоставлении очень часто субсидии оказываются высоко затратными. Прежде всего, следует выявить те виды субсидирования, которые не искажают эффективность частного страхового сектора с тем, чтобы в дальнейшем привлечь их для страхования краткосрочных продуктов экспортного страхования. В этом плане более эффективно субсидирование в формате технического содействия, особенно направленных на развитие инфраструктуры этого вида страхования. Ведь развитие инфраструктуры повышает уровень доступности к

страхованию экспортеров страхователей разных уровней. Субсидирование операционных расходов, может привести к снижению тарифов страхования, к более масштабному внедрению инновационных продуктов, которые требует содействия, в первую очередь, для разработки и внедрения продуктов для малого и среднего бизнеса и освоения новых рынков, для улучшения управления информационным обеспечением. Государственное содействие должно быть целенаправлено на то, чтобы страховщики, в данном случае государственное Агентство, удержали страховой риск, а не произошло перераспределение средств и доходов государства к страхователям. При субсидировании страховых премий следует классифицировать страхователей, так как поголовное субсидирование, как было отмечено выше, углубляет дискриминацию, сам процесс классификации страхователей сталкивается с проблемой идентификации, стабильности, эффективности, выбора целевых сегментов и анти селекции. Теоретически, субсидирование должно покрывать только операционные расходы, заложенные в премии, и никак не покрытие риска. В целом, ограниченные финансовые средства государства целесообразно направлять на развитие рынка и института страхования экспортных кредитов, чем содействию отдельных экспортеров страховщиков, исходя из следующего. Первое, в страховой премии, в методологическом плане очень трудно идентифицировать и разграничить рисковые и не рисковые элементы. Требуется обеспечить методологическую последовательность, чтобы для каждого отдельного договора страхования экспортных кредитов с точностью рассчитать нетто страховую премию риска и, таким образом, обеспечить правильное распределение между разными компонентами страховой премии. Естественно, это потребует дополнительные затраты, что приведет к повышению затратоемкости этого вида субсидирования и, следовательно, потере его эффективности.

Второе, если допустить, что задача идентификации решена, то не рисковые компоненты страховой премии могут в незначительной степени снизить размер чистой премии, а вместо этого потребовать значительные затраты. Со временем правительство может прийти к выводу о прекращении неэффективных затрат, что приведет к нарушению устойчивого роста рынка, связанного с прекращением непрерывности сформированного режима субсидирования.

Третье, если правительство заинтересовано в решении устойчивого роста и активизации малого и среднего предпринимательства, то должно уповать на эффективный анализ ограниченных государственных расходов с тем, чтобы гарантировать правильное распределение ограниченных государ-

ственных расходов. Между тем, очень часто уполномоченные госорганы просто на опыте или эмпирическим путем или по конъюнктурным соображениям определяют величину отдачи от государственного содействия малого и среднего предпринимательства, к примеру, примерно сопоставляя расходы и выгоды от субсидирования процентных ставок кредитов, предоставления гарантий, субсидирования страховых премий или консультационных услуг разного характера.

Четвертое, программы государственного субсидирования имеют тенденцию привлечь в программах высокодоходные предприятия экспортеры (без особого отбора), что расширяет возможности дискриминации.

В рыночном сегменте, каким являются краткосрочные продукты экспортного кредитования, в целом, следует избежать субсидирования страховых премий. В этом сегменте субсидирование должно быть направлено на сокращение воздействия неопределенностей и неточностей. Страховой тариф в этом случае должен строиться на базе чистой нетто премии по риску, к которому добавляются коррелирующие надбавки.

Подводя итоги, можно констатировать, что государственное субсидирование должно строиться на основе целостности всего процесса страхования и должно иметь следующие приоритеты: в первую очередь, это выделение средств для реализации перестрахования и предоставления специальных гарантий государства, во-вторых, выделение средств направленных на развитие инфраструктуры рынка и регулирующих мероприятий, и только, в третью очередь, на софинансирование или полное субсидирование страховых премий страхователей экспортеров. Кроме того, установление приоритетов по указанным направлениям, обусловлено тем, насколько каждая из них ограничивает в целом весь процесс и его эффективность страхования экспортных кредитов.

Экспортное страхового агентство Армении как особый институт стимулирования экспорта по своему статусу действует как обычная страховая компания и лишена механизма прямого гарантирования экспортных кредитов со стороны государства. При этом, заметим, оно действует в зоне стохастических рисков, где порой под влиянием различных факторов «геп» (или разрыв) между рыночно управляемыми рисками и катастрофическими, то есть рыночно не управляемыми рисками может внезапно и сильно колебаться. На страховом сегменте страхования экспортных кредитов рыночный «геп» может раскрываться и сокращаться, поскольку, по мнению страховщиков, не следует выдавать покрытия для отдельных отраслей и предприятий, и в целом факторы, влияющие на «геп» многочисленны. В частности, для

краткосрочных продуктов страхования экспортных кредитов, по мнению экспертов, очень важно различать доступность приобретения продукта, а не ставки страховых премий, поскольку очевидно и точно, что различные изменения меняют в целом восприятие риска [6].

Для полноценного страхового покрытия рисков, государство должно предусмотреть возможность предоставления дополнительных гарантий для «Экспортного страхового агентства Армении», установив особый лимит для таких гарантий в ежегодном государственном бюджете. Следует еще раз отметить, что без такого механизма гарантий Агентство действует как обычная страховая компания, невзирая на наличие общего капитала, выделенного из государственных средств.

Следует отметить, что государственная компания экспортного страхования не была основана как особый институт финансового рынка (на основе отдельного закона), а была создана как страховая компания в соответствии с действующим законодательством РА «О страховании и страховой деятельности» [7], которая осуществляет конкретные классы страхования. Для этого потребовалось внести определенные дополнения и изменения в указанном законе, в частности, в части 3-ей статьи 11 было закреплено положение о том, что Республика Армения может основать страховую компанию, занимающуюся страхованием экспорта и (или) быть участником этой компании. Таким образом, компания свою деятельность по осуществлению страховых услуг, поддержанию норм платежеспособности, ликвидности, удержания риска и других требований финансовой устойчивости строит на основе требований, установленных Центральным Банком РА (который в РА является мегарегулятором всех финансовых институтов) для коммерческих страховых компаний. Такой подход ставит государственную компанию по страхованию экспортных кредитов в один ряд с коммерческими страховыми компаниями, что в равной мере относится к видам разрешенных финансовых услуг и в целом всей деятельности, а также требований по обеспечению финансовой стабильности, уровню прозрачности и другим регуляциям.

По закону РА «О страховании и страховой деятельности» и в соответствии с положением Центрального Банка РА, за номером 3.02 «Величина, формирование, расчет основных экономических нормативов и критерии для установления незапрещенных перестраховщиков» [8] требование к капиталу страховой компании для осуществления страховой деятельности по классам – страхование кредитов (класс 14), представление гарантий (класс 15) страхование финансовых потерь (16 класс), составляет 1500 млн. драм . «Экспортное страховое агентство Армении» СЗАО (или Агентство) основано 23

октября 2013г. на основе постановления правительства РА за номером 1129-А от 17 октября 2013г. [9] и зарегистрировано в Центральном Банке РА 27.11.2013г.

Вышеуказанным постановлением правительства, общий капитал компании установлен в размере 1950 млн. драм, из которых в уставный капитал компании внесено – 1500 млн. драм и в главный резервный фонд или гарантийный фонд компании внесено, соответственно, 450 млн. драм. Единственным акционером компании является Республика Армения.

Страхование экспортных кредитов, в той или иной мере, соприкасается с катастрофическими рисками (когда риски неуправляемы в рыночном сегменте, что характеризуется неопределенностью оценки проявления рисков и их последствий, чему следует неопределенность определения страхового покрытия и страховой ставки). В таком состоянии гарантия, предоставляемая государственному Агентству, служит механизмом для дальнейшей передачи и управления риском, когда, по существу, управление риска нереалистично рыночными механизмами, используемыми коммерческими страховщиками. Государственная гарантия дает дополнительный ресурс для управления риском. Существующее положение, когда «Экспортное страховое агентство Армении» наделено капиталом из государственных средств не означает, что Агентство «наделено» всеми возможными ресурсами удержания и управления рисками. На рынке действуют страховые компании с большим капиталом, чем Агентство страхования экспортных кредитов, но они стремятся войти на рынок страхования экспортных кредитов. Существующий подход ограничивает возможности Агентства для удержания и управления рисками и емкость этого сегмента рынка. Государственная поддержка, оказываемая Агентству, должна носить непрерывный характер, одним из важных элементов которого – это формат предоставления государственных гарантий из государственного бюджета, что, в определенной мере, по аналогии сравнимо с перестрахованием рисков. При таком подходе, несомненно, формат, размер, случаи и условия предоставления государственных гарантий подлежат строгой регламентации и его законодательного закрепления в законе РА «О бюджетной системе» и государственном бюджете каждого года, где следует закрепить порядок абсолютную или относительную величину предоставления государственных гарантий Агентству. Такой подход позволит многократно повысить степень управляемости рисками, включая риски с катастрофическими характеристиками и повысить емкость этого сегмента рынка. Государственная гарантия для Агентства станет гарантией последней инстанции, сравнимая со средством передачи риска на перестрахование перво-

классным перестраховщикам. К такой гарантии Агентство должно будет обращаться в тех случаях, когда: а) когда риски невозможно управлять собственным удержанием и ресурсами, б) и/ или для них невозможно осуществить перестрахование, в) и/ или для перестрахования необходимо также государственная гарантия, г) и/ или государственная гарантия необходима для страхования риска, оставшаяся сверх объема перестрахования.

При реализации такого подхода у «Экспортного страхового агентства Армении» к трем имеющимся «поясам» платежеспособности и финансовой устойчивости, это: 1) пополненный с минимальным требованием уставной и общий капитал, 2) гарантийный капитал в составе первичного капитала компании, 3) технические резервы компании, создаваемые по регламентации для компаний страхования не жизни, добавится и четвертый «пояс» – государственные гарантии, выдаваемые из госбюджета по обязательствам Агентства. Это намного увеличит устойчивость компании, емкость рынка страхования экспортных кредитов, возможности Агентства на перестраховочном рынке. Исходя из приведенных обоснований и доводов, правительство РА должно сопоставить возможные выгоды предоставления субсидий страхователям на покрытие страховых премий по страхованию экспортных кредитов и предоставления государственных гарантий самому Агентству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карян А.В., Макарян Ц.М.* Институты предоставления государственной финансовой поддержки в целях стимулирования экспорта в РА. Вестник РАУ, №3. Ер.: Изд-во РАУ. 2015г. СС. 112–121.
2. ՀՀ վարչապետի 13.01.16 «Արտահանմանն աջակցելու նպատակով արտահանման աջակցման խորհուրդ ստեղծելու, արտահանման աջակցման խորհրդի աշխատակարգը, աջակցություն ստանալու նպատակով Հայաստանի Հանրապետության ռեզիդենտ տնտեսվարող սուբյեկտների կողմից հայտերի ներկայացման և գնահատման, հայտերի հավանության արժանացման և աջակցության տրամադրման ընթացակարգը, տեղական արտադրության ապրանքների արտահանման համար օժանդակություն ստանալու հայտի և արտահանման օժանդակություն ստանալու նպատակով ներկայացվող դիմումի ձևերը հաստատելու և 2016 թվականի ընթացքում արտահանման անմիջական աջակցության տրամադրման համար գերակա համարվող Հայաստանի Հանրապետության արտադրանքի տեսակների ցանկը հաստատելու մասին» №5-Ա որոշում:
3. Հայաստանի Հանրապետության վարչապետի 2016 թվականի հունվարի 16-ի №5-Ա որոշման մեջ փոփոխություններ և լրացում կատարելու մասին, 10 մարտի 2016 թվականի №133-Ա ՀՀ վարչապետի որոշում, http://www.mineconomy.am/uploades/20161103111837221.pdf:
4. Որոշում, Հայաստանի Հանրապետության արտահանման աջակցման խորհրդի, Քաղվածք, ՀՀ Վարչապետ Հովիկ Աբրահամյանի մոտ 2016 թվականի մարտի 9-ին

կայացած Արտահանման աջակցման խորհրդի նիստի արձանագրությունից, http://www.mineconomy.am/uploades/20162303160136300.pdf:
5. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам, ВТО, www.government-nnov.ru/?id=118437.
6. Study on short-term trade finance and credit insurance in the European Union, February 2012, Prepared by International Financial Consulting Ltd. for the European Commission, page 15, http://ec.europa.eu/competition/state_aid/studies_reports/study_short_term_finance_2012_en.pdf.
7. Закон РА «О страховании и страховой деятельности», www.cba.am.
8. Постановление совета Центрального банка РА 3.02 «Величина, формирование, расчет основных экономических нормативов и критерии для установления незапрещенных перестраховшиков», www.cba.am.
9. Постановление правительства РА от 17 октября 2013г. за номером 1129-А «Об основании компании закрытого акционерного общества по страхованию экспорта».

THE MECHANISMS FOR EXPORT PROMOTION IN RA

Ts. Makaryan

ABSTRACT

The article presents the current RA institutes of state financial support in order to stimulate exports, adopted by the Government in 2016. The article has considered the expediency and the format of subsidies to cover the insurance premiums of exporters on export credit insurance, as well as the issue of state guarantees for the Agency for export credit insurance.

Keywords: system of state support and promotion export, export credit insurance, subsidized interest rates of financing exporters and export credit insurance premiums.

ԱՐՏԱՀԱՆՄԱՆ ԽԹԱՆՄԱՆ ԿԱՌՈՒՑԱԿԱՐԳԵՐԸ ՀՀ-ՈՒՄ

Ց.Մ. Մակարյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացված է կառավարության կողմից 2016 թվականին ընդունված ՀՀ-ում գործող արտահանման պետական խթանման և աջակցության համակարգը: Դիտարկվել է արտահանողների արտահանման ապահովագրության ապահովճարների սուբսիդավորման և դրա ձևաչափի նպատակահարմարությունը, ինչպես նաև արտահանման ապահովագրության պետական գործակալությանը պետական երաշխիքների տրամադրման հարցը:

Հիմնաբառեր՝ արտահանման պետական խթանման և աջակցության համակարգը, արտահանման վարկերի ապահովագրությունը, արտահանողների ֆինանսավորման տոկոսադրույքների և ապահովագրավճարների սուբսիդավորումը:

ՀՀ ՏՆՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՄՐՑՈՒՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ԳՈՐԾՈՆՆԵՐԻ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ա. Սարգսյան[1]

Հայ-ռուսական (Սլավոնական) համալսարան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում վերլուծվում են ՀՀ տնտեսության գլոբալ մրցունակության գնահատականն ու դրա փոփոխման միտումները վերջին տասնամյակի ընթացքում: Ցույց է տրվում, որ գլոբալ մրցունակության համաթվի արժեքով ՀՀ տնտեսության միջինից բարձր գնահատականը հիմնականում պայմանավորված է հենքային գործոնների նպաստավոր վիճակով: Մյուս կողմից, արդյունավետության խթանների և նորարարության գործոնների տեսանկյունից ՀՀ տնտեսության միջազգային մրցունակության գնահատականը բավականին ցածր է: Բացի այդ, տնտեսության կարգավորման ֆորմալ կանոնների, ընթացակարգերի, նորմերի առկայությունը թույլ է տվել չեզոքացնել ՀՀ մրցակցային, ներդրումային, հարկային, մաքսային, ինովացիոն, գիտակրթական քաղաքականության կարևորագույն ոլորտներում առկա խնդիրները: Այս հանգամանքը ՀՀ տնտեսությանը գլոբալ մրցունակության համաթվով տրված գնահատականի ոչ լիարժեք ադեկվատության վկայություն է հանդիսանում:

Հիմնաբառեր՝ գլոբալ մրցունակության համաթիվ, մրցունակության գործոններ, մրցունակության հենքային պայմաններ, մրցունակության արդյունավետության խթաններ, մրցունակության ինովացիոն գործոններ:

Ազգային տնտեսությունների մրցակցային առավելությունների և միջազգային մրցունակության մակարդակի գնահատման առավել ընդգրկուն ցուցանիշ է համարվում Համաշխարհային տնտեսական համաժողովի (World Economic Forum-WEF) կողմից մշակված Գլոբալ մրցունակության համաթիվը (Global Competitiveness Index-GCI), որը յուրաքանչյուր տարի հաշվարկվում և հրապարակվում է Մրցունակության համաշխարհային զեկույցում: Համաշխարհային տնտեսական համաժողովը ազգային տնտեսության մրցունակությունը դիտարկում է որպես ինստի-

[1] Ատենախոսության թեման՝ «Մրցակցային առավելությունները և ՀՀ-ի՝ միջազգային շուկա դուրս գալու հեռանկարները», գիտական ղեկավար՝ տնտեսագիտության դոկտոր, պրոֆեսոր Թորոս Շահենի Թորոսյան:

տուտների, քաղաքականությունների և երկրի արտադրողականությունը բնութագրող ցուցանիշների ամբողջություն: Ըստ այդմ, որքան մրցունակ է տվյալ երկրի տնտեսությունը, այնքան շատ են աճի հնարավորություն-ները: Գլոբալ մրցունակության համաթվի կիրառմամբ ազգային տնտե-սության մրցունակության մակարդակի գնահատումն իրականացվում է ըստ հետևյալ 3 խմբերում ամփոփված 12 հենասյուների.

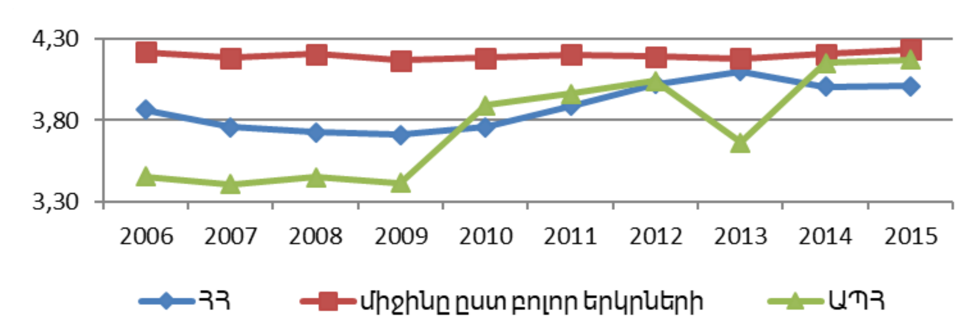
1. Հենքային պահանջներ (ներառում է 4 հենանսյուներ՝ ինստի-տուտներ, ենթակառուցվածքներ, մակրոտնտեսական միջավայր, առող-ջապահություն և նախնական կրթություն)

2. Արդյունավետության խթաններ (ներառում է հետևյալ հենասյուները՝ բարձրագույն կրթություն և վերապատրաստում, ապ-րանքային շուկայի արդյունավետություն, աշխատաշուկայի արդյունա-վետություն, ֆինանսական շուկայի զարգացում, տեխնոլոգիական պատ-րաստվածություն, շուկայի չափ):

3. Նորարարություն և գործարարության բարդության գործոններ (ներառում է երկու հենասյուներ՝ գործարարության բարդություն և նո-րարարություն):

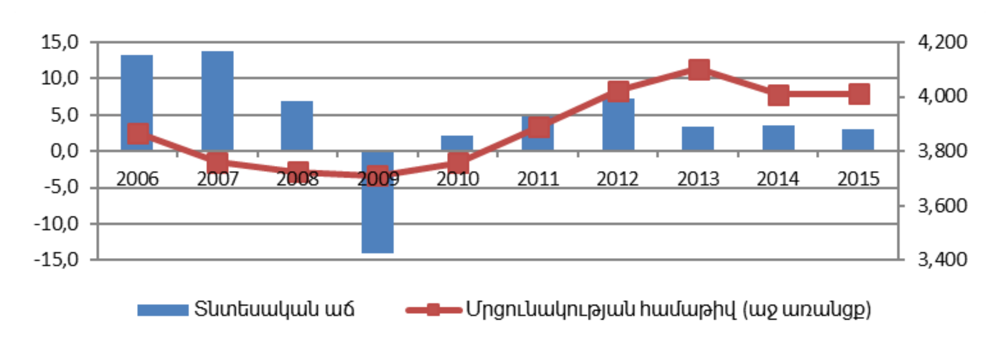
Գլոբալ մրցունակության 2015-2016թթ. զեկույցում մրցունակության համաթվի արժեքով Հայաստանը 140 երկրների շարքում զբաղեցրել է 82-րդ տեղը: Մեր երկրի տնտեսության գլոբալ մրցունակության գնահա-տականը, 1-ից 7 բալ սանդղակով (7-ը առավելագույն մակարդակն է) կազմել է 4.01, ինչը նկատելիորեն ցածր է ինչպես աշխարհի միջին մակարդակից, այնպես էլ ԱՊՀ երկրների համապատասխան ցուցանիշից (գծանկար 1): Ըստ որում, դիտարկվող ողջ ժամանակահատվածում մրցունակության համաթվով ՀՀ տնտեսության գնահատականները զիջել են աշխարհի միջին մակարդակին, իսկ ԱՊՀ երկրների միջին մա-կարդակը հաջողվել է գերազանցել միայն մինչճգնաժամային տարիներն ընդգրկող ժամանակաշրջանում[2]:

[2] The Global Competitiveness Report 2015–2016. World Economic Forum, 2015: The Global Competitiveness Index 2015–2016 Rankings.

Գծանկար 1. Մրցունակության գլոբալ համաթվի արժեքների դինամիկան, 2006-2015թթ[3].

ՀՀ տնտեսության մրցունակության մակարդակի դինամիկան համադրելով տնտեսական աճի դինամիկայի հետ, հարկ է արձանագրել, որ երկնիշ աճի պայմաններում տնտեսության միջազգային մրցունակությունը նվազել է, իսկ հետճգնաժամային վերականգնման տարիներին, ընդհակառակը՝ աճել: Ըստ որում, աճի գագաթնակետը, տարօրինակ զուգադիպությամբ, ժամանակագրորեն համընկնում է Մաքսային միությանը ՀՀ անդամակցության մասին հայտնի քաղաքական որոշման կայացման հետ, որին հաջորդում է հայաստանյան տնտեսության մրցունակության մակարդակի նվազումը (տես՝ գծանկար 2):

Գծանկար 2. Տնտեսական աճը և մրցունակության համաթվի գնահատականը ՀՀ-ում[4]

Ավելին, նույն ժամանակահատվածում Մաքսային միության մյուս անդամ-երկրների տնտեսության մրցունակության գնահատականը հակադիր միտումներ է գրանցել: Այսպես, 2013-2015թթ. ՌԴ արտաքին

---

[3] Աղբյուրը՝ Համաշխարհային տնտեսական համաժողովի Գլոբալ մրցունակության համապատասխան տարիների զեկույցները:

[4] Աղբյուրը՝ ՀՀ ԱՎԾ, Մրցունակության համաշխարհային զեկույցներ:

մրցունակության գնահատականը աճել է՝ 4.25-ից մինչև 4.44, Ղազախստանինը՝ 4.40-ից հասել է 4.49-ի, Ղրղզստանինը՝ 3.57-ից մինչև 3.83:

ՀՀ տնտեսության համար հաշվարկված գլոբալ մրցունակության համաթվի առանցքային բաղադրիչների դինամիկայի վերլուծությունը ի ցույց է դնում, որ հայաստանյան տնտեսության մրցակցային դիրքում առաջնային դերակատարում ունեն հենքային պահանջները կամ գործոնները, որոնց գնահատականը 2015թ. կազմել է 4.39, իսկ դիտարկվող ամբողջ ժամանակահատվածում բարձր է եղել 4.0 մակարդակից: Մյուս կողմից, հենքային պայմանների ընդհանրական գնահատականը ՀՀ տնտեսության համար ավելի ցածր է, քան ԱՊՀ միջինը (4.51) կամ՝ ըստ բոլոր երկրների հաշվարկված միջինը (4.58): Բացի այդ, սույն ցուցանիշով Հայաստանը նկատելիորեն հետ է մնում նաև Եվրոպայի զարգացող ու անցումային տնտեսություններից, իսկ զարգացած տնտեսությունների միջին մակարդակից տարբերությունը շատ ավելի ակնառու է (տես՝ աղյուսակ 1): Հետաքրքրական է, որ դիտարկվող ժամանակահատվածի սկզբում՝ 2006-ին, մրցունակության հենքային պայմանների առումով ՀՀ տնտեսության գնահատականը (4.17) նկատելիորեն գերազանցում էր ինչպես ԱՊՀ, այնպես էլ Եվրոպայի զարգացող ու անցումային տնտեսություններին (3.67): Պետք է արձանագրել, որ հետագա տարիներին ԱՊՀ երկրները, նաև՝ Եվրոպայի զարգացող ու անցումային տնտեսությունների մեծամասնությունը մրցունակության հենքային գործոնների բարելավման առումով շատ ավելի տպավորիչ առաջընթաց են գրանցել, քան ՀՀ-ն:

Գլոբալ մրցունակության համաթվի ցուցանիշների երկրորդ առանցքային ենթախումբը կազմում են արդյունավետության խթանները, որոնց ընդհանրական գնահատականը ՀՀ տնտեսության համար 2015թ. կազմել է 3.84: Այն ավելի ցածր է, քան վերլուծվող բոլոր երկրների խմբերի համապատասխան ցուցանիշը: Նորից նկատելի է, որ 2006թ. համեմատ ցուցանիշի աճը ՀՀ-ում շատ ավելի փոքր է, քան ԱՊՀ երկրներում ու Եվրոպայի զարգացող և անցումային տնտեսություններում, ինչպես նաև՝ նույն 2006թ. արդյունավետության խթանների առումով ՀՀ տնտեսության մեկնարկային պայմանները երկրների այս երկու խմբերի համեմատությամբ շատ ավելի բարվոք են եղել. ՀՀ գնահատականը՝ 3.43, իսկ մյուս երկու խմբերում՝ համապատասխանաբար՝ 3.23 և 3.26:

Աղյուսակ 1. Գլոբալ մրցունակության համաթվի բաղադրիչների գնահատականները ըստ ՀՀ տնտեսության և տնտեսությունների առանձին խմբերի[5]

	Տարեթիվը	ՀՀ	ԱՊՀ	Աշխարհ	Եվրոպայի զարգացող և անցումային տնտեսություններ	Զարգացած տնտեսություններ
Հենքային պահանջներ	**2015**	4,39	4,51	4,58	4,58	5,53
	2010	4,14	4,14	4,52	4,51	5,43
	2006	4,17	3,67	4,56	3,67	5,39
Արդյունավետության խթաններ	**2015**	3.84	3.98	4.11	4.15	4.98
	2010	3.51	3.74	4.05	4.06	4.87
	2006	3.43	3.23	4.05	3.26	4.85
Նորարարության և բիզնես գործառույթների բարդության գործոններ	**2015**	3.33	3.35	3.78	3.47	4.78
	2010	2.98	3.07	3.68	3.38	4.65
	2006	3.19	2.85	3.76	2.89	4.62

Նմանատիպ պատկեր է նաև «Նորարարության և բիզնես գործառույթների բարդության գործոններ» խմբի պարագայում: Այս գնահատականով ՀՀ տնտեսությունը նորից զիջում է ինչպես ԱՊՀ, Եվրոպայի զարգացած ու անցումային տնտեսությունների, նաև՝ աշխարհի միջին մակարդակին: Մյուս կողմից՝ 2006թ. ՀՀ համապատասխան գնահատականը բարձր է եղել ԱՊՀ, նաև՝ զարգացող ու անցումային տնտեսությունների մյուս խմբի համապատասխան ցուցանիշից:

Ազգային տնտեսության մրցունակության հենքային գործոնների համակարգում ինստիտուցիոնալ զարգացմանը առաջնային դերակա-

[5] Աղբյուրը՝ Համաշխարհային տնտեսական համաժողով, Գլոբալ մրցունակության զեկույցներ:

տարում է վերապահվում: Այս հենասյան համար ՀՀ տնտեսությանը տրվել է 3.78 գնահատական, ինչը չնայած ցածր է աշխարհի միջինից (4.04), սակայն ավելի բարձր է, քան ԱՊՀ միջինը (3.71), նաև` Եվրոպայի զարգացող ու անցումային երկրների համապատասխան ցուցանիշը (3.69): Մյուս կողմից, հենասյան ընդհանրական գնահատականի համեմատաբար բարձր մակարդակը, մեր կարծիքով, լիարժեք պատկերացում չի տալիս ՀՀ տնտեսության ինստիտուցիոնալ համակարգում առկա խնդիրների խորության ու առաջնահերթության մասին: Այսպես, մրցունակության համաթվի «ինստիտուտներ» հենասյունը կազմված է 21 ցուցանիշներից, որոնց մի քանիսի (մեր մոտեցմամբ` համեմատաբար պակաս առաջնահերթ) բարձր գնահատականները գերակշռել են ավելի կարևոր ցուցանիշների ցածր գնահատականներին, ինչի արդյունքում ՀՀ ընդհանրական գնահատականը, ըստ այս հենասյան, ստացվել է համեմատաբար բարվոք: Այսպես, ներդրողների պաշտպանության ձևային կանոնների առկայության, հանցավորության և ահաբեկչության` բիզնեսին պատճառած ծախսերի ցածր մակարդակի, պետական մարմինների կողմից քաղաքականության մշակման ձևային ընթացակարգերի թափանցիկության շնորհիվ այս հենասյան 4 ցուցանիշներին տրվել են 5.0-6.0 գնահատականներ, որոնք չեզոքացրել են «տնտեսության պետական կարգավորման իրավական շրջանակի արդյունավետություն», «դատական համակարգի անկախություն», «հանրային վստահություն քաղաքականության իրականացնողների նկատմամբ», «պետական ծախսերի արդյունավետություն», «պետական պաշտոնյաների որոշումներում հովանավորչությունը» ցուցանիշների խիստ ցածր գնահատականները (2.7–3.1):

Մրցունակության համաթվի ցուցանիշների առաջին ենթախմբի` հենքային պայմանների բաղադրիչների գնահատականների հակասականության վերաբերյալ դատողությունները ամբողջովին տեղին են նաև «Արդյունավետության խթաններ» ենթախմբի պարագայում: Այսպես, ավելի մանրակրկիտ վերլուծության արդյունքում կարելի է տեսնել, որ արդյունավետության խթանների համար ստացված համեմատաբար բարձր գնահատականը ապահովվել է այնպիսի ցուցանիշների հաշվին, ինչպիսիք են` բիզնես սկսելու համար անհրաժեշտ ընթացակարգերի քանակը (ՀՀ-ում պահանջվում է անցնել ընդամենը 2 ընթացակարգերով, որի շնորհիվ այս ցուցանշով 140 երկրների շարքում մեր հանրապետությունը 3-րդ տեղում է), բիզնես սկսելու համար պահանջվող օրերի քանակը (8-րդ տեղ), շահույթի հարկման բեռը (ըստ Համաշխարհային տնտեսական համաժողովի գնահատականների Հայաստանում այն

կազմում է 20.4%, ինչը դիտարկվող տնտեսությունների շարքում 13-րդ արդյունքն է), ներմուծում/ՀՆԱ հարաբերակցությունը (44-րդ արդյունքը), արտաքին առևտրի սակագները (45-րդ տեղ), առևտրի ֆորմալ խոչընդոտների գերակշռությունը (54-րդ տեղ): Մինչդեռ, չափազանց ցածր գնահատականներ են ստացվել այնպիսի կարևոր ցուցանիշների պարագայում, ինչպիսիք են ՕՈՒՆ կարգավորման հետևանքները գործարարության վրա (109-րդ տեղ), մաքսային ընթացակարգերի ազդեցությունը գործարարության վրա (105-րդ տեղ), արտաքին ներդրումների դերը տնտեսությունում (101-րդ հորիզոնական), հակամենաշնորհային քաղաքականության արդյունավետությունը (88-րդ տեղ), ներքին շուկաներում մրցակցության ակտիվությունը (85-րդ տեղ), հարկային քաղաքականության ազդեցությունը ներդրումային որոշումների վրա (76-րդ տեղ):

Ստացվում է, որ բիզնեսի գրանցման ու վարման ձևային ընթացակարգերի առաջադիմականությունը, հիմնականում տնտեսության մեջ ստվերային հատվածի էական դերակատարմամբ ու հարկային բեռի անարդյունավետ և ոչ հավասարաչափ բաշխմամբ պայմանավորված շահույթի փաստացի հարկման ցածր դրույքաչափը (ինչը այլ կերպ կարելի է մեկնաբանել որպես անուղղակի հարկման գերակայություն և տնտեսվարող (առաջին հերթին՝ խոշոր) սուբյեկտներից սպառողների վրա հարկային բեռի փոխանցման իրողության արտացոլում), ՀՀ դրամի գերարժևորմամբ, ներմուծման ոլորտում մրցակցության արհեստական սահմանափակմամբ ու հայրենական արտադրողների՝ ներքին շուկաներում մրցակցային դիրքերի թուլացմամբ պայմանավորված ներմուծում/ՀՆԱ հարաբերակցության աճը, ըստ էության, չեզոքացրել են տնտեսության ներդրումային գրավչության, հակամենաշնորհային, հարկային ու մաքսային քաղաքականության ոլորտներում արձանագրված ձախողումներով պայմանավորված և տնտեսության մրցունակությունն էականորեն սահմանափակող լրջագույն մարտահրավերների ներկայացվածությունը հայաստանյան տնտեսության արտաքին մրցունակության գնահատման համապատկերում:

Նույն կերպ, մրցունակության համաթվի 7-րդ հենասյան (Աշխատանքի շուկայի արդյունավետություն) գնահատականով ՀՀ տնտեսությունը 58-րդ տեղն է զբաղեցնում, ինչը նորից պայմանավորված է աշխատանքի շուկայի կանոնակարգման ձևային նորմերի և կանոնների արտաքուստ առաջադիմական բնույթով, մինչդեռ մեր կարծիքով առավել կարևոր ցուցանիշների գնահատականները հայաստանյան տնտեսության պարագայում խիստ ցածր են: Այսպես, աշխատանքի ընդունման և աշխատանքից հեռացման նորմերի ու պրակտիկայի գնահատականով

ՀՀ տնտեսությունը 140 երկրների շարքում 15-րդն է (ցուցանիշի արժեքը կազմել է 4.58, ինչը գերազանցում է ոչ միայն ԱՊՀ (4.23), Եվրոպայի զարգացող և անցումային տնտեսությունների (3.60), այլ նաև զարգացած երկրների միջին մակարդակը (3.92)), իսկ աշխատավարձի սահմանման ճկունություն, գործատու-վարձու աշխատող հարաբերություններում համագործակցություն, աշխատատեղի կրճատմամբ պայմանավորված գործատուի ծախսերի մեծություն ցուցանիշներով՝ 40–44-րդ տեղերում է: Մյուս կողմից, տաղանդների ներգրավման ունակության գնահատականով Հայաստանը աշխարհում 111-րդն է, տաղանդներին երկրում պահելու ունակությամբ՝ 119-րդը, աշխատելու խթանների վրա հարկային քաղաքականության ու վարչարարության ազդեցությամբ՝ 101-րդը, արհեստավարժ կառավարչական կադրերի վստահելիությամբ՝ 93-րդը: Նորից, առանց ցուցանիշների հարաբերական կարևորությունը հաշվի առնելու, դրանց գնահատականների պարզ միջինացման հետևանքով մրցունակության համար համեմատաբար կարևոր գործոնների դերը չեզոքացվում է պակաս կարևորների կողմից, ինչի արդյունքն էլ ՀՀ-ում աշխատանքի շուկայի արդյունավետությունը նկարագրող հենասյան՝ ոչ համարժեք բարձր գնահատականն է:

Ինչ վերաբերում է մրցունակության համաթվի ցուցանիշների երրորդ ենթախմբին, որոնք բնութագրում են տնտեսության նորարարականության աստիճանն ու բիզնես գործառույթների բարդության գործոնները, ապա այստեղ նախորդ երկու ենթախմբերի համեմատ արձանագրվել են վատագույն արդյունքները. ենթախմբի 3.33 գնահատականով ՀՀ տնտեսությունը աշխարհի 140 երկրների շարքում 101-րդն է:

Նորարարականության հենասյան ցուցանիշների գնահատականների վերլուծությունից բխում է, որ ՀՀ-ն ունենալով նշանակալի նորարարական ներուժ, լրջագույն խնդիրներ ունի այն օգտագործելու, նորարարական արդյունք ստեղծելու և այն շուկա հանելու ոլորտներում: Այսպես, գիտնականների ու ճարտարագետների թվաքանակով, նաև՝ հայտնագործությունների համար տրված արտոնագրերի քանակով մեր երկիրը բավականին բարձր տեղեր է զբաղեցնում (համապատասխանաբար 49-րդ և 59-րդ), սակայն հետազոտությունների և մշակումների ոլորտում գիտակրթական հաստատություններ-արդյունաբերություն համագործակցության ինտենսիվության գնահատականով մենք միայն 111-րդն ենք, հետազոտությունների և մշակումների վրա ընկերությունների կատարած ծախսերի մակարդակով՝ 109-րդը, գիտական հետազոտական հաստատությունների որակի գնահատականով՝ 105-րդը:

Այսպիսով, ըստ Գլոբալ մրցունակության համաթվի գնահատականների, Հայաստանի տնտեսության միջազգային մրցունակությունը գտնվում է միջինից փոքր-ինչ բարձր մակարդակի վրա, ինչը գլխավորապես պայմանավորված է մրցունակության հենքային գործոնների առումով արձանագրված համեմատաբար լավ գնահատականներով: Մյուս կողմից, արդյունավետության գործոնների, նորարարականության և բիզնես գործառույթների զարգացման խթանների առումով առկա են լրջագույն խնդիրներ, որոնք վերջին տասնամյակում նկատելիորեն զսպել են հայաստանյան տնտեսության մրցունակության աճը և ներկայումս էլ շարունակում են նույնպիսի ոչ նպաստավոր դերակատարում ունենալ:

Գլոբալ մրցունակության համաթվի ընդհանրական գնահատականով մեր տնտեսության՝ արտաքուստ բարվոք վիճակը մեծապես պայմանավորված է մրցունակության համար ոչ առաջնահերթ նշանակություն ունեցող ձևային կանոնների, ընթացակարգերի, կարգավորումների առկայությամբ, դրանց թվացյալ առաջադիմական բնույթով, ինչը թույլ է տալիս նշված ուղղությունների համար ստանալ համեմատաբար բարձր գնահատականներ և դրանով իսկ՝ կեղծ լավատեսական երանգներ հաղորդել տնտեսության մրցակցային, ներդրումային, նորարարական և ընդհանրապես՝ գործարար միջավայրի առանցքային բնութագրիչների ընդհանրացմամբ ստացվող տնտեսության արտաքին մրցունակության ոչ բարվոք նկարագրին:

Այս համատեքստում կարևոր է, առաջին հերթին, ՀՀ տնտեսության մրցունակության բարձրացման քաղաքականությունում ձևային ընթացակարգերի ու կարգավորումների իրավանորմատիվային բարելավումներից անցնել տնտեսությունում ներքին մրցակցության խթանման, ներդրումային միջավայրի բարելավման, հարկային ու մաքսային վարչարարության կատարելագործման, կրթական համակարգի կենսունակության բարձրացման, նորարարական նախաձեռնությունների խթանման, կենսագործման ու առևտրայնացման գործուն համակարգերի ձևավորման, տնտեսական քաղաքականությանն առնչվող որոշումների կայացման գործընթացներին քաղաքացիական հասարակության և գործարար հանրույթի ակտիվ մասնակցությունը երաշխավորող գործուն մեխանիզմների մշակման ու ներդրման խնդիրների լուծմանը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. The Global Competitiveness Report 2015–2016. World Economic Forum, 2015: The Global Competitiveness Index 2015–2016 Rankings.
2. Համաշխարհային տնտեսական համաժողովի Գլոբալ մրցունակության համապատասխան տարիների զեկույցները:

3. ՀՀ ԱՎԾ, Մրցունակության համաշխարհային զեկույցներ:
4.Համաշխարհային տնտեսական համաժողով, Գլոբալ մրցունակության զեկույցներ:

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЭКОНОМИКИ РА

А. Саргсян

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы состояние и динамика конкурентоспособности экономики РА по Индексу глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Показано, что сравнительно высокая оценка конкурентоспособности экономики РА обусловлена в первую очередь, приемлемым уровнем базовых условий конкурентоспособности. С другой стороны, в контексте факторов эффективности и инновационности экономики, оценки факторов конкурентоспособности достаточно низкие. Кроме этого, наличие прогрессивных формальных правил, процедур, механизмов и норм регулирования экономики позволила нивелировать проблемы в ключевых сферах конкурентной, инвестиционной, налоговой, таможенной, инновационной, научно-образовательной политики. Это обстоятельство свидетельствует о не полной адекватности оценки глобальной конкурентоспособности экономики РА.

Ключевые слова: индекс глобальной конкурентоспособности, факторы конкурентоспособности, базовые условия конкурентоспособности, факторы эффективности, инновационные факторы конкурентоспособности.

ANALYSIS OF COMPETITIVENESS FACTORS OF ECONOMY OF RA

A. Sargsyan

ABSTRACT

In the article the state and dynamics of competitiveness of economy of RA are analysed, based on the Global competitiveness index of the World Economic Forum. It is shown that comperatively high level of competitiveness index of economy of RA is caused first of all, the acceptable level of basic conditions of competitiveness. On the other hand, in the context of factors of efficiency and innovation of economy, the values of competitiveness factors are rather low. Besides, existence of progressive formal rules, procedures, mechanisms and norms of regulation of economy has allowed to neutralize the problems in key spheres of competition, investment, tax, customs, innovation, scientific and educational policies. This circumstance testifies to not full adequacy of assessment of global competitiveness of economy of RA.

Keywords: Global competitiveness index, competitiveness factors, basic conditions of competitiveness, efficiency factors of competitiveness, innovation factors of competitiveness.

ՄԱՍՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՓՈՓՈԽՈՒԹՅԱՆ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ ԱՆՁԻ ՀԱՐՄԱՐՎՈՂԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՎԵՐԱԿՈՂՄՆՈՐՈՇՄԱՆ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ

Ն. Հակոբյան, Ս. Վարդանյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում է մասնագիտության փոփոխության (մասնագիտական կարգավիճակի անկում՝ վարընթաց սոցիալական շարժունության արդյունքում) պայմաններում անձի հարմարվողականության առանձնահատկությունները և մասնագիտական վերակողմնորոշման միտումները: Արժեքային ոլորտի աղքատացման արդյունքում նկատվում է նախկին մասնագետի հարմարվողականության ցածր մակարդակ: Ուստի հասուն անձի վերահարմարման ուղիներից է մասնագիտական վերակողմնորոշման արդյունավետ կազմակերպումը, որը բացի անձի հոգեբանական պատրաստականությունից ենթադրում է նաև սոցիալական հոգածություն:

Հիմնաբառեր՝ սոցիալական վարընթաց շարժունություն, մասնագիտական վերակողմնորոշում, հարմարում, սոցիալ-հոգեբանական հարմարում, մասնագիտական հարմարում, հարմարվողականություն, հարմարման ռեսուրս, հարմարման արժեքներ, վերահարմարում:

Հասարակության զարգացման ներկայիս փուլը բնորոշվում է զարգացման արագ տեմպերով, շարժունությամբ, ինչը արտահայտվում է կենսագործունեության բոլոր ոլորտներում՝ սոցիալական, քաղաքական, տնտեսական, հոգեբանական: Նման շարժընթացնկատվում է մասնագիտական գործունեության ոլորտում՝ խարխլելով մասնագիտական աստիճանակարգը: Տեղ է գտնում սոցիալական վարընթաց շարժունությունը, ինչի վեկտորը մասնագիտական կարգվիճակի փոփոխությունն է (տվյալ դեպքում անկումը), իսկ արդյունքում՝ անձի կողմից սոցիալական կառույցում ավելի ցածր կարգավիճակի ձեռք բերումը կամ սոցիալական կարգավիճակի կորուստը: Սոցիալական շարժունությունը մարդկանց շարժումն է մի խմբից դեպի մյուսը, որը կարող է կապված չլինել համակարգի կառուցվածքային փոփոխությունների հետ: Վարընթաց ուղղվածության դեպքում մարդը շարժվում է իր նախկին կարգավիճակից ավելի ցածր դիրքեր (օրինակ, մարզիկը դառնում է հանցավոր խմբի անդամ, անհատը յուրացնում է ցածրակարգ արժեքներ ու

դիրքորոշումներ, բարձր որակավորում ունեցող մասնագետը կատարում է ցածր որակավորում պահանջվող աշխատանք և այլն), իսկ վերընթացի դեպքում՝ մարդը ձգտում է բարելավել իր սոցիալական կարգավիճակը, ավելի բարձր տեղեր զբաղեցնել սոցիալական աստիճանակարգում (օրինակ, առևտրականը դառնում է գործարար, պատգամավոր կամ նախարար) [1; 41, 42]:

Վ. Տոլոչեկը գտնում է, որ այլ սոցիալական կարգավիճակ, ինքնագնահատական, ինքնավերաբերմունք, ինքնաընկալում ունեն մարդիկ, ովքեր աշխատում են իրենց ընտրած մասնագիտությամբ և մարդիկ, որոնց աշխատանքը չի համապատասխանում իրենց կրթությանը, ցանկությանը, կոչմանը, ինչպես նաև մարդիկ, որոնք ինչ-որ պատճառներով զրկված են աշխատելու հնարավորությունից, հարկադրված են լինել գործազուրկ: Մարդիկ, ովքեր երբեմ սոցիալական կառույցում գրավել են կայուն բարձր դիրք, այժմ՝ սոցիալական վերակառուցումների հետևանքով, հայտվել են ավելի ցածր սոցիալական դիրքում՝ զբաղվելով ոչ մասնագիտական գործունեությամբ, կամ դարձել են կարգազուրկ՝ մարգինալ [2;107, 215]: Մասնագիտության փոփոխության իրադրությունը առաջացնում է նման պայմաններում հայտնված անձի հարմարվողականության գնահատման և մասնագիտական վերակողմնորոշման ուղիների հարցի վերլուծության անհրաժեշտություն:

Կյանքի փոփոխվող մասնավորապես, մասնագիտական փոփոխվող իրականության պայմաններում, գործի է դրվում հարմարման գործընթացը: Անշուշտ, ՙհարմարում՚ հասկացությունը ընդգրկուն հասկացություն է, քանի որ ենթադրում է ոչ միայն անձի հոգեկանի՝ ներհոգեկան ոլորտի վերակառուցում, հարմարեցում միջավայրի պայմաններին, այլ նաև ողջ օրգանիզմի՝ ներառած նրա ֆիզիոլոգիական հակազդումներ: Հարմարման տեսության մեջ իրենց լուրջ ներդրումն ունեն ռուս և արտասահմանյան մի շարք հետազոտողներ՝ Գ. Սելյե, Պ.Կ. Անխոխին, Ռ.Մ. Բաևսկի Ֆ.Զ. Մեերսոն, Վ.Ժ. Կազնաչեև, Վ.Ի. Մեդվեդև, Ա.Ժ. Յուրևնիչ և այլոք [3;8]: Սոցիալական միջավայրը ՙարտադրում է՚ նորմերի, արժեքների, ստանդարտների (մասնագիտական, էթիկական և այլն) պահանջների համակարգ, որում արդյունավետորեն գործառնելու համար, անձը պետք է յուրացնի համապատասխան դերային նմուշներ, վարքի ձևեր, որոնք չնայած իրենց հարաբերական կայունության, անձին մեկընդմիշտ չեն տրվում և ենթակա են փոփոխության՝ զանազան գործոնների՝ պրոբլեմային իրադարձություններ, հիասթափություններ, աշխատանքի կորուստ և այլ իրադրությունների ներգործությամբ:

Հարմարման իբրև բազմաշերտ ու բազմագործառնական գործընթացի մեջ կարելի է առանձնացնել ֆիզիոլոգիական, հոգեբանական և սոցիալ-հոգեբանական կողմերը: Ֆ. Բ. Բերյոզինը առավել կարևորում է հոգեկան հարմարումը, ինչը նշանակալի չափով ազդում է մյուս մակարդակներում տեղի ունեցող հարմարման գործընթացների վրա: Հոգեկան հարմարումն ապահովում է հոգեկանի հոմեոստազը, սոցիալ-հոգեբանականը՝ սոցիալական միջավայրի հետ համարժեք փոխազդեցության կազմակերպումը, հոգեֆիզիոլոգիականը՝ հոգեֆիզիոլոգիական հարաբերակցությունների ձևավորումը և ֆիզիկական առողջությունը: Այսպիսով, հարմարումը երկու՝ կենսաբանական և հոգեբանական համակարգերի ամբողջություն է, որոնցից յուրաքանչյուրը բաղկացած է իր ենթահամակարգերից [4; 420]: Նոր սոցիալական իրականության՝ մասնագիտության փոփոխության պայմաններում, անձի հարմարվողական կարողությունների բնույթն իմաստավորելու տեսանկյունից առավել կարևոր է ՙսոցիալ-հոգեբանական հարմարում՚ հասկացության պարզաբանումը: Սոցիալ-հոգեբանական հարմարումը անձի հոգեբանական կապերի և հարաբերությունների համակարգն է, դրանց ներգրավումը համապատասխան հոգեբանական դերերի կատարման մեջ: Ընդ որում՝ սոցիալական, մասնավորապես, մասնագիտական կարգավիճակի հետ նույնացումը, մասնագիտական դերի հաջող կատարումը, սոցիալական, մասնագիտական դաշտում, անձի սոցիալ-հոգեբանական հարմարման գլխավոր ցուցանիշն է: Գ.Ա. Անդրեևան դիտարկում է սոցիալ-հոգեբանական հարմարումը իբրև անձի և սոցիալական միջավայրի փոխազդեցություն, որը բերում է անձի և խմբի արժեքների և նպատակների ճիշտ հարաբերակցությանը: Ա. Կրյաժևան նշում է, որ ՙսոցիալ-հոգեբանական հարմարում՚ հասկացությունը անխզելիորեն կապված է անձի զարգացման հետ [5]: Կենսագործունեության ընթացքում սուբյեկտի առջև ծառացող պրոբլեմային իրադրությունները թույլ են տալիս անընդհատ վերանայել, սեփական արժեքները, գործադրել վարքային մարտավարություններ,իսկ կառուցողական ելքի դեպքում՝ հիմք են դառնում նրա զարգացման համար:

Ա. Ա. Նալչաջյանը տալիս է ՙսոցիալ-հոգեբանական հարմարում՚ հասկացության ավելի ընդգրկուն բնորոշում՝ փորձելով այն բնութագրել ՙօնտոգենետիկական սոցիալականացում՚ հասկացության միջոցով. ՙանհատի և սոցիալական միջավայրի միջև այնպիսի փոխազդեցության գործընթաց, որի ընթացքում հայտնվելով տարբեր պրոբլեմային իրադրություններում, որոնք առաջանում են միջանձնային հարաբերությունների ոլորտում, անհատը ձեռք է բերում սոցիալական վարքի նոր-

մեր և նմուշներ, դիրքորոշումներ և բնավորության գծեր և դրանց բարդույթներ և այլ ենթակառուցվածքներ ու առանձնահատկություններ, որոնք ամբողջությամբ վերցրած ունեն հարմարվողական բնույթ: Սոցիալ-հոգեբանական հարմարման նման մեկնաբանությունը թույլ է տալիս ենթադրել, որ անձի արժեքաիմաստային ոլորտի շարժընթացը, որը տեղ է գտնում պրոբլեմային իրադրություններում, ինչպիսին է մասնագիտության փոփոխությունը, օրինաչափ երևույթ է և ունի հարմարվողական բնույթ: Սոցիալ-հոգեբանական հարմարման գործընթացի միջուկը, որն ապահովում է բոլոր տարրերի իրար միջև փոխազդեցությունը, ինչպես նաև համակարգի փոխազդեցությունը սոցիալական միջավայրի հետ, արժեքային կողմնորոշումներն են, որոնք իբրև գիտակցության կայուն կազմավորումներ, աշխարհայացքի իմաստային բաղադրիչներ, պայմանավորում են պահանջմունքների և հետաքրքրությունների կայուն ուղղվածությունը, վարքի հետևողականությունը: Անհատական պահանջմունքների և սոցիալական արժեքների բախումը, որպես կանոն, բերում է անձի սոցիալ-հոգեբանական հարմարման խախտմանը [5; 12–22]: Մասնագիտական կարգավիճակի հարկադիր փոփոխությունը ընթանում է, առաջին հերթին, անձի արժեքային ոլորտի վերակառուցմամբ, որի ուղղվածությունը՝ բարձրակարգ արժեքներից տեղաշարժ դեպի ցածրակարգ, հարմարվողական արժեքները կամ բարձրակարգ և ցածրակարգ արժեքների համագոյակցումը, որոշում են անձի սոցիալ-հոգեբանական հարմարման գործընթացի բնույթն ու հարմարվողականության առանձնահատկությունները:

Ենթադրվում է, որ ցածր սոցիալական կարգավիճակին հարմարումը, որն ընթանում է արժեքային ոլորտի վերակառուցմամբ՝ պայմանավորում է անձի հարմավողականության առանձնահատկությունները: Բացասական միտվածությամբ արժեքային վերակառուցումները՝ անձի հոգեբանական հարմարումն ապահովող հիմնական մեխանիզմներից են, որոնք չնայած պարզեցնում, աղքատացնում են նախկին մասնագետի արժեքային ոլորտը, բայց ապահովում են սոցիալ-հոգեբանական հարմարումը նոր, ոչ մասնագիտական գործունեության պայմաններում: Առաջանում է մասնագիտական հարմարման անհրաժեշտություն: Այս հասկացությունը բնորոշվում է իբրև երիտասարդի ներգրավում, մուտք մասնագիտական գործունեության ոլորտ, արտադրության համակարգ, աշխատանքային կոլեկտիվի, աշխատանքային պայմանների մեջ, հարմարում մասնագիտության առանձնահատկություններին: Այն ենթադրում է ինքնանույնացում նոր դերի, կարգավիճակային բնութագրերի հետ և մասնագիտական միջավայրի մշակույթի և արժեքների ընդունում:

Միջին տարիքում նոր աշխատանքային դաշտում սեփական տեղի որոնումը նոր, ավելի ցածր կարգավիճակի առկայությունը, անձից պահանջում է մասնագիտական վերակողմնորոշում, որի արդյունքը պետք է լինի անձի հարմարվածությունը: Այս առումով լավ հարմարված մարդկանց տարբերում է բարձր արդյունավետությունը կատարվող գործունեության մեջ, կյանքով ընդհանուր բավարարվածությունը, հոգեկան հավասարակշռությունը:

Ինչպիսին էլ լինի մարդուն շրջապատող իրականության հետ կապված դժվարությունները կյանքի որոշակի ոլորտում՝ (մասնագիտական, ընտանեկան, անձնական և այլն) նրա հարմարվողականության գնահատման միջոցով պատկերացում ենք կազմում դժվար իրավիճակը հաղթահարելու մարդու հնարավորությունների մասին: Հեղինակները առանձնացնում են հոգեբանական հարմարման հետևյալ տեսակները.

• ներքին, երբ տեղի է ունենում հոգեկանի գործառնական կառույցների, համակարգերի վերակառուցում՝ կենսագործունեության, միջավայրի փոփոխության դեպքում: Մարդու արտաքին վարքն ու գործունեությունը ձևափոխվում են միջավայրի պահանջներին, արտաքինից եկող պահանջներին համապատասխան: Տեղի է ունենում անձի ամբողջական, ընդհանրացված հարմարում

• արտաքին, վարքային հարմարվողական, երբ անձը ներքնապես, բովանդակային առումով չի վերակառուցվում, այլ պահպանում է իրեն, իր ինքնուրույնությունը: խառը, երբ անձը մասնակիորեն վերակառուցվում է և համապատասխանեցվում է միջավայրի պահանջներին, նրա արժեքնրին, նորմերին, իսկ մասնակիորեն հարմարվում է գործիքային, վարքային ձևով՝ պահպանելով և իր ՙԵս՚-ը, սեփական ինքնուրույնությունը, ՙինքնությունը՚ [4; 425]:

Ենթադրում ենք, որ ոչ մասնագիտական գործունեության պայմաններում նկատվում է հարմարման ներքին տեսակի գերակայություն, ինչը դրսևորվում է հարմարման արժեքների գերակայությամբ: Անձի գործունեությունը ուղղորդվում է նյութական բարեկեցության, առողջության, կայունության և այլ ցածրակարգ, հարմարման արժեքներով: Հարմարման խառը տեսակը մեծապես կապված է անձի մոտ խառը կամ միջանկյալ արժեքային համակարգի գերակայությամբ: Այս դեպքում անձի մոտ առկա է հարմարման ցածրակարգ և բարձակարգ, օրինակ ստեղծագործելու մասնագիտական ինքնաիրացման և այլ բարձրակարգ ինչպես նաև ցածրակարգ արժեքների՝ փող, ապահովություն և այլն, համագոյակցման գործընթաց:

Մասնագիտական կարգավիճակի փոփոխությունը արտահայտող ելակետային ցուցիչ է հարմարվողականությունը, որն անձի խորքային ենթակառուցվածքներից է: Այն փաստում է անձի հոգեկանի հաջող կամ անհաջող գործառնության, նոր մասնագիտական դերի հաջող կամ անհաջող կատարման և ընդհանրապես կյանքի նոր պայմաններին անձի հարմարվածության մակարդակի մասին:

Հարմարվողականության հիմնախնդրով զբաղվել են՝ Տ.Ա. Գոլուբեվան, Ս.Տ. Պոտոխովան Ե.Ն. Կիսելնիկովան, Լ.Գ. Պոպովան, Ի.Վ. Ռոզովան, Ս.Վ. Չեբառիկովան և այլոք: Հարմարվողականությունը անձի անհատական-հոգեբանական հատկությունների համալիր է, որն ամրացած է նրա կառուցվածքում և արտահայտում են հարմարման նկատմամբ ընդհանուր ընդունակությունը (Ե.Ն. Կիսելնիկովա, Ա.Ա. Նալչաջյան, Լ.Ն. Սոբչիկ և այլն) [6]: Ա.Բ. Ռոզոզյանը այն բնորոշում է իբրև անձի ինտեգրատիվ հատկություն, որը բնութագրում է անձի հոգեբանական հարմարման մակարդակը [7]:

Մ. Ռոստովցևան նշում է, որ անհատական-անձնային մոտեցման տեսանկյունից՝ հարմարվողականությունը մեկնաբանվում է նաև իբրև անձնային հատկություն, որը որոշում է անձի ընդունակությունը հարմարման նկատմամբ և իբրև կենսական միջավայրին նրա հարմարվածության մակարդակ (հարմարվողականություն հասկացությամբ հաճախ փոխարինում են հարմարվածություն հասկացությունը, որն արտահայտում է հարմարման գործընթացի արդյունավետությունը: Լ. Դ. Ստոլյարենկոն ճշմարտացիորեն նկատում է, որ հարմարվողականությունը իբրև անձի հիմնային հատկություն արտահայտում է սոցիալական միջավայրին անձի փաստացի հարմարվածության մակարդակը, ինչպես նաև նրա սոցիալական կարգավիճակի, ինքնազգացողության մակարդակը, սեփական անձով և կյանքով բավարարվածության կամ անբավարարվածության չափը [8; 74]:

Օ.Վ. Կուզնեցովան սահմանում է հարմարվողականությունը իբրև ներքին (ներանձային) և արտաքին (վարքային) վերակառուցումների նկատմամբ ընդունակություն՝ ուղղված է միկրո և մակրո միջավայրերի հետ հավասարակշիռ հարաբերությունների պահպանմանը և վերականգնմանը՝ նրա բնութագրերի փոփոխության դեպքում: Այդ բաղադրիչներից որևէ մեկի գերակայումը հարմարվողականության անհատական կառուցվածքում որոշում է անձի տիպը, սոցիալական միջավայրի հետ անձի փոխազդեցության մեջ հարմարվողական մարտավարությունների ուղղվածությունը [9]: Մարդու կենսագործունեությունը ներառում է նրա կյանքի առանձին ոլորտներ՝ ընտանեկան, մասնագի-

տական ընկերական և այլն: Ըստ Ն.Ն. Կուիմովայի բարձր հարմարվողականության մակարդակը կյանքի մի ոլորտում՝ (անձնական, ընտանեկան) չի նշանակում բարձր մակարդակ մեկ այլ, ոլորտում (մասնագիտական): Կարող ենք ասել, որ մասնագիտական հարմարվողականության բարձր մակարդակը մեծապես որոշում է անձի կյանքի որակը, կյանքի բարեհարմարության զգացումը, ուստի այն բնորոշել ընդհանուր հարմարվողականությունը որոշող հիմնային ցուցիչ է [6]:

Մ.Վ. Ռոստովցեևան ներմուծում է՝սոցիալական հարմարվողականություն՚ հասկացությունը: Այն անձի և հասարակության հարաբերությունն է, նրա փոխպայմանավորված ուղղվածությունը հակասությունների լուծմանը, որոնք առաջանում են սոցիալականացման գործընթացում [10]:Սոցիալ-հոգեբանական հարմարվողականությունը սոցիալական հարմարվողականության տեսակ է: Այն լուծում է հակասությունները, որոնք առաջանում են ժամանակակից հասարակության կողմից անձին առաջադրվող պահանջների և սոցիալական իրականությանը երիտասարդների հոգեբանական հարմարման ռեսուրսների միջև: Հարմարվողական ռեսուրսներն են՝ դրդապատճառային ոլորտի առանձնահատկությունները, արժեքային ուղղվածությունը, հաղորդակցական հմտությունների զարգացման և հասարակության մեջ վարքի կարգավորման մակարդակը անձի սոցիալ-հոգեբանական ռեսուրսներ են, որոնք որոշում են հարմարվողականության ձևավորումը: Այն առավելագունս դրսևորվում էմկյանքի պրոբլեմային իրադրություններում:

Լ.Մ. Կոլպակովան նշում է, որ կյանքի պայմանների փոփոխությունը դժվարացնում է մարդուն կողմից առօրյա խնդիրների լուծումը, ինչը կարող է առաջ բերել հոգեկանում՝ դառնալով տարատեսակ անձնային փոփոխությունների պատճառ: Հարմարվողականությունը, ըստ նրա՝ արտահայտվում երկու գործառնական ձևերում՝ անձնային և սուբյեկտային: Առաջինը՝ դրսևորվում է անձի սոցիոկողմնորոշված ակտիվության մեջ, սոցիալական միջավայրի կողմից առաջադրված սոցիալական գործոններով, երկրորդը՝ պայմանավորվում է ներքին ակտիվությամբ: Այս երկու մակարդակները իրարից տարբերվում են ՙմարդ-միջավայր՚ համակարգում առաջ եկող հակասությունների լուծման դեպքում: Սուբյեկտային հարմարվողականությունը թույլ է տալիս պրոբլեմային իրադրություններում գործել ոչ թե ըստ որոշակի առաջադրված մոդելի, այլ գտնել սեփական լուծումը, ինչը ստեղծագործական ակտիվության արդյունք է: Այն դրսևորվում է անձի ինքնավար վարքում և միտված է հավասարակշռության ապահովմանը՝ կյանքի գրավչության և արժեքների պահպանմամբ [11]: Այս բնութագիրը բնորոշ է ճկուն

անձին, ով ունակ է վերանայել իր արժեքային համակարգը փոփոխվող, սոցիալական, մասնագիտական պայմաններում: Նման դեպքում նկատվում է վերահարմարման անհրաժեշտություն: Ընդ որում՝ հաջող վերահարմարման համար կարևոր է սուբյեկտի հարմարման ռեսուրսների առկայությունը: Ս.Լ. Սոլովյովան քննարկելով անձի ռեսուրսների խնդիրը, նշում է. ՛որոշակի ռեսուրսների պոտենցյալի առկայությունը ընդլայնում է անձի գործունեության դաշտը՝ դարձնելով ավելի հասանելի կյանքում նրա համար նշանակալի նպատակները: Ռեսուրսները կարծես բարձրացնում են մարդու արժեքը շրջապատողների աչքերում և ազդում են սեփական անձի մասին նրա պատկերացման վրա, դարձնում են նրան ավելի ուժեղ: ՛Անձնային ռեսուրս՚ հասկացության մեջ մտնում են հետևյալ հոգեբանական երևույթներ.

• անհատական հոգեբանական առանձնահատկություններ

• սոցիալ-հոգեբանական ռեսուրսներ (փող, իշխանություն, սոցիալական աջակցություն և այլն)

• անձի հոգեբանական որակները, որոնց առկայությունը թույլ է տալիս հաջողությամբ հաղթահարել սթրեսային, պրոբլեմային իրադրությունները:

Կենսական տարածության ցանկացած փոփոխություն, օրինակ, մասնագիտական գործունեության, ընտանեկան կյանքի և այլն, Լ.Ի. Անցիֆիրովայի կարծիքով չի ենթադրում ավտոմատ և կրկնվող հարմարվողական մարտավարությունների գործադրում, այլ մեծապես հիմնվում է անձի կենսական փորձի վրա և նրա առաջատար արժեքաիմաստային կողմնորոշումների համակարգի վրա: Կյանքի ողջ փորձը, ինչպես նաև կանխատեսվող ապագան, ամրապնդվում է տեսություններում, նշանակությունների և իմաստների, համոզմունքների և արժեքների համակարգերի ձևով, որոնք են կարգավորում անձի ընկալումը և պատկերացումները, որոշում են արտաքին աշխարհի մեկնաբանությունը և նրանում, սուբյեկտի գործողությունները: Յուրաքանչյուր անհատ ինքը կարող է փոխել սեփական անհատական տեսությունը, այն իմաստավորել, դարձնել ավելի իրատեսական [12]: Իհարկե, իրականության վերաիմաստավորումը դրանում հարմարվելու ուղիներից մեկն է:

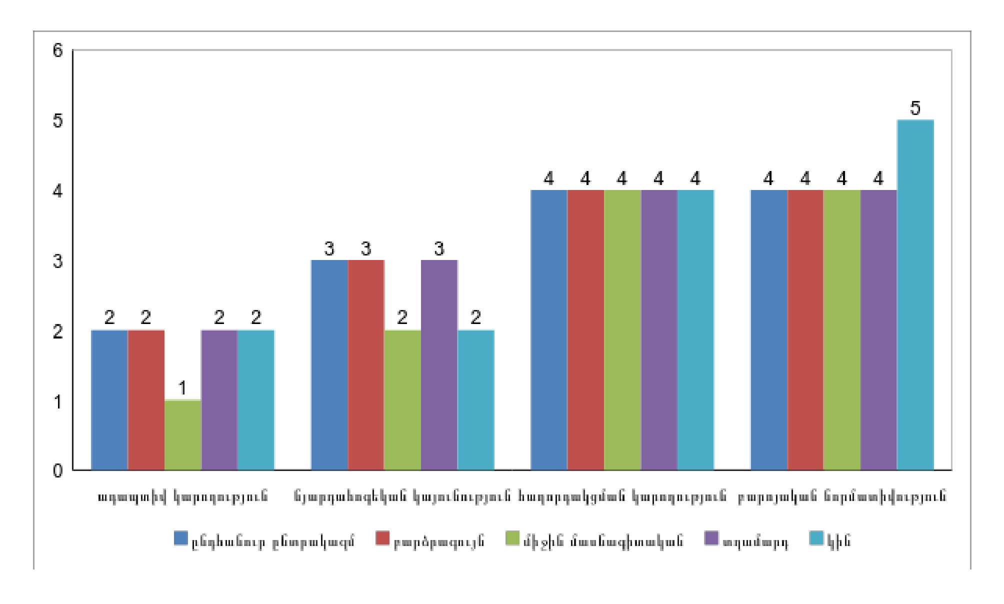
Անձի հարմարման պոտենցյալի մասին պատկերացումը ներմուծել է Ա.Գ. Մակլակովը, ով բնորոշում է իբրև մարդու անձնային հատկություն: Իրադրություններում, որոնք պահանջում են հարմարում, հարմարվողական ռեսուրսները մեծապես կախված են լինում անձի հոգեբանական հատկություններից, վերջիններս են որոշում օրգանիզմի ֆիզիոլոգիական հակազդումների կարգավորման հնարավորությունը:

Որքան բարձր է անձի հարմարվողական կարողությունների մակարդակը, այնքան մեծ է հաջող հարմարման հնարավորությունը, այնքան մեծ է միջավայրի գործոնների դիապազոնը, որին անձը պետք է հարմարվի: Հեղինակի կարծիքով անձի հարմարվողական պոտենցյալը կազմում են անձի հոգեբանական առանձնահատկությունների ամբողջությունը, որոնց մեջ առանձնացնում է նյարդա-հոգեկան կայունությունը, որի զարգացման մարկարդակը ապահովում է սթրեսի նկատմամբ հանդուրժողականությունը (տոլեռանտությունը), անձի ինքնագնահատականը, որը ինքնակարգավորման միջուկն է և գործունեության պայմանների և սեփական հնարավորությունների ընկալման համարժեքության մակարդակը, սոցիալական աջակցության զգացողությունը, ինչը պայմանավորում է նշանակալիության զգացումը շրջապատողների համար, անձի կոնֆլիկտայինության մակարդակը, սոցիալական շփման փորձը: Իհարկե, այս հատկությունների համախումբի գնահատումը թույլ է տալիս հասկանալ և անել հետևություններ նոր պայմաններում անձի հոգեկան հավասարակշռության, միջավայրի հետ ներդաշնակ հարաբերակցության, ինչպես նաև ներհոգեկան բովանդակությունների, հատկապես արժեքաիմաստային ոլորտի բնույթի մասին [13;16–24]:

Հարմարվողական հնարավորությունների գնահատումը թույլ է տալիս կազմել պատկերացում ներկայումս պայմաններում, մասնագիտական դաշտի փոփոխության պայմաններում անձի կենսագործունեության որակի, կյանքի ընդհանուր բարեհարմարության մասին:

Հետազոտություններին մասնակցել են 40–60 տարեկան թվով 101 անձ, որոնք ունեն մասնագիտական որակավորում, բայց զբաղվում են ցածր որակավորմամբ ոչ մասնագիտական գործունեությամբ: Հարմարվողականությունը գնահատելու նպատակով կիրառվել է Ա.Գ. Մակլակովի Ս.Վ. Չերմյանինի ՙԱդապտիվություն՚ բազմամակարդակ հարցարանը:

Ա.Գ. Մակլակովի Ս.Վ. Չերմյանինի Ադապտիվություն՝ բազմամակարդակ հարցարանի տվյալները՝ արտահայտված ստեններով

Գծապատկեր 1

Հետազոտությունները բացահայտել են, որ մասնագիտությունը հարկադրաբար փոխած անձնանց մոտ առկա է հարմարվողական կարողությունների ցածր մակարդակ (1–2 ստենների սահմաններում): Տնական հարմարումը ոչ մասնագիտական գործունեության ոլորտին, որն ընթանում է գերազանցապես արժեքային ոլորտի վերակառուցմամբ, մասնագիտական արժեքների ֆրուստրացման՝ արդյունքում դրա աղքատացմամբ, հանգեցնում է հասուն անձի հարմարման ռեսուրսների թուլացմանը: Միջին տարիքում, որը մասնագիտական կայացման համար առավելագույն կարևոր շրջան է, մասնագիտության փոփոխությունը, մասնագիտության կորուստը ապրվում է սուր ձևով: Այս խնդիրը հոգեբանական դաշտից դուրս է գալիս ավելի լայն գոյաբանական ոլորտ, քանի որ շոշափում է անձի կյանքի հիմքերը, հասուն անձը կանգնում է աշխարհում իր իրական տեղը կորցնելու իրողության առջև: Վերահարմարման ելակետը անձի գործունեությունն է, իսկ ստեղծված պրոբլեմային իրադրությունից միակ կառուցողական ելքը՝ մասնագիտական վերակողմնորոշումն է:

Գիտական գրականության մեջ մասնագիտության փոփոխության հարցերին հիմնականում անդրադարձել են սոցիոլոգիայում, որտեղ կարևորվում են օբյեկտիվ գործոնները, որոնք պայմանավորում են

անցումը մի մասնագիտությունից դեպի մյուսը՝ գիտատեխնիկական առաջընթացի ազդեցությունը, ինչպես նաև սոցիալ-տնտեսական պատճառները: Հասուն տարիքում մասնագիտական վերակողնորոշման մասին հետազոտությունները սակավաթիվ են, իսկ հետազոտությունների մեծ մասը նվիրված են պատանեկան տարիքին, երբ մասնագիտության ընտրությունը անձի համար առավել արդիանական խնդիր է: Քիչ է ուսումնասիրված հասուն անձի մասնագիտական վերակողմնորոշմանը խնդիրը:

Մ. Ռատնիկովան, ով զբաղվում է հասուն տարիքի անձի մասնագիտական վերակողմնորոշման հարցերով, նշում է, որ նոր աշխատանքի առարկան յուրացնելու ջանքերը և նախկին մասնագիտությունից հեռացման հետ կապված հուզական ապրումները, ունեն վառ արտահայտված անհատական բնույթ: Ըստ նրա, մասնագիտությունը փոխելու գործընթացում հասուն տարիքում հենման կետեր են՝ կյանքի փորձը, դժվար իրավիճակները ապրելու և պատասխանատու որոշումներ կայացնելու ունակությունը՝ հենվելով սեփական հնարավորությունների վրա, սոցիալական ակտիվությունը անձնային նպատակներ դնելու և դրանք ձեռք բերելու գործում: Ընդ որում՝ մասնագիտական վերակողնորոշման գործընթացը մի կողմից կախված է այն, հանգամանքից, թե արդյոք մասնագիտության փոփոխությունը կատարվում կամավոր, թե հարկադրաբար, մյուս կողմից անձի սոցիալական, մասնագիտական և անձնային փորձից, ով ապրում է նշանակալի իրադրություն և իրացնում է իր պոտենցյալը գործունեության մյուս տեսակ անցնելիս: Ընդ որում բացահայտվել է, որ հասուն տարիքում մասնագիտությունը փոխելու առաջատար դրդապատճառ է նյութական վիճակի բարելավումը, բարձր սոցիալական կարգավիճակ ձեռք բերելը [14]:

Մեր հետազոտությունները փաստում են, որ ցածր հարմարվողականությունը, որը առկա է մասնագիտության փոփոխության (մասնագիտական կարգավիճակի անկման) պայմաններում ցույց է տալիս, որ հիրավի մասնագիտության հարկադիր փոփոխությունը սպառում է անձի համարման ռեսուրսները: Ուստի հասուն տարիքի մասնագետի վերակողմնորոշումը ենթադրում է այդ գործընթացի կազակերպում, որում կարևորվում է ՀՀ զբաղվածության կենտրոններին կից հոգեբանական ծառայության գործունեության անհրաժեշտությունը: Մասնագիտական վերակողմնորոշումը ենթադրում է ինչպես զանազան հարցարանների, այնպես էլ հոգեբանական խորհրդատվության համալիր կիրառում, ինչը թույլ կտա արդյունավետ կազմակերպել անձի մասնագիտական վերակողմնորոշման գործընթացը՝ ուղորդելով նրան դեպի այնպիսի աշխա-

տանքային ոլորտ, որում հնարավորություն կունենա իրացնել մասնագիտական պոտեցյալը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ

1. *Հակոբյան Ն.Ռ.* Մարգինալության դրսևորման սոցիալ-հոգեբանական առանձնահատկությունները փոխակերպվող հասարկություններում, Եր. 2006, էջ. 122–134:
2. *Крысько В.Т.* Социальная психология, М., 2006. С.С. 107, 215.
3. *Яницкий М.С.* Адаптационный процесс: Психологические механизмы и закономерности динамики, учебное пособие, Кемерово: Кузбассвизиздат 1999. СС. 8–11.
4. *Сластенин В.А., Каширин В.П.* Психология и педогогика: учеб. Пособие для студ. выс. учеб. заведений/ Издательский центр «Академия», 2006. С.С. 173, 174.
5. *С.А.* Практическая психология, обзор теоритических подходов, Псков 2006. СС. 12–22.
6. *Куимова Н.Н.* К проблеме взаимосвязьи социальноы и профессиональной адаптации личности особенности развития адаптивности у младших подростков с задержкой психического развития на этапе из начальной в основную общеобразовательную школу. Автореферат Нижний Новгород–2012.
7. *Рогозян А.Б.* К проблеме о взаимосвязи социальной и профессиональной адаптации личности, материалы международной заочной конференции Теория и практика современной психологии, КугбГУ, Краснадар 2011.
8. *Столяренко, Самыгин С.И.*100 экзаменационных ответов по психологии, Ростов/нД: Изд. центр «Март», 2001. С. 74.
9. *Кузнецова О.В.* Проблема индивидуальних различий в адаптивности личности, дисертация на соискание ученоы степени кандидата психологических наук, Нижний Новгород 2012
10. *Ростовцева М.В.* Адаптивность как отношения личности и обшества, Красноярск 2010
11. *Колпакова В.М.* Психология адаптивности к трудной ситуации, автореферат дисерации на соискание уч. степени док. псих. наук, Казань, 2011.
12. *Соловьева С.Л.* Ресурсы личности. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 2.
13. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // «Психологический журнал». 2001. Т. 22. № 1. СС. 16–24.
14. *Ратникова М.А.* Исследование психологических особенностей профессиональной переориентации в зрелом возрасте, автореферат на соиск, канд псих, наук, М., 1999,

АДАПТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ТЕНДАНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИИ ПРОФЕССИИ

Н. Акопян, С. Варданян

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается проблема адаптивности личности при изменении профессии (снижение социального статуса в результате вниз направленной социальной мобильности), которая протекает фрустрированием профессиональных ценностей и доминированием ценностей адаптации. В результате упрощнения ценностной сферы прежнего специалиста обнаруживается низкий уровень адаптивности. Поэтому один из путей реадаптации взрос-

лой личности – эффективная организация профессиональной переориентации, что предполагает не только психологический настрой личности, но и социальную поддержку.

THE HUMAN'S ADAPTABILITY IN THE CONDITIONS OF PROFESSIONAL STATUS CHANGING AND TENDS OF PROFESSIONAL REORIENTATION

N. Hakobyan, S.Vardanyan

ABSTRACT

In this article is presented the professional status change, lowering in the condition of low social mobility, the problem of human's adaptability which takes place with the propfessional values frustration and with the majority of adapting values. In the result of poor values system is shown a very low level of adaptability. So the ways of readapting is the professional reorinatation wich also needs a social care besides a psychological wish.

МЕНЕДЖМЕНТ И ТУРИЗМ

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР УПРАВЛЕНИЯ В ТУРИСТСКИХ КЛАСТЕРАХ

М.А. Саакян

sahakyan_maria@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье представлены возможности применения сетевых структур управления в туристских кластерах, а также уточнена роль государственных институтов в становлении и развитии кластеров. Для реализации основной задачи рассмотрены основные характеристики кластеров и различные подходы авторов к вопросу определения кластера. Кроме того, проанализированы различные системы управления кластерами, учитывая роль всех участников, а в частности, государства. Одновременно представлены основные черты и особенности сетевой структуры управления и возможности его применения в туристских кластерах РА.

Ключевые слова: туристский кластер, сетевое управление, система управления, инновации, развитие.

В настоящее время развитие техники и технологий позволяет сравнительно в малые сроки посетить любую часть земного шара, связаться с любой точкой не только посредством, телефона, но и всемирной сети, а также побыть в космосе в туристических целях. Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ, ITU), в настоящее время почти 3,5 млрд. человек в мире или чуть меньше половины населения Земли пользуются Интернетом. Для сравнения необходимо отметить, что в 2000г. данный показатель составил 6,5%. Доступ к мобильной связи имеют 95% населения Земли, или примерно 7 млрд. человек. По прогнозам МСЭ, к концу 2016 года количество абонентов мобильной связи в мире достигнет 3,6 млрд. или 49,4%, причем, их доля в развитых странах составляет 90,3%, в развивающихся – 40,3%, а в менее развитых – 19,4% от всего населения [1]. Одновременно увеличивается интерес к другим странам и культурам, учащаются туристские поездки, путешествие становится доступным и всеобщим явлением. Несмотря на то, что развитые страны (Франция, США, Испания) продолжают оставаться лидерами по количеству въездных туристов, однако темпы роста развивающихся стран превышают средние темпы роста мировых туристских

поездок. Так, для развитых стран рост количества международных туристов в 2014, по сравнению с 2013 годом, составил 3,2%, в то время, как для развивающихся экономик – 4,6%, а мировой показатель – 3,7% [2. СС. 5–6]. Доходы от международного туризма в 2014г. составили 1245 млрд. долларов США, причем 815 млрд. долларов достались развитым, а 430 млрд. – развивающимся странам.

Таким образом, рост доходов от туризма, развитие сферы услуг, а также увеличение туристического интереса к развивающимся странам заставили правительства этих стран серьезно задуматься над мерами по развитию туризма. В последнее время все большее число исследователей используют кластерный подход в качестве инструмента и механизма развития туристской сферы. Следовательно, возникают вопросы и проблемы касательно механизмов формирования и дальнейшего развития кластеров в туризме. Одновременно, необходимо отметить, что в научной литературе вопросы кластеров и кластеризации более и менее изучены, однако проблемы построения структуры и системы управления кластерами представлены довольно слабо. Анализ теоретических и практических подходов к данному вопросу показал, что зарубежные авторы акцентируют внимание на косвенные связи между участниками кластера, а государству и государственным органам приписывают вспомогательные функции. В частности, согласно классическому подходу, государственные институты должны создавать необходимые условия для развития, они также должны устранять барьеры, стимулировать инновации и инвестировать в человеческий капитал [3. С. 235]. Однако в зарубежной литературе можно также и встретить кардинальные подходы, которые утверждают и пытаются доказать, что государство не может и не должно участвовать в развитии кластера, а «государственные программы стимулирования» только снижают производительность и эффективность деятельности кластера [3. С. 243]. Одновременно большинство российских специалистов и исследователей из постсоветского пространства склонны переоценивать роль государственных органов власти как в процессе создания, так и управления кластерами. Так, например в РФ, где кластерный подход применяется для развития почти всех приоритетных направлений экономики, система управления кластерами носит сложный характер, включающий государственные, региональные органы власти, различные центры кластерного развития, государственные и частные организации, а управление кластером осуществляется при помощи традиционной линейно-функциональной структуры или ее модификации. Таким образом, считаем, что в таком многообразии необхо-

димо рассмотреть существующий опыт и выявить наилучший и высокоэффективный вариант управления туристическим кластером в Армении.

Основываясь на вышеупомянутом, считаем, что на сегодняшний день вопросы, изучаемые в данной статье, довольно актуальны. Целью исследования является изучение современных структур управления кластерами, выявление возможностей их применения в туризме, а также предложение новых подходов для стран с развивающейся экономикой и, в частности, для Армении.

Прежде чем перейти к механизмам формирования туристских кластеров, необходимо понять основные черты, характеристики и особенности кластеров. Если изначально концентрация связанных между собой и смежных с ними компаний на определенной географической территории считалось кластером, то в настоящее время – в эпоху высоких технологий и передовой техники – географическая составляющая постепенно теряет свою актуальность. Различные исследователи и авторы пытались сформулировать понятие «кластер», однако все они исходят из определения М. Портера, который утверждает, что кластер – это сконцентрированные по географическому признаку взаимосвязанные компании или их группы, поставщики товаров и услуг, университетов, агентств по стандартизации, торговых или общественных организаций, которые конкурируют между собой и одновременно сотрудничают [4. С. 256]. В кластеры могут быть включены также и представители государственной власти, органы государственного управления, организации, предоставляющие смежные услуги, образовательные учреждения, информационные, консалтинговые, маркетинговые и др. организации. Изначально кластеры формировались самостоятельно и стихийно (например, Голливуд, Силиконовая долина, Кластер итальянских производителей и дизайнеров обуви и др.), однако, осознав положительные стороны кластерного подхода, крупные компании в сотрудничестве с органами государственной власти стали стимулировать их развитие в определенных городах, регионах или странах.

Очень часто можно встретить неверное истолкование территориального охвата кластера. Необходимо отметить, что, возможно, хотя необязательно, чтобы границы города, региона или даже страны совпадали с границами кластера. Кластер может включать в себя организации и учреждения даже нескольких соседствующих стран. Вопросы географического распределения индустриальных единиц изучал один из последователей М. Портера – М. Энрайт, который занимался вопросами региональных кластеров, выступающих в виде агломерации взаимосвязанных организаций [5]. В. Прайс

представляет кластер как своего рода партнерство между частным и государственным сообществом, которое ведет к объединению изолированных участников бизнеса в предпринимательское сообщество [7. С. 101]. Одновременно, С. Розенфельд утверждает, что распределение связанных между собой организаций на конкретной территории еще недостаточно для формирования регионального кластера. Необходимо установить активные связи между крупными и малыми организациями, а также эффективные транзакции и взаимодействия [8. С. 9].

М. Энрайт предложил 5 критериев, характеризующих кластер. Причем, центральным является географический фактор, кроме того, важна глубина кластеризации (т.е. степень вертикальной интеграции в кластере), ширина кластеризации (т.е. степень горизонтальной интеграции в кластерах), наличие в кластере университетов и научно-исследовательских учреждений, соотношение местных крупных, средних и малых организаций, а важнейшим среди последних является наличие ТНК или их дочерних предприятий [6].

Необходимо отметить, что как М. Портер, так некоторые его последователи при определении кластера акцентировали внимание на географическое распределение взаимосвязанных организаций и институтов, однако можно утверждать, что в настоящее время, в период технологического и технического прогресса, территориальный фактор постепенно теряет актуальность, а вместо этого выходят на первый план функциональные связи и взаимодействия.

Если предыдущие авторы рассматривали кластер и кластеризацию на конкретный момент времени, т.е. давали статичное описание и характеристики кластера, то датчане Б. Далум, К. Педерсен и Г. Вилумсен, изучив региональный высокотехнологичный кластер в Северной Ютландии, перевели акцент на идею рассмотрения кластеризации в динамике. В частности, основываясь на теории жизненного цикла, они развили идею технологичного жизненного цикла кластера в сфере ИКТ, а также попытались выявить факторы, зарождающие и разрушающие высокотехнологичные кластеры [9. С. 3].

Таким образом, очевидно, что хотя в различных сферах экономики кластеры существуют и развиваются, однако в теории нет единого подхода к определению. Конечно, можно утверждать, что в основу почти всех определений так или иначе лежит подход Портера, а различные вариации акцентируют внимание на те или иные специфические стороны кластера. Считаем, что такое разнообразие определений результат того, что почти невозможно в мире найти два совершенно идентичных кластера, они все уникальны в зави-

симости от региона, сектора экономики, структуры, размеров, территориального охвата и т.д.

В настоящее время для развития туризма в стране или в регионе все чаще применяется кластерный подход, однако проблемам структуры и принципов управления не уделяется достаточного внимания. Известно, что в основу управления, кроме всех прочих принципов, лежит принцип иерархии, который и определяет структуру управления. В свою очередь, иерархия лежит в основе почти всех известных организационных структур управления. Хотя иерархическая структура управления сопутствовала человечество с незапамятных времен, однако научную форму она приобрела только в прошлом веке. Иерархическая структура управления позволяет планировать, организовывать, координировать деятельность тысяч работников, обеспечить эффективность движение товаров и капитала как на уровне организации, так и на уровне международной торговли. Однако необходимо отметить, что в настоящее время, в век глобализации и технологического прогресса строгая иерархическая структура теряет свою актуальность и эффективность. Иерархическая структура не является достаточно гибкой и медленно реагирует на изменения внешней среды. Конечно же, изменения в иерархической структуре происходят, однако они требуют большего времени и значительной бюрократической волокиты. Таким образом, несмотря на все еще сильные позиции иерархических организационных структур, постепенно все большее количество организаций особенно частного сектора переходят на сетевую структуру управления. Если иерархия помогает оптимизировать процесс управления, то сетевая структура способствует распознанию возможностей и изменений во внешней среде организации, а также дает возможность быстро реагировать на изменения и реорганизоваться.

Первые сетевые организации стали развиваться еще в 80-х годах XX столетия. Сетевая структура управления более эффективна для организаций, осуществляющих крупные проекты, для стратегических союзов, отдельных производственных компаний, объединенных в одну систему, для малых организаций внутри производственно-промышленных групп [10]. Однако отметим, что первые сетевые структуры, в той или иной степени, по различным характеристикам походили на матричные, дивизиональные и гругие организационные структуры. Современные сетевые организации более мобильны, уникальны в зависимости от рода деятельности и чаще виртуальны [11. СС. 119–122] .

Согласно подходу Дж. Коттера, представленному в статье «Иерархия и сеть: две структуры, одна организация», сеть – это команда, состоящая из

представителей всех подразделений организации и всех уровней управления, которые оставляют за дверями формальные должности и участвуют в антииерархическом форуме [12]. Необходимо отметить, что сетевое управление не подразумевает создание «целевых» или «инициативных» групп. Сетевое управление – это принципиально новая система с большими возможностями и вовлекающая большее число человеческих ресурсов. В последнее время все большее количество успешных организаций используют сетевую структуру управления, причем, это организации, представляющие различные сектора и сферы деятельности. Одновременно некоторые специалисты выдвигают мнения на счет упрощения организационных структур управления, а именно – за сокращение уровней управления. Так, Т. Кастель в своей статье «Иерархия переоценена», напечатанной в Харвард Бизнес Ревью, выдвигает и обосновывает возможность применения плоских организационных структур во всех сферах деятельности [13]. Согласно Кастелю, плоские организационные структуры – эффективны, если внешняя среда организации меняется быстро, инновация – это главная отличительная черта организации, а также, если организационные цели совпадают с целями всех участников компании. Гари Хемл, которого Wall Street Journal назвал самым влиятельным специалистом в сфере бизнеса, а Fortune – лидирующим экспертом по бизнес стратегиям, также высказывается за плоские и сетевые структуры управления в организациях будущего [14].

Следовательно, все преимущества сетевого управления и рассмотренные характеристики кластеров позволяют предположить, что наилучшей структурой управления для туристских кластеров в Армении может стать именно сетевое управление, которое более гибкое, быстро реагирует на изменения внешней среды, а также стимулирует инновации и развитие.

Однако необходимо также конкретизировать роль государства в данной сети. В классической модели кластера, как уже отмечалось, государство не создает кластеры, оно поддерживает, стимулирует, обеспечивает инфраструктуру и уничтожает барьеры развития, а также улучшает бизнес-среду и решает общие проблемы, замедляющие развитие внутри кластера [3. СС. 235–236]. Одновременно существуют и радикальные подходы, которые исключают роль государственных институтов или сводят их к минимуму, утверждая, что государственное вмешательство только препятствует развитию кластера [3, 15, 16]. Рассмотрев различные кластеры, формированные в РФ, приходим к выводу, что здесь наоборот, преобладает государственное регулирование, совет кластера, центр кластерного развития или орган, сочетаю-

щий вышеуказанные два института, так или иначе, находится в подчинении или министерства или региональных властей [17].

Для более обоснованного умозаключения рассмотрим результаты исследования 354 кластеров из 50 стран (в основном, стран ОЭСР – OECD), проведенное в 2012г при поддержке Global Cluster Initiative Survey (GCIS) [18]. Согласно данному исследованию, в котором в качестве респондентов участвовали менеджеры кластеров, приоритетными целями для инициирования кластера являются обеспечение идентификации товара или услуги и бренд, стратегии развития, инновации и исследования, а также улучшение бизнес среды. Как не странно, на последнем месте оказались предложение человеческих ресурсов и совместные закупки [18. С. 20]. В среднем 34% доходов кластера образуются за счет частных вкладов, 54% – от региональных, национальных и международных институтов, а 12% – из других источников [18. С. 23]. Таким образом, соотношение между общественным и частным сектором примерно 60/40, при чем со временем и с развитием кластеров в общественном финансировании увеличивается доля международных организаций, а в частном – преобладает доход от продажи услуг [18. С. 24].

Соотношение участников в управляющих органах кластеров приведена на Рис.1.

Рис.1. Структура главных управляющих органов кластеров в изученных 50 странах ОЭСР [18. С. 27].

В результате анализа вышеуказанного исследования, можем утверждать, что в развитых странах в процессе формирования, финансирования, управления кластеров преобладает частный сектор, однако государственные институты в виде региональных, национальных организаций также имеют определенное участие.

Для развивающихся стран, а также для таких стран, как Армения, государственное участие может быть значительнее, однако доля и размер госу-

дарственного содействия со временем, по мере развития кластера, должно снижаться.

Таким образом, с одной стороны, характерными чертами кластеров являются инновации, кооперация и сотрудничество всех участников, общие интересы, высокая производительность и эффективность деятельности, а также частное-государственное партнерство. С другой стороны, сетевая организационная структура со сравнительно маленьким количеством уровней управления эффективно используется в различных сферах деятельности, и особенно, там, где первостепенным является инновация, общность целей всех участников организации, а также высокомобильная окружающая среда. Также отметим, что туризм в настоящее время является одной наиболее динамично развивающихся областей мировой экономики, а применение кластерного подхода для обеспечения эффективности в туризме неоспоримо и для развитых, и для развивающихся экономик. Следовательно, можно заключить, что самым эффективным принципом построения системы управления внутри кластера, особенно туристического кластера, является сетевая структура, основанная на командной работе представителей основных и смежных сфер деятельности, которые преследуют общие цели, хотя и могут конкурировать между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. ICT Facts and Figures 2016 (http://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/ICT-FactsFigures2016.pdf).
2. UNWTO Tourism Highlights 2015 Edition (www.unwto.org).
3. *Desrochers P., Sautet F.* Cluster-Based Economic Strategy, Facilitation Policy and the Market Process, The Review of Austrian Economics, 17(2/3). PP. 233–245. 2004. (http://www.gmu.edu/depts/rae/archives/VOL17_2-3_2004/6_Desrochers.pdf).
4. *Портер Майкл Э.* Конкуренция. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.
5. *Enright M.* Why Clusters are the Way to Win the Game? World Link. 1995. №5. July– August.
6. *Enright M.* Regional Clusters: What we know and what we should know, International Workshop on Innovation Clusters and Interregional Competition, Kiel Institute of World Economics, Kiel, Germany (2001).
7. *Ковалев Ю.П.* Кластерный подход к изучению туристской сферы России, Теория социально-экономической географии: синтез современных знаний. Смоленск, 2006.
8. *Rosenfeld S.A.* Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development, European Planning Studies. 1997. № 5.
9. *Dalum B., Pedersen Ch., Villumsen G.* Technological Life of Cycles: Regional Clusters Facing Disruption. DRUID, IKE GROUP. Aalborg, 2002.
10. *Мильнер Б.* Уроки бюрократической системы управления // Вопросы экономики, 1999, № 1.
11. *Richard L.* Daft, Organizational Theory and Design, 10th edition, South-West Cengage Learning, USA, 2008.

12. *Kotter John P.* Hierarchy and Network: Two Structures, One Organization, Harvard Business Review, May 23, 2011 (https://hbr.org/2011/05/two-structures-one-organizatio.html).
13. *Kastelle Tim* Hierarchy is Overrated, Harvard Business Review, November 20, 2013 (https://hbr.org/2013/11/hierarchy-is-overrated).
14. Электронный источник: http://www.managementexchange.com/users/ghamel.
15. *Kirzner I.M.* Discovery and the Capitalist Process. Chicago: University of Chicago Press., 1985.
16. *Sautet F.* Kirznerian Economics: Some Policy Implications and Issues. Journal des Economistes et des Etudes Humaines, 1(12): 131–51. 2002.
17. *Скворцов Е.Н., Гуськова Н.Д.* Анализ организационных структур систем управления инновационными промышленными кластерами в России (экономический портал: http://institutiones.com/innovations/2806-analiz-organizacionnyx-struktur.html).
18 Göran Lindqvist Christian Ketels Örjan Sölvell The Cluster Initiative Greenbook 2.0, Ivory Tower Publishers, Stockholm, 2013 (http://www.czechinvest.org/data/files/the-cluster-initiative-greenbook-3916-cz.pdf).

APPLICATION OF NETWORK ORGANIZATIONAL STRUCTURES FOR TOURISM CLUSTERS

M. Sahakyan

ABSTRACT

This article presents the possibility of using management network structures in tourist clusters, as well as it clarifies the role of state institutions in the process of creation and development of clusters. To accomplish the main task of the article it analyzes the basic characteristics of clusters and different approaches of cluster definition. In addition, the article presents different structures of cluster management, taking into account the role of all parties, and particularly, government. At the same time, the article presents the main features and characteristics of management network structures and the possibilities of its implementation in tourism clusters of Armenia.
Keywords: tourist cluster, network management, system management, innovation and development.

ԿԱՌԱՎԱՐՄԱՆ ՑԱՆՑԱՅԻՆ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔՆԵՐԻ ԿԻՐԱՌՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԶԲՈՍԱՇՐՋԱՅԻՆ ԿԼԱՍՏԵՐՆԵՐՈՒՄ

Մ.Ա. Սահակյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տվյալ հոդվածում ներկայացված են կառավարման ցանցային կառուցվածքների կիրառման հնարավորությունները զբոսաշրջային կլաստերներում, ինչպես նաև ճշգրտված է պետական կառույցների դերը կլաստերների ստեղծման և զարգացման գործում: Հոդվածի ուսումնասիրության հիմնական նպատակի իրականացման համար ներկայացված են կլաստերների հիմնական բնութագրիչները և կլաստերի սահ-

մանման վերաբերյալ տարբեր հեղինակների մոտեցումները: Բացի այդ, հոդվածում վերլուծված են կլաստերների կառավարման տարբեր կառուցվածքներ՝ հաշվի առնելով բոլոր մասնակիցների և, մասնավորապես, պետության դերը: Միաժամանակ, ներկայացված են կառավարման ցանցային կառուցվածքի հիմնական բնութագրիչները և առանձնահատկությունները, ինչպես նաև ՀՀ զբոսաշրջային կլաստերներում դրա կիրառման հնարավորությունները:

Հիմնաբառեր՝ զբոսաշրջային կլաստեր, ցանցային կառավարում, կառավարման համակարգ, նորարարություն, զարգացում:

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КАДРОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

М.Х. Чобанян, Г.К. Мартиросян

Кафедра управления, бизнеса и туризма
Институт экономики и бизнеса Российско-Армянский университет
martun.chobanyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматриваются положительные итоги развитых государств по части решения основных вопросов жизнедеятельности человека при наличии развитой системы местного самоуправления. Отмечается, что сила и влияние органов местного самоуправления отражает степень демократизма, зрелость политической власти страны. В демократических государствах местный уровень власти является самым коротким путем к эффективному и быстрому решению насущных для современного человека проблем. Придавая важное значение решению одной из важнейших задач органов власти – формированию кадрового потенциала, в статье заостряется внимание на вопросах обеспечения квалифицированными кадрами в муниципальной службе, с помощью которых обеспечивается реализация интересов жителей.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная служба, муниципальная должность, кадровая политика, профессиональная переподготовки.

В современных условиях местное самоуправление как форма самоорганизации граждан и в этом качестве – составной частью гражданского общества, уровнем публичной власти является инструментом демократического участия граждан в управлении общими делами и составной частью рыночной социально-экономической среды, восполняющая пробелы рынка в части оказания услуг жителям и координации их хозяйственной деятельности. В современном мире местному самоуправлению отводится важнейшая роль: оно рассматривается как нижний уровень управления и неотъемлемый признак демократизации государства как школа подготовки политических лидеров, самостоятельным звеном публичного управления.

В становлении гражданского общества, формировании рыночной экономики важная роль принадлежит управленческим кадрам и, в связи с этим, важнейшей задачей, стоящей перед демократическим государством, в том числе и Республикой Арменией, – совершенствование организации и функционирования местного самоуправления, обеспечение его квалифицированными кадрами.

В РА местное самоуправление в современном его понятии в системе публичного управления начало развиваться с принятием в 1995г. Конституции РА, ее новой редакций 2005 и 2015 годов, законодательными основами его осуществления стали законы РА «О местном самоуправлении», «О муниципальной службе», нормы других законов, а также соответствующие Указы Президента РА, постановления Правительства РА, иные правовые акты. В то же время нельзя утверждать, что существующая законодательно-правовая и нормативная основа системы местного самоуправления свидетельствует о сформировавшейся и реализующейся на практике эффективной системе местного самоуправления и муниципальной службы. Накопленный 20-летний опыт этой системы в РА на практике показал, что для стабильного и гибкого развития общества она нуждается в постоянном реформировании, совершенствовании и демократизации, соответствующей основным принципам Европейской Хартии о местном самоуправлении.

В своей деятельности органы местного самоуправления выполняют финансовые, социально-экономические, административные функции, функции управления муниципальной собственностью и т.д. Инструментом муниципального управления являются муниципальные программы, проекты, обеспечивающие постановку целей, выработку задач по их решению, подбор методов и мероприятий, позволяющих достичь заданного результата в определенный промежуток времени с проектными и рассчитанными ресурсами. Для эффективного выполнения поставленных задач и функций необходимо иметь соответствующий профессиональный кадровый состав, при этом, структурообразующими элементами местного самоуправления являются муниципальная служба и муниципальная должность. Естественно, что при наличии их полноценного и квалифицированного состава можно говорить о реально функционирующей на практике системе местного самоуправления. Между тем, в настоящее время в РА имеются серьезные затруднения в этой области, тем более, в условиях скудного кадрового и финансового потенциала трудно осуществлять реальное местное самоуправление [1. С. 98]. В РФ в системе муниципального управления отмечается нехватка квалифицированных муниципальных кадров, а система кадрового обеспечения, обучения выборных лиц местного самоуправления и муниципальных служащих до настоящего времени не сложилась [2. С. 238].

В Законе РА «О муниципальной службе» под муниципальной службой понимается профессиональная деятельность в органах местного самоуправления, которая направлена на решение делегированных им задач и выполнение функций органов местного самоуправления. Необходимо иметь в

виду, что муниципальная служба функционирует в сфере публичной власти и является публично-властной деятельностью, а задачи муниципальной службы связаны с обеспечением самостоятельного решения населением вопросов местного значения. При этом, муниципальная служба выполняет роль одной из гарантий самостоятельности местного самоуправления.

Законом РА «О муниципальной службе», принятым в 2004г., устанавливаются основные принципы муниципальной службы, регулируются вопросы классификации должностей и классных чинов (рангов) муниципальной службы, назначений на должности муниципальных служащих, аттестации и переподготовки служащих, резерва кадров, правового статуса (положения) муниципальных служащих, организации и руководства муниципалитета. По данным 2014г., на территории РА в 10 марзах, и столице Армении – Ереване, должности муниципальной службы распределены следующим образом:

Таблица 1. Должности муниципальных служащих по данным на 01/01/2015г. [3].

N		Главные		Ведущие		Младшие		Всего	
		Общее количество	Занимаемое количество	Общее количество	Занимаемое количество	Общее количество	Занимаемое количество	Общее количество	Занимаемое количество
1	Ереван	90	89	628	610	909	879	**1627**	**1578**
2	Арагацотн	118	112	44	40	305	280	**467**	**432**
3	Арарат	102	92	125	112	328	294	**555**	**498**
4	Армавир	99	89	76	69	455	416	**630**	**574**
5	Гехаркуник	97	87	116	102	347	294	**560**	**483**
6	Лори	119	98	135	128	429	402	**683**	**628**
7	Котайк	71	65	138	124	377	356	**586**	**545**
8	Ширак	127	112	188	170	296	264	**611**	**546**
9	Сюник	114	97	74	65	202	191	**390**	**353**
10	Вайоц Дзор	48	47	53	51	86	86	**187**	**184**
11	Тавуш	66	61	70	67	226	207	**362**	**335**
	Всего:	**1051**	**949**	**1647**	**1538**	**3960**	**3669**	**6658**	**6156**

Из таблицы видно, что на данный период в общинах Лориийского марза из 683 муниципальных должностей было заполнено 628, т.е. на 55 должностей меньше, в Гехаркуникском, соответственно, – 560; 483 и 77, Ширакском – 611; 546; 65, Тавушском – 362; 335; 27. Таким образом, как в столице республики, так и в марзах наблюдается неполное замещение соответствующих вакантных должностей, одной из причин которого является отсутствие на местах квалифицированного кадрового состава муниципальных служащих. Сложно протекает заполнение вакантных должностей, в ряде случаев – из-за отсутствия соответствующих заявлений.

Рассматривая систему и состав муниципальной службы в РА, можно выявить некоторые вопросы, которые подлежать рассмотрению с последующим их решением.

Во-первых, при формировании местных органов многие сотрудники стали муниципальными служащими без прохождения соответствующих программ курсов специализации и переподготовки. Во-вторых, в стране не существует головного ответственного института, занимающегося разработкой программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих. На многих уровнях государственного и регионального управления и в обществе, в частности, пока еще серьезно не воспринимается функционирование института муниципальной службы. Кроме того, значительная часть кадров данной сферы не видят перспектив профессионального и личностного роста. Неэффективное и неполноценное выполнение муниципальными служащими своих функций и поставленных задач, главным образом, обусловлено несоответствием финансовых основ делегированным полномочиям местному самоуправлению.

В настоящее время в Армении результативную учебу персонала ОМС осуществляется Союзом муниципалитетов Армении, Союзом муниципальных Советов Армении и Объединением финансистов Армении, основными задачами которых являются – посредством учебы, консультаций и семинарских занятий, оказание помощи муниципалитетам и содействие реформе нормативно-законодательного поля системы местного самоуправления.

Общественная необходимость местного самоуправления обусловливает также важность разработки государственной кадровой политики и эффективную организацию кадровой работы в муниципальных образованиях. Кадровая политика в системе муниципальной службы предполагает последовательную работу органов государственного управления по формированию состава муниципальных служащих, по их подбору, подготовке и рациональному использованию с учетом состояния и перспективы развития

государственного и муниципального аппаратов, прогнозов о количественных и качественных потребностях в кадрах. Суть государственной кадровой политики состоит в привлечении, закреплении и адекватном использовании на государственной и муниципальной службе высококвалифицированных специалистов, в создании условий по реализации ими своего профессионального потенциала для успешного исполнения должностных обязанностей.

Кадровый потенциал на муниципальной службе – это совокупная способность кадров муниципальных служащих к эффективному исполнению должностных обязанностей, достигаемая посредством профессионального образования, практических навыков, опыта и других служебных ресурсов.

Реализация кадровой политики, направленная на развитие кадрового потенциала муниципальных служащих, полагает формирование требований и необходимых качеств муниципальных служащих для выполнения служебных обязанностей, создание необходимых условий для служебной деятельности, контроль за работой муниципальных служащих и обеспечение на этой основе установленных результатов служебной деятельности.

Принципы муниципальной службы – это основополагающие идеи, выражающие объективные закономерности и определяющие научно обоснованные направления по реализации компетенции, задач и функций органов муниципального управления, полномочия служащих местных органов власти, которые действуют в системе публичного управления, в том числе и в системе муниципальной службе. В то же время принципы муниципальной службы предполагают демократизм, законность, научность, нравственность, преемственность, равную социальную доступность и открытость, профессионализм, компетентность [4. С. 380–381].

Состав указанных принципов кадровой политики свидетельствует о его многообразии и показывает, что существуют принципы общего характера, которые полнее выражают характер и основные цели кадровой политики и касаются в одинаковой мере всех ее составных частей. Другие же принципы, даже частного порядка, связаны с решением отдельных задач кадровой работы.

Механизм реализации кадровой политики это – система кадровой деятельности, опирающаяся на концепцию государственной и муниципальной кадровой политики, законодательную базу, принципы, методы, способы, методики, технологии и формы кадровой работы. Кадровая политика как сложное, комплексное явление может успешно реализовываться через механизмы нормативно-правового, организационного, научно-информационного, учебно-методического обеспечения [5. С. 247, СС. 350–352.]. Успешное функ-

ционирование этих механизмов позволит эффективно реализовывать кадровую политику на центральном, региональном и местном уровне.

Для решения проблем в муниципальной службе в нашей стране необходимо, в первую очередь, создание специализированных институтов или их подразделений в авторитетных вузах, например, в ЕГУ, АГЭУ, РАУ, которые имеют высококвалифицированный профессиональный научно-педогогический состав и условия для подготовки, переподготовки и повышения кадров, обладающими профессиональными знаниями и навыками муниципальных должностей, требований для исполнения должностных обязанностей. Необходимо также создание материальной мотивационной и социально-психологической среды для муниципального служащего, которые будут способны стимулировать его для прилагания больших усилий к выполнению своих обязанностей. Важно отметить, что муниципальные служащие, в отличие от работников других сфер, не имеют права заниматься коммерческой деятельностью и управлять собственностью. Исключением в данном случае является педагогическая, научная и иная творческая деятельность, которая обычно плохо оплачивается и служит, в основном, для удовлетворения творческих потребностей служащих. Особой проблемой является изменение отношения по регулированию формирования и распределения муниципального бюджета, реформирование системы его построения для нормального финансирования местного самоуправления. Представляется, что полномочный орган правительства должен заниматься вопросом разработки стратегии формирования, профессионального развития и рационального использования кадрового потенциала так же для местного самоуправления.

Приоритетными направлениями формирования кадрового состава муниципальной службы являются: подготовка, переподготовка и назначение на должности муниципальной службы высококвалифицированных специалистов с учетом их профессиональных качеств и компетентности с последующим повышением их профессиональной квалификации, содействие продвижению по службе муниципальных служащих.

Повышение квалификации муниципальных служащих, подготовка кадров с целью усовершенствования знаний, умений и навыков в связи с повышением требований к профессии или повышением в должности включает три основные формы профессионального образования: повышение квалификации, профессиональная переподготовка, стажировка муниципального служащего. Актуальными становятся также изучение передового опыта, в том числе зарубежного, а также закрепление теоретических знаний, полученных служащим при освоении программ профессиональной переподготов-

ки или повышения квалификации, приобретение практических навыков и умений для их последующего эффективного использования при исполнении своих должностных обязанностей.

В кадровой работе важным является соблюдение установленных законом требований к порядку сбора, хранения и использования персональных данных муниципальных служащих, необходимых работодателю в связи с исполнением ими обязанностей по замещаемой должности и подлежащие обработке в соответствии с трудовым законодательством. В целях повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления, конкурсных комиссий и муниципальных служащих в отдельных органах местного самоуправления, указанными комиссиями могут проводиться эксперименты, порядок, условия и сроки проведения которых устанавливаются их нормативно-правовыми актами.

Для эффективной организации управления муниципальной службой, наряду с органами местного самоуправления, их структурными подразделениями, например, кадровыми службами, а также их должностными лицами, могут создаваться координирующие и совещательные органы. Они могут быть созданы при главах муниципальных образований. В частности, можно сформировать совещательный орган – Совет по вопросам муниципальной службы, который может быть наделен правами: запрашивать и получать от органов местного самоуправления информацию по вопросам, относящимся к компетенции Совета; приглашать на свои заседания и заслушивать представителей органов местного самоуправления по вопросам развития муниципальной службы, а также рассматривать и принимать решения, имеющие рекомендательный характер, по законопроектам, связанным с организацией муниципальной службы и др.

Важную методологическую и практическую помощь в сфере муниципальной службы могут осуществлять также Совет гражданской службой РА и Министерство территориального управлени и развития РА. Органы государственной власти должны координировать и осуществлять методическое обеспечение по вопросам прохождения муниципальной службы, разработать проекты нормативных правовых актов о муниципальной службе, анализировать деятельность органов местного самоуправления по реализации законодательства о муниципальной службе. Создать на основе сведений о составе муниципальных служащих его информационные банки данных, организовать и координировать научные исследования в области муниципальной службы, консультировать кадровые службы органов местного самоуправления и решать другие вопросы. Важным представляется содействие

развитию муниципального персонала и выполнению им своей деятельности на всех уровнях организации, что требует понимания межличностных отношений, навыков определения мотивации людей, видеть их сильные и слабые стороны.

Состояние современной муниципальной службы, медлительность в решении многих кадровых и других вопросов в этой сфере, перспектив развития местного самоуправления требуют кардинального изменения отношения к муниципальной службе, серьезного подхода к проблемам профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих. Реализация предложенных и других важных мер, а также серьезные изменения в организации кадровой политики позволят повысить эффективность разработки и осуществления целевых программ развития и совершенствования муниципальной службы, что послужит укреплению системы местного самоуправления, формированию новых отношений между государством, местной властью и гражданским обществом, установлению политической и социальной стабильности в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Սուվարյան Յու.Մ., Չոքանյան Մ.Խ.* Տնտեսության փարածքային կառավարում. մեթոդաբանությունը և հիմնախնդիրները: Եր.: ԱՌՏ, 2007:
2. *Василенко И.А.* Государственное и муниципальное управление. М.: Гардарики, 2006.
3. Национальная статистическая служба РА www.armstat.am
4. *Галеев Е.В., Ганшина Л.Н.* Муниципальное управление М.: КНОРУС, 2010.
5. *Васильев А.А.* Система муниципального управления. М.: КНОРУС, 2010.

THE PROBLEMS OF TRAINING AND REGULATION OF MUNICIPALITIES FRAMES

M. Chobanyan, G. Martirosyan

ABSTRACT

This article discusses the positive results of the developed countries concerning the decision of basic issues of human life in the presence of a developed system of local self-government. It is noted that the power and influence of local government reflect the degree of democracy, the maturity of the political power of the country. In the democratic states the local level of the government is the shortest way to an effective and rapid solution to the urgent problems of the modern person. Attaching great importance to solving one of the most important tasks of the government - the formation of personnel potential, the article highlights the issues of providing qualified personnel in the municipal service, with the help of which the realization of the interests of citizens is ensured.

Keywords: local government, municipal service, municipal position, human resource policy, professional retraining.

ՀԱՄԱՅՆՔՆԵՐԻ ԱՇԽԱՏԱԿԱԶՄԻ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ԵՎ ՎԵՐԱՀՍԿՈՂՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Մ.Խ. Չոբանյան, Գ.Կ. Մարտիրոսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում դիտարկվում են զարգացած երկրների դրական աշխատանքները տեղական ինքնակառավարման զարգացած համակարգի պայմաններում, մարդու կենսագործունեության հիմախնդիրները լուծման հարցերը: Տեղական ինքնակառավարման մարմինների ուժն ու ազդեցությունը որոշվում է երկրի քաղաքական իշխանության ժողովրդա-վարացման աստիճանով: Զարգացած պետություններում իշխանության տեղական մակարդակը ժամանակակից մարդու կենսահիմնախնդիրների արդյունավետ և արագ լուծման ամենակարճ ուղին է: Իշխանության մարմինների կարևորագույն խնդիրներից մեկը համարելով կադրային ներուժի ձևավորումը, հոդվածում ուշադրությունը սրվում է մունիցիպալ ծառայությունում բարձրորակ կադրերի պատրաստմանը, որոնց օգնությամբ իրացվում են բնակիչների շահերը:

Հիմնաբառեր՝ տեղական ինքնակառավարում, համայնքային ծառայություն, համայնքային պաշտոն, կադրային քաղաքականություն, մասնագիտական վերապատրաստում:

ՀՀ ՏՈՒՐԻՍՏԱԿԱՆ ՈԼՈՐՏԻ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՆՐԱ ԱՐԴՅՈՒՆԱՎԵՏՈՒԹՅԱՆ ԲԱՐՁՐԱՑՄԱՆ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ՈՒՂՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Վ.Գ.Աբրահամյան, Ա.Ղ.Ավագյան

aniavagyan.33@mail.ru, a.vahram@mail.ru

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում կատարվում է Հայաստանի տուրիստական ոլորտի գործունեության վերլուծություն և ներկայացվում են նրա արդյունավետության բարձրացման հիմնական ուղղությունները: Հոդվածում փորձ է կատարվում լոգիստիկական հոսքային գործընթացները կապել տուրիզմի ոլորտի զարգացման հետ՝ օգտագործելով նյութական, ֆինանսական և տեղեկատվական հոսքերը:

Հիմնաբառեր՝ ՀՀ, զբոսաշրջություն, վերլուծություն, լոգիստիկա, արդյունավետություն:

Զբոսաշրջությունը համաշխարհային տնտեսության ամենադինամիկ զարգացող ոլորտներից մեկն է: Այն համարվում է ոչ միայն շահույթի ստացման աղբյուր, այլ նաև՝ բնակչության զբաղվածությունն է ապահովում, օգնում վճարային հաշվեկշռի խնդիրների լուծման հարցում, և կարևոր դեր է խաղում տարածաշրջանային և ազգային տնտեսության զարգացման գործում: Որպես շատ պետությունների տնտեսության բաղկացուցիչ մաս՝ այն ապահովում է տեղի բնակչության զբաղվածությունը, հյուրանոցների, հոթելների, ռեստորանների զվարճությունների վայրերի բեռնումը, արտարժույթի մուտքը և այլն [2]:

Շնորհիվ արագ աճի տեմպերի՝ զբոսաշրջությունը ճանաչվել է հայրյուրամյակի տնտեսական ֆենոմեն: Շատ երկրներում այն նշանակալի դեր է խաղում ՀՆԱ-ի ձևավորման գործում, նպաստում է լրացուցիչ աշխատատեղերի ստեղծմանը, զբաղվածության ապահովմանը: Զբոսաշրջությունը մեծ ազդեցություն է թողնում տնտեսության այնպիսի ոլորտների վրա, ինչպիսիք են՝ տրանսպորտը, կապը, շինարարությունը, գյուղատնտեսությունը, այսինքն՝ հանդես է գալիս որպես սոցիալ-տնտեսական զարգացման յուրահատուկ կատալիզատոր [1]:

Այս ամենը հաշվի առնելով՝ աշխարհի բոլոր զարգացած պետություններն արդեն վաղուց է ինչ հետաքրքրված են նրա զարգացմամբ: Ապրանքների և ծառայությունների համաշխարհային արտահանման

մեջ ներկայումս զբոսաշրջությունը զբաղեցնում է երկրորդ տեղը՝ զիջելով միայն նավթի և նավթամթերքի առևտրին [5]:

Այսպիսով՝ հաշվի առնելով այս ոլորտի կարևորությունն ու զարգացման հեռանկարները, անհրաժեշտություն է առաջանում նոր ուղիներ որոնել, նրա արդյունավետության բարձրացման համար, քանի որ գլոբալացումը, ներկայիս աշխարհաքաղաքական խնդիրներն ու մարտահրավերները իրենց պահանջներն են ներկայացնում, որոնք հաշվի չառնել չենք կարող:

Ներկայումս հատկանշական է զբոսաշրջության ոլորտի հարմարվողականությունը փոփոխվող շուկայական պայմաններին, քանի որ միջազգային զբոսաշրջությունը շարունակում է զարգանալ՝ չնայած պահպանվող տնտեսական և աշխարհաքաղաքական մարտահրավերների՝ նպաստելով տնտեսական աճին և նոր աշխատատեղերի բացմանն ամբողջ աշխարհում: Այս առումով, 2013 թ. հաջող տարի է համարվում՝ համաձայն ՀՏԿ տվյալների [9]:

Անդրադառնալով ընթացիկ տարվան՝ պետք է նշել, որ 2014 թ.-ի առաջին ութ ամիսների ընթացքում միջազգային տուրիստական այցելություններն ամբողջ աշխարհում աճել են 5%-ով՝ համաձայն Համաշխարհային Տուրիստական Կազմակերպության վերջին տվյալների: Չնայած աշխարհաքաղաքական մարտահրավերներին և տնտեսական ճգնաժամին՝ տուրիզմի պահանջարկը մեծ է եղել հունիսից օգոստոսն ընկած «պիկ» ժամանակահատվածում: Միջազգային զբոսաշրջիկների այցելությունների քանակն աշխարհում 2014թ. հունվարից օգոստոսն ընկած ժամանակահատվածում հասել է 781 մլն.-ի, ինչը 36 մլն. անգամ ավելին է, համեմատած 2013 թ. նույն ժամանակահատվածի հետ: 5% ավելանալով՝ միջազգալին զբոսաշրջությունը շարունակում է աճել՝ գերազանցելով 2010–2020 թթ. արված կանխատեսումները (+3,8%): Հունիս, հուլիս և օգոստոս «պիկ» շրջանի ժամանակ նկատվել է 4 % աճ՝ համեմատելով 2013 թ. նույն շրջանի հետ [9]:

Ըստ շրջանների, ամենամեծ աճը գրանցվել է Հյուսիսային և Հարավային Ամերիկայում (+8%), հետո Ասիայում և Խաղաղօվկիանոսյան հատվածում (+5%) և Եվրոպայում (+4%): Ինչ վերաբերվում է ենթաշրջաններին՝ ապա Հյուսիսային Ամերիկայում (+9%), Հարավային Ամերիկայում (+8%) իսկ Հարավային և Միջերկրածովյան Եվրոպայում, Հյուսիսային Եվրոպայում, Հյուսիս-արևելյան Ասիայում և Հարավային Ամերիկայում՝ + 7%: Ընդհանուր առմամբ՝ հաշվի առնելով արդի աշխարհաքաղաքական ռիսկերը, աճը դրական է գնահատվում:

Անդրադառնալով զարգացած երկրներում ՀՆԱ-ում զբոսաշրջության տեսակարար կշռին՝ հարկ է նշել, որ օրինակ՝ Ֆրանսիայում այն կազմում է 7%: Այս երկիրը զբոսաշրջիկների քանակով համարվում է աշխարհում առաջին ուղղությունը՝ 81 մլն. մարդ [11]: Իսկ եվրոպական մեկ այլ երկրում՝ Իտալիայում ՀՆԱ-ի տեսակարար կշիռը կազմում է 8,6%, Իսպանիայում՝ 10,9%, իսկ զբոսաշրջային այցելությունների քանակով (60,6 մլն. մարդ) Իսպանիան առաջ է անցել Չինաստանից՝ զիջելով միայն Ֆրանսիային և ԱՄՆ-ին (62,7 մլն.) [12]:

Հայաստանի Հանրապետությունում զբոսաշրջությունն իր զարգացման տեմպերով և արդյունքներով համարվում է երկրի առավել դինամիկ զարգացող ճյուղերից: Շատ մեծ ուշադրություն է հատկացվում տուրիզմի զարգացմանը՝ Հայաստանի Կառավարության կողմից: Պետության կողմից զբոսաշրջությունը հռչակվել է որպես Հանրապետության տնտեսության գերակա ուղղություններից մեկը: Սակայն դրված նպատակներին հասնելու համար անհրաժեշտ է շատ և քրտնաջան աշխատել: Զբոսաշրջության ոլորտի պետական քաղաքականության նպատակները սահմանված են Զբոսաշրջության և զբոսաշրջային գործունեության մասին Հայաստանի Հանրապետության օրենքով և 2008 թվականի փետրվարի 13-ին ՀՀ կառավարության հավանությանն արժանացած Զբոսաշրջության զարգացման հայեցակարգով [10]: Զբոսաշրջության բնագավառի պետական քաղաքականության նպատակն է մեծացնել զբոսաշրջության ներդրումը ազգային եկամտի ավելացման, համաչափ տարածքային զարգացման, բնակչության կենսամակարդակի բարձրացման և աղքատության նվազեցման գործընթացում, ինչը պայմանավորված է՝ զբոսաշրջային այցելությունների քանակի աճով, զբոսաշրջությունից ստացված եկամտի ավելացմամբ և աշխատատեղերի ստեղծմամբ:

Հայաստանում զբոսաշրջության տեսակարար կշիռը ՀՆԱ-ում ներկայումս 5–7% է կազմում, սակայն 2030 թ.՝ համաձայն զարգացման հայեցակարգի, այդ թիվը կկազմի 10–12%, ինչը էկոնոմիկայի նախարարության երկարաժամկետ պլանի մեջ է մտնում [10]: Պետք է նշել նաև, որ ըստ Համաշխարհային տնտեսական ֆորումի տվյալների՝ տուրիզմի մրցունակությամբ՝ 140 երկրների շարքում Հայաստանը զբաղեցնում է 79-րդ տեղը, ինչը նախորդ տարիների համեմատ ավելի լավ ցուցանիշ է (2010 –2011թթ. Հայաստանը զբաղեցնում էր 98-րդ տեղը, իսկ 2012–2013թթ.՝ 82-րդ) [6]:

Խոսելով Հայաստանում ներգնա զբոսաշրջային այցելությունների թվի մասին, պետք է նշել, որ 2013 թվականին այն հատել է մեկ միլիոնի

սահմանագիծը: Հայաստան են ժամանել 1084188 զբոսաշրջիկներ, 12,6% -ով ավելի քան 2012 թվականին: Իսկ 2014թ. հունվար-հունիսին հանրապետություն են ժամանել 495967 զբոսաշրջիկներ կամ 2013թ. նույն ժամանակաշրջանի նկատմամբ ցուցանիշը աճել է 17,3%: Խոսելով ներքին զբոսաշրջային այցելություններ մասին, պետք է նշել, որ 2013թ. հունվար-դեկտեմբերին ներքին զբոսաշրջիկների թիվը կազմել է 669 540՝ 2012 թվականի համեմատ ապահովելով 30,1% աճ: Իսկ 2014թ. հունվար-հունիսին՝ 95561 ներքին զբոսաշրջիկ՝ 2013թ. նույն ժամանակաշրջանի նկատմամբ աճը կազմել է 30,4% [10]:

Հայաստանը տուրիստների համար շատ հետաքրքիր երկիր է: Իսկ հայերը հայտնի են որպես բարեհամբույր և հյուրընկալ ազգ: Հայաստանը գրավում է բազում զբոսաշրջիկների իր շատ հետաքրքիր պատմա-մշակութային հուշարձաններով և գեղատեսիլ բնությամբ: Սակայն գլխավոր հարցը կայանում է այս ամենը ճիշտ մատուցելու մեջ: Պետք է փնտրել և գտնել նոր ձևեր և մեթոդներ՝ Հայաստանը միջազգային շուկայում ըստ արժանվույն ներկայացնելու համար:

Ներկայումս գնահատելով ՀՀ զբոսաշրջային ոլորտի արդի վիճակը, պետք է նշել, որ այս ուղղությամբ շատ աշխատանքներ են տարվում, սակայն՝ ինչպես յուրաքանչյուր ոլորտ, այն այնդուհանդերձ կարիք ունի անընդմեջ կատարելագործման և ընհանուր առմամբ՝ արդյունավետության մակարդակի բարձրացման: Առկա հիմնախնդիրները հաշվի առնելով՝ պետք է նշել, որ զբոսաշրջությունը կարիք ունի ինչպես ենթակառուցվածքների կատարելագործման, այնպես էլ կադրային խնդիրների, կազմակերպչական հարցերի և տեղեկատվական հոսքերի կարգավորման: Այսպիսով՝ շուկայում ավելի որակյալ և մրցունակ արդյունք ունենալու համար անհրաժեշտ է մշակել խելամիտ մարքեթինգային քաղաքականություն:

Ոլորտում արդյունավետության մակարդակը բարձրացնելու համար անհրաժեշտ է ինչպես առաջարկվող ծառայությունների տեսականու ընդլայնում և կատարելագործում, այնպես էլ դրանց մատուցման կատարելագործում և որակի բարելավում: Սպասարկման ոլորտն անխոս բարելավման կարիք ունի: Իսկ նպատակներին հասնել հնարավոր կլինի համակարգային մոտեցման շնորհիվ:

Զբոսաշրջային բիզնեսի սուբյեկտների գործունեությունը բարդացնում է այն հանգամանքը, որ զբոսաշրջային ծառայությունների արտադրության ու սպառման գործընթացն անբաժանելի է: Պահանջվում է ոչ միայն զբոսաշրջիկների շարժման, այլ նաև այլ հոսքերի սինխրոնացման ապահովումը, որը նաև պատճառ է հանդիսանում կառավարման համա-

կարգված մեթոդների կիրառման համար, քանի որ այն հնարավորություն է տալիս ներդաշնակ դարձնել հարաբերությունները լոգիստիկական շղթայի բոլոր օղակներում [7]:

Այսպիսով՝ ոլորտի աշխատանքների արդյունավետության մակարդակի բարձրացման կարևոր քայլ է նաև զբոսաշրջության ոլորտի արդյունավետության հիմնահարցերը լոգիստիկական հոսքային գործընթացների հետ կապելը: Այստեղ կարևոր նշանակություն է ձեռք բերում տուրիզմի լոգիստիզացումը, այսինքն՝ զբոսաշրջային արդյունքի ձևավորման, իրացման մասնակիացված գործունեության փոխարեն ի հայտ է գալիս համակարգային ինտեգրված զբոսաշրջային գործունեությունը, ինչն արվում է ծախսերի օպտիմալացման և սպառողի սպասարկման մրցակցային աստիճանի պահպանման նպատակով [4]: Զբոսաշրջության մեջ լոգիստիկական կառավարման և վերահսկման օբյեկտներ են հանդիսանում զբոսաշրջային արդյունքի ձևավորման, առաջխաղացման և իրացման, նաև նրանց հետ կապված ֆինանսական, նյութական և տեղեկատվական հոսքերի գործընթացները: Ընդ որում՝ լոգիստիկական սկզբունքները պետք է հիմք ընդունել զբոսաշրջային հոսքերի ձևավորման, սպասարկման և իրականացման ժամանակ հոսքերի (տուրերի) նախագծման կամ պլանավորման պահից մինչև դրանց փաստացի իրականացման ավարտը: Ոլորտի բազում առանձնահատկությունների հետ մեկտեղ պետք է նշել, որ զբոսաշրջային գործունեության մրցունակության միտումները պահանջում են առաջարկվող ծառայությունների որակի մաքսիմալացում և ծախսերի նվազեցում, սոցիալական արդյունքի (էֆեկտի) մակարդակի բարձրացում, որպեսզի զբոսաշրջային շուկան «վաճառողի շուկայից» անցում կատարի դեպի «գնորդի շուկա» [7]:

Զբոսաշրջության մրցունակության ապահովման գործընթացը շուկայում հնարավոր չէ պատկերացնել առանց արտաքին միջավայրի ժամանակակից միտումների և նրանց հնարավոր ազդեցության մասին տեղեկատվության հավաքման, մշակման, վերլուծության և պատրաստման մեխանիզմների ներմուծման, այսինքն՝ առանց շուկայի մոնիթորինգի: Կիրառվում են նաև մարքեթինգային մեթոդներ՝ որը հանդիսանում է լոգիստիկայի մի բաղադրիչը, որի արդյունքում հաշվի են առնվում զբոսաշրջության շուկայում տեղի ունեցող փոփոխությունները ու մշակվում տնտեսապես հիմնավորված նոր առաջարկ:

Զբոսաշրջության ոլորտում լոգիստիկան՝ դա զբոսաշրջային հոսքերի շարժման կազմակերպումն է նյութական և տեղեկատվական հոսքերի կիրթ կառավարման հիման վրա, նոր արտադրանքի մշակման և նրա բաշխման ռացիոնալ կազմակերպումը [8]: Լոգիստիկան ընդգրկում

է զբոսաշրջային արդյունքի մշակման բոլոր փուլերը՝ ընդհուպ նրա անմիջական օգտագործումը:

Այսպիսով՝ լոգիստիկան դա մի համակարգ է, որն իր մեջ ներառում է ֆունկցիոնալ ոլորտներ, որոնցից յուրաքանչյուրն օգնում է լուծել որոշակի խնդիրներ: Ինչպես օրինակ՝ տեղեկատվությունը՝ տուրերի պլանավորումը, պատվերների մշակումը, պահանջարկի կանխագուշակումը: Ցանկացած լոգիստիկական համակարգ կառավարվում է տեղեկատվականի շնորհիվ: Այնուհետև հետևում է զբոսաշրջիկների տեղափոխումը՝ տրանսպորտի տեսակի և փոխադրող ընկերության ընտրությունը: Վերջինիս հետևում են զբոսաշրջիկներին սպասարկող կադրերը, ինչը համարվում է լոգիստիկայի համակարգի կարևոր բաղկացուցիչ մասը: Նրանց ընտրությանն ու պատրաստմանը մեծ կարևորություն է տրվում: Եվ իհարկե՝ սպասարկող արտադրությունը՝ լոգիստիկայի ենթաճյուղ, որը սպասարկում է շրջագայության ձևավորման և սպառողին ծառայության մատուցման գործընթացը [3]:

Տուրերի ձևավորման և իրականացման առանձին փուլերում կամ էտապներում լոգիստիկան օգնում է ավելի օպտիմալ և արագորեն արձագանքել: Օրինակ՝ զբոսաշրջային երթուղում ինքնաթիռի, հյուրանոցի մոտ, շրջագայության, էքսկուրսիայի ժամանակ ավտոմոբիլային տրանսպորտի ժամանակին տրամադրման, երթուղու փոփոխման դեպքում անհապաղ արձագանքման մեջ կիրառելի են լոգիստիկայի տարրերը: Ինչպես նաև՝ կապված եղանակային պայմանների հետ, օդանավակայանում առաջացած մեծ քանակությամբ մարդկանց, բեռների կուտակումների դեպքում լոգիստիկան օգնում է բաշխել նրանց մեկնումն՝ ըստ անհապաղության և կարևորության համակարգի:

Լոգիստիկայի առաջադրանքն է համարվում արտադրության մինչ սպառողին հասնելու ժամանակ ծախսերի նվազեցումը: Ընկերությունում լոգիստիկայի առավել լավ գործունեության համար յուրաքանչյուր իրավիճակում անհրաժեշտ է հարցերի հատուկ առաջադրում կատարել, այսինքն՝ դնել որոշակի առաջադրանքներ:

Բացի նշվածներից, լոգիստիկան կապում է որակի և անվտանգության խնդիրները իրավաբանական պատասխանատվության հետ: Լոգիստիկայի առաջադրանքն է՝ բոլոր խնդիրների ժամանակին լուծումը, որոնք կարող են առաջանալ ուղևորության ժամանակ: Քանի որ յուրաքանչյուր երկիր ունի իր յուրահատուկ օրենքներն ու ավանդույթները՝ լոգիստիկան պետք է հաշվի առնի, արդյոք այդ միջոցառմամբ չի՞ խախտվում ընդունող երկրի օրենսդրությունը, տեղի սովորույթները, իսկ հետո այդ ամենը պետք է կապել երթուղու պլանավորման և այն փոփո-

խությունների հետ, որոնք կարող են առաջանալ վերջինիս անցկացման ժամանակ: [8]

Լոգիստիկայի կիրառումը արտադրության կառավարման մեջ՝ զբոսաշրջային կազմակերպության ռազմավարական կառավարման ժամանակակից մոտեցում է:

Լոգիստիկայի անհրաժեշտ տարրերից մեկն են կադրերը, այսինքն հատուկ ուսուցանված անձնակազմը, ով ունակ է հմուտ և պատասխանատու ձևով կատարել իր գործառույթները: Լոգիստիկական մոտեցումը ստեղծում է օբյեկտիվ նախադրյալներ՝ զբոսաշրջային կազմակերպություն կադրերի զրավման համար, ովքեր ունեն բարձր աշխատանքային ներուժ, ինչը պայմանավորված է պրոֆեսիոնալ կրթությամբ և կառավարման բոլոր մակարդակներում պատրաստվածությամբ:

Ոլորտի զարգացումը հնարավորություն կտա լուծելու տնտեսական, քաղաքական ինտեգրման հետ կապված հիմնախնդիրները, իսկ կառավարման լոգիստիկական սկզբունքների կիրառումը թույլ կտա նման խնդիրները լուծել համակարգված ու արդյունավետ ձևով: Նպատակահարմար է նաև հաշվի առնել գլոբալ գործոնների ազդեցությունը լոգիստիկական զբոսաշրջային գործունեության իրականացման վրա:

Այսպիսով՝ որպեսզի Հայաստանը ներկայացված լինի միջազգային շուկայում հավուր պատշաճի, անհրաժեշտ է լոգիստիկայի ներգրավումն այս ոլորտ և նրա՝ զբոսաշրջության հետ համագործակցությունը: Պետք է համաձայնել, որ առաջարկվող նախագծերը կարող են հաջողություն ունենալ միայն տնտեսության մասնավոր սեկտորի և պետության սերտ համագործակցության դեպքում, որը հնարավորություն կտա լուծել նվազագույնը երեք առաջադրանք՝ տուրիզմի զարգացումը որպես երկրի տնտեսության առանձին ճյուղի, անհավասարության վերացումը մայրաքաղաքի և շրջանների միջև՝ Հայաստանում բալանսավորված տնտեսական զարգացման շնորհիվ և բնակչության զբաղվածության խնդիրը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Артемова Е.Н., Козлова В.А.* Основы гостеприимства и туризма: учебное пособие. Орел: Орел ГТУ, 2005. 104 с.
2. *Жукова М.А.* Менеджмент в туристском бизнесе, М.: КНОРУС, 2006. 192 с.
3. *Квартальнов В.А*. Стратегический менеджмент в туризме, М.: Финансы и статистика, 1999. 496 с.
4. *Хайкин М. М.,* Логистика в сфере услуг, учебное пособие, С-Пб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012.
5. *Черненко В.А., Федорова С.В.* Экономика международного туризма: уч. пособие. СПб: Изд-во РИО СПбГУСЭ, 2010.
6. www.gtmarket.ru
7.www.lifetext.ru

8. www.turstroi.net
9. www.unwto.org
10. www.mineconomy.am
11.www.ambafrance-ru.org
12. www.travel.ru

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРИСТСКОЙ СФЕРЫ РА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В.Г. Абрамян, А.Г. Авагян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье анализируется деятельность туристской сферы Армении и представляются основные направления повышения ее эффективности. В статье делается попытка связать логистические потоковые процессы с развитием сферы туризма, при этом, используя материальные, финансовые и информационные потоки.

Ключевые слова: РА, туризм, анализ, логистика, эффективность.

THE ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF TOURISM SPHERE OF RA AND THE BASIC WAYS OF IMPROVING ITS EFFICIENCY

V. Abrahamyan, A. Avagyan

ABSTRACT

This article analyzes the activities of tourism sphere in Armenia and presents the basic directions of increasing its efficiency. The article attempts to connect logistics streaming processes with the development of the tourism sphere, using the material, financial and information flows.

Keywords: RA, tourism, analysis, logistics, efficiency.

ПСИХОЛОГИЯ

АСИММЕТРИЯ И СИММЕТРИЯ ВРЕМЕНИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ПСИХОТЕРАПИИ

Л.Я. Дорфман, Р.М. Нагдян

r.nagdyan@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Асимметрия и симметрия в восприятии времени исследуются в связи с проблемами течения и направления времени, его обратимости. Критике подвергается теория презентизма, отвергающая течение и направление времени. Показана возможность обратимости относительного времени и темпоральной симметрии. На примере психотерапевтических случаев показывается, что разные виды нарушений обратимости психологического времени являются причиной, соответственно, разных видов психологических расстройств.

Ключевые слова: восприятие времени, асимметрия и симметрия, течение и обратимость времени, психологическое время, психотерапия.

Одним из фундаментальных принципов природы и познания являются принципы симметрии, которые нашли приложение почти во всех науках о неживой и живой природе [20], [22]. Удивительная «проникаемость» понятий симметрии и асимметрии в разные научные дисциплины говорит о том, что мы имеем дело с закономерностью природы, которая каждый раз проявляется по-новому, в зависимости от того, через призму какой науки мы смотрим на природу.

Термин «симметрия» имеет, по меньшей мере, три значения. В одном значении симметрия подразумевает соразмерность, пропорциональность, согласованность, гармоничность, одинаковость или подобие частей, из которых складывается целое. В другом значении симметрия − это баланс, равновесие между частями целого. Аристотель [2] говорил о симметрии как о соотношении крайностей. Возможно, он был близок к пониманию симметрии как фундаментально двойственном устройстве природы. В третьем значении симметрия понимается как однородность, равномерность, порядок. Симметрии можно наблюдать на уровне поверхности явлений, симметрии наблюдаемы. В то же время симметрии обнаруживаются в глубине явлений, на ненаблюдаемом уровне; латентные факторы явлений могут быть симмет-

ричными. Значительная часть законов и закономерностей также имеет признаки симметрии.

Элементарный пример симметрии − правое и левое. Под билатеральной симметрией правого и левого понимают возможность их совмещения относительно центра или оси симметрии при зеркальном отражении. В геометрии симметрия – это две точки, равноудаленные от прямой или плоскости и лежащие на одном перпендикуляре к этой прямой или плоскости. Симметричными являются также фигуры, составленные из таких точек. Пространственно-временные симметрии являются наиболее общими симметриями природы. Симметрия физических законов относительно сдвигов в пространстве означает эквивалентность всех точек пространства (однородность пространства). Симметрия физических законов относительно поворота системы в пространстве означает эквивалентность в нем всех направлений (изотропию пространства). Закон сохранения энергии является следствием симметрии относительно сдвига во времени (однородности времени). Закон сохранения энтропии является следствием симметрии относительно обращения времени (Т-инвариантность). Симметрия относительно сдвига во времени означает эквивалентность всех моментов времени (однородность времени).

Симметрии обнаруживаются не только в математике, физике, химии; симметрии обнаруживаются также в биологии, истории, религии, культуре, искусстве. Симметрия и асимметрия свойственны также психическим явлениям и обнаруживаются на уровне непосредственно-чувственного отражения (А.И. Миракян), восприятия (исследования по функциональной асимметрии восприятия в школе Б.Г. Ананьева и др.) и мышления (А. Валлон, Ж. Пиаже, Дж. Флейвелл, Б.Ф. Поршнев) проявлением таких свойств симметрии, как однородность, равновесие, повторяемость, обратимость, отождествление (приравнивание) и антисимметрия – в единстве с соответствующими им асимметриями [16].

Термин «асимметрия» означает просто отсутствие симметрии, т.е. отступление от соразмерности, подобия в строении и функционировании каких-либо образований. В той или иной степени асимметрия встречается почти в каждом организме, будучи иногда характерной особенностью вида, рода или семейства. У человека асимметрия имеет место в строении тела, в расположении ряда внутренних органов. Обычно левая половина черепа больше правой, левая половина лица длиннее правой. У большинства людей правая рука толще, длиннее и сильнее левой. Аорта располагается слева от плоскости симметрии, а крупные вены − справа от нее. Также наблюдаются функ-

циональные асимметрии полушарий мозга и латерализация психических процессов ([7], [18], [21]).

Известный французский физик П. Кюри придавал большое значение также диссимметрии – отсутствию некоторых элементов симметрии, и показал связь симметрии и диссимметрии в причинно-следственных отношениях физических явлений. Наблюдение за явлениями природы с точки зрения их симметрии и асимметрии показало, что диссимметрия и асимметрия являются причиной изменений, движения, перехода в новое состояние и даже возникновения нового явления. Общеизвестно высказывание П. Кюри: «Диссимметрия творит явление», относящееся к физическим явлениям [13], а в трансцендентальной психологии восприятия показывается, что принцип образования анизотропных отношений является одним из основных принципов порождения психического отражения [15].

Симметрия и асимметрия проявляются в единстве. Например, первичная структура ДНК асимметрична из-за уникальной последовательности нуклеотидов, в то время как ее вторичная структура симметрична из-за винтовой закрученности двух ее цепей. Во взаимоотношениях симметрии и асимметрии можно усмотреть проявления фундаментальной двойственности устройства и организации природы. Двойственность обнаруживается и внутри симметрий между частями в целом, и в их дополнительности по отношению друг к другу. Концепция метаиндивидуального мира ([8], [9]) утверждает двойственный и полисистемный характер его устройства. Метаиндивидуальный мир складывается из двух систем. Одна система возникает в системе от индивидуальности к ее миру (при одних обстоятельствах), другая система − от мира к индивидуальности (при других обстоятельствах). По отношению друг к другу эти системы являются симметричными. Внутри же каждой системы наблюдается асимметрия, поскольку их подсистемы не являются равнозначными. В частности, потоки детерминации имеют направление в одну сторону: от системообразующих факторов к подсистемам, возникающим под их влиянием.

В статье подвергаются анализу некоторые проблемы асимметрии-симметрии времени. Первая проблема касается течения времени. Если время течет, значит, оно имеет направление. Тогда нужно проводить различия между прошлым, настоящим и будущим, событиями, которые происходили раньше, и событиями, которые возникнут позже (асимметрия или симметрия событий, наступающих в разные интервалы времени). Вторая проблема касается обратимости времени. Если время обратимо, оно может течь от будущего к прошлому, а не только от прошлого к будущему (асимметрия или симмет-

рия направлений времени). Более подробный анализ проблем симметрии-асимметрии времени представлен в статье Л.Я. Дорфмана [10]. А акцент на выше приведенные проблемы нам необходим для того, чтобы далее в их контексте рассмотреть особенности проявлений и значение симметрии-асимметрии времени в процессе психотерапевтической работы.

Течение и направление времени

Течение и направление времени не всегда очевидно. Так, можно допустить, что время – это «дление» настоящего, пусть даже его содержание непрерывно изменяется, а прошлое и будущее не существуют. Если это так, время не течет, не приходит и не проходит и потому не имеет направления, и потому у времени нет ни асимметрии, ни симметрии. Эти представления оформились в направление, которое стали называть презентизмом.

Известный аргумент McTaggart [31] в пользу презентизма состоял в следующем: (А) Нет времени без изменений события. (Б) Реальные изменения требуют, чтобы события изменялись в соответствии с особенностями прошлого, настоящего и будущего: события зарождаются в будущем, становятся настоящим и затем уходят в прошлое. Это положение, взятое совместно с посылкой (А), должно предполагать, что реальность времени зависит от реальности «прошлости», «настоящности», «будущности». (В) Но тогда каждое событие должно было бы заключать в себе все три интервала времени. В реальности же в разные интервалы времени существуют разные события, а одно и то же событие не существует в разные интервалы времени.

Простое опровержение этих рассуждений может состоять в том, что совсем не обязательно, чтобы каждое событие содержало в себе все три интервала времени, т.е. изменялось. Вполне достаточно, чтобы одно событие падало на один интервал времени, другое событие – на другой интервал времени, третье событие – на следующий интервал времени и т.д. Тогда, если событие не происходит в настоящем, значит, оно проходило в прошлом или произойдет в будущем [32]. Правда, без ответа остается вопрос о том, может ли одно и то же событие распределяться по разным интервалам времени (тогда оно изменяется), или оно сосредоточивается в одном временном интервале (тогда оно не изменяется, как отмечает McTaggart). Проблема усматривается в том (Л.Я. Дорфман), как понимать протяженность события. При мелком масштабе анализа событие соизмеряется с одним временным интервалом. Тогда есть лишь одно настоящее, и нет у события ни прошлого, ни будущего (презентизм). При крупном масштабе анализа у события обнаруживается протяженность, дление, и у него есть как настоящее, так и про-

шлое, и будущее (анти-презентизм). Более того, сам вопрос о масштабе анализа является относительным, а не абсолютным. На мой взгляд (Л.Я. Дорфман), McTaggart схватил важный момент времени, его настоящее, зафиксированное в событии, может быть растянутым и протяженным. Но протяженность настоящего (события) все же имеет естественные пределы. Ему предшествовало прошлое (данного события или в виде иного события), на смену ему придет будущее (данного события или в виде нового события). Следовательно, нет достаточных оснований опровергать течение времени и его направление, как и его асимметрию или симметрию.

Течение и направление времени также ставится под вопрос в открытых и закрытых системах. Логически получается так, что в открытых системах время течет и имеет направление. Оно является асимметричным в том смысле, что будущее отличается от настоящего. В закрытых системах (подсистемах), наоборот, время, вроде бы, является симметричным [25]. Это означает, что между будущим и прошлым нет различий.

Однако это заключение не безусловно. Известный физик Людвиг Больцман ([5], [24]) ввел понятие H-функции, характеризующее состояние замкнутой макроскопической системы. Он доказал, что с течением времени *H*-функция не может возрастать (*H*-теорема). В термодинамике и кинетической теории *H*-теорема описывает рост энтропии идеального газа в необратимых процессах в пределах изолированной системы. Этот вывод был развитием второго закона термодинамики о неубывании энтропии со временем. Потому время течет, имеет направление и ассиметрично не только в открытых, но и в закрытых (изолированных) системах.

Впрочем, и в отношении второго закона термодинамики не все безоблачно. Термодинамическая асимметрия времени возникает из модели, в которой исходно отсутствует темпоральная асимметрия, и потому к ней возникают вопросы [30]. Кроме того, Больцман [24] и Рейхенбах [33] вообще подвергали сомнению глобальность второго закона термодинамики.Не исключено, что этот закон является локальным и касается только «нашего» участка Вселенной. В ее же других участках энтропия, к примеру, может снижаться, а не увеличиваться. Тогда «наш» участок Вселенной может быть асимметричным, а Вселенная в целом, напротив, симметричной [32]. Наконец, имеются основания для сомнения в том, что изменения энтропии вообще являются существенными для объяснения асимметрии времени ([11], [12], [26]). Существо же жизни заключается в процессах, направленных против возрастания энтропии([11], [12]).

Некоторые авторы [32] предполагают, что направление времени могут задавать причинно-следственные отношения. Эксперты же в области причинно-следственных отношений связывают их с различиями во времени наступления причин и их следствий. Тогда возникает логический круг. Циркулярность появляется между представлениями о каузальной природе хода времени, с одной стороны, и представлениями о зависимости причинно-следственных от хода времени – с другой.

Проблема течения и направления времени возникает также тогда, когда заходит речь о законах. Многие законы классической механики, классической электродинамики, квантовой механики, теории относительности являются симметричными, т.е. остаются теми же при обращении времени. Открываемые наукой законы симметричны по времени [25]. И даже развитие, которое описывает изменения во времени тех или иных явлений (в том числе психических, возрастных, личностных), подчиняется законам, которые сами по себе во времени не меняются. Возможно, симметрии времени в соответствующих законах показывают свойство инвариантности; симметрии оказываются устойчивыми и стабильными во времени.

Обратимость времени

Если время обратимо, можно ставить вопрос о симметрии направлений времени. Если же время необратимо, значит, оно асимметрично, и направление его состоит в том, что будущее наступает после (а не до) прошлого, следуя через настоящее. Когда подразумевается физическое время, полагается, как отмечалось выше, что оно течет от прошлого через настоящее в будущее в согласии со вторым законом термодинамики, который утверждает, в частности, термодинамическое неравновесие. Тем не менее, можно вообразить, что время изменило направление и течет от будущего к прошлому. Для этого достаточно представить, что в момент «Большого взрыва» имела место высокая энтропия, а с течением времени она снижается. У обитателей этого воображаемого мира время будет течь в обратную сторону: от будущего к прошлому. Впрочем, физически не исключается обратный ход времени и в нашем участке Вселенной ([23], [24], [26], [29], [30], [33]), причем, не обязательно в связи с коренным пересмотром масштаба действия второго начала термодинамики.

Earman [26] предложил «пассивную интерпретацию» темпоральной симметрии. Она основывается на изменениях точки отсчета времени, с позиций которой описывается система. Если в расчет берутся несколько наблюдателей, которые описывают одну и ту же систему с разных точек зрения, и

при этом обе точки зрения являются легитимными в отношении времени, тогда время сохраняет свою инвариантность, несмотря на трансформацию точек зрения. Это означает, что время является симметричным. Более ясно описывает возможность подобного рода случаев Black [23]. Серию событий *А, Б, В* один наблюдатель описывает во временной последовательности, в которой *А* возникает первым (раньше остальных событий). Ту же серию событий другой наблюдатель может описать в противоположном во времени направлении, когда *В* возникает первым. Для подобного рода симметрий необходимо представить наличие двух наблюдателей, которые находились бы в противоположных позициях друг к другу. Можно представить также идеального наблюдателя, который способен занимать позицию то одного наблюдателя, то противоположную позицию другого наблюдателя

Можно проиллюстрировать (Л.Я. Дорфман) понимание таких случаев на примере, связанном с темой относительности времени. Если два поезда *А* и *Б* движутся по одному маршруту во встречном направлении, то наблюдатель в поезде 1 будет видеть последовательность событий за окном в одной последовательности (*А*, *Б*, *В*), а наблюдатель в поезде 2 − в противоположной последовательности (*В, Б, А*). Тогда событие *А* будет наступать первым и раньше событий *Б* и *В* для наблюдателя, который в поезде 1, а событие *В* − первым и раньше событий *Б* и *А* для наблюдателя, который в поезде 2. Если совместить эти позиции двух наблюдателей в одну позицию идеального наблюдателя, получится течение времени и «вперед», и «назад». Но как идеальный наблюдатель может занимать две позиции? Вероятно, это возможно, если будущее берется в форме ментального представления, а настоящее остается при этом объективной реальностью. То есть совмещая физическое и психологическое время, можно открыть его течение «вперед» и «назад».

Конечно, абсолютное физическое (хронологическое) время при этом не меняется. Вместе с тем, относительное время оказывается обратимым, и потому может возникать симметрия направлений времени − от прошлого к будущему и от будущего к прошлому. Если идти за Больцманом [24] и Рейхенбахом [33], глобально, направления у времени нет, или, более мягко, время не имеет преимуществ в направлении − так же, как у собственно пространства нет ни верха, ни низа. Но локально время имеет направление, и оно может быть обратимым.

Темпоральная симметрия возникает при том условии, если время течет и «вперед», и «назад». Течение же времени только в одном направлении свидетельствует о его асимметричности. В связи с этим уделим специальное

внимание психологическому времени. Оно имеет направление, может направляться не только в будущее (асимметрия «вперед»), но и направляться из будущего в настоящее (асимметрия «назад»). Взятые же совместно, эти два направления образуют симметрию психологического времени или симметрию хронологического (от настоящего к будущему) и психологического (от будущего к настоящему) времени. Так, феномен парциального настоящего описывает события психологического прошлого, настоящего и будущего, не всегда расположенные в хронологической последовательности. Могут иметь место инверсии: прошлые события наступают после настоящих, будущие – до настоящих [6].

Л.Я. Дорфманом предложена гипотетическая модель, которая открывает симметрию психологического времени («модель симметрии психологического времени») [10]. Данная модель основывается на «пассивной интерпретации» темпоральной симметрии Earman [26], но идет дальше и развивает ее специально в отношении именно психологического времени.

Проведем мысленный эксперимент. Есть старшеклассник А и референтный для него студент Б. В центре нашего внимания находится старшеклассник А. Он ходит в школу, посещает уроки, готовится к занятиям. Один день сменяет другой, на смену одним учебным событиям, которые уходят в прошлое, из будущего приходят другие учебные события. И так каждый новый день, возможно, за исключением выходных, каникул и т.п. Время здесь течет «вперед» и является асимметричным. Теперь представим, что в силу каких-то обстоятельств, старшеклассник А стал уподобляться референтному для себя студенту Б. Последний − в некотором роде образец для старшеклассника А. Образец этот особого рода, с некоторого момента времени он становится прототипом (или маркером) будущего старшеклассника А. С момента, когда референтный студент Б стал прототипом (или маркером) будущего старшеклассника А, события в жизни последнего могут разворачиваться при следующих обстоятельствах. Во-первых, старшеклассник А занимает позицию студента Б, ментально представляя ее как свое будущее. Во-вторых, старшеклассник А уже «знает» («видит», «чувствует», «переживает») свое будущее, имея в своем представлении прототип. В-третьих, прототип (будущее) существенным образом начинает влиять на события жизни старшеклассника А в настоящем. В конечном итоге, это может означать, что его будущее наступило раньше настоящего. Время течет из будущего в настоящее, т.е. «назад», и является асимметричным подобно асимметрии времени, которое течет «вперед». Если же брать совместно асимметрию времени, те-

кущего «вперед», и асимметрию времени, текущего «назад», получается симметрия психологического времени в целом.

Можно обозначить ряд условий (ограничений), при которых модель симметрии психологического времени (СПВ) оказывается действующей (1). Данная модель является локальной, а не глобальной. Локальность модели СПВ состоит в том, что она не является универсальной − в том смысле, что в ее основании заложена идея относительности времени. Также она не является универсальной, потому что обусловлена рядом особых обстоятельств (2). Модель СПВ является модальной. Эволюция явления, как пишет Аксенов [1], длит его время, и в явлении суть причина времени. С этих позиций, уместно дифференцировать будущее по критерию разнокачественности явлений, скажем, различение будущего по критериям профессии, карьеры, личной жизни. Профессиональное будущее относится к профессиональной ориентации настоящего, карьерное будущее − к карьерной ориентации настоящего, личное будущее − к личностной ориентации настоящего. Вместе с тем, профессиональное будущее прямо не соотносится с личностной ориентацией настоящего, как и карьерное будущее прямо не соотносится с профессиональной ориентацией настоящего. Отсюда также следует, что модель СПВ является не только модальной, но и полимодальной, предполагает избирательность, множественность и многовариантность будущего (3). Модель СПВ требует, чтобы была дистанция между будущим и настоящим и чтобы прототипы находились в будущем, а не в прошлом, − только тогда время течет из будущего в настоящее. Не исключена при этом зависимость течения времени «назад» от того, как далеко (или близко) находится прототип в будущем. Когда же рассматривается течение времени «вперед», прототипов вообще может не быть, или же они могут находиться в прошлом и настоящем, но не в будущем (4). Будущее является приблизительно определенным, прошлое − фиксированным, настоящее занимает промежуточное положение между ними.

В порядке контраста сравним модель СПВ в части асимметрии времени, текущего из будущего в настоящее, со смежными понятиями − целью, образом «потребного» будущего по Бернштейну ([3]), предвосхищением и обратной связью. Можно заметить, что в некоторых из этих понятий не всегда присутствует фактор времени. Если же он присутствует или предполагается, то (а) течение времени специально не рассматривается, или (б) будущее наступает после прошлого и настоящего (направление времени «вперед»), (в) обратное движение времени из будущего в настоящее («назад») не предусматривается. Забегая несколько вперед, сопоставим также асимметрию

времени, текущего из будущего в настоящее, с такими каузальными понятиями, как действующая причина и телеологическая причина. Асимметрия времени, текущего «назад», не относится к разряду действующих причин, потому что последние возникают в прошлом, раньше своих следствий. Асимметрия времени, текущего «назад», не относится к разряду телеологических причин, потому что последние, хотя и соотносятся с будущим, возникают в прошлом и настоящем как возможности; они не имеют обратного направления из будущего в настоящее.

Значение симметрии и асимметрии времени в психотерапии

При непосредственном взаимодействии с окружающей средой, наблюдая за изменениями событий вокруг себя, человек воспринимает время как физическое хронологическое время (утро, день, вечер, ночь; весна, лето, осень, зима; наблюдение за ходьбой, движением транспорта, стрелками часов и т.д.). Тогда воспринятое событие из настоящего уходит в прошлое, а сам человек из настоящего «направляется» в будущее. Стрелки часов при этом показывают естественное течение времени из прошлого через настоящее в будущее. Сказанное соответствует логическому описанию асимметричного хода времени, когда человек рассматривается как субъект, всего лишь фиксирующий воспринятое изменение, выделяя в нем определенную последовательность. Конечно, могут быть индивидуально-психологические различия в восприятии интервалов времени, но они не влияют на восприятие общего характера течения времени – его асимметричности, то есть необратимости. Однако ситуация меняется, когда свое внимание человек фиксирует на внутреннем мире и сам делает осознанный или неосознанный выбор, где ему «побывать» – в своем прошлом, настоящем или предполагаемом будущем. Действительно, человек способен вспоминать события прошлого, затем представлять будущее и вновь вернуться к прошлому. Это означает, что, в идеальном случае, внутреннее психологическое временное «пространство» изотропно (никакое «направление» течения времени не имеет преимущества перед другими), обратимо, симметрично. Важно отметить, что наличие обратимости времени делает человека функционально эффективным для выживания – необходимо возвращаться к опыту и урокам прошлого, ставить цели для будущего, сопоставлять успешность достижения цели с возможностями и ресурсами, имеющимися в настоящем.

Но внутренняя жизнь человека отличается от идеальной из-за наличия в ней психологических проблем. Для временного снятия психического напряжения нередко советуют использовать распространенный в психотерапии

прием, предлагая пациенту подольше находиться в состоянии «здесь и сейчас». При этом, срабатывает следующий механизм. Как выше было показано, при мелком масштабе анализа, который характерен для состояний «здесь и сейчас», событие можно рассматривать как длящееся в одном временном интервале – настоящем, без прошлого и будущего (презентизм). При этом, естественно, прошлое и будущее, в которых большей частью и «живут» проблемы человека, отсекаются, что и становится причиной временного избавления от негативных переживаний.«Состояние» презентизма наступает и при медитации, в котором нет переживаний прошлого и будущего, а есть лишь ощущение своего присутствия в этом мире, в настоящем. Возможно, именно в этом и заключается причина оздоровительного эффекта медитации. В состоянии глубокой медитации ощущение времени может вообще исчезнуть– это состояние отсутствия сознания и момент «вхождения» в бессознательное состояние, в котором не имеет смысла говорить о каком-либо времени, время исчезает. И тогда начинает происходить то, что описывает известный российский физик-теоретик М.Б. Менский, развивающий «многомировую» интерпретацию квантовой механики Х. Эверетта [27], – открывается доступ к информации от многочисленных миров, существующих и в прошлом, и в настоящем, и в будущем [14].

Следовательно, в сознательном состоянии человек может перемещаться во времени, которое, в противоположность хронологическому времени, обратимо, то есть имеется возможность перехода как от прошлого к будущему (движение «вперед»), так и из будущего в прошлое (движение «назад»). Можно привести и другие виды симметричных перемещений во времени – от прошлого к настоящему (движение «вперед») и от настоящего к прошлому (движение «назад»), или от настоящего к будущему (движение «вперед») и от будущего к настоящему (движение «назад»).

В реальной жизни подобная симметричность психологического времени уступает место частичной или полной его асимметричности, что приводит к появлению разного рода психологических расстройств. Крайние случаи подобных расстройств таковы: есть люди, «застрявшие» в своем «трагическом» прошлом, они страдают от глубоких негативных переживаний, не замечают настоящего,у них нет позитивного будущего; есть люди «застрявшие» в настоящем, это «азартники» – игроки, наркоманы, алкоголики и, вообще, люди, предпочитающие получать удовольствие сейчас, в настоящем, их не интересуют уроки прошлого и последствия в будущем; а есть люди, фиксированные на будущем – безудержные фантазеры, которых не интересуют реалии настоящего и уроки прошлого, поэтому постоянно пережи-

вающие фиаско. Общей чертой таких людей является то, что они сосредоточены в каком-то одном времени. Даже переходя из одного времени в другое (под влиянием какого-либо мощного воздействия), они погружаются только в одно из них; включаясь в процесс, они не замечают естественного хода времени со всеми вытекающими отсюда последствиями.Очевидно, в таких случаях мы имеем дело с нарушением обратимости психологического времени. Возможно ли восстановление обратимости психологического времени? Сложность подобной психотерапевтической коррекции заключается в том, что у человека нет органа восприятия времени и оно представлено нашему сознанию лишь в виде ощущения или чувства времени, с которыми сознание не может «работать».

В нейро-лингвистическом программировании (НЛП) существуют методы (техники) работы с психологическим временем человека. Разработчики НЛП исходили из следующих вопросов: «Как наш мозг кодирует время? Что, происходящее внутри головы, позволяет нам узнавать различие между прошлым, настоящим и будущим? Как мы узнаем о порядке, в котором произошли события прошлого?» [4. С. 246]. Одна из важных методологических установок НЛП состоит в утверждении того, что весь наш сенсорный, эмоциональный, поведенческий опыт, а также ощущение времени закодированы в субмодальной структуре внутренних образов. Что касается ощущения времени и его стадий, то, как показывает опыт работы со временем в НЛП, им наиболее соответствуют образы визуальной модальности, в которых кодировка времени осуществляется, в основном, через субмодальности расположения во внутреннем пространстве (слева, справа, внизу, наверху), расстояния (дальше, ближе), размера, но иногда могут быть и другие субмодальности. Таким образом, чувство времени может быть репрезентировано через пространственные субмодальности визуальных образов, с которыми сознание уже может осуществлять необходимые преобразования. Исследование в НЛП чувства времени, трансформированного в визуальные образы с определенными пространственными субмодальностями, позволяют утверждать, что у каждого человека есть своя «линия» времени, что позволило создать технику «Работа на линии времени» [4], [19]. Обобщение различных индивидуальных вариантов линий времени дает представление о ее основных характеристиках, а именно то, что прошлое расположено слева от человека, настоящее перед ним, будущее справа. Линия времени исследуется следующим образом. Пациенту предлагается выбрать какое-либо простое действие, которое он всегда делал в прошлом, делает в настоящем и будет делать в будущем (утренний кофе или нечто другое), а затем

предлагают представить в своем внутреннем пространстве, как он это делал пять лет, два года, месяц тому назад, сделал это сегодня утром и будет делать через месяц, два года и пять лет. Таким образом, выстраивается не только визуальная картина самой линии времени (она может иметь вид начерченной линии, светового луча, веревки, каната, имеющих определенный цвет и ширину), но и отмечается соответствующий ей масштаб – визуальные образы выбранных ситуаций располагаются в соответствующих местах линии времени. Если в результате обнаруживается, что полученная «линия» (она может быть сначала не похожа на линию) далека от стандартной или в ней отсутствуют ветви прошлого и/или будущего (что уже говорит о наличии проблем), то у пациента просят разрешения построить новую линию времени, соответствующую характеристикам «нормальной» линии времени.

В связи с описанной выше моделью СПВ [10], покажем как она работает на участке линии времени настоящее-будущее. Приведенное ниже описание психотерапевтической работы (Р.М. Нагдян) проделано на основе литературных данных, опыта, полученного на сертификационных курсах по НЛП и из собственной многолетней практики.

После коррекции линии времени и приведения ее к «нормальному» виду с определенным масштабом распределения событий будущего, можно приступить к созданию образа события «желаемого будущего». Используя репрезентативные системы всех модальностей (то есть визуальные, аудиальные и кинестетические), строится образ воображаемой реальности – свершившегося в будущем желаемого события. Так же детально (с учетом выражений глаз и лица, осанки тела, интонаций голоса, эмоциональных переживаний и ощущений физического состояния тела) человек, с кем работают, строит образ прототипа своего будущего «Я», находящегося в данной ситуации и «владеющего» этой «желаемой» реальностью. Далее, просят увидеть образ желаемого события вместе с прототипом (то есть диссоцированно) в том месте линии будущего, которое соответствует времени его исполнения. Остановимся пока на этом этапе работы и проведем сравнение с моделью СПВ. Если мы заменим нашего пациента на старшеклассника А, а прототип (пациента) на референтного студента Б, который с некоторого времени становится образцом для старшеклассника А и далее его прототипом в будущем, то мы имеем точную аналогию между мысленным экспериментом с моделью СПВ и конкретной психотерапевтической ситуацией, что служит доказательством справедливости этой модели. Все, что было сказано выше об отношениях между старшеклассником и его прототипом, то же самое относится к пациенту и его будущему «Я». И, если работа проведена на долж-

ном уровне, то будущее, действительно, начинает влиять на поведение пациента в настоящем. И в этом смысле можно сказать, что будущее наступило раньше того настоящего, в котором пациент окажется к тому времени.

Теперь вновь вернемся к анализу психотерапевтической ситуации. Желая проверить, насколько верно выбрано время в будущем, пациента просят передвинуть образ события от того места, где он его расположил, несколько дальше в будущее и/или придвинуть ближе к настоящему. Если эти передвижения во времени «вперед», «назад» и обратно (наглядный пример обратимости психологического времени) возможны в небольшом интервале, то пациента просят выбрать именно то место на линии времени, которое соответствует наиболее выраженному чувству внутреннего комфорта, и тогда считается, что это время, которое пациенты могут «почувствовать» с точностью до одного или нескольких месяцев, и есть истинное время возникновения желаемого события.

С психологической точки зрения на этом этапе работы могут быть выявлены интересные феномены. Иногда получается так, что пациент свободно передвигает образ желаемого события сколь угодно далеко в будущее и насколько это возможно близко к настоящему. Это означает, что желаемое событие не реально, не имеет отношения к времени и не подлежит осуществлению. Но получается и так, что пациент не может передвинуть образ во времени «вперед» или «назад», как бы он ни старался это сделать. Это удивительно, потому что, кажется, что внутри себя человек может сделать все, что ему захочется. Однако, оказывается, это не так. Чаще всего, такие случаи бывают связаны с жестко зафиксированными в будущем датами (день рождения ребенка, день свадьбы и т.д.), но могут быть и неосознаваемые ограничивающие причины или убеждения.

Нарушение обратимости времени, как признак психологического несовершенства человека, можно обнаружить и при использовании других техник НЛП. Так, например, при «подстройке к будущему», которую используют для проверки успешности полученного психотерапевтического результата, пациента просят «пойти» в будущее (с которым, естественно, связывается чувство будущего со всеми его деталями в сенсорных модальностях) и «войти» в аналогичную проблемную ситуацию и «испытать» там свои новые психологические качества. Если это удается сделать, то есть в проблемной ситуации будущего пациент преодолевает свои ограничения, благодаря приобретенным новым эффективным качествам, то – работа завершена, и есть уверенность, что будущее будет управлять поведением пациента в настоящем, повышая его эффективность. То есть в этом случае

мы имеем как движение «вперед», так и движение «назад». А если при «подстройке к будущему»пациенту не удается увидеть себя изменившимся, то это означает, что техника не сработала и нужен новый подход, новые ресурсы для совершения изменения. С другой стороны, если данную психотерапевтическую ситуацию рассмотреть с позиций симметрии-асимметрии, то была нарушена обратимость, потому что пациенту не удалось перевести в будущее, казалось бы, сформированный в настоящем, в ходе работы с психологом, свой позитивный образ, то есть не было перемещения «вперед». Таким образом, можно предположить, что одно только формирование или активация ресурсных психологических качеств в настоящем недостаточно для получения надежного и долгосрочного результата. «Энергия» или «сила» ресурсного качества должна быть доведена до того критического уровня, при котором становится возможным осуществление перемещения позитивного образа в будущее, и тогда будет восстановлена симметрия психологического времени.

Приведенный выше анализ психотерапевтической работы говорит в пользу того, что модель СПВ [10] может служить эффективным инструментом как для анализа и диагностики психологических проблем, так и для получения значимых психотерапевтических результатов.

Проведенный выше анализ особенностей симметрии и асимметрии времени показал, что они могут быть рассмотрены с разных позиций. Физическое время, о котором мы получаем представление, изучая природу в близкой нам части Вселенной, течет в одном направлении – от прошлого к будущему, то есть асимметрично. С другой стороны, время, введенное в физические законы механики обратимо, то есть симметрично. Время можно рассматривать и как «дление» в настоящем, без прошлого и будущего, получившее название презентизма. Психологическое время, представленное нашему сознанию как ощущение или чувство времени, обладает всем богатством проявлений симметрии и асимметрии времени. В сосредоточенном состоянии, при суженном поле сознания, время, проведенное человеком, можно рассматривать как «дление» в настоящем, что характерно для медитативных состояний. В отличие от физического времени, психологическое – обратимо в том смысле, что возможны переходы как из настоящего в будущее, так и из будущего в настоящее. Движение в каком-либо одном направлении выявляет асимметрию психологического времени, но вместе взятые противоположные направления составляют симметрию психологического времени и, в совокупности, демонстрируют его двойственный характер. Интересно констатировать тот факт, что нарушение обратимости

психологического времени приводит к специфическим психологическим расстройствам и, наоборот, их коррекция требует воссоздания обратимости психологического времени. Поэтому модель СПВ [10] можно рассматривать в качестве методологического ориентира при анализе, диагностике, а, следовательно, и коррекции некоторых специфических типов психологических расстройств, связанных с соответствующими типами нарушений обратимости психологического времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксенов Г.П.* Причина времени. М.: Эдиториал УРСС, 2008. 304 с.
2. *Аристотель* Метафизика // Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т.1. 550 с.
3. *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 496 с.
4. *Боденхамер Б.* Холл М. НЛП-практик: полный сертификационный курс. Учебник магии НЛП. С-Пб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 272 с.
5. *Больцман Л.* Избранные труды. М.: Наука, 1984. 589 с.
6. *Головаха Е., Кроник А.* Психологическое время личности (2-е изд., испр. и доп.). М.: Смысл, 2008. 267 с.
7. *Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.* Методологическое значение принципа симметрии в изучении функциональной организации человека // Функциональная межполушарная асимметрия / Ред. Н.Н. Боголепов, В.Ф. Фокин. М.: Научный мир, 2004. СС. 15−47.
8. *Дорфман Л.Я.* Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. Т. 3. № 3. СС. 3–34.
9. *Дорфман Л.Я.* Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2016. Т.13, № 1. СС. 98–136.
10. *Дорфман Л.Я.* Асимметрия и симметрия в восприятии времени // Мир психологии. 2013. № 4 (76). СС. 224−236.
11. *Козырев Н.А.* Причинная или несимметричная механика в линейном приближении. Пулково: [Б. и.], 1958. 90 с.
12. *Козырев Н.А.* Избранные труды. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 447 с.
13. *Кюри П.* О симметрии в физических явлениях // Избранные труды. М. Л.: Наука, 1966. 560 с.
14. *Менский М.Б.* Сознание и квантовая механика. Фрязино: «Век-2», 2011. 320 с.
15. *Миракян А.И.* Контуры трансцендентальной психологии. М.: ИП РАН. 2004. 405 с.
16. *Нагдян Р.М.* Принцип симметрии в психологии. Ер.: Зангак-97. 116 с.
17. *Петров В.М.* Череда эпох и эволюция искусства: опыт количественного исследования // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. М.: Наука, Смысл, 2000. СС. 45−68.
18. *Петров В.М.* Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). С-Пб.: Алетейя, 2008. 336 с.
19. *Плигин А.А., Герасимов А.В.* Руководство к курсу НЛП-практик. М.: КСП+, 2000. 576 с.
20. Принцип симметрии / Ред. Б.М. Кедров, Н.Ф. Овчинников. М.: Наука, 1978. 397 с.
21. *Сергиенко Е.А., Дозорцева А.В.* Функциональная асимметрия полушарий мозга // Функциональная межполушарная асимметрия / Ред. Н.Н. Боголепов, В.Ф. Фокин. М.: Научный мир, 2004. СС. 219−257.
22. *Урманцев Ю.А.* Симметрия природы и природа симметрии. М.: Мысль, 1974. 229 с.

23. *Black M.* (1962).*Models and metaphors*. Ithaca: Cornell University Press.
24. *Boltzmann L.* (1895).On certain questions of the theory of gases. *Nature,* 51, 413−415.
25. *Dorfman L., Malyanov E. & Barashkova E.* (1998). Interacting selves through literary texts. In V.M. Petrov& V.P. Ryzhov (Eds.), Interaction between man and culture: Information standpoint (PP. 294–311). Taganrog: TaganrogState Radio Engineering University.
26. *Earman J.* (1974). An attempt to add a little direction to The problem of the direction of time. *Philosophy of Science,* 41, 15−47.
27. *Everett H.* Relative state formulation of quantum mechanics, Rev. Mod. Phys. 29, 454, 1957.
28. *Hausman D.M.* (1998). Causal asymmetries. New York: Cambridge University Press.
29. *Horwich P.* (1987). Asymmetries in time**.** Cambridge, MA: MIT Press.
30. *Maudlin T.* (2002).Remarks on the passing of time. *Proceedings of the Aristotelian Society,* 102, 237−252.
31. *McTaggart J.M.E.* (1908). The unreality of time. *Mind,* 17, 456−473.
32. *Price H.* (2011). The flow of time. In C. Callender (Ed.).*The Oxford Handbook of Time (PP. 276−311).* Oxford: Oxford University Press.
33. *Reichenbach H.* (1956).*The direction time*. Los Angeles: University of California Press.

ASIMMETRY AND SIMMETRY OF TIME AND THEIR VALUE IN PSYCHOTERAPHY

L. Dorfman, R. Naghdyan

ABSTRACT

Asymmetry and symmetry of time are examined as related to three issues. First is the flow of time. Second is its reversibility and third the temporal distance between the present and the past, the present and the future. The theory of presentism which rejects the flow of time in past and future is questioned. Of particular importance with respect to the asymmetry and symmetry of time is the notion of reversibility. Very likely, one should think a relative time can be reversed and possess a temporal symmetry.

Psychotherapeutic case shows that different types of violations of reversibility of psychological time are the cause of different types of psychological disorders.

Keywords: perception of time, asymmetry and symmetry, flow and reversibility of time, psychological time, psychotherapy.

ԺԱՄԱՆԱԿԻՍԻՄԵՏՐԻԱՆԵՎԱՍԻՄԵՏՐԻԱՆՈՒԴՐԱՆՑՆՇԱ ՆԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸՀՈԳԵԹԵՐԱՊԻԱՅՈՒՄ

Լ.Յ. Դորֆման, Ռ.Մ. Նաղդյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակի ընկալում ու մասիմետրիան և սիմետրիանուս ումնասիրվում են ժամանակի ընթացքի և ուղղության, դրա հետադարձության խնդիրների հետ կապված: Քննադատության է ենթարկվում պրեզենտի զմիտեսությունը (որը հերքում է ժամանակի ընթացքը և ուղղությունը): Ցույց է տրվում

հարաբերական ժամանակի հետ ադարձության և տեմպորալ սիմետրայի հնարավորությունը: Հոգեթերապևտիկ դեպքերի օրինակով ցույց է տրվում, որ հոգեբանական ժամանակի հետադարձության խանգարման տարբեր տեսակները հանդիսանում են, համապատասխանաբար, հոգեբանական տարբեր տեսակի խանգարումների պատճառ:

Հիմնաբառեր՝ ժամանակի ընկալում, ասիմետրիա և սիմետրիա, ժամանակի ընթացք և հետադարձություն, հոգեբանական ժամանակ, հոգեթերապիա:

ФИЛОЛОГИЯ

ՏԵՔՍՏԻ ՆԵՐԿԱՊԱԿՑՈՒՄԸ ԵՎ ԱՄԲՈՂՋԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԿԱՆԽԵՆԹԱԴՐՈՒԹԱՅԻՆ ՀԵՆՔԻ ԼԵԶՎԱԿԱՆ ՃԱՆԱՉՈՂԱԿԱՆ ԿԱՌՈՒՅՑՆԵՐԻ ՄԻՋՈՑՈՎ

Հ.Ժ. Թովմասյան

anushtovmasyan@yahoo.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննվում է տեքստի ներկապակցման և ամբողջականության խնդիրը կանխենթադրութային հենքի լեզվական ճանաչողական կառույցների միջոցով: Ուսումնասիրության արդյունքները բացահայտում են, որ տեքստը կառուցելիս խոսող անհատը նախ ընտրում է իր գիտակցությունից որոշակի ճանաչողական կառույցներ՝ ֆրեյմներ, կարծրատիպեր, որոնք հիմք են դառնալու խոսույթի, ներքին խոսքի ձևավորման համար: Ապա ֆրեյմի, կարծրատիպի կանխատեսելի, կանխենթադրութային տեղեկատվության հիման վրա ըտրում է այն լեզվական ճանաչողական կառույցները, որոնք առավելապես արտացոլում են ֆրեյմի, կարծրատիպի կանխատեսելի կանխենթադրույթները՝ արտահայտելով դրանք տեքստի մակերեսային կառույցում կանխենթադրութային հենքի լեզվական ճանաչողական կառույցներով:

Հիմնաբառեր՝ կանխենթադրութային հենք, խոսող անհատ, տեքստի ներկապակցում և ամբողջականություն, ճանաչողական կառույցներ, բառային ներկապակցում, խոսույթ:

Հոդվածում դիտարկելու ենք տեքստի ներկապակցումը բառային մակարդակում: Այս տեսանկյունից առնվազն երկու հարց է ծագում. ի՞նչ կապ կա տեքստի բառային ներկապակցման և խոսող անհատի ԿՀ-ի միջև, և, եթե կա, ապա ինչպե՞ս է այն իրագործվում:

Նախքան քննությունը սկսելը կցանկանայինք ներկայացնել՝ ինչ է *խոսող անհատը*, և ինչպես է մեկնվում գիտության մեջ: Ի սկզբանե լեզվաբանական գրականության մեջ շրջանառվում էր *լեզվական անհատ* եզրույթը, որը ներմուծվել է գիտական բառապաշար Յու. Կարաուլովի [1] կողմից, հետագայում այն իր զարգացումն է գտել նաև Բ. Ջոնսթոունի [2] աշխատություններում: Հատկանշական է, որ խոսող անհատ և լեզվական

անհատ հասկացությունների տարանջատումը նոր չէ: Դրանք տարանջատելու առաջին փորձը կատարել է Ֆ. դը Սոսյուրի [3]՝ առաջարկելով լեզու, լեզվական ունակություն և դրանց ամբողջություն կազմող լեզվական գործունեություն եռանդամությունը: Առանձնացնում են լեզվամտածական գործունեության չորս բաղադրիչ՝ լեզու, լեզվական ունակություն, լեզվական գործունեություն և խոսք: Ըստ մեզ՝ Ֆ. դը Սոսյուրի առաջարկած քառանդամության բաղադրիչներից առաջինին և երրորդին համապատասխանում են *լեզվական անհատ* և *խոսող անհատ* հասկացությունները: Ընդ որում, դրանք հարաբերակցվում են հարացուցային հարաբերություններով. եթե լեզվական անհատը անփոփոխակն է, ապա խոսող անհատը՝ տարբերակը: Հաջորդ հասկացությունը, որը հստակեցման կարիք ունի, *կանխենթադրութային հենքն* է: Մարդու ճանաչողական, մտահայեցողական այն գործընթացը, որը սկսվում է նրա ծնվելու պահից և տևում մինչև մահ, և դրա արդյունքը, որով նրա գիտակցության մեջ արտացոլվում և ձևավորվում է տարաբնույթ գիտելիքների և պատկերացումների մի ստվար զանգված, անվանել ենք *կանխենթադրութային հենք:* (այսուհետ՝ ԿՀ):

Ուսումնասիրության արդյունքները բացահայտում են, որ խոսող անհատի՝ աշխարհի գիտակցական պատկերը արտացոլված է նրա ԿՀ-ի մեջ, որտեղ գիտելիքներն ու պատկերացումները ներկայացված են երկու տեսակի ճանաչողական կառույցներով՝ ֆենոմենոլոգիական և լեզվական: Վերը առաջադրված հարցերին պատասխանելու համար պետք է փորձենք հասկանալ՝ ինչպես է խոսող անհատը խոսույթի, ներքին խոսքի մակարդակում իր ԿՀ-ից ընտրում ֆենոմենոլոգիան ճանաչողական կառույցները, և ապա ինչպես են դրանք առկայացվում տեքստի մակերեսային կառույցում որոշակի բառային շարքի, ցանցի միջոցով:

Տեքստի ամբողջականությունը դրա մակրոկանխենթադրույթի առկայացումն է: Այսինքն՝ ինչպես որ խոսող անհատը ներքին խոսքի մակարդակում կաղապարում է տեքստի մակրոկանխենթադրույթը՝ թեման, այնպես էլ այն արտացոլվելու է տեքստում: Դրա մասին է վկայում այն, որ միևնույն թեմայի շուրջ երկու խոսող անհատ տարբեր տեքստեր են կառուցում: Փաստորեն, թեմայի առաջադրմամբ խոսող անհատը իր գիտակցության մեջ Փաստորեն, թեմայի առաջադրմամբ խոսող անհատը իր ԿՀ-ից ընտրում է որոշակի փոխկապակցված իրադարձություններ, վերաբերելիներ և օգտագործում այնպիսի լեզվական ճանաչողական կառույցներ, որոնք, ըստ իրեն, առավելապես պատշաճ կարտացոլեն դրանց բովանդակությունը: Վերլուծությունը փաստում է, որ այդ բառերն ու բառակապակցությունները ստեղծում են

բառային շղթաներ [4], որոնք տարածվում են ամբողջ տեքստով մեկ: Ամենահաճախադեպ շղթաները ցույց են տալիս, թե ինչի մասին է տվյալ տեքստը [5]: Տեքստում լեզվական ճանաչողական կառույցների շղթաները, ցանցը հարաբերակցվում են տարբեր տեսակի իմաստային հարաբերություններով և առկայանում կապի համապատասխան տեսակների միջոցով, որոնք տարբեր անվանումներ են ստացել՝ *իրավիճակային* [6] կամ *կապեր՝ ըստ ֆրեյմի* [7]: Այսինքն՝ խոսող անհատի գիտակցության մեջ թեմատիկ միավորները կուտակվում են զուգորդային հարաբերությունների հիման վրա՝ ստեղծելով ֆրեյմ կամ կարծրատիպ: Այսպիսով, ցանկացած տեքստ ամբողջականության և ներկապակցման տեսանկյունից փոխկապակցված լեզվական ճանաչողական կառույցների ամբողջություն է, յուրօրինակ հասկացութային ցանց [8], որի իմաստային կառուցվածքի միավորների միջև գոյություն ունեն տարբեր տեսակի հարաբերություններ: Խոսույթի հասկացութային միավորների ընտրությունը կանխորոշվում է դրա մակրոկանխենթադրույթով, այն է՝ ԿՀ-ի ո՛ր հասկացույթները պետք է ներառվեն այդտեղ, և ինչ զուգորդումներ պետք է կազմեն, որպեսզի այդ մակրոկանխենթադրույթը հնարավորինս լիարժեք արտացոլվի տեքստում:

Արդի լեզվաբանության մեջ ներքին խոսքի, խոսույթի կառուցման հիմքում ֆրեյմային իմաստաբանությունն է: Ֆրեյմը հատուկ հիերարխիկ կառուցվածք ունեցող կանխատեսելի գիտելիքների՝ կանխենթադրույթների համակարգ է որոշակի իրողության մասին և արտացոլում է «հնարավորինս ընդհանրացված, համակարգված պատկերացում դրա հասկացութային կառուցվածքի մասին» [9, էջ 83]:

Հայտնի է, որ ֆրեյմը ունի առանձնահատուկ կառուցվածք: Դրա իմաստային բաղադրիչները՝ կանխենթադրույթները, որոշակի մակրոկանխենթադրույթի մասին գիտելիքների բարդ զուգորդումներ են: Այդ գիտելիքները կարող են շատ տարաբնույթ լինել՝ ընդհանրական, հանրագիտային գիտելիքներից մինչև հատուկ ազգամշակութային գիտելիքներ: 1970-ականներին Չ. Ֆիլմորը առաջարկեց ֆրեյմային իմաստաբանության իր հայեցակետը: Ըստ նրա՝ ֆրեյմը մարդու կենսափորձի համակարգման հատուկ ճանաչողական կառույց է, որի իմացությունը ենթադրում է դրա հիմքում ընկած որոշակի հասկացույթի իմացություն, որն իր հերթին արտացոլվում է բառույթների մեջ [10]:

Այսպիսով, խոսույթային գործունեությունը ենթադրում է երկու կողմ. նախ՝ իրականության ճանաչողական արտացոլում, այսինքն՝ գիտելիքների համակարգում ֆրեյմների ու կարծրատիպերի մեջ, ապա՝ դրանց կանխենթադրութային կառուցվածքն արտացոլող համապա-

տասխան լեզվական ճանաչողական կառույցների ընտրություն՝ որոշակի հաղորդակցական նպատակ իրականացնելու համար: Դա է պատճառը, որ տեքստի իմաստային բաղադրիչների տեղային ներկապակցումը իրագործվում է միևնույն մակրոկանխենթադրույթի բազմակի առկայացմամբ Դա է պատճառը, որ տեքստի իմաստային բաղադրիչների տեղային ներկապակցումը իրագործվում է միևնույն միկրոկանխենթադրույթի բազմակի առկայացմամբ, որի արդյունքում առաջանում է յուրահատուկ *բառային շղթա* [10]: Սա նշանակում է, որ տեքստը ներկապակցելու համար խոսույթի որոշակի ֆրեյմային կանխենթադրույթ դառնում է կիզակետ և տեքստում պարբերաբար կրկնվում նույնությամբ կամ հոմանիշ լեզվական ճանաչողական կառույցի միջոցով:

Այս տեսանկյունից, Մ. Օտկուպշիկովան նշում է. «Իմաստի կրկնությունը տեքստի առաջացման և գոյության անհրաժեշտ պայման է» [11, էջ 40]: Մ. Հելիդեյը և Ռ. Հասանը կարծում են, որ հենց կրկնությունն է բառային ներկապակցման հիմքը [6]: Կրկնություն ասելով՝ նրանք նկատի ունեն կա՛մ զուտ բառային միավորի կրկնություն, կա՛մ տեքստում ավելի վաղ օգտագործված բառին իմաստով հարող, սակայն ավելի ընդհանրական իմաստ ունեցող մեկ այլ բառի կիրառություն, կա՛մ հոմանիշի/ ավելի ընդհանուր հոմանիշային բառի կիրառություն: Հետևաբար՝ խոսող անհատը ֆրեյմի կամ կարծրատիպի հիման վրա պետք է իր ԿՀ-ից ընտրի այնպիսի լեզվական ճանաչողական կառույցներ, որոնք ունեն են միևնույն իմաստը: Այսինքն՝ բառային ներկապակցումը առկայանում է կրկնվող իմաստի հիման վրա: Կրկնությունը ընկած է համավերաբերող միավորների իմաստային հարաբերակցման օրենքի հիմքում: Այսինքն՝ որպեսզի «…երկու բառ ճիշտ համադրություն կազմեն, բացի հատուկ, դրանք իրարից տարբերող իմաստներից, պետք է ունենան նաև մեկ ընդհանուր իմաստ, որը խոսքում կրկնվում է առնվազն երկու անգամ, որի միջոցով առկայանում է այդ բառերի կապը» [12, էջ 375]: Փաստորեն՝ խոսող անհատը կարող է տեքստում կրկնել և համադրել բառային միավորները, եթե նա հստակ պատկերացնում է ֆրեյմի կամ կարծրատիպի կառուցվածքը և կարողանում է դրա մեջ կուտակված գիտելիքները՝ կանխենթադրույթները, արտացոլել տեքստում որոշակի բառային միավորների միջոցով: Ակնհայտ է, որ այստեղ համատեղ գործառում են նրա ԿՀի և՛ ֆենոմենոլոգիական, և՛ լեզվական ճանաչողական կառույցները:

Այս տեսակետից դիտարկենք մի հատված Եղիշե Չարենցի *Ամբոխները խելագարված* բանաստեղծությունից.

Իրիկուն էր, **հրակարմիր** մի իրիկուն։
Արևը, **բորբ**՝ մայր էր մտնում արևմուտքում։
Դաշտի վրա փռվել էր մուժ **արյունամած**՝
Թույն էր կարծես՝ **բորբ** արևի սրտից քամած։
Արևը, **թեժ**՝ մայր էր մտնում արևմուտքում—
Ու **արյուն** էր դաշտի վրա, թո՛ւյն էր թքում։
Հորիզոնում վառել էր մի **կարմիր** քուրա—
Ու **արնավառ** փայլ էր փռում դաշտի վրա։
Ու արտերը, ալեծածան, վառվել էին
Արեգակի **կարմիր** փայլով իրիկնային։—
Դաշտը, անծայր ու անսահման, լայնատարած՝

Հրակարմիր տարածվել էր նրանց առաջ։—
Ծով էր կարծես, որ սկիզբ ու սահման չունի—
Ծով էր կարծես՝ մշուշի մեջ իրիկունի [11]։

Հեղինակը ապահովում է տվյալ միկրոտեքստի ամբողջականությունը և ներկապակցումը իմաստի ներառման ցեղատեսակային հարաբերության միջոցով։ Այդ միավորները կազմում են *կարմիր* ֆրեյմը։ *Կարմիր* ֆրեյմի կանխենթադրութային կառուցվածքը հեղինակն առկայացրել է հետևյալ բառային շարքով *հրակարմիր, բորբ, արյունամած, թեժ, արյուն, կարմիր, արնավառ, հրակարմիր*։ Բառային միավորներից առաջինը՝ *հրակարմիրը*, սահմանում է, որ բառային ամբողջ շարքը արտահայտելու է վառ/ ալ կարմիր, կարմիրի հրե երանգներ։ Բառային շարքի մյուս անդամները տեսակային են և ցույց են տալիս վառ կարմիրի տարբեր երանգները։ Ի դեպ՝ մի քանիսը կարմիր գույնի իմաստը փոխաբերությամբ են արտահայտում՝ *արյունամած, արյուն, թեժ*։

Իմաստային համադրման օրենքի հիման վրա և դրանց ընդհանուր իմաստների շնորհիվ՝ ձևավորվում է բառային միավորների իմաստային արժույթը։ Բառիմաստային արժույթը բառույթի ամենակարևոր իմաստակառուցվածքային հատկանիշներից մեկն է։ Այն կանխորոշում է տեքստի իմաստային կառուցվածքի բաղադրիչների համադրությունը և մասնակցում դրա բովանդակության ձևավորմանը։ Այն կանխորոշում է լեզվական ճանաչողական կառույցների տիպական համադրելիությունը և այն բոլոր հնարավոր զուգորդումները, որոնք կարող են հանդիպել շարակարգում։

Ըստ Վ. Գակի՝ «շարակարգերի ուսումնասիրությունը իմաստային մակարդակում հանգեցնում է կրկնվող իմաստների դուրս բերմանը և

աույթի կառուցվածքում դրանց գործառույթների սահմանմանը» [14, էջ 297]: Այսինքն՝ ֆրեյմի, կարծրատիպի կառուցվածքի իմացությունը՝ տվյալ թեմայի շուրջ կանխենթադրվող գիտելիքը, միայն իմաստային գիտելիք չէ: Այն պարունակում է նաև արժութային գիտելիք, այն է՝ շարակարգային իմաստային կապերը այդ կառույցներում: Կրկնվող իմաստ ասելով՝ այստեղ պետք է հասկանալ թեմայի՝ ֆրեյմի կամ կարծրատիպի մակրոկանխենթադրույթի լեզվականացման դեպքերը: Այն կարող է առկայանալ տարաբնույթ լեզվական ճանաչողական կառույցների միջոցով, որոնք պարտադիր պետք է ներակայեն այդ մակրոկանխենթադրույթը:

Ասվածը լուսաբանելու համար դիտարկենք մի պարբերություն Բորիս Ակունինի *Азазель* վեպից.

Сначала из дверцы высунулся ***сафьяновый дорожный*** *сапог*, ***окованный серебряными гвоздиками****, а потом на тротуар ловко спрыгнул цветущий юный джентльмен с пышными усами, удивительно не шедшими к его свежей физиономии, в* ***тирольской*** *шляпе с перышком и* ***широком альпийском*** *плаще* [15, էջ 107].

Ակնհայտ է, որ այս պարբերության մեջ կա առնվազն երեք իմաստային դաշտ՝ ֆրեյմ: Դրանք են *հագուստ, հագուստի հատկանիշ* և *արտաքին տեսք*: Առաջին ֆրեյմը հիմնված է ցեղատեսակային ներառման հարաբերության վրա, որտեղ հագուստը ցեղ մատնանշող ընդհանուր իմաստն է՝ ֆրեյմի մակրոկանխենթադրույթը, իսկ *сапог, шляпа, плащ* բառային միավորները դրա տեսակները: Ֆրեյմի մակրոկանխենթադրույթը, կրկնվելով տարբեր բառերում, ներկապակցում է տեքստի տվյալ պարբերությունը: Տեքստը ներկապակցվում է խոսույթի ֆրեյմային, կարծրատիպային կանխենթադրույթների լեզվականացման միջոցով:

Այս պարբերությունում առկայացած հաջորդ ֆրեյմը *հագուստի հատկանիշն* է՝ որպես իմաստային միջուկ: Ակնհայտ է, որ նախորդի համեմատ այս ֆրեյմը շատ ավելի ընդգրկուն է, քանի որ այստեղ հասցեագրողը կարող է ցանակացած հաշտանիշ վերագրել հագուստին: Հեղինակը ստեղծում է հետևյալ բառիմաստային շղթան՝ *сафьяновый дорожный, окованный серебряными гвоздиками, тирольский, широкий альпийский*, որում կրկնվում է *հագուստի հատկանիշ* մակրոկանխենթադրույթը: Հասցեագրողը ֆրեյմի, կարծրատիպի կառուցվածքից խոսույթ է ներմուծել իր հաղորդակցական նպատակները բավարարող կանխենթադրույթները, որոնք լեզվականացրել է լեզվական ճանաչողական կառույցների վերոնշյալ շղթայի միջոցով: Փաստորեն՝ տեքստը

ներկապակցվել է խոսույթի ֆրեյմային, կարծրատիպային կանխենթադրույթները պարբերության տարբեր հատվածներում կրկնելու միջոցով: Այս պարբերության երրորդ՝ *արտաքին տեսք* ֆրեյմի շուրջը ձևավորված բառիմաստային շղթան արտահայտված է *цветущий юный, пышными усами, свежей физиономии* բառային միավորներով: Այս ֆրեյմը նույնպես իր ընդգրկունությամբ և կանխատեսելի զուգորդային կապերով՝ հնարավոր կանխենթադրույթներով և դրանց զուգորդումներով, շատ լայն է, այնուամենայնիվ, այն կրում է ֆրեյմի մակրոկանխենթադրույթը և ներկապակցում տեքստը:

Տեքստում կրկնվող իմաստը կարելի է առկայացնել համարժեք իմաստ ունեցող լեզվական ճանաչողական կառույցների միջոցով, որոնց միջև առկա են հարացուցային համակարգային կապեր: Դրանց իմաստները կանխորոշված են հենց այդ կապերով. «բառային միավորի իմաստը կարելի է սահմանել որպես՝ դրա և այլ բառային միավորների միջև հարաբերությունների ամբողջություն միևնույն բառային համակարգում» [16, էջ 487]:

Հստակ պատկերացնելով այդ միավորների հարացուցային հարաբերությունները՝ խոսող անհատը կանխատեսում է դրանց կիրառությունը տեքստում՝ հաշվի առնելով նաև հասցեատիրոջ հաղորդակցական և ճանաչողական հնարավոր գիտելիքները: Լեզվական ճանաչողական կառույցների համադրման կանոնները ուղղորդում են հաղորդակիցներին տեքստ կառուցելիս և այն մեկնելիս:

Այսինքն՝ գործաբանության տեսանկյունից պատշաճ հաղորդակցություն ապահովելու համար խոսող անհատը գործի է դնում իր ԿՀ-ը: Մի կողմից՝ դրա ֆենոմենոլոգիական ճանաչողական բաղադրիչից ընտրում է համապատասխան կառույցներ, մյուս կողմից՝ դրանք առկայացնում է տեքստում՝ ելնելով իր ԿՀ-ի լեզվական ճանաչողական բաղադրիչի հնարավորություններից: Արդյունքում խոսույթում տեղ գտած գիտակցական, ճանաչողական միավորը՝ ֆրեյմը, կարծրատիպը՝ որպես խոսույթի մակրոկանխենթադրույթ, մասնակցում է տեքստի ներկապակցմանը թե՛ իմաստային, թե՛ կառուցվածքային տեսանկյուններից:

Լեզվական ճանաչողական կառույցի արժույթը դրսևորվում է տեքստաշարում դրա համադրելիության կանոններով: Ակնհայտ է, որ բառային միավորների համադրելիությունը կանխորոշում է նաև բազմաստորոգական կառույցի բաղադրիչների համադրելիությունը և փոխհարաբերությունը՝ կատարելով դրանց հարաբերակցման գործառույթ: Տեքստում սահմանելով շարակարգային միավորների միջև որոշակի

կապ՝ բառային շղթան կատարում է տեքստի հատվածների ներկապակցման գործառույթ, որը կարելի է բնորոշել իբրև կրկնվող բառային միավորների *միակցիչ շարք* [17]:

Հատկանշական է, որ բազմաստորոգական կառույցի/ միկրոտեքստի սկզբնամասում պարդադիր պետք է լինի այն լեզվական ճանաչողական կառույցը՝ ելակետային միավոր, որը սահմանում է այն ընդհանուր իմաստը, որը պետք է կրկնվի նշյալ կառույցների հաջորդող հատվածներում: Այսինքն՝ այն կանխորոշում է, որ պետք է լինի իմաստային հարաբերակից: Բազմաստորոգական կառույցի/ միկրոտեքստի հաջորդող մասերում առկա լեզվական ճանաչողական կառույցների և ելակետային միավորի միջև ստեղծվում է հարաբերակցություն, եթե դրանց միջև առկա են հոմանիշության, հականիշության, սեռատեսակային հարաբերություններ կամ դրանք մտնում են միևնույն բառիմաստային դաշտի մեջ: Որպես կանոն՝ այս բոլոր իմաստային հարաբերությունները դրևորվում են միաժամանակ և ձևավորում իմաստային հարաբերությունների բարդ համակարգ, որը թույլ է տալիս կապ հաստատել ոչ միայն այդ երկու հարաբերակից միավորների միջև, այլև մի շարք այլ հասկացությունների հետ, որոնք ելակետային հասկացության հետ կապվում են տարբեր տեսակի հարաբերություններով: Հենց այստեղ է, որ տեքստի լեզվական թաղանթի ներքո նշմարվում է ֆրեյմի, կարծրատիպի կանխենթադրութային կառուցվածքը: Տեքստում իրար հետ իմաստային կապերով կարող են հարաբերակցվել առաջին հայացքից իրար հետ կապ չունեցող հասկացություններ: Սակայն դրանց ավելի խոր դիտարկումը բացահայտում է, որ դրանք միևնույն ֆրեյմի, կարծրատիպի որոշակի միավորներ կամ դրանց ամբողջություններ՝ նախադիպային իրողություններ են:

Դիտարկենք մի օրինակ, որում ֆրեյմի բաղադրիչները այդքան ակնհայտ և կանխատեսելի չեն, ինչպես նախորդ դեպքում: Սակայն, հայտնի է, որ ցանկացած ֆրեյմ, կարծրատիպ, ձևավորվում է անհատի կենսափորձի հիման վրա՝ դառնալով անհատական ԿՀ-ի ճանաչողական կառույց: Հնարավոր է տվյալ խոսող անհատի քննվող ֆրեյմը, կարծրատիպը պարունակում է այդ իմաստային բաղադրիչները՝ անհատական ֆրեյմային կանխենթադրույթները, որը որոշակիորեն նվազեցնում է դրանց կանխատեսելիությունը:

Home*! She looked round the* ***room****, reviewing all its familiar* ***objects*** *which she had* ***dusted*** *once a week for so many years, wondering where on earth all the* ***dust*** *came from. Perhaps she would never see again those familiar* ***objects*** *from which she had never dreamed of being divided. And yet during all those years she*

*had never found out the name of the priest whose yellowing **photograph** hung on the **wall** above the broken **harmonium** beside the **coloured print of the promises** made to Blessed Margaret Mary Alacoque. He had been a school friend of her **father**. Whenever he showed the **photograph** to a visitor her **father** used to pass it with a casual word: "He is in Melbourne now."* [18]

Տեքստի տվյալ հատվածի մակրոկանխենթադրույթը *տունը, օջախն* է, որը և սահմանված է դրա առաջին բառ-նախադասությամբ՝ *Home!*: Այսինքն՝ այս միկրոտեքստում արտացոլված է *տուն, օջախ* ֆրեյմը և դրանից բխող կարծրատիպը: Ակնհայտ է, որ որոշ բառեր անմիջապես հարում են այդ թեմային՝ ֆրեյմին՝ *room (սենյակ), objects (առարկաներ), dust (փոշի), wall (պատ), photograph (լուսանկար), father (հայր)*, և դրա հետ կապված կարծրատիպային գործողությունները՝ *փոշին սրբել (to dust),* սակայն այստեղ կան նաև միավորներ, որոնք ֆրեյմի մակրոկանխենթադրույթին իմաստով չեն հարում: Դրանք առաջին հայացքից ակնհայտ չեն, սակայն դրանք էլ կարող են մտնել *տուն, օջախ* ֆրեյմի մեջ: Դրանք են *harmonium (ֆիսհարմոնիա), coloured print of the promises (գունավոր տպագիր խոստումագիր)*: Առաջին հայացքից վերջիններս կապ չունեն տան, օջախի հետ, սակայն ֆրեյմի հեռավոր իմաստային բաղադրիչներում դրանք կարող են առկա լինել՝ որպես տան ոչ տիպական առարկաներ:

Բառի համադրելիությունը «սաղմնավորվում է դրա անվանման ակտում՝ արտացոլելով նշվող առարկաների տրամաբանական-հասկացական կապերն ու հարաբերությունները» [19, էջ 245], որը կանխորոշում է տեքստի բառային ներկապակցման միջոցներն ու հարաբերությունները: Ըստ Մ. Հելիդեյի և Ռ. Հասանի՝ ներկապակցումը հնարավոր է միայն այն դեպքում, երբ մի միավորի մեկնությունը կախված է մյուսի մեկնությունից, և որի դեպքում առկա է կանխենթադրույթ [20]: Վերոնշյալ հեղինակները պնդում են, որ բառային միավորի կրկնակի օգտագործումը «…կարող է հիմնված լինել վերեբերության հետևյալ հարաբերությունների վրա՝ 1) նույնություն; 2) ներառում; 3) բացառում; 4) անհամադրելիություն» [20]: Ըստ այս հեղինակների՝ հանդիպում է բառերի համադրելիության մի դեպք, որը հիմնված չէ վերաբերության վրա, այլ ուղղակի պայմանավորված է դրանց հաճախակի համատեղ գործածությամբ, օրինակ՝ հայր-մայր, քույր-եղբայր, արևելք-արևմուտք, սեղան-աթոռ և այլն:

Իմաստի ներառման հարաբերությունները «…տեքստում բավականին հաճախադեպ են, և հնարավոր է, որ տեքստի իմաստային կառուցվածքի մեջ կատարում են ավելի մեծ դեր, քան նույնության

հարաբերությունները» [21, էջ 96]: Իմաստի ներառման հարաբերությունները բնորոշ են իմաստի տարբեր ընդհանրացման աստիճաններ ունեցող բառային միավորներին, այսինքն՝ ծավալով ավելի լայն իմաստ ունեցող միավորը ներառում է ավելի նեղ իմաստ ունեցող միավորը: Լեզվական համակարգում իմաստի ներառման հարաբերությունը դրսևորվում է, երբ լեզվական ճանաչողական կառույցները խմբավորվում են և հիերարխիա կազմում՝ հիմնիմաստի (արխիսեմա) ընդհանրացման տարբեր աստիճանների հիման վրա: Սեռատեսակային հարացույցը իմաստի ներառման հարաբերության մի մասնավոր դեպք է: Սակայն Ջ. Լայոնզի կարծիքով՝ դրանք «…ամենահիմնական հարացուցային իմաստային հարաբերություններն են, որոնց միջոցով կառուցվում է լեզվի բառապաշարը» [22, էջ 478]:

Ի դեպ, եթե ցեղատեսակային հարացույցը ձևավորված է *ամբողջ-մաս* կամ *ընդհանուր-մասնավոր* հարաբերության հիման վրա, ապա ամբողջը, ընդհանուրը կարող է հոգնակիության իմաստ չարտահայտել, սակայն իր տեսակները ցույց տվող բառային միավորների հետ միասին այն կազմում է ամբողջություն: Այս տեսանկյունից դիտարկենք լրագրային հոդվածի մի հատված՝ վերցված aravot.am առցանց պարբերականի կայքից, որը վերնագրված է *Մարդու խառնվածքը՝ ըստ դեմքի*.

Մարդու **դեմքը** բաց գիրք է համարվում: **Դեմքի** յուրաքանչյուր գիծ, ամեն մի **կնճիռ** շատ բան կարող է ասել տվյալ անձնավորության բնավորության և խառնվածքի մասին: Կարևորվում են մարդու **դեմքի** հինգ հատվածներ՝ **հոնքերը, աչքերը, քիթը, բերանը և ականջները**: Ներկայացնում ենք դրանցից երեքի՝ **հոնքերի, աչքերի և քթի** կապվածությունը մարդու բնավորության առանձնահատկությունների հետ [23]:

Ակնհայտ է, որ *դեմք* բառը, լինելով ձևով եզակի, հավաքական ամբողջություն է, քանի որ դեմքը կազմված է մի քանի հատվածից՝ հոնքերը, աչքերը, քիթը, բերանը, ականջները և այլն: *Դեմքը* այստեղ ցեղ ցույց տվող բառային միավորն է, ֆրեյմի մակրոկանխենթադրույթը, իսկ *հոնքերը, աչքերը, քիթը, բերանը և ականջները*՝ տեսակները, տվյալ դեպքում մասերը, որոնք ֆրեյմում հանդիսանում են փոխկապակցված կանխենթադրույթներ են: Օրինակից ակնհայտ է, որ մաս ցույց տվող բառային միավորները կարող են նաև հոգնակի ձև ունենալ՝ *հոնքերը, աչքերը, ականջները*:

Այս հարաբերությունները բացահայտում են, թե ինչ տեղ է զբաղվում տվյալ միավորը և ինչ իմաստային ծավալ ունի ֆրեյմում,

կարծրատիպում՝ ելնելով դրանց մակրոկանխենթադրույթից: Ըստ այդմ՝ ձևավորվում է նաև դրա հարաբերությունների շրջանակը ֆրեյմի, կարծրատիպի մյուս միավորների հետ, որն ի վերջո կանխորոշում է դրա առկայացումը տեքստաշարում և հարաբերությունները տեքստի այլ միավորների հետ:

Իմաստի նույնության հարաբերությունը ենթադրում է, որ տեքստում հանդիպում են միևնույն նշանակությունը, վերաբերելին ունեցող երկու և ավելի լեզվական ճանաչողական կառույց: Հայտնի է, որ նշանակյալի վերացարկման գերագույն աստիճանը դրա հասկացույթն է կամ ֆրեյմը: Եթե միևնույն տեքստում կամ դրա հատվածում՝ միկրոտեքստում, հանդիպում են այդ նույն հասկացույթը մարմնավորող տարբեր լեզվական ճանաչողական կառույց, ապա գործ ունենք իմաստի նույնության հարաբերության հետ: «Լեզվական իմաստի և հասկացույթի միակ տարբերությունն այն է, որ լեզվական իմաստը իմաստային դաշտի մի քվանտ է և կցված է լեզվական նշանին, իսկ հասկացույթը՝ որպես հասկացութոլորտի տարր, լեզվական նշանի հետ կապ չունի» [24, էջ 90–91]:

Այսպիսով, եթե իմաստի նույնության հարաբերությունը դրսևորվում է իմաստով մոտ կամ նույնիմաստ լեզվական միավորների միջև, ապա տեքստը ներկապակցվում է միևնույն հասկացույթի, ֆրեյմի մակրոկանխենթադրույթի հիման վրա լեզվական ճանաչողական կառույցների հոմանիշության կամ կրկնության միջոցով: Ըստ Ջ. Լայոնզի՝ հոմանիշությունը «համարժեքության հարաբերություն է այդ բառի մաթեմատիկական իմաստով. ցանկացած բառային միավոր կարող է հանդես գալ ինքն իր փոխարեն և որոշակի համատեքստում հոմանիշ է ինքն իրեն» [22, էջ 480]:

Ստորև բերված օրինակում միկրոտեքստը ներկապակցված է համատեքստային գաղափարական հոմանիշների շարքի միջոցով, որոնք ստեղծում են ուժգնացող աստիճանավորություն: Այսպիսի հոմանիշային շարքը ներկապակցում է տեքստը խոսույթի կիզակետի՝ որոշակի խոսույթային կանխենթադրույթի առկայացմամբ:

– Ինչ ունեն, որ ինչ դարգեն, դու ձեր տան բանը գիտես ո՞չ: Էս տարի էլ ***հացը բարակ էր****, խեղճ հերդ զոռով* ***ծերը ծերին ա հասցնում****: Նրանից ի՞նչ ես ուզում: Թե ունիս, դու դարգի. հրեն խարջ են ուզում –* ***ձեռին գռոշ չունի*** [25]:

Ակնհայտ է, որ համատեքստային գաղափարական հոմանիշությունը դրսվորվում է ամբողջ պարբերությունով մեկ՝ ներկապակցելով այն և առկայացնելով խոսույթի մակրոկանխենթադրույթը, որը և ապահովում է դրա ամբողջականությունը: Այսինքն՝ համատեքստային հոմա-

նիշների *հացը բարակ էր; ծերը ծերին ա հասցնում; ձեռին գռոշ չունի* շարքը կրում է միևնույն իմաստը՝ ապրուստի միջոց չունենալ:

Այս հոմանիշային շարքը իրականում միևնույն *աղքատություն* ֆրեյմի թեմատիկ բովանդակային միավորներն են՝ ֆրեյմային կանխենթադրույթները, որոնք տեքստում լեզվականանում են գաղափարական հոմանիշության միջոցով: Այս միկրոտեքստը խոսող անհատի ԿՀ-ի միջոցով տեքստի կապակցման վառ օրինակ է, երբ հասցեագրողը, ելնելով իր հաղորդակցական ռազմավարությունից, գործի է դնում իր ԿՀ-ի ֆենոմենոլոգիական բաղադրիչը և ստեղծում ամբողջական խույթ, ապա այդ խույթը վերածում ներկապակցված տեքստի իր ԿՀ-ի լեզվական ճանաչողական կառույցների միջոցով: Որքան հղկված է տեքստի մակերեսային կառույցը, այնքան զարգացած է խոսող անհատի ԿՀ-ի լեզվական ճանաչողական բաղադրիչը. չէ՞ որ նույն խույթը կարելի էր լեզվականացնել արտահայտչությունից զուրկ, պարզունակ լեզվով:

Իմաստի բացառման հարաբերությունը դրսևորվում է միևնույն իրողության փոխբացառող երկու կողմերի միջև, որը տեքստում լեզվականանում է հիմնականում բառային հականիշության միջոցով: Այս տեսանկյունից դիտարկենք ներքոբերյալ օրինակը.

***Deep** down, I'm pretty **superficial** (Ava Gardner)*:

Ավա Գարդների հայտնի ասույթում *deep – superficial* հակադրական հականիշները ստեղծում են ամբողջական խույթ և ներկապակցված տեքստ՝ հիմնվելով *մարդու ներաշխարհ* ֆրեյմի գաղափարախույթի վրա: Մարդը իր ներաշխարհով կարող է լինել խորը, ոչ խորը, մակերեսային, ոչ մակերեսային և այլն: Խույթը ամբողջական է վերոնշյալ ֆրեյմի առկայացման արդյունքում: Մինչդեռ տեքստը ներկապակցվել է՝ *deep – superficial* հակադրական հականիշների ընդհանուր իմաստով, որը ցույց է տալիս, որ դրանք նույն հասկացույթի մաս են կազմում, և տարբերակիչ հատկանիշներով, որը, չնայած իմաստի տարբերություններին, պահպանում է ընդհանուր իմաստը, այսինքն՝ ֆրեյմի մակրոկանխենթադրույթը է: Այսպիսով՝ խոսող անհատը ապահովում է խույթի ամբողջականությունը իր ԿՀ-ի ֆենոմենոլոգիական ճանաչողական բաղադրիչի օգնությամբ, իսկ տեքստի ներկապակցումը՝ ԿՀ-ի լեզվական ճանաչողական բաղադրիչի միջոցով:

Չնայած նկարագրված հարաբերությունները կարող են դրսևորվել լեզվի ցանկացած մակարդակում, սակայն ակնհայտ է, որ բառային ներկապակցումը բնորոշ է լեզվի բառային միավորներին և հենվում է հարացուցային և շարակարգային հարաբերությունների վրա:

Միայն բառային իմաստաբանությունն է, իսկ ավելի ստույգ՝ ճանաչողական բառային իմաստաբանությունն է, որը լեզվական կաղապար է տալիս հասկացույթներին, օժտված է բավարար բացատրական ներունակությամբ տեքստի իմաստային կողմը պատշաճ նկարագրելու համար, որը և կանխորոշում է դրա ներկապակցման հարաբերությունները:

Կառուցել կապակցված տեքստ նախ և առաջ ենթադրում է ընտրել համապատասխան լեզվական ճանաչողական կառույցներ և դրանք այնպես համադրել քերականականական կառույցների, որ դրանք արտահայտեն ամբողջական հասկացութային իրողություններ՝ պրոպոզիցիաներ: Լեզվական ճանաչողական կառույցների ընտրությունը պայմանավորված է հասցեագրողի նպատակներով և մտահղացմամբ և չի հակասում հաղորդակցական կամ դենոտատիվ իրավիճակին: Խոսույթը լեզվականացնելու համար խոսող անհատը կարող է կիրառել տարբեր բառաքերականական դասերի՝ խոսքի մասերի միավորները, որոնք ունեն ինչպես ընդհանուր, այնպես էլ տարբերակիչ իմաստային հատկանիշներ՝ հիմնվելով դրանց համակարգային հարաբերությունների՝ հարացուցային և շարակարգային վրա:

Փաստորեն՝ տեքստի կառուցման ժամանակ հասցեագրողի համար ամենաբարդը լեզվական ճանաչողական կառույցների ընտրությունն է: Ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ որպես կանոն խոսող անհատը ընտրում է տեքստի լեզվական ճանաչողական կառույցները անմիջապես դրա կառուցման ընթացքում: Որպեսզի խոսող անհատի լեզվական, հաղորդակցական, գործաբանական ունակությունները լիարժեք դրսևորվեն լեզվամտածական գործընթացում, անհրաժեշտ է, որ նրա ԿՀ-ի լեզվական ճանաչողական բաղադրիչը ձևավորված լինի: Դա ապահովում է լեզվամտածական գործընթացի ինքնաբերականությունը: Այսպիսով, լեզվամտածական գործընթացը կարգավորվում է խոսող անհատի ԿՀ-ի բովանդակությամբ և դրա գործառման մեխանիզմներով, որոնք արտացոլված են նրա ԿՀ-ի մեջ՝ որպես մի կողմից ֆենոմենոլոգիական, մյուս կողմից լեզվական ճանաչողական կառույցներ, գիտելիքներ: Առաջինը տեքստը կառուցում է հասկացութային-բովանդակային տեսանկյունից, երկրորդը՝ զուտ լեզվական: Դրա մասին է վկայում նաև այն, որ գիտելիքների միևնույն պաշարից կարող են «…համադրվել տարբեր նկարագրություններ, …միևնույն գիտելիքների պաշարով հնարավոր է տարբեր ռազմավարություններ իրականացնել և ստանալ տարբեր տեքստեր» [26]:

ԿՀ-ում արտացոլված նախադիպային իրողությունները, ֆրեյմները և կարծրատիպերը կարող են ծառայել որպես տեքստի կառուցման

ձևանմուշ: Այսպիսով, խոսող անհատը ձևավորում է տեքստի սերման ճանաչողական ձևաչափ, որը հեշտացնում է լեզվական ճանաչողական կառույցների ընտրությունը և համադրությունը: Դրա նպատակն է առկայացնել խոսույթով կանխորոշված գործաբանական ցուցիչները՝ նպատակ, մտահղացում:

Այսպիսով, ամբողջական և ներկապակված տեքստը խոսող անհատի բարդ լեզվամտածական գործունեության արգասիք է, որն արտացոլում է նրա ԿՀ-ի ամբողջ ներունակությունը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. АН СССР. Отд-ие лит. и яз. М.: «Наука», 1987.
2. *Johnstone B.* The Linguistic Individual: Self-Expression in Language and Linguistics, Oxford Universty Press, 1996.
3. *Соссюр Ф. де*, Курс общей лингвистики, М., 1933.
4. *Morris J., Hirst G.*, Lexical cohesion computed by thesaural relations as an indicator of the structure of a text // Computational Linguistics, 17 (1), New York, 1991. PP. 21–48.
5. *Barzilay R., Elhadad M.,* Using Lexical Chains for Text Summarization *II* ACL/EACL Workshop Intelligent Scalable Text Summarization. Madrid, 1997.
6. *Halliday M., Hasan R.,* Cohesion in English. Longman, London, 1976.
7. *Селезнев Д.Л.,* Референция и номинация // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука. 1987. СС. 64–77.
8. *Андреева Е.С.* Диалектика текста: Понятийная сеть как логическая основа естественного языка. М., 2002.
9. *Беляевская Е.Г.,* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дисс. ...доктора филол. наук. М.: МГЛУ, 1991.
10. *Fillmore Ch.* Verbs of judging; Exercises in semantic description // Studies in Linguistic Semantics /Fillmore and Langendoen eds./, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971. PP. 273–291.
11. *Откупщикова М.И.,* Синтаксис связного текста. Л., 1982.
12. *Гак В.Г.,* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. СС. 372–387.
13. *Չարենց Ե.*, Ամբոխները խելագարված, http://blog.1in.am/blog/3586.html
14. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
15. *Акунин Б.,* Азазель, М: Захаров, 1998.
16. *Лайонз Дж.,* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
17. *Папина А.Ф,.* Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журнилистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002.
18. *Joyce J.,* Eveline,
19. http://www.appohigh.org/ourpages/auto/2014/9/22/47339516/eveline.pdf
20. *Телия В.Н.* Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. М.: «Наука», 1976. СС. 244–267.
21. *Халлидей М.А.К., Хасан Р.* Когезия в английском языке // Исследования по теории текста. Реферативный сборник. М., 1979. СС. 108–115.

22. *Гак В.Г.* Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., «Наука». 1979. СС. 91–102.
23. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
24. http://www.aravot.am/2009/05/16/359943/
25. *Попова З.Д., Стернин И.А.,* Очерки по когнитивной лингвистике. Изд-ие 2-е, стереотипное. Воронеж, 2002.
26. *Թումանյան Հ.*, Գիքորը: http://armenianhouse.org/tumanyan/fiction-am/giqor.html
27. *Маккьюин К.,* Дискурсивные стратегии для синтеза на естественном языке // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика: Пер. с англ./ Сост., ред. и вступ, ст. Б.Ю. Городецкого. М.,1989. СС. 311–356.

СВЯЗНОСТЬ И КОГЕРЕНТНОСТЬ ТЕКСТА ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКОВЫХ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР ПРЕСУППОЗИЦИОННОЙ БАЗЫ

Г. Ж. Товмасян

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается лексическая связность и когерентность текста посредством языковой составной части пресуппозиционной базы. По итогам исследования: на начальной стадии формирования текста говорящая личность выбирает когнитивные конструкции из своего сознания – фреймы, стереотипы, которые в дальнейшем войдут в основу дискурса, а именно, внутренней речи. Далеее, говорящая личность на основе предсказуемого пресуппозиционного содержания фрейма и стереотипа выбирает лексические единицы, которые максимально отражают пресуппозиции, находящиеся в слотах фрейма и стереотипа, выражая их на поверхностной структуре текста языковыми когнитивными структурами пресуппозиционной базы.

Ключевые слова: пресуппозиционная база, говорящая личность, связность и когерентность текста, когнитивные структуры, лексическая связность, дискурс.

TEXT COHESION AND COHERENCE VIA THE LINGUISTIC COGNITIVE STRUCTURES OF PRESUPPOSITION BASE

H. Tovmasyan

ABSTRACT

The article dwells upon lexical cohesion and coherence of the text via the linguistic cognitive component of the presupposition base. The findings of the study reveal that initially the speaking individual chooses the pertinent cognitive structures, that is, frames and stereotypes from his/ her consciousness which will further make the basis of the discourse, inner speech. Further, he/ she, relying on the predictable presuppositional information of the frame and stereotype, chooses the lexical items that maximally reflect the content of the slots of the frame and sterotype, thus, expressing them via the linguis-

tic cognitive structures of the presupposition base in the surface structure of the text.
Keywords: presupposition base, speaking individual, text cohesion and coherence, cognitive structures, lexical cohesion, discourse.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МИМИЧЕСКИХ АДМИРАТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

С.С. Мисисян

Российско-Армянский университет
sese92@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена исследованию мимических адмиративов русского языка. В теоретической части нами была отмечена важность исследуемой проблемы, в практической части – произведена классификация мимических адмиративов на основе семантических признаков. Данными для осуществленной классификации послужили лексикографические источники, а также примеры из художественной литературы, обнаруженные нами на сайте Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Результаты проведенного исследования могут быть полезны для составления лекций по лексикологии и фразеологии, при написании рефератов, курсовых, дипломных и магистерских работ, а также при написании лексикографических трудов (например, при сборе материала для словаря эмоций).

Ключевые слова: семантика, кинесика, мимические адмиративы, эмоции, удивление.

Кинесические средства в общении выполняют выразительно-регулятивную функцию. Выразительные движения проявляются в мимике, позе, взгляде, походке. Особая роль отводится мимике – движениям мышц лица. Главной характеристикой мимики являются ее целостность и динамичность. Это означает, что в мимическом выражении шести основных эмоциональных состояний (гнев, радость, страх, страдание, удивление и отвращение) все движения мышц скоординированы. Мимические выражения не зависят от национальности и культуры человека, т.е. выражаются одинаково.

Лицо, мимика – самый верный источник, по которому можно узнать эмоции людей. Контролировать мимику очень сложно, тем более человеку, переживающему бурные эмоции, будь то радость, страх, гнев или удивление. Зачастую изменения на лице остаются дольше, чем человек испытывает ту или иную эмоцию.

Эмоция удивления считается самой короткой. Это чувство обычно быстро проходит, однако воздействие остается в виде широкой улыбки, приподнятых бровей, круглых глаз, или, к примеру, человек, испытывающий удивление, распахивает глаза, открывает рот и, скорее всего, забывает закрыть его.

Все изменения, происходящие на лице человека, называются мимикой, каждое из них по отдельности – мимическим жестом, а мимические жесты, выражающие удивление, принято называть кинесическими адмиративами[1].

В своем труде «Невербальная семиотика» Г.Е. Крейдлин толкует мимический жест следующим образом:

«Человек Х *делает большие глаза* по поводу Р, размер глаз Х-а становится больше нормы, что свидетельствует о том, что Х очень удивлен тому, что Р не понимает, что происходит» [Крейдлин 2002: 310].

Рассмотрим, как изменения, происходящие на лице человека, переживающего эмоцию удивления, могут отражаться во фразеологических единицах русского языка. Ниже представлена произведенная на основе семантического признака классификация мимических адмиративов.

1) **Изменение формы глазной щели:**

- расширение:
  - ***смотреть большими глазами, смотреть широко раскрытыми глазами, распахнуть глаза, открыть глаза, растопырить глаза, делать большие глаза.***

Например:

– Ты сколько раз был за Чертой?

– Один, – привычно соврал Фома.

– Да перестань ты! – поморщился Сати. – Системой зарегистрировано, по меньшей мере, сорок.

– Да?! – ***Сделал большие глаза*** *Фома. – Она зарегистрировала гораздо больше, чем я мог. (С. Осипов) [НКРЯ].*

- сужение:
  - ***сощуриться, зажмуриться.***

Например:

– Хотите сказать, барон, что русские быстрее априори, и нашим парням остается лишь бить головой о потолок своих возможностей, отпущенных природой? Но, черт возьми, это какая-то не наша точка зрения.

– То есть славяне, – усмехнулся Шлоссер, – как говорит нам наш дражайший Геббельс, не могут иметь никакого другого таланта, кроме таланта к послушанию, и склонности к любой иной работе, кроме черной?

– А вы считаете иначе? – ***сощурился*** *лысач так, будто перед ним была бродячая собака, рожающая в лопухах. (М. Елизаров) [НКРЯ].*

- **округление:**

[1] Адмиратив – это категория, маркирующая неожиданность ситуации для говорящего: говорящий удивлен тем, что маловероятный факт имеет (имел) место.

- ***смотреть круглыми глазами, делать круглые глаза.***

Например:

– Неужели болит? Как странно! Такой прекрасный зуб! Так, значит, болит? Ну, это ужасно! Такой зуб! Прямо удивительный! <…>

Он [врач]быстро нагнулся и ткнул меня булавкой в язык. <…>

– Извините, мадам, это все, что я могу для вас сделать.

Я молча смотрела на него и сама чувствовала, какие у меня ***стали круглые глаза****. (Н. Тэффи) [НКРЯ].*

2) **Движения органов зрительной системы:**

➢ **поднятие глазных яблок вверх**:

- ***поднимать глаза вверх, обращать глаза вверх, обращать глаза к небу; закатывать глаза (под лоб); глаза на лоб лезут/полезли.***

Например:

Православная скульптура вообще редкость, – говорила она. – Церковь скульптурные изображения не одобряет, считает их слишком плотскими. В центральной России вы ее, кажется, вообще не встретите. Попадается только в медвежьих уголках, где священники не успевали доглядеть, там, где они были полуобразованными и всех канонов просто не знали. А то, что у нас, – уникально. Мало того, что целый зал, еще и лица у них совершенно необыкновенные.

–Чем же? – спросила я.

– А они все – комики. И Иисус, и Николай Чудотворец.

– Как – комики? – у меня ***глаза на лоб полезли****. – Это уж не нарушение канонов, а прямое глумление над святынями получается. Они что – на манер скоморохов, что ли, изображены?* (А. Ткачева) [НКРЯ].

В данном примере эмоция удивления перерастает в такие негативные эмоции, как возмущение, негодование, крайнее недовольство. Это свидетельствует о реализации сразу нескольких модальностей.

выступ глазного яблока из глазницы:

- ***выкатить глаза, вытаращить глаза, выпучить глаза, вылупить глаза, глаза из-подо лба вылезли, глаза вылезают из орбит; глаза по пятаку, глаза вон лезут.***

Например:

– Тебе одна дорога, мне – другая… Прощай, брат! – И он махнул рукою.

Странник изумленно ***вытаращил глаза*** *и* ***вскочил на ноги****.* (В. Вересаев) [НКРЯ]

Отметим, что в составе данного примера помимо мимического (*вытаращить глаза*) имеется также корпоральный адмиратив (*вскочить на ноги*), а также лексема, обозначающая наивысшую степень удивления (*изумленно*).

- **движение век:**
  - ***хлопать глазами, моргать глазами, мигать глазами, глазами хлоп.***

Например:

Но когда через две-три минуты лейка должна была опустеть, она снова оказалась полной. Вслед за комнатной водой полилась холодная, родниковая, и это огорчило Шотландскую Розу. «Каким же образом, – подумала она, – лейка снова наполнилась, не заставив Васю бежать к водопроводному крану?» Вася смутился, хотя свидетелем этого случая был только Кот, который долго в недоумении ***хлопал глазами****. Хлопала бы, без сомнения, и Шотландская Роза, если бы у нее были глаза.* (В. Каверин) [НКРЯ].

Рассмотрев на материале художественной литературы паремиологические единицы, имеющие в своем составе мимические адмиративы, связанные с движением глаз, можем отметить, что на лице, выражающем удивление, происходят следующие изменения: глаза широко открыты, нижние веки расслаблены, а верхние веки приподняты. В состоянии удивления узкие полоски белков глаз (склеры) становятся видны между верхним веком и радужной оболочкой (окрашенной центральной частью глаза). Склера может также быть видна и ниже радужной оболочки, но это зависит от того, насколько глубоко посажены глаза и опущена ли нижняя челюсть достаточно низко, чтобы натянуть кожу под глазами. Таким образом, когда виден белок ниже радужной оболочки глаза, это не является таким же надежным индикатором удивления, как появление склеры между верхним веком и радужной оболочкой. Такие раскрытые глаза могут дополнять эмоцию удивления возникшим интересом, что в некоторых случаях может иметь словесное выражение, например, соответствовать такому восклицанию, как: «Здорово!»

Следует отметить, что «удивленные глаза» обычно дополняются «удивленными бровями», «удивленным ртом» или тем и другим одновременно (об этом см. ниже).

3) Вариации взгляда:

- **продолжительный взгляд в одну сторону, зафиксированный в одном положении:**
  - ***вскидывать глаза, поднимать глаза, пристально посмотреть, воззриться, уставиться, глазеть, пялиться, вытаращиться, вылупиться, смотреткак баран на новые ворота,***

смотреть как гусь на зарево, смотреть во все глаза, смотреть как зачарованный, смотреть как завороженный, переглядываться, посмотреть друг на друга.

Например:

– А что в нем [в чемоданчике] такое? – впервые пришло в голову Длинноволосому. – Что в нем такое, что я его таскаю?

– Открой да посмотри, – посоветовал Иудей.

Длинноволосый ***уставился*** *на собеседника с изумлением: как это ему раньше не приходило в голову? Но ведь не приходило же…* (Л. Улицкая) [НКРЯ].

- **по сторонам:**
  - ***осмотреться, оглядеться, посмотреть вокруг, сделать дикие глаза, сделать безумные глаза, распустить глаза.***

Например:

– Мы не волнуемся, даже когда они разгуливают по парку. Сегодня просто слишком много народу, и мы во избежание недоразумений решили не выпускать животных.

– Много народу?!

Я изумленно ***огляделся****, но, кроме считанных пар, затерявшихся среди бескрайних аллей парка, ровно никого не заметил.*

– Не удивляйтесь, – аппетитно затянувшись трубкой, пояснил ветеринар, – у нас очень большой парк. Людям есть где разбрестись. Как бы в подтверждение его слов на лужайке возле громадного дуба я заметил отдыхающее семейство. (В. Запашный) [НКРЯ].

- **сбоку:**
  - **смотреть исподлобья.**

Например:

Грудной ребенок заворочался и пискнул. Ольга тотчас же умолкла и неловко и суетливо принялась раскутывать Петю, который ***смотрел исподлобья*** *удивленно и строго и не выпускал руки Мавры Ивановны.* (З. Гиппиус) [НКРЯ].

4) **Движение бровей:**

- **по направлению вверх:**
  - ***поднимать брови, приподнимать брови, вскидывать брови, взметать брови, взмахивать бровями, повести бровью/бровями, брови ползут, брови поднимаются вверх, брови на лоб полезли.***

Например:

– Я хотел бы исповедаться.

<…>

– Тогда пойдем.

– А нельзя нам остаться здесь?

*Стефан удивленно **повел бровями**.* (Ж. Гранже) [НКРЯ].

- **сведение:**
  - ***сдвинуть брови, нахмурить брови, нахмуриться.***

Например:

Однажды, когда Шут уходил из школы, к нему вдруг подошла Ира и сказала, премило улыбаясь:

– Валенька, понеси-ка мой портфельчик.

*Шут остановился, **нахмурил брови** и, внимательно оглядев Иру с головы до ног, точно впервые ее видел, произнес:*

– Откуда ты такая пришла, красавица?

– А ты проводи меня до дому. Глядишь, и узнаешь, откуда я, такая, пришла, – ничуть не смутившись, ответила Ира. (Ю. Вяземский) [НКРЯ].

Реакция на явление, вызывающее удивление, может быть как положительной, так и отрицательной. Это значит, что в большинстве случаев удивление влечет за собой другие, оценочно маркированные – позитивные и негативные – модальности, в зависимости от ситуации. В приведенном выше примере действующее лицо (Шут), удивившись, испытывает также восхищение и интерес.

У человека, испытывающего эмоцию удивления, брови чаще всего изгибаются и приподнимаются. Кожа под поднятыми бровями растягивается и становится более заметной, чем обычно. Поднятие бровей приводит к появлению длинных горизонтальных морщин на лбу. Если брови удерживаются в приподнятом положении в течение нескольких секунд, то выражение лица становится эмблемой **сомнения** или **вопроса**. Часто так поступает человек, слушая, что говорит ему кто-то другой, таким образом, он без слов выражает вопрос или сомнение в том, что ему говорят. Вопрос или сомнение могут быть серьезными или нет; часто такая эмблема выражает ироническое **сомнение, скептицизм** или **удивление** слушателя по поводу сказанных слов. Все эти изменения, выражающие удивление, как показывают приведенные выше примеры, находят свое отражение в языке.

5) **Движение рта:**

- **открытие:**

- ***открыть рот, раскрыть рот, растянуть рот, разинуть рот, разинуть варежку, широко раскрыть рот, с разинутым ртом.***

Например:

Карпекина встает с парты и подходит к ним:

– Ну-ка, отпусти его. Она никогда не лезет ни в какие драки и с нами вообще не разговаривает, считает, что мы козлы и идиоты. Бы ра ***разинул рот*** *от удивления, но Куню не отпускает.* (В. Козлов) [НКРЯ].

- ***челюсть отвалилась, лицо вытянулось, физиономия вытянулась.***

Например:

– Я хочу попросить прощения за себя самого, за то, что я такой, какой я есть… Я… мне очень больно, что все так получается. Я обязательно постараюсь исправиться и не быть больше таким… занудливым, высокомерным всезнайкой, сделав над собой усилие, выговорил он.

У Баб Ягуна даже ***челюсть отвисла****: ничего себе, сказать такое про себя!*

(Д. Емец) [НКРЯ].

➢ **Улыбка или невольное искажение черт лица:**

- ***улыбнуться, скривить губы***

Например:

Вслед за этим Тиир схватился с Лукусом, движения палок моментально слились в неразличимый веер, вскоре белу, тяжело дыша, остановился и, потирая ушибленное предплечье, удивленно ***улыбнулся****:*

– Очень неплохо! Пожалуй, нисколько не хуже Хейграста. Хотя, конечно, многие приемы отличаются. Я признателен тебе, Тиир, за науку. (С. Малицкий) [НКРЯ]

Мимические адмиративы, связанные с движением рта, выявляют следующие кинесические изменения: в момент удивления нижняя челюсть опускается, в результате чего разжимаются зубы и размыкаются губы. Приоткрытый от удивления рот расслаблен, не напряжен. Губы не сомкнуты и не оттянуты назад. Вместо этого рот выглядит так, будто он раскрылся естественным образом. Рот может быть открыт лишь слегка, умеренно приоткрыт или раскрыт более широко, и эта степень раскрытия зависит от того, насколько сильным оказывается удивление.

Челюсть может опускаться без каких-то движений остальных элементов лица, опущенная челюсть выражает более высокую степень удивления – ошеломление.

6) **Тремор лицевых мышц**:

- ***лицо задергалось.***

Например:

– Я предлагаю вам десять миллионов долларов за этот старый и ржавый кусок железа.

– Не смешите меня, фрау Мария, – отмахнулся директор, даже не поворачивая головы, – этот экспонат не имеет цены.

– Как насчет ста миллионов?

***Лицо** директора **дернулось**, но все же он отрицательно покачал головой.*

– Ну, хорошо, миллиард американских долларов. (В. Исаев) [НКРЯ].

7) **Изменение цвета кожи:**

- **гиперемия**:
  - ***покраснеть.***

Например*:*

*– Ваше превосходительство! – как-то торжественно сказал он, поднося ее на ладони генералу, прежде чем тот мог опомниться от удивления при виде такого неожиданного поступка, – вы знаете, сколько моей крови ухлопано на эту золотую штуку… Поменяемся, ваше превосходительство … на племянника! Генерал весь **покраснел** от удивления и гнева.* (И. Омулевский) [НКРЯ].

Удивление, будучи самой короткой из всех эмоций, часто сопровождается либо сменяется другими эмоциями. Данный пример демонстрирует процесс трансформации удивления в гнев.

Как было отмечено выше, степень интенсивности проявления эмоции удивления может выражаться в ее смежных модальностях, таких, как странность и неожиданность. В данном примере гиперемия отражает удивление и одновременно негодование, вызванные неожиданностью, что находит в тексте свое словесное выражение.

- **побледнение:**
  - ***побледнеть, сделаться белым как стенка.***

Например:

И этого мудрого человека встретил я однажды в одном месте... в очень нехорошем месте! Он по-гусарски дул шампанское и сидел с хорошенькой пухленькой француженкой...

*– Что вы делаете, герр профессор?!?! – воскликнул я, **побледнев** от удивления.*

– Глупость, сын мой! – отвечал мудрец, наливая мне шампанского. – Я делаю глупость...

– Для чего же??!

– А для того, сын мой, чтобы проветрить малость атмосферу... За женщин и вино!

Я выпил и еще более ***побледнел*** *от удивления.* (А. Чехов) [НКРЯ].

Как мы уже отмечали выше, удивление длится не более нескольких секунд. Оно моментально проходит, однако, как только человек осознает произошедшее, на смену удивлению приходят другие эмоции, такие, как, например, радость, облегчение, отвращение, гнев или же страх. Данный пример иллюстрирует реализацию не только модальности удивления, но и страха. Кстати, хотим отметить, что кинесические средства выражения эмоций удивления и страха во многом совпадают, что делает затруднительным, а иногда даже невозможным их разграничение. Естественно, это явление отражается и в языке. Многие адмиративы многозначны и в зависимости от контекста могут реализовывать как модальность удивления, так и модальность страха.

- **цианоз:**
  - ***посинеть, лицо сделалось серым.***

Например:

Землемер Скоморохов ***посинел*** *от удивления, не в силах сообразить, как и что считать.* (В. Палей) [НКРЯ].

Кроме мимического адмиратива, связанного с изменением цвета кожи, в составе предложения содержится адмиратив, связанный с движением глаз.

Как видим, при выражении эмоции удивления основную информационную нагрузку несут брови и губы, а также область вокруг рта. Немаловажную роль играет взгляд, или визуальный контакт. С помощью глаз передаются самые точные сигналы, ведь расширение и сужение зрачков не поддается сознательному контролю.

Важно отметить, что испытываемая эмоция удивления различается по своей интенсивности. Чаще всего степень интенсивности находит свое отражение на лице. Лицо может выражать удивление двумя зонами. Условно назовем их следующим образом: верхняя(лоб, брови, глаза) и нижняя (область рта, челюсть).

В верхней части лица зачастую наблюдаются незначительные изменения бровей (немного приподнимаются) и глаз (расширяются и открываются чуть шире). Основным же индикатором интенсивности удивления является нижняя часть лица. Чем сильнее удивление, тем шире раскрывается рот. Проявления крайнего удивления часто сопровождаются восклицаниями, на-

подобие «О-о!» или «Ого!», произнесение которых в той или иной мере визуально удлиняет челюсть.

Удивление может быть выражено посредством вышеуказанных двух областей лица, при этом третья (средняя) область останется нейтральной. Лицо, на котором удивление проявляется в двух зонах, свидетельствует об особой степени интенсивности проявления эмоции удивления.

Удивление выглядит вопросительным, когда выражение удивления на лице создается только за счет движений верхней зоны (бровей и глаз). «Удивление достигает изумления, когда оно выражается на лице только за счет движений глаз и рта. Удивление выглядит подобным ошеломлению, когда оно выражается только движениями бровей и рта» [Экман 2013: 39–41].

Учитывая психологические и лингвистические особенности выражения исследуемой эмоции, можно выделить следующие универсальные характеристики: удивление – неопределенное амбивалентное эмоциональное состояние, поддающееся градации и имеющее короткий период протекания, которое стимулирует процесс познания и может иметь заметное физиологическое влияние на человека. Внешние изменения, происходящие с человеком, испытывающим эмоцию удивления, закрепляются в языке и могут использоваться в качестве устойчивых сочетаний. Подобные лексические и фразеологические сочетания могут иметь как узуальное употребление, так и контекстуальное. Многие лексические и фразеологические единицы, за которыми изначально не закреплено значение выражения эмоции удивления, могут в контексте, в особом лингвистическом окружении, получить дополнительные семантические характеристики и использоваться в качестве адмиратива.

Еще одна особенность репрезентации эмоции удивления в языке заключается в синкретизме. Очень часто в кинесическом поле удивления встречается переплетение нескольких значений: адмиративы могут быть выразителями других эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: НЛО, 2002. 581 с.
2. *Экман П.* Психология эмоций: я знаю, что ты чувствуешь: [пер. с англ.]. Питер, 2013. 333 с.
3. *Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е.* Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991. 146 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов.
Первое издание: С-Пб.: Норинт, 1998.
5. *Мелкумян Р.Л., Погосян П.М.* Русско-армянский фразеологический словарь. Ер.: ЕГУ, 1975. 615 с.
6. Русский язык: энциклопедия // Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов.энцикл., 1979. 432 с.

7. *Степанова М.И.* Фразеологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. С-Пб.: Виктория плюс. 2009. 608 с.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 3-х т. М.: Прогресс, 1964. 562 с.
9. Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. Электронный источник: http://www.ruscorpora.ru/ [дата обращения: 01.05.2015г.]

SEMANTIC GROUPS OF MIMIC ADMIRATIVES OF RUSSIAN LANGUAGE

S. Misisyan

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of mimicaladmiratives of Russian language. In the theoretical part the importance of researched problem is shown, in the practical part the classification of mimicaladmiratives by semantic sign is done. Data for the implementation of the classification served lexicographical sources and examples from literature taken from the National Corpus of Russian Language (NCRL). The results of this research can be useful in preparing lectures on lexicology and phraseology, in writing essays, dissertations and master's works, as well as in writing lexicographical works (for example, when collecting material for a dictionary of emotions).

Keywords: Semantics, Cinesics, Mimical Admiratives, Emotions, surprise.

ՌՈՒՍԱՑ ԼԵԶՎԻ ՄԻՄԻԿԱԿԱՆ ԱԴՄԻՐԱՏԻՎՆԵՐԻ ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ԽՄԲԵՐԸ

Ս.Ս. Միսիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է ռուսաց լեզվի միմիկական ադմիրատիվների հետազոտությանը: Տեսական մասում նկարագրվում է բարձրացվող խնդրի կարևորությունը, գործնականում՝ առաջարկվում է միմիկականադմիրատիվների դասակարգումը ստիմաստաբանական առանձնահատկությունների: Դասակարգման համար հիմք են հանդիսացել բառարանագրական աղբյուրները, ինչպես նաև գեղարվեստական գրականություն իցօրինակները՝ վերցված Ռուսաց լեզվի ազգային կորպուսից (ՌԼԱԿ): Իրականացված հետազոտության արդյունքները կարող են օգտակար լինել բառագիտությանը և դարձվածաբանությանը նվիրված դասախոսություններ կազմելիս, ռեֆերատներ, կուրսային, դիպլոմային, մագիստրոսական աշխատանքներ գրելիս, ինչպես նաև բառարանագրական աշխատանքներ գրելիս (օրինակ՝հույզերի բառարան կազմելու համար նյութեր հավաքելիս):

Հիմնաբառեր՝ իմաստաբանություն, կինեսիկա, միմիկական ադմիրատիվներ, հույզեր, զարմանք:

ԱԾԱԿԱՆՆԵՐԻ ԱՍՏԻՃԱՆԱԿԱԶՄՈՒԹՅԱՆ ՔՆՆՈՒԹՅՈՒՆ՝ՀԱՆԴԻՊԱԴՐՈՒԹՅԱՄԲ ԱՐԴԻ ԱՐԵՎԵԼԱՀԱՅ ԵՎ ՌՈՒՍԱՑ ԳՐԱԿԱՆԼԵԶՈՒՆԵՐԻ[1]

Դ. Գյուլզատյան, Ռ. Ավետիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Դրական աստիճան, բաղդատական աստիճան, համաստիճան համեմատություն, տարաստիճան համեմատություն, ինքնառարկայական բաղդատական, այլառարկայական բաղդատական, բաղդատիչ, գերադրական աստիճան, միջաստիճանային սահմանախախտություն կամ աստիճանախախտություն, գերադիր:

Որակական կամ որպես այդպիսին դրսևորվող հարաբերական ածականների հատկանիշները սովորաբար համեմատելի են: Առարկայի կամ առարկաների նույնական հատկանիշների համեմատությունը, ահա, կազմում է աստիճանակազմության հիմքը: Համեմատության աստիճանը, այսպիսով, առարկայի հատկանիշի չափն է: Ածականը դիտարկվող լեզուներում համեմատության երեք աստիճան ունի՝ դրական, բաղդատական, գերադրական: **Դրական աստիճանը** որակական ածականի ելակետային ձևն է և համեմատության աստիճանների **աննշույթ քերույթը**: Սա ցույց է տալիս հատկանիշ՝ առանց այլ կամ նույն առարկայի միևնույն հատկանիշի համեմատության: Քանի որ աստիճանակազմության տեսանկյունից հայոց և ռուսաց գրական լեզուներն ունեն թե՛ ընդհանրություն, թե՛ տարբերություն, ստորև բաղդատական և գերադրական աստիճանների կազմությունը կներկայացնենք զուգադրական համեմատությամբ՝ անելով համապատասխան եզրահանգումներ:

1. **Բաղդատական աստիճանը** ցույց է տալիս համեմատելի հատկանիշ՝ ա) տարբեր առարկաների նույն հատկանիշ(ներ)ի հարաբերությամբ, բ) նույն առարկայի՝ տարբեր իրադրություններում դրսևորվող միևնույն հատկանիշի հարաբերությամբ:

Ա) Բաղդատական աստիճանը **հայերենում** կազմվում է **վերլուծական եղանակով**՝ համեմատելի հատկանիշից առաջ գործածելով

[1]Սույն ուսումնասիրությունը կատարված է Հայ-Ռուսական համալսարանում ՌՖ ԿԳ նախարարության կողմից ՀՌՀ-ում գիտահետազոտական գործունեության նպատակով հատկացված դրամաշնորհի շրջանակներում:

(եթե շրջում շարադասություն չէ) ***նույնքան, պես, նման, չափ, ավելի, առավել, նվազ, պակաս*** և այլ բառեր՝ որպես այս քերույթի նշույթներ: Բաղդատական քերույթի նշույթներն անվանում ենք **բաղդատիչներ**: Հատկանիշ(ներ)ի համեմատությունն **ըստ չափման բաշխվածության**՝ կարող է լինել **համաստիճան** կամ **տարաստիճան**: **Համաստիճան համեմատությունը նույն կամ տարբեր առարկաների միևնույն հատկանիշ(ներ)ի նույնաչափ արտահայտությունն է**: Այսպիսի համեմատությունը անվանում ենք նաև **հավասարական**[2] **բաղդատական**: Համաստիճանության բաղդատիչներն են ***նույնքան*** դերանվանական մակբայը և ***պես, նման, չափ*** կապերը, ինչպես նաև ***որքան, ինչքան*** հարաբերականները՝ ստորադաս նախադասության կազմում (հմմտ. «*Նա* ***նույնքան գեղեցիկ*** *է,* ***որքան*** ՝*դու»*):

Համաստիճանություն կարող է ապահովվել տարաստիճան բաղդատականի համար նախատեսված ***պակաս, նվազ*** ցուցանշանների, բաղդատական ***քան*** շաղկապ-ցուցանշանի և ժխտական բայ-ստորոգյալի համակշռությամբ: Համեմատական տիրույթում բաղդատիչի դեր են ստանձնում ***քան***-ը և ժխտական բայը նույնպես. հմմտ. *Իմ աշխատասենյակը* ***պակաս հրապուրիչ չէ, քան*** *քոնը* (= *Իմ աշխատասենյակը* ***նույնքան հրապուրիչ է, որքան քոնը***): **Տարաստիճան համեմատությունը տարբեր առարկաների միևնույն հատկանիշ(ներ)ի կամ միևնույն առարկայի՝ իրադրային տարբերությամբ նույն հատկանիշի այլաչափ արտահայտությունն է:** Այսպիսի համեմատությունն անվանում ենք նաև **անհավասար բաղդատական:** Տարաստիճանության բաղդատիչներն են ***ավելի, առավել, նվազ, պակաս*** մակբայական բառերը: Օրինակ՝ *Կրտսեր պաշտոնյան* ***ավելի լավ*** *մասնագետ է,* ***քան*** *ավագը:Նա* ***նվազ / պակաս*** *ջանասեր է,* ***քան*** *ընկերը:* Առաջին օրինակում ունենք մի առարկայի (մասնագետի) լավ հատկանիշի առավելություն՝ հանդիպադիր առարկայի (մասնագետի) նույն հատկանիշի հարաբերությամբ, երկրորդ օրինակում՝ մի առարկայի (ընկերոջ) ջանասեր հատկանիշի նվազականություն՝ հանդիպադիր առարկայի (մյուս ընկերոջ) նույն հատկանիշի հարաբերությամբ: Բերված օրինակներում միևնույն հատկանիշի համեմատությունը կատարվում է **համեմատվող առարկաների** միջնորդությամբ (առանց այդ առարկաների համեմատություն չի լինի), սակայն մեզ հետաքրքրող քերականական կարգի համար էականը հատկանիշի որակային չափն է, նրա հնարավոր աստիճանավորումը, որը, հասկա-

[2] Տե՛ս *Հ. Օհանյան,* Ածական անունը ժամանակակից հայերենում, Եր., 1962, էջ. 31–34(182 էջ):

նալիորեն, հանդիպադիր առարկաների գոյությամբ է պայմանավորված: Սակայն հնարավոր է միևնույն հատկանիշի համեմատություն նո՛ւյն իսկ առարկայի սահմաններում, որին կանդրադառնանք ստորև: Հատկանիշների առավել կամ նվազ լինելու հիմամբ էլ տարբերակում են **առավելական բաղդատական** և **նվազական բաղդատական** ենթաստիճաններ: Վերջին երկու օրինակներից առաջինում ունենք առավելական բաղդատական, երկրորդում՝ նվազական բաղդատական (ենթ)աստիճան: Սա, իհարկե, խիստ պայմանական խմբավորում է, որովհետև նվազականությունը ևս հնարավոր է արտահայտել ***ավելի*** բաղդատիչով՝ *Նա* ***ավելի փոքր*** *է, քան եղբայրը:*

Թե՛ հավասարական կամ համաստիճան, թե՛ անհավասար կամ տարաստիճան բաղդատականը կարող է հանդես գալ պարզ նախադասության կառուցվածքում: Ասվածը հեշտությամբ կարող ենք ցույց տալ վերի նախադասությունների փոխակերպումներով:

1ա) Կրտսեր պաշտոնյան **ավելի լավ** մասնագետ է, **քան** ավագը: →

→ 1բ) Կրտսեր պաշտոնյան ավագ**ից** (**ավելի**) լավ մասնագետ է:

2ա) Նա **պակաս** ջանասեր է, **քան** ընկերը: →

→ 2բ) Նա ընկերոջ**իցպակաս** ջանասեր է:

Բերված փոխակերպներում դուրս էընկել ***քան*** բաղդատիչը՝ տեղը զիջելով **բացառականով** ձևավորված բաղդատիչին, ավելի ստույգ՝ բաղդատիչը բացառականի հոլովակերտն է: Երկու փոխակերպված տարբերակում էլ պահպանված է աստիճանանիշ բառը՝ ***ավելի*** և ***պակաս*** ՝ տարբերությամբ, որ առաջինը փակագծավորված է, ասել է՝ առանց դրա էլ զիտակցվում է հատկանիշի առավելությունը: Երկրորդում դա հնարավոր չէ անել, որովհետև նվազական բաղդատականը կփոխակերպվի առավելականի: Սա երկու բան է հուշում. ա) նվազական բաղդատական ասվածը նկատելի արհեստականություն է կրում իր մեջ, և դրանով պիտի բացատրել նրա հազվադեպ կիրառությունը. բ) առավելական բաղդատականի դեպքում առավելանիշ բաղդատիչի առկայությունը հավելադրություն է, որը, եթե պայմանավորված չէ ոճական, առկայացական, տաղաչափական նպատակներով, բացառականի կողքին հավասարվում է **ավելորդության**, որից հարկ է խուսափել՝ ի շահ խոսքի տնտեսման, քանի որ լեզվական համակարգը հնարավորություն տալիս է բաղդատվածության ընկալման՝ առանց դրա: Առավել հարթ է «Կրտսեր պաշտոնյան ավագից լավ մասնագետ է» կառուցվածքը, որի մեջ փոխանվանական հատկանիշի բացառականով ձևավորվածությունն ինքնին համեմատության աստիճանակազմության ցուցանշան է:

Հատկանիշ(ներ)ի համեմատությունը, **ըստ առարկայակազմի**, կարող է լինել **ինքնառարկայական** (autoobjective) կամ**այլառարկայական** (alloobjective)։ Բաղդատականի այս տեսակները համաչափորեն բաշխվում են համաստիճան և տարաստիճան բաղդատականների վրա։ **Ինքնառարկայական (տիրույթի) բաղդատականն** անդրադարձ բնույթ ունի։ Հատկանիշի համեմատությունը կատարվում է նույն առարկայի սահմաններում։**Այլառարկայական (տիրույթի) բաղդատականի** դեպքում հատկանիշի համեմատությունը կատարվում է տարբեր առարկաների միջև.

Հմմտ.

ա) **Ինքնառարկայական համաստիճանություն**

Իմ ***<u>սենյակն</u>*** *այսօր* ***նույնքան հրապուրիչ*** *է, որքան երեկ։ // Իմ* ***<u>սենյակն</u>*** *այսօր երեկվա* ***պես/չափ հրապուրիչ*** *է*։

բ) **Այլառարկայական համաստիճանություն**

Իմ ***<u>սենյակը</u>նույնքան հրապուրիչ է, որքան<u>քոնը</u>***: || *Իմ* ***<u>սենյակըքոնի</u>*** ***պես / չափ հրապուրիչ*** *է*[3]:

Նույնը վերաբերում է տարաստիճան բաղդատականին.

Հմմտ.

ա) Ինքնառարկայական տարաստիճանություն

Այս տարի ավելի մեղմ<u>ձմեռ</u> կլինի, քան նախորդում։ // Այս տարի նախորդ <u>ձմեռվանից</u>(ավելի) մեղմ կլինի։

բ) Այլառարկայական տարաստիճանություն

<u>Պատանիներն</u>ավելի աշխույժ են, քան<u>երիտասարդները</u>։ // <u>Պատանիները երիտասարդներից</u> աշխույժեն։

Բ) Բաղդատական աստիճանը ռուսերենում, իտարբերություն հայերենի, կազմվում է և՛ համադրական,և՛վերլուծական եղանակով։

Բաղդատական աստիճանի համադրական ձևը կազմվում է դրական աստիճանի կամ ելակետային ձևի հիմքից՝ *-ее* (*-ей*), *-е* վերջածանցներով[4], իսկ նորագույն ուսումնասիրությամբ՝ նաև -ше վերջածանցով[5]՝ родной – роднее (родней), белый – белее (белей), вкусный –вкуснее

---

[3] Տե՛ս նաև *D. Sakayan,* Eastern Armenian for the English-speaking World. A contrastive approach, Yerevan, Yerevan state university press, 2007(540), էջ. 184–185:

[4] Տե՛ս *Н. Валгина, Д. Розенталь, М. Фомина,* Современный русский язык, М., «Высшая школа», 2002, http://www.studfiles.ru/preview/395390/ էջ. 137–138 (528 էջ):

[5] Տե՛ս *А. Камынина,* Современный русский язык. Морфология (учебное пособие, 2-е издание), М., МГУ, 2010, էջ 94 (240 էջ)։ Հարկ ենք համարում տեղեկացնել, որ ռուսերենին վերաբերող քերականական օրինակների զգալի մասը քաղել ենք այս երկու գրքից կամ կազմել ենք այդտեղի նմուշների համապատասխանությամբ։

(вкусней), тихий – тише, молодой – моложе[6]: Սակավաթիվ ածականներ են բաղադրվում -ше վերջածանցով՝ далёкий – дальше, большой – больше, ранний – раньше և այլն: Երեք ածականի բաղդատական աստիճանը կազմվում է տարարմատությամբ՝ малый – меньше, хороший – лучше, плохой – хуже[7]: Համադրական ձևի դրսևորումներից է առավելապես խոսակցական ռուսերենում ի հայտ եկող – *по* մեղմացուցիչ նախածանցով կազմությունը: Այդ նախածանցը դրվում է հե՛նց բաղդատական ձևի վրա՝ сильнее – посильнее, высокий – повыше և այլն: Այս նախածանցի համարժեքները պիտի համարել խոսակցական հայերենում արտահայտվող *-(ա)վուն*, *-ուտ* (արևմտահայերենում՝ -(*կեկ*)) վերջածանցները՝ մեծավուն, խոշորավուն (մեծկեկ, խոշորկեկ), փոքրավուն, մանրավուն, փոքրոտ, մանրոտ և այլն: Հարկ է նկատել, որ *-ուտ*-ը գործածվում է փոքր առարկաներ բնութագրող հատկանշացույց բառերի հետ, մինչդեռ *-(ա)վուն*-ը չեզոք է այս առումով. հավասարապես գործածվում էթե՛ մեծ, թե՛ փոքր առարկաների բնութագրության ժամանակ:

Բաղդատականի վերլուծական ձևը կազմությամբ նման է հայերենի օրինաչափությանըն, ի տարբերություն համադրական ձևերի, առավել կենսունակ է, չունի ձևային սահմանափակումներ: Ռուսերենում ևս դրսևորվում է առավելական ու նվազական տարբերակներով: Վերլուծականով ձևավորված բաղդատականը կազմվում է ոչ թե ելակետային ձևի հիմքից, այլ, ինչպես հայերենում, հենց ելակետային ձևից՝ համարժեք բաղդատիչներով, որոնք են՝ ***более*** (сильный), ***менее*** (длинный).

Արդ՝ վերստին ներկայացնենք վերը բերած հայերեն օրինակները՝ ռուսերենի հանդիպադրությամբ, որով ակնբախ են դառնում այս լեզուների կազմաբանական առանձնահատկությունները:

ա) Ինքնառարկայական համաստիճանություն

Իմ **<u>սենյակն</u>** այսօր **նույնքան հրապուրիչ** է, որքան երեկ: // Իմ **<u>սենյակն</u>** այսօր երեկվա **պես/չափ հրապուրիչ** է:

Моя **<u>комната</u>** сегодня **столь же привлекательна**, как и вчера.

բ) **Այլառարկայական համաստիճանություն**

Իմ ***<u>սենյակը</u> նույնքան հրապուրիչ է, որքան <u>քոնը</u>***:// *Իմ* ***<u>սենյակը</u> <u>քոնի</u> պես / չափ հրապուրիչ է***:

Моя ***<u>комната</u> настолько же привлекательна, как и твоя***.

ա) Ինքնառարկայական տարաստիճանություն

---

[6] Այստեղ ուշադրություն չենք դարձնում հնչույթների հերթագայական օրինաչափություններին:

[7] Չենք անդրադառնում նաև զուգաձևություններին և այն ածականներին, որոնցից բաղդատական աստիճան չի կազմվում:

*Այս տարի ավելի մեղմ **ձմեռ** կլինի, **քան** նախորդում: // Այս տարի նախորդ **ձմեռվա պես / չափ** մեղմ կլինի*:

*В этом году будет более умеренная**зима**, **чем** / **нежели** в прошлом.*

բ) **Այլառարկայական տարաստիճանություն**

***Պատանիներն** ավելի աշխույժ են, **քան** **երիտասարդները**: // **Պատանիները երիտասարդներից** աշխույժեն*:

Юноши** более активны, чем / нежели **молодёжь**.// **Юноши** активнее **молодёжи.

2. **Գերադրականաստիճանը** ցույց է տալիս տվյալ առարկայի հատկանիշի անգերազանցելի չափը՝ համդիպադիր առարկաների նույն հատկանիշի հարաբերությամբ: Ինչպես բաղդատական աստիճանը, գերադրականը ևս ունի իր համեմատելի ցուցանշանները: Գերադրական աստիճանի ցուցանշաններն անվանում ենք **գերադիրներ**: Գերադրական աստիճանակազմությամբ զուգադրվող լեզուներն ավելի շատ ընդհանություն ունեն, քան բաղդատական աստիճանի կազմության դեպքում: Երկու լեզվում էլ այս աստիճանը կազմվում է թե՛ համադրական, թե՛ վերլուծական եղանակով:

Հայերենում գերադիրներ են հատկանշացույց բառի վրա դրվող ***ամեն(ա)***- նախածանցը, -***(ա)գույն*** վերջածանցը, ***ամենից***, ***ամենքից***, ***բոլորից*** դերանվանական գոյականները: Վերջածանցական գերադիրը կենսունակ է ածականների փոքր խմբի համար միայն, իսկ նախածանցական և բառային գերադիրները մեծ կենսունակություն ունեն: Միայն թե **ամենքից** գերադիրը դասային սահմանափակում ունի և կիրառվում է բացառապես **անձնանիշ գոյականների** համեմատելի հատկանիշի վերաբերմամբ: Բերենք օրինակներ. *Նա քո **ամենից լավ** / **ամենալավ** / **լավագույն** ընկերն է: Բոլորից հասակովը Մինաս հորեղբայրն է (Ար.): Նա՝.... այդ ծիծաղող մարդը, թողեց **ամենքից շատ** գաղափարներ* (Գր. Գուրգ.):

Ռուսերենում գերադիրներ են-ейш-/-айш- ցուցանշանները (труднейший, величайший), ավելի հազվադեպ՝ наи-, пре- նախածանցները (предлинный, наивысший), самый, наиболее, наименее, всех, всего: Վերջին երկուսի համար հիմք է ծառայում ածականի բաղդատական աստիճանի ձևը (всех ближе, всего дороже), իսկ առաջին երեքի հիմքն է դրական աստիճանը կամ ելակետային ձևը՝ самый храбрый, наиболее дорогой, наименее известный[8]:

---

[8] Տե՛ս *Н. Валгина և այլք, նույն տեղում*, էջք 139-1.04, *А. Камынина, նույն տեղում*, էջ. 97–99:

Գերադրականի ձևով հնարավոր է արտահայտել գերազանց հատկանիշի իմաստ՝ առանց որևէ համեմատության՝

Այս ուսումնական հաստատության բոլոր ունկնդիրները մի քանի տարի առաջ արդեն ստացել են ***բարձրագույն*** *կրթություն* (Ար.): Առանց համեմատության բարձրագույն հատկանիշ ցույց տվող գերադրականը հայտնի է **բացարձակ գերադրական** (ēlātīvus) անվանմամբ՝ ի հակադրություն **համեմատական գերադրականի**(superlātīvus):Այդպես է նաև ռուսերենում՝ ա) Она умнейшая ученица (ēlātīvus). բ) Она умнейшая ученица в классе (superlātīvus): Բացարձակ գերադրականը դուրս է աստիճանակազմության սանդղակից: Սրա և համեմատական գերադրականի տարբերակիչ հատկանիշը հայերենում արտահայտվում է լրացյալ գոյականի **որոշյալությամբ**: Համեմատականի դեպքում նշված գոյականի ցուցիչը **որոշիչ հոդն** է, իսկ բացարձակի ցուցիչը՝ **հոդի բացակայությունը** (հմմտ. վերի օրինակները):

Համեմատության աստիճանների քերականական կարգը հայերենում չունի կազմաբանական այն խստապահանջությունը, ինչ որ ունեն, ասենք, թվի, հոլովի ու հոլովման կամ խոնարհման բազմաթիվ կարգեր: Դա հնարավորություն է տալիս մի կողմից՝ ազատ փոխանցումների թե՛ միջխոսքամասային, թե՛ միջաստիճանային առումով: Մասնավորապես վերջին դեպքում պատահում են մինչև իսկ **սահմանախախտումներ**: **Միջաստիճանային սահամանախախտություն** կամ պարզապես **աստիճանախախտություն**ենք անվանում համեմատության աստիճանների իմաստային այնպիսի հակադարձ գործառությունը, երբ հատկանիշի ստորին աստիճանն իրադրորեն կարող է գերազանցել վերին աստիճանը: Լավագույն օրինակ է հետևյալ քառյակը.

Դժվար է գալը, դժվար՝ գնալը,
Դժվար՝ լռելը, դժվար՝ ճչալը.
Դեռ *հավատա՜լն* ***է ամենից դժվար,***
Ավելի դժվար՝ չհավատա՜լը ... (Ս. Կապուտիկյան):

Բերված օրինակում նույն հատկանիշի բաղդատական աստիճանը գերազանցում է գերադրականը, որի արտահայտման մեջ դեր ունի, անկասկած, քնարական հերոսի սրված հոգեվիճակը:

Հայտնի է, որ լեզուն հորինված է արտաքին աշխարհի նմանողությամբ՝ ըստ մարդկային պատկերացումների: Ածականի համեմատության աստիճանները դրա վկայություններից են և հարաբերակցելի են կախման քերականական կարգի աստիճանավորմանը: Համաստիճան բաղդատականը նույնադաս և համադաս հարաբերությունների հատկանշային նմանակն է, տարաստիճան բաղդատականը՝ տարադասական

հարաբերության բաղադրիչների դրսևորման նմանակը՝ ըստ գերադաս կամ ստորադաս դիրքի. առավելական բաղդատականը գերադաս-ստորադաս հարաբերության հատկանշային նմանակն է, նվազական բաղդատականը՝ ստորադաս-գերադաս հարաբերության նմանակը: Իսկ, ահա, գերադրական աստիճանը հարաբերակիցն է վերագերադաս-ենթաստորադաս բաղադրիչների աստիճանավորման: Վերջապես թե՛ մեկ, թե՛ մյուս աստիճանավորումները հարաբերակիցներն ու նմանակներն են արտաքին աշխարհի բնական և մարդկային հարաբերությունների (ներառյալ եկեղեցական նվիրակարգությունը) շերտավորումների:

3. Ի մի բերելով հանդիպադրյալ լեզուների աստիճանակազմության օրինաչափությունները՝ դյուրին է նկատելը, որ կան թե՛ ընդհանրություններ, թե՛ տարբերություններ:

1) Տիպաբանական ընդհանրություններից **հանրույթներ** են երկու լեզուներում **բաղդատական** և **գերադրական** աստիճանները:

2) **Բաղդատական** հանրույթի շրջանակում **տարբերույթ** են դիտարկվող լեզուների աստիճանակազմության եղանակները. հայերենում բաղդատականը ձևավորվում է միայն վերլուծական, ռուսերենում՝ և՛ վերլուծական, և՛ համադրական եղանակով:

3) **Բացարձակ հանրույթներ** պետք է դիտել երկու լեզուներում հատկանիշների՝ իմաստային դաշտերը ինքնառարկայնությամբ ու այլառարկայնությամբ տոգորող ուղղվածությունները համաստիճան և տարաստիճան բաղդատականներում:

4) Ձևավորման եղանակի վերացարկվածության առումով **բացարձակ հանրույթներ** են հայերենի և ռուսերենի **գերադրական** աստիճանակազմ դրսևորումները, քանի որ այս աստիճանը հանդիպադիր լեզուներում կազմավորվում է թե՛ համադրական, թե՛ վերլուծական եղանակով: **Բացարձակ հանրույթ** է նաև այն, որ երկու լեզվում էլ համադրական եղանակը ձևավորվում է և՛ նախածանցի, և՛ վերջածանցի մասնակցությամբ:**Տարբերույթն** այն է, որ հայերենում թե՛ նախածանցի, թե՛ վերջածանցի համար հիմք է ծառայում ածականի դրական աստիճանի ձևը, ռուսերենում՝ կամ այդ ձևը, կամ բաղդատականի ձևը: **Բացարձակ հանրույթ** է նաև աստիճանակազմության այն դրսևորումը, որի համաձայն՝ երկու լեզուներում աստիճանակազմության ենթակա բոլոր որակական ածականներից հնարավոր է գերադրական կազմել վերլուծական եղանակով: Այս հանրույթին առնչակից մի **տարբերույթ** կա, որ դրսևորվում է հայերենում միայն (-***(ա)գույն***) վերջածանցի սահմանափակմամբ, մինչդեռ (***ամեն(ա)***-)նախածանցով համադրական կազմու-

թյուններր սահմանափակում չեն ճանաչում ճիշտ այնպես, ինչպես վերլուծականներր:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Օհանյան Հ.,* Ածական անունը ժամանակակից հայերենում, Երևան, Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, 1962, (182):
2. *Sakayan D.,* Eastern Armenian for the English-speaking World. A contrastive approach, Yerevan, Yerevan state university press, 2007 (540).
3. *Валгина Н., Розенталь Д., Фомина М.,* Современный русский язык, М., «Высшая школа», 2002, http://www.studfiles.ru/preview/395390/(528):
4. *Камынина А.,* Современный русский язык. Морфология (учебное пособие, 2-е издание), М., МГУ, 2010 (240):

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВАНИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ВОСТОЧНОАРМЯНСКОМ И РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКАХ

Д. Гюльзатян, Р. Аветисян

АННОТАЦИЯ

Типологическое исследование образования степеней сравнения в современном восточноармянском и русском литературном языках выявляет интересные закономерности.

1) В типологической общности обоих языков универсалиями являются сравнительная и превосходная степени. 2) Дифференцирующим признаком в рамках универсальной сравнительной степени в изучаемых языках являются способы образования степеней сравнения: в армянском языке сравнительная степень формируется только аналитическим способом, а в русском – и аналитическим, и синтетическим способами. 3) Абсолютными универсалиями в обоих языках следует рассматривать тенденцию к насыщению семантических полей автообъективацией и аллообъективацией в гомоградуальных и гетероградуальных сравнениях. 4) С точки зрения способов формирования абсолютной универсалией в армянском и русском языках является образование превосходной степени, так как эта степень в сопоставляемых языках образуется и синтетическим, и аналитическим способами. Абсолютной универсалией является также образование в обоих языках синтетической формы как с помощью префиксов, так и с помощью суффиксов. Дифференцией является то, что в армянском языке основой как для префиксации, так и для аффиксации служит форма положительной степени прилагательного, а в русском языке – или та же форма, или форма сравнительной степени. Абсолютной универсалией представляется также то, что в обоих языках от всех качественных прилагательных возможно образовать аналитическую форму превосходной степени. С этой универсалией связана и одна дифференция: в армянском языке аффикс ***-(ա)գույն*** (*-(а)гуйн)* ограничен в употреб-

лении, между тем для префикса ***ամեն(ա)-*** *(амен(а)-)* при образовании синтетической формы нет никаких ограничений точно так, как в аналитических формах.

Ключевые слова: позитив, компаратив, гомоградуальное сравнение, гетероградуальное сравнение, автообъективное сравнение, аллообъективное сравнение, компаративный маркер, межградуальное нарушение,суперлатив, суперлативный marker

A CONTRASTIVE STUDY OF THE DEGREE-FORMATION FEATURES OF THE ADJECTIVE IN THE MODERN LITERARY EASTERN ARMENIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

D. Gyulzatyan, R. Avetisyan

ABSTRACT

The typological study of the degree-formation features of the adjective in the literary forms of the contemporary Armenian and Russian languages discloses interesting patterns.

1) Universal among the typological generalities in both languages are the comparative and superlative degrees. 2) Differential within the universality of the comparative degree are the modes in which these degrees are formed; in Armenian, the comparative degree is formed solely in an analytical mode, while in Russian, both analytical and synthetic modes are utilized. 3) The tendencies of the quality to ascribe autoobjectivity and alloobjectivity to the semantic fields in homograde and heterograde comparatives must be considered as universal absolutesin both languages. 4) The features forming the superlative degree in both languages are universal absolutes in terms of the abstraction of the mode of formation, because in the contrasted languages this degree is formed both by a synthetic and analytic modes. In both languages, the synthetic mode is formed both by means of a prefix and of a suffix, which is another universal absolute. The differentiality is that while in Armenian the form of the positive degree serves as the basis for both the prefix and the suffix, in Russian, it is either this form or that of the comparative degree. Also of universal absolute nature is the possibility in both languages to make the superlative degree of qualitative adjectives by the analytical mode. There is one differentiality to this universality, which comes up in Armenian: there is a restriction to the use of the ((-***(ա)գույն***-(**a)guyn**)) suffix, whereas the synthetic forms with the ((***ամեն(ա)***-**amen**(**a**)**-**)) prefix know no restriction similar to the analytic forms.

Keywords: positive, comparative, homograde comparison, heterograde comparison, autoobject comparison, alloobject comparison, comparative marker, violation of the grade, superlative, superlative marker

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ УСТНОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ

Л. Тер-Саргсян

Армянский государственный экономический университет
lusya.ter-sargsyan@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются невербальные средства коммуникации как дополняющее средство обучения и усовершенствования устной речи студентов-экономистов. Выделяются основные функции невербальной коммуникации в учебных целях, а именно: функции дополнения, опровержения вербальных сообщений, замещения вербальных сообщений, регулирования разговора.

Ключевые слова: устная речь, деловое общение, невербальная коммуникация, вербальная коммуникация, диалог.

В современных философских работах вопросам общения как специфическому способу взаимных отношений между людьми уделяется достаточное внимание (Каган 1988: 111).

Общение, включающее интеллектуальную, эмоциональную, духовную сферы деятельности человека, реализуется знаковой системой, строение которой обусловлено характером заданного речевого произведения. Исходным условием общения, а следовательно, и использования системы языков, является «индивидуальное своеобразие партнеров» (Каган,1988), реализуемое единством коммуникативной, интерактивной и перцептивной направленностей общения, а конечным результатом и смыслом которого является достижение взаимопонимания.

Говоря о взаимопонимании в общении, целесообразно подробнее рассмотреть средства общения, зафиксированные системой знаков. Такую систему знаков представляет язык, где реализуются не только словесные, вербальные, но и несловесные, невербальные средства общения.

Известно, что коммуникативное поведение индивидуумов являет собой реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Подобные правила и традиции в большинстве случаев имеют ярко выраженную национальную окраску, что препятствует их адекватному восприятию представителями других народов и культур. Вербальные средства общения и значащие жесты, мимика, пантомимика и т.п. взаимодействуют в коммуникативном акте, дополняя друг друга, тем самым доказывая стимулирующее и интенсифицирующее влияние

на процесс общения и являются необходимым условием в практике обучения иноязычному общению, как сложному многоплановому процессу установления и развития контактов между представителями разных культур.

Заметим, что понятие «общение» не должно отождествляться с понятием «говорение». Определенная разнонаправленность терминов отражает сущность стоящих за ними явлений, вследствие этого, будучи формально схожими, они по своей сути представляют разные процессы. Если под «говорением», достаточно широко представленным в научных источниках, понимается владение одним из продуктивных видов речевой деятельности-внешней, произносимой и воспринимаемой на слух речью, то устное «общение» принято рассматривать как «специфический для субъектов способ взаимных отношений, способ бытия человека во взаимосвязях с другими людьми (Борисов, 1999), где специфичность отношений, на наш взгляд, проявляется, прежде всего, в том, что именно «Его Величество Общение (Ее величество Коммуникация) правит людьми и их поведением» (Тер-Минасова, 2000). Следовательно, понятие «общение», предполагающее взаимодействие субъектов, шире и многозначнее понятия «говорение» и не ограничивается только лишь воспроизведением устной речи согласно заданным образцам. В отличие от говорения, общение не ограничивается только лишь вербальными средствами, но параллельно предполагает обращение к невербальным средствам. Вопросам, связанным с функционированием невербальных средств общения в речи, посвящен целый ряд научных работ в философской, лингвистической, психологической и других областях. Вместе с тем, недостаточно исследованными остаются вопросы, связанные с процессом обучения иноязычному общению, предполагающему обращение к невербальным средствам общения.

Исследование процесса понимания, его роли и значения в коммуникативной деятельности людей является характерной особенностью современного этапа развития философской науки, где понимание определяется как сложный комплексный феномен, связанный с психологическими и познавательными способностями, с процессами общения между людьми, с познанием другого «я», с взаимодействием различных культур.

Следует обратить внимание на позицию ряда философов, представляющую процесс понимания в виде двух моделей-рационалистической и антропологической. При разработке вопросов понимания только как рационалистической (интеллектуальной) деятельности, ориентированной в основном на абстрактно-теоретическое мышление, не учитывается многообразие видов человеческой деятельности, направленной на переработку информации и

выражение смыслового содержания не только в форме словесного языка, но и в самих разнообразных несловесных формах, т.е. при помощи невербальных средств общения. При этом отмечается, что такими формами общения могут быть кинестетические феномены, которые выражают не только настроение собеседника, но и позволяют достаточно точно судить о характере коммуникативного партнера, что, безусловно, влияет на смысловое восприятие речи. По мнению исследователей, невербальные средства могут служить самостоятельным языком человеческого общения без помощи вербальных, лингвистических средств (Каган М.С.). Более продуктивным, на наш взгляд, в целях самого общения и понимания было бы не противопоставление двух моделей общения, реализуемых вербальными и невербальными средствами, а рассмотрение их как дополняющих одна другую, представляющих целостный механизм человеческого общения.

Невербальная коммуникация представляет собой обмен невербальными сообщениями между людьми, а также их интерпретацию. Особенностью невербальных сообщений является их ситуативность. Существуют несколько функций, которые невербальные сообщения выполняют при взаимодействии с вербальными. Это функции дополнения вербальных сообщений, опровержения вербальных сообщений, замещения вербальных сообщений и регулирования разговора.

Дополнения делают вербальную речь более выразительной, уточняют и проясняют ее содержание. Например, если вы обнимаете друга в тот момент, когда говорите ему, что очень рады его видеть, объятие служит дополнением к вашему речевому сообщению.

Опровержение означает, что невербальное сообщение противоречит вербальному. Если на вопрос «Вам интересно?» собеседник демонстрирует замешательство, отводит глаза в сторону, виновато улыбается и говорит «В общем-то, да», то следует усомниться в правдивости его ответа.

Замещение означает использование невербального сообщения вместо вербального. Так, например, во время дискуссии ведущий может без слов, с помощью взгляда и поворота головы и тела, предложить кому-то из участников выступить.

Регулирование означает использование невербальных знаков для координации взаимодействий между людьми. При этом часто используются описанные выше знаки; поворот головы в сторону того, кто должен выступить; тон голоса, сообщающий о завершении фразы; прикосновение к кому-то, выражающее желание о чем-то спросить, одобрительные или неодобрительные взгляды в адрес выступающего. Эти и многие другие знаки регулируют

течение коммуникации. Таким образом, невербальные сообщения – необходимая составляющая межличностной коммуникации. Они являются индикаторами эмоциональных состояний и показателями многообразных отношений человека к окружающему миру.

В ситуациях межличностного общения ни язык жестов, ни вербальные средства общения не являются исходными и фундаментальными по отношению друг к другу, скорее каждый из них предполагает наличие другого и строится в расчете на другой.

Общеизвестно, что сегодняшний мир противоречив и полемичен больше, чем когда-либо прежде, и будущее человечества во многом зависит от умения организовывать и вести диалог.

В связи с этим поднимается очень важный на сегодняшний день вопрос – вопрос культуры диалога, который подлежит специальному обучению.

Известно, что текст диалога может быть письменным и устным. В противоположность письменному диалогическому тексту, подразумевающему предельную развернутость словесного выражения мысли, устный, в силу многих причин социально-психологического характера, как правило, не требует развернутости, ведется с применением невербальных средств общения, ибо удачно выбранный жест, мимика, пантомимика, сопровождающие, а иногда и заменяющие вербальные средства, могут оказать большую помощь в достижении взаимопонимания. А взаимопонимание возможно лишь при наличии доверительного диалога, учитывая интересы, симпатии, ценностные и культурные ориентации его участников (Сафонова,1996; Тер-Минасова, 2000).

Очевидно, что на процесс взаимопонимания будет оказывать влияние ситуационный характер диалога, а также личностное восприятие ситуации, преломленные через наличие желания и потребности в общении между участниками диалога. Представляется, что как общение, так и взаимопонимание невозможны без единого языка, где важна не столько общая знаковая форма, сколько ее семантика, т.е. значения, которыми оперируют участники диалога. Говоря о коммуникативной стороне процесса общения, следует остановиться на средствах, с помощью которых происходит обмен информацией. Что касается невербальных средств общения, здесь применяются различные неречевые знаковые системы. Выделяют следующие невербальные средства общения (Шевандрин, 1995: 106).

- визуальные: кинетика (движения рук, головы, ног, туловища, походка);
- выражение лица; выражение глаз; кожные реакции (покраснение, побледнение и т.д.);

- проксемика (пространственная и временная организация общения); вспомогательные средства общения – подчеркивание или сокрытие особенностей телосложения (признаки пола, возраста, расы);
- средства преобразования внешности (одежда, косметика, очки, украшения, татуировка, усы, борода и так далее);
- акустические: паралингвистические (качество голоса, диапазон, тональность); экстралингвистические (паузы, смех, плач, вздохи, кашель, хлопанье); тактильные: (прикосновение, пожатие рук, объятие, поцелуй);
- ольфакторные: приятные и неприятные запахи окружающей среды, естественный и искусственный запахи человека.

Интерактивная сторона процесса общения предполагает взаимодействие людей. Под взаимодействием обычно подразумевается организация совместных действий, позволяющих группе реализовать общую деятельность (Шихарев, 1979: 113).

В настоящее время во всех сферах человеческой деятельности ощущается потребность в компетентном специалисте, обладающем знаниями, умениями, навыками и определенным набором свойств личности, которые в совокупности позволяют ему на высоком уровне осуществлять свои профессиональные функции в изменяющихся экономических условиях. Специфика иноязычного делового общения специалистов экономической сферы состоит в том, что для его эффективного осуществления необходимо системное использование знаний по специальным дисциплинам; иностранному языку, психологии общения, теории коммуникации. Поэтому обучение будущих экономистов иноязычному деловому общению должно, с одной стороны, опираться на фундаментальные знания по каждой из этих дисциплин и, с другой стороны, создавать условия для их применения в ситуациях делового общения на иностранном языке.

Эффективность делового взаимоотношения определяется не только тем, как поняты слова собеседника, но и умением правильно интерпретировать визуальную информацию, то есть взгляд партнера, его мимику и жесты, телодвижения, позу, дистанцию и угол общения, а также тембр речи. Именно «прочтение» невербального, экспрессивного репертуара собеседника способствует достижению взаимопонимания. Отслеживание такой информации в ходе любого делового разговора может вооружить человека сведениями о морально-личностном потенциале партнера, о его внутреннем мире, настроении, чувствах и переживаниях, намерениях и ожиданиях, степени решительности или отсутствии таковой. Знание и понимание подобной инфор-

мации может привести к положительному исходу деловых переговоров, встреч, договоров в деловом мире, вот почему при обучении студентов-экономистов деловому общению, представляется целесообразным ознакомить и обучить их различным невербальным средствам общения.

Речь можно точнее понять и лучше запомнить, если она дублируется жестами. В деловом общении жесты весьма информативны. Они могут быть сигналом к окончанию встречи (например, готовность одного из собеседников встать из-за стола – корпус чуть наклонен вперед, при этом руки опираются на что-либо) или иметь прямо противоположное значение и свидетельствовать о заинтересованности в беседе, например, рука находится под щекой, но не подпирает ее. Другие жесты-символы ограничены рамками той или иной культуры или местности, причем эта специфичность может проявляться двояко. К ним относится, например, довольно распространенный сегодня во многих странах мира американский символ «ОК», означающий «все хорошо», «все в порядке» и передающийся с помощью большого и указательного пальцев, которые как бы образуют букву «О». Однако этот жест нельзя считать общепринятым. Например, во Франции он может означать ноль, а в Японии – деньги. Аналогично, жест согласия, выраженный кивком головы во многих культурах, в том числе и в нашей, в некоторых странах, например в Болгарии, отображает отрицание, несогласие.

Еще одна группа жестов-это жесты-регуляторы. Они играют очень важную роль в начале и конце беседы. Один из таких жестов-регуляторов – рукопожатие. Это традиционная и древнейшая форма приветствия. Она информативна и говорит о многом. В деловом мире рукопожатие используется не только при приветствии, но также как символ заключения соглашения, знак доверия и уважения к партнеру.

Проксемические особенности невербального общения также выступают в качестве особой знаковой системы и несут смысловую нагрузку.

Так, например, размещение партнеров лицом друг к другу способствует возникновению контакта, символизирует внимание к говорящему. Экспериментально доказано преимущество некоторых пространственных форм организации общения (как для двух партнеров, так и для большой аудитории). Выбор дистанции зависит от взаимоотношений между людьми и от индивидуальных особенностей человека. Как правило, люди стоят ближе к тем, кому они симпатизируют. Например, интроверты плохо переносят слишком близкую дистанцию.

Взгляд, его направление, частота контакта глаз – еще один компонент невербального общения. С помощью глаз передаются самые точные и откры-

тые сигналы из всех сигналов межличностной коммуникации, потому что они занимают центральное место на лице человека. Например, во время делового общения ваш взгляд должен встречаться с глазами партнера около 60–70% от всего времени общения. Скованный, зажатый собеседник, который встречается с вами взглядом менее 1/3 от времени общения, редко пользуется доверием.

Так же надо знать, например, что во время переговоров и деловых бесед никогда не следует одевать темные очки, потому что у партнера появится ощущение, что его рассматривают в упор.

В деловом общении необходимо так же обращать внимание на голосовые характеристики партнера. Голос содержит в себе очень много информации о хозяине. По тону голоса, по его высоте и скорости можно определить настроение, характер и темперамент его обладателя.

Очень важным средством невербального общения является стиль одежды. Внешний вид, одежда человека играют важную роль в процессе общения. Одеваясь, человек должен осознавать, какую информацию он передает своим внешним видом и как она скажется на достижении его целей общения.

Таким образом, невербальные средства общения, в частности жесты, являются неотъемлемой и необходимой частью бытовой жизни людей каждого этнического коллектива, т.к. выполняют не только идеологические, культовые или социальные функции, но и отражают повседневную практическую деятельность частного человека (McNeill, 1992: 4). В данной связи необходимо подчеркнуть, что социокультурный подход к обучению устной речи на английском языке студентов-экономистов позволяет включить в учебный процесс невербальные средства повседневного и делового общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каган М.С.* Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319 с.
2. *McNeill D.* Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago, 1992.
3. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
4. *Шихарев П.Н.* Современная социальная психология в США. М.: Наука, 1979. 209 с.
5. *Шевандрин Н.И.* Социальная психология в образовании. М.: ВЛАДОС, 1995. - 544 с.

THE USE OF NON-VERBAL COMMUNICATION MEANS IN DEVELOPING SPEAKING SKILLS OF STUDENTS MAJORING IN ECONOMICS

L. Ter-Sargsyan

ABSTRACT

Successful communication requires to be competent and experienced not only in verbal but also in non-verbal communication since most of our communication takes place at the non-verbal level. The article deals with the principles of forming and developing students' oral speech through non-verbal communication, taking into account their content and functions.

Keywords: non-verbal communication, business communication, verbal communication, dialogue, oral speech.

ՈՉ ԽՈՍՔԱՅԻՆ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՄԱՆ ՄԻՋՈՑՆԵՐԻ ԳՈՐԾԱԾՈՒՄԸ ՏՆՏԵՍԱԳԵՏ ՈՒՍԱՆՈՂՆԵՐԻ ԲԱՆԱՎՈՐ ԽՈՍՔԻ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՆՊԱՏԱԿՈՎ

Լ. Տեր-Սարգսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հայտնի է, որ ոչ խոսքային հաղորդակցումը կարևոր է ոչ միայն առօրյա խոսքում, այլև գործարար հաղորդակցման գործընթացում: Հոդվածում քննության է առնվում ոչ խոսքային հաղորդակցման միջոցների ուսուցանումը տնտեսագետ ուսանողների բանավոր խոսքի ձևավորման և զարգացման նպատակով, հաշվի առնելով սույն միջոցների բովանդակությունը և գործառույթները:

Հիմնաբառեր՝ բանավոր խոսք, խոսքային հաղորդակցում, երկխոսություն, ոչխոսքային հաղորդակցում, գործարար հաղորդակցում:

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ՀԱԿՈԲ ՊԱՐՈՆՅԱՆԻ ԳՐԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆՆԵՐԸ. ՄՈԼԻԵՐ

Ա.Մ. Գլջյան

Հայաստանի ազգային ագրարային համալսարան
d.gljyan@gmail.com

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Պարոնյանը համաշխարհային գրականության մեծ դեմքերի, այդ թվում, Մոլիերի, ստեղծագործական փորձն ուսումնասիրել է, որպես զիխորթափանցի բանարվեստի է ության մեջ և ճշտի արվեստագետիիրուղինու խնդիրները: Նա, Մոլիերի փորձը յուրացրել է՝ խորապես գիտակցելով նրաան հատականության և ժառանգության ուժեղն թույլ կողմերը:

Հիմնաբառեր՝ Պարոնյան, Մոլիեր, ստեղծագործական ժառանգության:

Պարոնյանի, ինչպես որևէ գրողի, ստեղծագործությունն ըմբռնելու բանալիներից մեկը պետք է փնտրել՝ կենտրոնանալով նրանց գրական համալսարանների՝ ազգային և համաշխարհային արվեստի մեծերից քաղած դասերի վրա, քանի որ ավագների փորձն ու գիտելիքները յուրացնելն օգնում է կրտսերներին ստեղծագործության հետ կապված սկզբունքային խնդիրները վճռելու գործում:

Պարոնյանը, նախքան գրական ասպարեզ մտնելը, գիտակցել է, որ հայրենի գրական հասարակությունը գտնվում է եվրոպական մշակույթի կենտրոններից հեռու, ուստի, ընձեռած աճելու և ինքնադրսևորվելու պայմանները կարող են օբյեկտիվորեն սահմանափակել իր տաղանդի հնարավորությունները: Ինքը, որպեսզի զարգանա, պետք է մոտիկից ծանոթանա եվրոպական մշակույթին. կյանքի, գիտության, ազգա-յին ու համաշխարհային գեղարվեստի, նրա պատմության վերաբերյալ հիմնարար գիտելիքներ ձեռք բերի, խորամուխ լինի նաև՝ հայրենի գրականության պատմության առանձնահատկությունների և պահանջ-ների մեջ: Այսինքն, անհրաժեշտ էր, որ ինքը դարաշրջանով շնչի, որպեսզի լինի մտքի և ոչ թե արվեստի արտաքին էսթետիզմի մարդ:

Պարոնյանը. «Յուր երիտասարդության մեջ՝ յուր հանճարին գիտակցությունն ունենալու սկսած միջոցին», «եռանդով կարդացած էր

ընտրելագույն հեղինակներն»[1], վկայել են ժամանակակիցները. «Նա գիտցած էր խուզարկել ամեն ազգաց մատենագրությանց մեջ և լավագույն ադամանդները դուրս հանել, ի բաց թողլով ավելորդը»[2]: Այդ հեղինակների մեջ առանձնացել է Ժան-Բատիստ Մոլիերը: «Սովորաբար Մոլիերի կամ Պուալոյի հատոր մը ուներ ձեռքը, պատուհանին քով, ուր կ'առանձնանար իրիկունները», հիշել են նրանք. «Շատ լուրջ դեմք մը ուներ, լուրջ խոսվածք մը». «Շատ կը կարդար ու քիչ կը գրեր»[3]:

Ժամանակակիցները և հետագա պարոնյանագետները գրողի անհատականությունը նաև համեմատել են Մոլիերի հետ, նրան ընկալել իբրև «հայ Մոլիեր»[4], «նոր Մոլիեր»[5]: Ա. Տերտերյանը, Պարոնյանին գնահատել է իբրև «Մոլիերին պարալել-երևույթ»[6]:

Պարոնյանագետները, սակայն, գրողի՝ Մոլիերի հետ ստեղծագործական կապերին ու առնչություններին անդրադառնալիս սովորաբար կենտրոնացել են գրական վարպետության որոշ դասերի վրա: Նման մոտեցման միակողմանիությունը դեռ ժամանակին մերժել է գրականագետ Սիմոն Երեմյանը: Գրական վարպետության դասերը, անշուշտ, կարևոր են, նշել է նա: Յուրաքանչյուր սկսնակ, պատրաստվելով արվեստի ասպարեզ մտնել, ձգտում է նախորդների արհեստի վարպետության գաղտնիքները յուրացնել: Բայց Պարոնյանի մեծությունը պայմանավորված չէ դրանով: «Պարոնյան մեր մեջ կը մտցներ գրական այն երգիծական մասնաճյուղը, որ չափազանց դժվարին է նկատված՝ նույնիսկ և նոր միջազգային գրակա-նության մեջ», – նշել է գրականագետը: Խորն է նրա արվեստը. «ինքնաբուխ» ծիծաղի ետևում թաքնվում են դառն արցունքներ: Բացառիկ հարուստ ու կատարյալ է նաև երգիծաբանության զինանոցը: Բնական է, որ Պարոնյանը Մոլիերից յուրացրած լինի երգիծական արվեստի ինչ-ինչ սկզբունքներ (օրինակ, երգիծելիս, ֆրանսիացու նման է գործածել չափազանցության հնարանքը, նշել է գրականագետը, որպեսզի «կրակին վրա յուղ» «նետեր»), բայց դա երկրորդական հանգամանք է: Բոլոր կրտսերներն էլ գրական արհեստը կատարելագործում են նախորդների փորձով: Պարոնյանի գրականությունը գնահատելիս սրա վրա առանձնապես պետք չէ կենտրոնանալ: Անհրա-

[1] Տե'ս Հակոբ Պարոնյանը ժամանակակիցների հուշերում և վկայություններում, Եր., 2004, էջ 132:

[2] Նույն տեղում, էջ 124:

[3] Նույն տեղում, էջ 76:

[4] Տե'ս Հակոբ Պարոնյանը ժամանակակիցների հուշերում և վկայություններում, Եր., 2004, էջ 107:

[5] Նույն տեղում, էջ 190:

[6] Տերտերյան Ա., Երկեր, Եր., 1960, էջ 737:

ժեշտ է բացատրել, ընդգծել է նա, թե գրողը համաշխար-հային մշակույթի ի՞նչ դասեր է յուրացրել, որպեսզի իր ստեղծագործական անհատա-կանությամբ և գրականությամբ բարձրանա տեղային երևույթ լինելուց: Չէ՞ որ ակնհայտ է, որ երգիծաբանը, ծանոթ լինե-լով «տիեզերահռչակ տաղանդների», «մեծ վարպետների» ստեղծագործությանը, նշել է Ս. Երե-մյանը, «առանց մուրացկանը չէ, վասնզի պետք չէր զգար մուրալու»: Նույնիսկ, կարելի է ասել, ընդգծել նա, թե Պարոնյանի երգիծանքը բացառիկ ինքնատիպ է, հմայքն ավելի մեծ, քան՝ նրանցը: «Անդերսեն, Մոլիեր իրենց կյանքին փուլերը նյութ են ըրած իրենց գրականություն-ներուն, իսկ Պարոնյան իր առջև նյութ ուներ հայ հանրություն մը»: Նրա ստեղծագործությունները կարդալիս «կը ծծենք Վերածնունդի հույսին արշալույսին գույները»[7]: Ինչո՞վ է, ուրեմն, Պարոնյանին գրավել Մոլիերը:

Մեծ տաղանդները, պատրաստվելով գրական ասպարեզ մտնել, ամենից առաջ փորձում են պատասխան գտնել իրենց ստեղծագործական անհատականությունն ըմբռնելու, գրական կենդանի գործընթացի մեջ կողմնորոշվելու, արվեստի իրենց ուղղությունը որոշելու հարցերում: Նրանք գիտակցում են, որ ծնվելով որոշակի դարաշրջանում, երկրում, պորտալարով կապված են հայրենի գրական գործընթացին, բայց եթե իսկապես մեծ են, պարտավոր են հաղթահարել երկրի և ժամանակի կապանքները և դառնալ մարդ-կության որդին ու մշակը:

Պարոնյան-Մոլիեր գրական առնչության մեջ խորամուխ լինելու համար անհրաժեշտ է, նախ և առաջ, ճշտել, թե համաշխարհային գրա-կանության պատմության մեջ Մոլիերն ի՞նչ տեղ էր գրավում և, հետևա-բար, Պարոնյանին իր ստեղծագործական անհատականության ու փորձի ո՞ր կողմերով կարող էր հետա-քրքրել:

Բանն այն է, որ դեռևս Պարոնյանից առաջ Մոլիերի անհատակա-նության և ստեղծագործության գնահատ-ման վերաբերյալ ձևավորվել էր երկու տեսակետ: Առաջինի կողմնակիցները՝ Լեսինգը, Շլեգելը, Պուշ-կինը, հիմնվելով ստեղծագործական անհատականության ու ստեղծա-գործության որոշ ըմբռնման վրա, Մոլիերին դիտել էին իբրև կլասիցիս-տական գրականության տիպական ներկայացուցիչ: «Մոլիերի, իսկ նրանից առաջ Պլավտուսի» արվեստի գլխավոր բնութագիծն այն է, որ նրանք «ժլատ մարդու դիմա-նկարի փոխարեն մեզ տալիս են» «ժլատու-թյան, որպես կրքի, տարօրինակ և տհաճ պատկերը»[8], – գրել էր Լեսինգը, և շատերը նրան հավատացել էին: Շլեգելը, իր հերթին, Մոլիեր-երգի-

[7] *Երեմյան Ս.* Հակոբ Պարոնյան, «Բազմավեպ», Վենետիկ,1913, թիվ 4:
[8] *Лессинг*, Гамбургская драматургия, М., 1938, С. 335.

ծաբանին «բարձրից» նայելով, «գտել» էր, որ նրա ծիծաղն ու երգիծանքը պարզունակ և մակերեսային են՝ սահմանված խնդուք պատճառող զավեշտախաղերի համար: Նրա ստեղծագործությունների վրա նկատելի է օտար չհաղթա-հարված ազդեցությունների դրոշմը, պնդել էր նա. դրանք, նույնիսկ, գողացված լինելու տպավորություն են թողնում[9]: «Մոլիերի ժլատը միայն ժլատ է»[10], – Լեսինգին կրկնել էր նաև ռուսական գրականության ամենամեծ հեղինակություններից մեկը՝ Պուշկինը: (Նրա տեսակետը հետագայում, որպես դասագրքային ճշմարտություն, կրկնել են խորհրդային գրականագետների մեծ մասը, մեկնաբանելով, թե Մոլիե-րի ստեղծագործություններում «տիպական գծերը կերել են մարդուն»[11]: Մեր գրականագիտությունը դեռևս լիովին չի հաղթահարել Վ. Գրիբի, Ս.Դ.Արտամոնովի[12] և այլոց սույն հայացքը, որը սկզբունքորեն ապա-կողմնորոշել է նաև մեր պարոնյանագետներին՝ անհնար դարձնելով Պարոնյան – Մոլիեր կապի բնույթը լիարժեք ըմբռնելը: Դրա խոսուն ար-տահայտությունն է այն փաստը, որ Մոլիերի երկերը հայերեն հրա-տարակվել են որպես Ֆրանսիական կլասիցիզմի արտահայտություն)[13]:

Երկրորդ տեսակետի կողմնակիցները՝ Գյոթեն, Բայրոնը, Գոգոլը, հակառակ տեսակետն են պաշտպանել: Նրանք Մոլիերի անհատակա-նության և ստեղծագործության մեջ ըմբռնել են համաշխարհային գրա-կա-նության հիացմունքի արժանի արվեստագետին, որի վիթխարի մե-ծությունը չի տեղավորվում որևէ առանձին գրական ուսմունքի շրջա-նակների մեջ: «Մոլիերի ստեղծագործություններից մեր դեմ հառնում է հեղինակի սիրելի մեծ անհատականությունը», – գրել է Գյոթեն: -«Մոլիե-րին ես ճանաչել ու սիրել եմ իր երիտասարդական տարիներից սկսած և ողջ կյանքիս ընթացքում նրանից սովորել եմ: Առանց հոգնության տարին մի քանի գործ եմ կարդում նրանից, որպեսզի մշտապես կապի մեջ լինեմ այդ հրաշալի մարդու հետ»[14]: Պարոնյանը, անկասկած, պաշտպանել է երկրորդ տեսակետը, քանի որ նա, ինչպես կտեսնենք ներքևում, Գյոթեի ու Գոգոլի նման է ընկալել նրա «մեծ անհատականությունը»:

Պարոնյանն ինչու՞ է Մոլիերին ընտրել: Նախ, որովհետև ֆրանսիա-ցին գրական աշխարհի մեծ հեղինա-կություններից էր, որին շատերն էին

---

[9] *Էքերման*, Զրույցներ Գյոթեի հետ, Եր., 1975, էջ 237:
[10] *Пупкин А.С.* Полное собр. соч. , Т. 8, М., 1964. С. 91.
[11] *Гриб В.* Избранные работы. М., 1958. С. 376.
[12] *Արտամոնով Ս.Դ.* Տասնյոթ-տասնիններորդ. արտասահմանյան գրականության պատմություն, Եր., 1986, էջ. 158–204:
[13] Ֆրանսիական կլասիցիզմ, Եր., 1982:
[14] *Էքերման*, նշվ. աշխ. էջ 236:

դիմում: Երկրորդ, Պարոնյանը, մեր կարծիքով, իր և Մոլերի առջև կանգնած խնդիրների միջև նմանություն է տեսել: Մտովի վերհիշենք, թե Պարոնյանի գրական ասպարեզ մուտք գործելու շրջանում ի՞նչ վիճակ էր հայ գրականության, մասնավորապես, թատերգության և երգիծաբանության ասպարեզներում: Չնայած Զարթոնքի գրականության առաջաքայլերին, շատ ուժեղ էին Մխիթարյանների սկզբնավորված հայկական կլասիցիզմի գեղարվեստական ավանդույթները, Էդ. Հյուրմուզյանի, Ս. Հեքիմյանի, Թ. Թերզյանի, Ա. Բագրատունու, Ղ. Ալիշանի, Մ. Պեշիկթաշլյանի հեղինակությունը: Միաժամանակ, գրվում և բեմադրվում էին կենցաղագրական բնույթի կատակերգություններ՝ Գ. Ռշտունու «Հայր Ջոհրաբ Կորկոտնաքյանը», Խորեն Գալֆայանի «Ալաֆրանկան», Վահան Պարտիզակցու «Գագիկ Բ»-ն, որոնք գեղարվեստի տեսակետից թույլ էին, թեկուզ հանդիսատեսը խանդավառությամբ էր ընդունում: Ո՞րն էր լինելու իր ուղին: Ընթանալու էր մխիթարյանների՞ բացած ուղիով, զարգացնելու էր նրանց ավանդույթները, թե՞…

Պարոնյանը, ծանոթանալով Ժան-Բատիստ Մոլիերի կյանքին ու գործին, գիտակցել է, որ իբրև ինքնուրույն արվեստագետ ձևավորվելու գործում վճռական նշանակություն է ունեցել, նախ և առաջ, իր դարաշրջանի գրական ուղղության՝ կլասիցիզմի և կլասիցիստ արվեստագետների՝ Պիեռ Կոռնելի, Ժան Ռասինի և, մասնավորապես, արվեստի խոշոր տեսաբան Նիկոլա Բուալոյի անհատականության և գեղագիտական հայացքների նկատմամբ ինքնուրույն դիրքորոշումը: (Այս խնդիրը, մեր կարծիքով, Պարոնյանի համար դարձել է հատուկ ուսումնասիրության առարկա):

Պարոնյանը հասկացել է, որ Մոլիերը, լինելով նյութական ու հոգեկան աշխարհը ճանաչելու բնածին ունակությամբ օժտված և արվեստի հարցերում խորագիտակ, Բուալոյի ժառանգության նկատմամբ բազմակողմանի մոտեցում է դրսևորել: Նա հիացել է կլասիցիզմի մեծ տեսաբանի գիտելիքներով, բայց նաև ըմբռնել է, որ Բուալոն՝ Արիստոտելի և Հորացիուսի պոետիկաների, հունահռոմեական դասական արվեստի և գեղագիտության մեծ հետևորդը, անփոխարինելի ուսուցիչ է միայն հին հունական դասական արվեստն ու տեսությունը, դասական արվեստագետի կոչումը մեկնաբանելու հարցերում: Նա իրավացի է, երբ պնդում է, թե գեղարվեստական զարգացման բնականոն ընթացքը շարունակելու համար բանար-վեստի տեսության մեջ պետք է հաղթահարել նախորդ դարաշրջանից փոխանցված քաոսը, բանարվեստի կանոնները բանականության օրենքներին ենթարկել, վերականգնել կապը հունահռոմեական ավանդույթների հետ:

Այս հարցերից դուրս, սակայն, նա, ի տարբերություն Արիստոտելի, սահմանափակ մտածող է, ուստի արվեստի սեփական ուղի ընտրելու հարցում նրան դիմելն ու խորհուրդ ակնկալելն անօգուտ է: Նա, մասնավորապես, անգիտանում է պատմության ընթացքում որակական առաջադիմության օրենքը, այսինքն, չի գիտակցում, որ մարդկությունը, անկախ հզոր բնագավառներում ունեցած ինչ-ինչ նահանջ-ներից ու կորուստներից, զգալի առաջադիմել է: Հետևաբար, նոր գրողը ոչ թե հնազանդորեն պետք է հետևի դասական նախորդների ավանդույթներին, ինչպես սովորեցնում է Բուալոն և, ինչպես նրան լսելով, արել են Կոռնելը և Ռասինը, այլ, կողմնորոշվի դեպի աշխարհի և մարդու նոր հայեցակետը և, նոր վերաբերմունք մշակելով գեղարվեստի դարաշրջանների, գրական գործընթացի տրամաբանության, արվեստի հեռանկարի և խնդիրների վերաբերյալ, լուծում գտնի ինքնուրույն ուղու իր որոնումներին:

Կլասիցիզմը դասական արվեստի պատմության ծաղիկն է, բայց այն, հավատարիմ իր ծագումնաբանութ-յանը, արվեստագետին կողմնորոշելով դեպի հունահռոմեական դարաշրջանի գեղագիտության փորձն ու գիտելիքները, նահանջել է արվեստի գլխավոր՝ կենդանի իրականությանը համընթաց քայլելու ավան-դույթից, հասկացել է Մոլիերը: Արվեստում առաջընթացի ոգին ներկայումս արվեստագետներին թելադրում է ոչ թե նախորդների ավանդույթը շարունակել ու կատարելագործել, ինչպես սխալմամբ կարծում է Բուալոն, այլ՝ կյանքի ակունքին փարվելով, հետևել դարաշրջանների հաջորդափոխման օրենքի տրամաբանությանը: Գրողը, որպեսզի անհատականության հնարավորությունները դրսևորի, նպատակասլաց ուղի ընտրի, պետք է բանիմացորեն դիրքորոշվի գործընթացի նկատմամբ: Բուալոն անգիտանում է այս պահանջը, այդ պատճառով էլ գրողի գործունեությունը սահմանափակում է դասական արվեստի շրջանակներով:

Պարոնյանը գիտակցել է, որ, ի տարբերություն Բուալոյի, Մոլիերը հասկացել է, որ նոր կյանքն է առաջադ-րել ժամանակի արվեստի կանոնների սահմանափակությունն հաղթահարելու և արվեստի ու գեղագիտության ավելի ընդգրկուն օրենքների հետևելու պահանջը: Նա, որպեսզի խնդիրը վճռի, մի կողմից, հետևելով Բուալոյի խորհրդին, կենտրոնացել է իր արվեստագետ հոգու և տաղանդի պահանջների վրա՝ դրանք, նրա հանձնարարականների համաձայն, ստուգել է ոչ թե «անիմաստ», «խանդավառ բռնկումով» (398), այլ «զգաստ դատողությամբ» փնտրելով ու գտնելով «առողջ մտքերի» այն «դժվարհասանելի, բայց կարևոր» «շավիղները» (399), որոնց ճշմարտությունն անգիտացողները խորտակվում

են: Մյուս կողմից, կողմնորոշվել է ոչ թե կլասիցիստների, այլ՝ Հյուսի-սային վերածնության մեծ արվեստագետների փորձն ու գիտելիքները:

Համաշխարհային արվեստի դարաշրջաններից յուրաքանչյուրը կենդանի կյանքի մայրուղու առաջադի-մության տրամաբանությամբ է ձևավորվել, գիտակցել է նա, և սնել իր մարդուն, որն արվեստին իր պահանջներն է առաջադրել: Այդպես է եղել Հին Եգիպտոսում, Հին Հունաստանում, միջնադարյան Եվրո-պայում, Վերածննդի դարաշրջանի Իտալիայում, այդպես է նաև Նոր ժամանակներում: Վերածննդի իտա-լական արվեստը խորքի մեջ ոչ թե անտիկ դասականի վերածնունդն է, այլ՝ խոշոր և բազմանշանակ իմաս-տային կառույց, որի արմատները մարդկության կրոնական ծիսական-հանդիսանքային մտածողության մեջ են:

Վերածնության կեցության գլխավոր գաղափարապատկերային ոլորտը Միջնադարի ժողովրդական ծի-ծաղային մշակույթն է: Վերածնության արվեստը հարություն է առել և զարգացել՝ շատ բաներում հետևե-լով անտիկ և միջնադարյան ոչ թե դասական, այլ՝ գրոտեսկային իրապաշտության արվեստի ավան-դույթներին: Վերածնության արվեստագետները, մարմնավոր արժեքների վրա կենտրոնանալով, Տիրա-մոր գրկում մարդկանց փրկելու կոչված Աստծո հողեղեն Որդու գեղարվեստական կերպարը ստեղծելով, ուշադրությունը մերկ մարմնի վրա կենտրոնացնելով, տղամարդու ուժը և առնականությունը, կնոջ երկրային գրավչությունը պատկերելով՝ հզոր հարված են հասցրել ոչ միայն պաշտոնական դասական աշխարհայեցությանը՝ ասկետիզմին, այլև՝ սկզբունքային քայլ կատարել աշխարհի ժողովրդական հայե-ցակարգի և նոր արվեստի ուղղությամբ: Նրանք հաստատել են, որ Մարդը բնության գլուխգործոցն է և պետք է լավագույնս դրսևորի հոգևոր ու մարմնավոր ուժերը: Իտալական բարձր Վերածննդի ամենախո-րագիտակ արվեստագետը՝ Լեոնարդո դա Վինչին, հակադրվելով ժամանակի արվեստում ընդունված դասական ուղղության ջատագովներին, այդ թվում, Միքելանջելոյին, «Մոնա Լիզա» («Ջոկոնդա») կտա-վում, «մարդու գեղեցկություն» ասելով, նկատի է ունեցել ոչ թե ազատ բնավորության տիտանական գծե-րով օժտված իդեալ հերոսի կերպարը, այլ՝ կենդանի մարդու, տվյալ դեպքում, քաղքենի կնոջ իրական նկարագրի բաղադրիչները՝ կերպարի սեռային, հասակային, հոգեբանական, սոցիալական որոշակիութ-յունը, անհատականություն լինելը, հարուստ ներաշխարհ ունենալը:

Մոլիերն ըմբռնել է նաև Հյուսիսային Վերածնության արվեստագետների՝ Շեքսպիրի, Սերվանտեսի և Ռաբլեի արվեստի

ուղղության տրամաբանությունը: Նրանց ստեղծագործությունը գնահատել է ոչ միայն որպես գրական տաղանդի և վարպետության դրսևորում, այլև՝ վերընթացի օրենքներին անսալու արդ-յունք: Ասպարեզ մտնելով մարդկության պատմության անցումային շրջաններից մեկում՝ այս արվեստա-գետները գիտակցել են, որ իտալական Վերածննդի իդեալը մնացել է ետևում: Ժամանակի շունչն այլևս հնարավոր չէ արտահայտել դասական մարդու կերպարի միջոցով: Առաջադիմության ուղիով ընթանալու համար գեղարվեստական մտածողությունն անհրաժեշտ է հարստացնել առավել ընդգրկուն սկզբունք-ներով, ինչպես նաև պատմաշրջանի մատուցած բարդ և հակասական նյութի բովանդակությանը համապատասխան գեղարվեստական պատկերներով, կերպարներով և արտահայտչաձևերով: Նոր լուրջ ողբերգություն և կատակերգություն գրելիս խնդիրը դարձյալ, ինչպես անցյալում, «ավելի լավ» և «ավելի վատ» մարդկանց ներկայացնելն է, բայց Արիստոտելի ժամանակներից հետո կյանքն առաջ է ընթացել, աշխարհում էական փոփոխություններ են կատարվել: Հետևաբար, ինչպես Շեքսպիրը, Սերվանտեսը, Ռաբլեն, մյուսները, նաև՝ ինքը, պարտավոր են ոչ թե կրկնել հներին, այլ՝ նոր նյութի հետ կապված խնդիրներին համապատասխան գեղարվեստական լուծում գտնել:

Պարոնյանը Մոլիերի փորձից ու գիտելիքներից քաղած դասերը որպես իր ստեղծագործական խնդիրները վճռելու մեթոդական ուղեցույց է օգտագործել: Նա, մասնավորապես, հասկացել է, որ, գնահատելով հանդերձ հայկական կլասիցիզմի արվեստը և արվեստագետներին, ինքը ևս պետք է կողմնորոշվի դեպի կենդանի կյանքի առաջադիմության պահանջները, յուրացնի Զարթոնքի շարժման հաստատած աշխարհի նոր հայեցակարգի և գրականության հիմունքները, իր ուղին կապի ժողովրդատոնական ծիծաղի և երգիծանքի ավանդույթները զարգացնելու հետ:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Հակոբ Պարոնյանը ժամանակակիցների հուշերում և վկայություններում, Եր., 2004, էջ 132:
2. *Տերտերյան Ա.,* Երկեր, Եր., 1960, էջ 737:
3. *Երեմյան Ս.* Հակոբ Պարոնյան, «Բազմավեպ», Վենետիկ, 1913, թիվ 4:
4. *Лессинг*. Гамбургская драматургия. М. 1938.
5. *Էքերման*, Զրույցներ Գյոթեի հետ, Եր., 1975:
6. *Пупкин А.С*. Полное собр. соч., Т. 8. М. 1964.
7. *Гриб В*. Избранные работы. М., 1958.
8. *Արտամոնով Ս.Դ.* Տասնյոթ-տասնիններորդ. արտասահմանյան գրականության պատմություն, Եր.:
9. Ֆրանսիական կլասիցիզմ, Եր., 1982:

10. *Էքերման,* նշվ. աշխ. էջ 236:

HAKOB PARONYAN'S LITERARY UNIVERSITIES: MOLIÈRE

A. Gldjan

ABSTRACT

Hakob Paronyan studied the creative heritage of prominent representatives of world literature, in particular Molière, aiming at a deeper understanding of the essence of poetic art and trying to find his own path. He internalized Molière's experience by comprehending his individual style, the strengths and weaknesses of his creative heritage.
Keyword: Paronyan, Molière, creative heritage.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ АКОБА ПАРОНЯНА: МОЛЬЕР

А.М. Глджян

АННОТАЦИЯ

Акоб Паронян изучал творческий опыт выдающихся представителей мировой литературы – в частности, Мольера, стремясь все глубже проникнуть в суть поэтического искусства и выверить свой собственный путь. Он усвоил опыт Мольера, глубоко осознавая его индивидуальность, сильные и слабые стороны творческого наследия.
Ключевые слова: Паронян, Мольер, творческое наследие.

ЖУРНАЛИСТИКА

ՌԱԴԻՈՆ ԳԼՈԲԱԼԱՑՄԱՆ ԴԱՐԱՇՐՋԱՆՈՒՄ

Մ.Մ. Հովսեփյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակակից փուլում ողջ աշխարհում ընթանում են հեռահաղորդակցման միջոցների և համացանցի սրընթաց զարգացման և տարածման անշրջելի գործընթացներ, առանց որոնց անհնար է պատկերացնել հանրային կյանքի որևէ ոլորտ կամ բնագավառ: Տեղեկատվական-տեխնոլոգիաները դարձել են յուրաքանչյուր հանրության, յուրաքանչյուր անհատի ամենօրյա կիրառություն ունեցող ամենապահանջված հաղորդակցային միջոցները, որոնք օրեցօր ավելի գերիշխող դեր և նշանակություն են ձեռք բերում հանրության կյանքում: Գլոբալացման և արմատական փոփոխությունների դարաշրջանում տեխնիկական միջոցների զարգացումն ու առաջընթացը ծնեցին հաղորդակցման և տեղեկատվության հավաքման և փոխանցման նոր, առավել հասանելի և արդյունավետ միջոցներ, որոնք իրենց հերթին ձևավորեցին հանրային և անհատական հաղորդակցման նոր հարաբերություններ, ձևեր և դրսևորումներ: Նախկինում պասիվ ռադիոունկնդիրը, հեռուստադիտողը և ընթերցողն ստացան տեղեկատվության ստանալու, հավաքելու և փոխանցելու լայն հնարավորություններ: Օգտվելով տեղեկատվական-տեխնոլոգիաների ներդրման և զանգվածային կիրառման հնարավորություններից յուրաքանչյուր անհատ և կազմակերպություն կարողացավ ոչ միայն օգտվել, այլև հիմնել սեփական լրատվամիջոցը և գործուն դերակատարություն ունենալ գլոբալացման արդյունքում ձևավորված տեղական, տարածաշրջանային և համաշխարհային տեղեկատվական շուկաներում: Գլոբալացման գործընթացները ոչ միայն հնարավորություն ընձեռեցին անհատին կողմնորոշվելու տեղեկատվական հոսքերում,, այլև ընտրելու, իսկ այժմ արդեն կառավարելու իր ցանկացած տեղեկատվամիջոցը, որի հնարավորությունը չկար ոչ վաղ անցյալում:

Հիմնաբառեր՝ Ռադիոն և տեղեկատվական տեխնոլոգիաները, ռադիոհեռարձակման նոր թվանշային ստանդարտներ, ռադիոն համացանցում, մոբայլ շարժական սարքեր:

Ժամանակակից փուլում գլոբալացումը դարձել է արագ փոփոխվող աշխարհի խորհրդանիշ: Ըստ հայ տեսաբանի՝ «Այսօրվա գլոբալիզացիան հասարակական-տնտեսական տեխնոլոգիական օրինաչափ գործընթացների օբյեկտիվորեն անխուսափելի հետևանք է, որի մեջ ակամա ներգրավված են բոլոր ազգերն ու պետությունները»:1 Տեսաբանների մեծ մասը հակված է այն տեսակետին, որ գլոբալիզացիան նոր երևույթ չէ և իր դրսևորումներն է ունեցել նախորդ դարերում ևս, 2 մի մասը կարծում է, որ տեղեկատվական տեխնոլոգիաների զարգացումը և համացանցը հնարավորություն են տվել գլոբալ տեղեկատվամիջոցներին առավել ակտիվ դերակատարում ունենալ հասարակական-քաղաքական, մշակութային արժեքների տարածման ասպարեզում և դառնալ տարբեր քաղաքակրթությունների և մշակույթների մերձեցման և տարածման միջոց: 3 Այդ պատճառով է, որ խոշորագույն տեղեկատվամիջոցները գլոբալիզացիայի հնարավորությունները օգտագործելով կարճ ժամանակահատվածում կարողացան նորանկախ պետություններում ձևավորել տեղեկատվական ազդեցության այնպիսի գոտիներ, որոնք հնարավորություն տվեցին տեղեկատվամիջոցներին կառավարելու և ուղղորդելու տեղեկատվական գլոբալ հոսքերը: Ըստ մեր դիտարկման նմանատիպ տեղեկատվամիջոցի օրինակ է ծառայում «Ազատություն» ռադիոկայանը, որը հեռարձակվում է տարածաշրջանային 21 պետությունների 28 լեզուներով, այդ թվում նաև հայերեն:

Վերջին տասնամյակներում մեր տարածաշրջանում աշխարհաքաղաքական և տնտեսական նոր հարաբերություններով պայմանավորված գլոբալացման գործընթացները որակական նոր հնարավորություններ ստեղծեցին տարածաշրջանային նորանկախ երկրների, այդ թվում նաև Հայաստանի Հանրապետության համար: Նոր ձևավորվող տեղեկատվական հոսքերում մեծապես կարևորվեց և արժեվորվեց ռադիոյի տեղն ու դերը որպես գլոբալ տեղեկատվական նոր դաշտի առանցքային խաղացողի և ձևավորողի: Գլոբալ արմատական փոփոխությունները մեծապես ազդեցին ռադիոյի վարած ծրագրային քաղաքականության և կարգավիճակի վրա, որոնք համընկան տարածաշրջանում տեղի ունեցող աշխարհաքաղաքական փոփոխություններով, հատկապես «սառը պատերազմի» ավարտով, սոցիալիզմի սիստեմի փլուզմամբ և նոր, շուկայական տնտեսական հարաբերություններով պայմանավորված: Այդ պատճառով մեզանում զանգվածային տեղեկատվամիջոցների, հատկապես, ռադիոյի հետագա զարգացումը տեղի ունեցավ թռիչքաձև և բավականին կարճ ժամանակահատվածում, որը լուրջ նախադրյալներ ստեղծեց նոր, գլոբալ ռադիոտեղեկատվական, քարոզչական հարաբերությունների ձևավոր-

մանը, տեղեկատվական գլոբալ հոսքերի կտրուկ մեծացմանն ու ընդլայնմանը, որոնց շնորհիվ ռադիոն դարձավ գլոբալ տեղեկատվության և մշակույթի տարածման ամենամատչելի և ամենաընդունելի լրատվամիջոցներից մեկը («Ազատություն» ռադիոկայան, ՀՀ հանրային ռադիո և այլն)։

Ժամանակակից փուլում ռադիոժուռնալիստիկայի արդյունավետ զարգացմանը նպաստում են մի շարք կարևոր գործոններ, որոնք կանխորոշում են նրա դերն ու նշանակությունը ժամանակակից հասարակարգում, մասնավորապես հաշվի առնելով նրա օպերատիվությունն ու ամենահասությունը տեղեկատվության ընդունման, հավաքման և հեռարձակման ասպարեզում։

Ռուս տեսաբան Յասեն Զասուրսկու խոսքերով «ռադիոն ժամանակակից մարտահրավերների պայմաններում, կարողացավ ոչ միայն պահպանել իր տեղը ԶԼՄ-ների համակարգում, այլև լսարանի համար մնաց անկեղծ ու սրտացավ զրուցակից»։ 4

Ռադիոյի զարգացման միտումները բավականին դրական է գնահատել հայտնի սոցիոլոգ և փիլիսոփա Մանուել Կաստելսը, մասնավորապես նշելով, որ շնորհիվ համացանցի «ռադիոն ռենեսանս է ապրում, դառնալով ամենատարածված կապի միջոցն աշխարհում»։ 5

Արդեն 1990-ականներին ինչպես նորանկախ պետությունները, այնպես էլ անհատներ հնարավորություն ունեցան ձեռք բերելու լրատվության տարածման անսահմանափակ և արդիական ռեսուրսներ։ Պատմական կարճ ժամանակահատվածում ձևավորվեցին հարյուրավոր մասնավոր ռադիոկայաններ, ինչպես նաև նախադրյալներ համացանցային ռադիոյի հիմնադրման համար, որը 2000-ականների սկզբներին այլևս իրողություն էր նաև նախկին խորհրդային և սոցիալիստական երկրներում։

Տեղեկատվական-տեխնոլոգիաներն այնքան արագ էին զարգանում, որ արդեն 1990-ականների սկզբներին ԱՄՆ-ում մշակվեցին նոր տեխնիկական ձևաչափեր, որոնց միջոցով հնարավոր եղավ ձայնը տարածել համացանցում՝ սկիզբ դնելով համացանցային ռադիոհեռարձակմանը։ Տեխնիկական և ստեղծագործական լուծումների շնորհիվ արդեն 1993թ. հիմնադրվեց առաջին համացանցային “Internet Talk Radio” ամերիկյան ռադիոկայանը։

Ժամանակակից փուլում ռադիոյի զարգացման համար կարևոր խթան են հանդիսանում մի շարք գործոններ, որոնք պայմանավորված են տեղեկատվական տեխնոլոգիաների զարգացմամբ և տարածմամբ։ 6

Գլոբալացման գործընթացները, մեր կարծիքով, Հայաստանի Հանրապետությանը տվեցին ոչ միայն լայն հնարավորություններ ինտեգրվելու տարածաշրջանային և միջազգային տեղեկատվական շուկաներին, այլև սերտացնելու կապերը Սփյուռքի և նրա կառույցների հետ: Հատկապես մեզ նման մեծ սփյուռք ունեցող երկրների համար համացանցի և թվանշային տեխնոլոգիաների արդյունավետ օգտագործումը բավականին սերտացրել է տեղեկատվամիջոցների, հատկապես ռադիոկայանների գործունեությունը, փոխադարձ լսելի դարձնելով եթեր հեռարձակվող հաղորդումներն ու ծրագրերը: Վերջին տասնամյակներում ՀՀ-ում և Սփյուռքում գործող ռադիոկայանները թվանշային տեխնոլոգիաներից և հատկապես համացանցի հնարավորություններից օգտվելով ձևավորեցին մուլտիմեդիա հնարավորություններով ինտերակտիվ երկլեզու և եռալեզու կայքեր, կազմակերպեցին օնլայն հեռարձակում, անհամեմատ սերտացնելով հայրենիք-սփյուռք փոխհարաբերությունները: Հայաստանյան և Սփյուռքի ռադիոկայանները դարձան ինտերակտիվ տեղեկատվական և քարոզչական հարթակ՝ հնարավորություն տալով տարբեր երկրներում ապրող մեր հայրենակիցներին միմյանց հետ շփվելու և մասնակցելու կազմակերպվող համահայկական տարբեր միջոցառումներին, պարբերական և առաջնահերթ դարձրին մայրենիի, հոգևոր և մշակութային ինքնության քարոզչությունը ռադիոեթերում: Սփյուռքի պայմաններում գործող չորս տասնյակից ավելի ռադիոկայանների և ռադիոժամերի մեծ մասը, ինչպես նաև մեկ տասնյակի հասնող առցանց ռադիոկայանները համացանցի միջոցով լսելի են դարձել Հայաստանի Հանրապետությունում: Իր հերթին սփյուռքի ռադիոունկնդրի մշտական լսելիության շառավղում է գտնվում ոչ միայն ՀՀ հանրային ռադիոն, որն ունի հեռարձակման միջազգային ընդգրկում, այլև համացանցային հեռարձակում ապահովող եթերային և առցանց ՀՀ մասնավոր ռադիոկայանները:

Գլոբալացման գործընթացները մեծապես նպաստեցին նաև արտերկրում գործող և ոչ վաղ անցյալում խլացվող «Ամերիկայի ձայն» և «Ազատություն» խոշորագույն ռադիոկայանների մուտքը նորանկախ պետություններ, այդ թվում նաև Հայաստանի Հանրապետության տեղեկատվական տարածք և գործուն դերակատարություն ունենան տեղեկատվության հավաքման և տարածման ասպարեզում: Այսօր «Ազատություն» ռադիոկայանը, որը տեղակայված է նախկին սոցիալիստական Չեխիայի մայրաքաղաք Պրահայում, ներկայացուցչական հայկական ծառայության ունի նաև Երևանում՝ մոտ 30 լրագրող և համարվում է ՀՀ-ում գործող ամենամեծ կազմ ունեցող արտասահմանյան տեղեկատվամիջոցը:

«Ազատություն» ռադիոկայանը սերտորեն համագործակցում է ՀՀ ռադիոոլորտում գործող ռադիոկայանների հետ, ամենօրյա լրատվական հեռարձակում կազմակերպելով ինչպես ՀՀ մասնավոր ռադիոկայանների եթերում («Ռադիո Երևան», «Ռադիո Հայ»), այնպես էլ օնլայն, արբանյակային և մոբայլ կապի միջոցներով:

Գլոբալիզացիայի պայմաններում ռադիոյի զարգացման գործընթացները Հայաստանի Հանրապետությունում պայմանականորեն կարելի է բաժանել հետևյալ փուլերի.

ա/ տեղեկատվական տեխնոլոգիաներով պայմանավորված, որը հնարավորություն տվեց անցում կատարելու ռադիոհեռարձակման նոր թվանշային ստանդարտների,

բ/ Համացանցի զարգացմամբ և նրա հնարավորությունների օգտագործմամբ,

գ/ մոբայլ շարժական սարքերի, հատկապես բջջային հեռախոսների օգտագործմամբ:

Անդրադառնալով տեղեկատվական տեխնոլոգիաների զարգացմանը պետք է նշենք, որ Ժամանակակից փուլում տեղեկատվական տեխնոլոգիաները ողջ աշխարհում այնպիսի առաջընթաց են արձանագրել, որ հնարավորություն են տվել ռադիոհեռարձակման ոլորտին թևակոխելու որակական նոր, թվանշայնացման փուլ: Էլեկտրոնային տեղեկատվական զանգվածային լրատվամիջոցների բուռն զարգացումը հնարավորություն ընձեռեց էլեկտրոնային զանգվածային լրատվամիջոցներին անալոգային ռադիոհեռարձակումից անցում կատարելու թվանշայինի: Թվանշային ստանդարտների զարգացման արդյունք էր 2004թ. ԱՄՆ-ում MTV հեռուստաընկերության վիջեյի կողմից շրջանառության մեջ դրված «Պոդքաստինգ»-ը, 7 որը կարճ ժամանակահատվածում մեծ տարածում գտավ առաջատար հեռուստառադիոընկերություններում՝ դառնալով նրանց վարած ծրագրային քաղաքականության անբաժանելի բաղադրիչը որին հաջորդեց 2005 թվականին ամերիկյան ‚Infinity Broadcastingե ընկերության կողմից գործարկված աշխարհում առաջին լայնահաղորդ ռադիոկայանը, որը հեռարձակում է բացառապես պոդքաստինգներ: 8

XXI դարասկզբի իրողություններից են տեղեկատվական և հաղորդակցական տեխնոլոգիաների մուտքը հայաստանյան ռադիոշուկա, որն հնարավորություն տվեց աստիճանական անցում կատարելու նոր, թվանշային ռադիոստանդարտների: Ժամանակակից փուլում ռադիոյի թվանշայնացումը հրատապ անհրաժեշտություն է և նորանկախ երկրները, այդ թվում նաև Հայաստանը, ծավալուն աշխատանքներ են

տանում նախանշված ժամկետում անցում կատարելու թվանշային ստանդարտների, որոնք ըստ միջազգային չափանիշների բաժանվում են երկու խմբի՝ առանձին ռադիոհաճախության տիրույթ ապահովող համակարգեր և համակարգեր, որոնց դեպքում հաճախության տիրույթը կարող է օգտագործվել գոյություն ունեցող ռադիոծառայությունների հետ համատեղ:

Հայաստանում թվանշային հեռարձակման նոր ստանդարտների է անցել ՀՀ հանրային ռադիոն, իսկ ՀՀ ռադիոոլորտում գործող մասնավոր ռադիոընկերությունները հեռարձակման նոր ստանդարտներով պայմանավորված հաճախությունների մրցույթին պատրաստվում են մասնակցել 2018թ. հուլիսի 20-ին: 9

Պետք է նշել, որ չնայած ժամանակակից փուլում էականորեն մեծացել է ռադիոհեռարձակման տեխնիկական հնարավորություններն ու ձևերը, այնուամենայնիվ աշտարակային, մետրային հեռարձակումը աշխարհի ցանկացած պետության, այդ թվում նաև Հայաստանի Հանրապետության համար, ունի ռազմավարական նշանակություն և առաջնահերթություն:

Օգտվելով տեղեկատվական և հաղորդակցական տեխնոլոգիաների հնարավորություններից, Հայաստանի Հանրապետության ռադիոշուկայում գործող մասնավոր ռադիոկայանները փորձեր են կատարում դուրս գալ միջազգային ռադիոհեռարձակման ասպարեզ և հաղորդումներ պատրաստել տարածաշրջանային երկրների ռադիոլսարանների համար: Այդպիսի հաջողված փորձերից է «Ար ռադիո միջմայրցամաքային» և Ռադիո Հայ ռադիոկայանների միջազգային հեռարձակումները:

Անդրադառնալով համացանցի հնարավորությունների օգտագործմանը, պետք է նշենք, որ այն նոր ասպարեզ և հեռանկարներ բացեց Հայաստանի Հանրապետությունում և Սփյուռքում գործող ռադիոընկերությունների համար: Հայաստանի Հանրապետությունում այդ գործընթացը սկսվեց 1990-ականների կեսերից և իր շարունակությունը գտավ հետագա տարիներին: Հայաստանի Հանրապետությունում գործող ռադիոընկերությունների համացանցային ռադիոկայքերի հիմնական դոմեյնը 1994թ. օգոստոսի 26-ին գրանցված am տիրույթն է: Համացանցի զարգացումը հնարավորություն տվեց ավանդական ռադիոկայաններին բացի օֆլայն հեռարձակումից կազմակերպելու նաև օնլայն հեռարձակում, որը կարճ ժամանակահատվածում բավականին մեծ լսարան հավաքեց: Նախադրյալներ ստեղծվեցին զուտ համացանցային ռադիոկայանների ձևավորմանը: Ռադիոյի ի հայտ գալը համացանցում

նախանշվեց մրցակցության և զարգացման նոր շրջափուլ՝ էականորեն մեծացնելով պոտենցիալ և իրական լսարանի թիվն ու տեղեկատվություն հաղորդելու շառավիղը: Առցանց ռադիոյի զարգացմանը նպաստեց նաև համացանցի տեխնիկական և ստեղծագործական հնարավորություն-ները, մասնավորապես առցանց ռադիոհեռարձակում կազմակերպելու համար հաճախականության կամ ալեհավաքի կարիք այլևս չկար:

Համացանցում ռադիոյի զարգացումը լուրջ խնդիրներ առաջադրեց ավանդական ռադիոկայաններին, սակայն նրանց մեծ մասը կարողացավ ժամանակին ճիշտ կողմնորոշվել ստեղծված իրավիճակում և արդյունա-վետ օգտագործելով համացանցի հնարավորությունները գտավ տեղե-կատվության տարածման նոր ուղիներ ու միջոցներ: Ռադիոկայանները հիմնադրելով մուլտիմեդիա հնարավորություններով, կոնվերգենացված, ինտերակտիվ ռադիոկայքեր և կազմակերպելով օնլայն հեռարձակում կարողացան ընդարձակել հեռարձակման շառավիղը՝ ռադիոկայանը կողմնորոշելով աշխարհի տարբեր երկրներում գտնվող իրենց ռադիո-ունկնդիրներին: Այդ աշխատանքներն ավելի արդյունավետ դարձնելու համար ռադիոկայանները սոցիալական ցանցերում սկսեցին ձևավորել աջակցման խմբեր, որոնց միջոցով պարբերաբար կազմակերպում են ճեպահարցազրույցներ և օնլայն բանավեճեր:

Մուլտիմեդիականությունը, կոնվերգենացումը և ինտերակտիվու-թյունը, որոնք թվանշայնացման գործընթացների արդյունք են, դարձան նորագույն ժուռնալիստիկայի բնութագրիչներն ու կողմնորոշիչները: 10

Ժամանակակից փուլում օնլայն հեռարձակում են ապահովում մի շարք հայաստանյան ռադիոընկերություններ՝ ՀՀ հանրային ռադիոն, «Ռադիո Վանը», «Լրատվական ռադիոն», «Ռադիո Վեմը», «Ռադիո Երևանը», «Ազատություն» ռադիոկայանի հայաստանյան ծառայությունը: Իսկ ՀՀ-ում գործող փոքրաթիվ առցանց ռադիոկայանները թեև ներ-կայացված են համացանցում, սակայն գտնվում են ձևավորման փուլում և էական դերակատարություն առայժմ չունեն: Հայաստանյան առցանց ռադիոյի զարգացման համար նշանակալից իրադարձություն էր 2014թ. հուլիսի 23-ին Մարտունիում գործարկված մարզային առաջին առցանց «Մարտունիի ձայն» ռադիոկայանը, որը շուրջօրյա ինտերակտիվ հեռար-ձակման շնորհիվ սերտ կապ է հաստատել օտար երկրներում ապրող նախկին մարտունեցիների հետ: 11

Հայաստանյան ռադիոոլորտի վերջին տարիների նորություններից է ռադիոկայանների կողմից համացանցի աուդիովիզուալ հնարավորու-թյունների օգտագործումը, որի շնորհիվ «անտեսանելի» ռադիոն ոչ միայն դարձավ «տեսանել», այլև սկսեց հաջողությամբ մրցակցել լրատվական

և օպերատիվ տեղեկատվություն տարածող հեռուստաընկերությունների հետ՝ սկիզբ տալով որակապես նոր հաղորդումների ռադիոդիտմանը: Նմանատիպ գործունեության հաջողված օրինակներից են «Լրատվական ռադիոյի», «Ազատություն ռադիոկայանի», «Ավրորա» ռադիոկայանի կողմից պատրաստվող օպերատիվ աուդիովիզուալ հաղորդումները, որոնք ռադիոդիտողների բավականին մեծ լսարան են ապահովում:

Ինչպես ցույց տվեց ժամանակը, համացանցային ռադիոն չի կարող «սպանել» ավանդական ռադիոյին, ինչպես հեռուստատեսությունը «չսպանեց» կինոյին, իսկ կինոն՝ թատրոնին: Մեր կարծիքով, ավանդական և առցանց ռադիոկայանների մրցակցության մասին դժվար է խոսել, քանի դեռ համացանցը հեղինակային իրավունքի տեսակետից գտնվում է «օրենքից դուրս»: Մինչև այս հարցը չկարգավորվի, իսկ այդ հարցը դժվար թե շուտ կարգավորվի, ավանդական և առցանց ռադիոկայանները կգտնեն գոյատևման և մրցակցության այլ միջոցներ: 12

Համացանցի հնարավորությունների արդյունավետ օգտագործումը հնարավորություն տվեց սփյուռքում ապրող մեր հայրենակիցներին կազմակերպելու օտար երկրներում գործող մի շարք հայկական ռադիոկայանների օնլայն ռադիոհեռարձակում: Այժմ օնլայն հեռարձակման հնարավորություն ունեն Լոս Անջելեսում գործող, շուրջօրյա հեռարձակում ապահովող «Երևաննայթս», «Ռադիո Հայ», Բոստոնի «Անկախ ձայնասփյուռ», Մոնրեալի «Նարեգ», Փարիզի «Այբ FM», Բեյրութի «Սևան», «Վանա ձայն», Մոնտեվիդեոյի «Արմենիա» և այլ հայկական ռադիոկայաններն ու ռադիոժամերը: Սփյուռքի պայմաններում գործող հայկական ռադիոկայանների գործունեության ուսանելի օրինակ կարելի է համարել 2014 թ. հունիսին Ֆրանսիայում գործող «Այբ ՖՄ», «Ռադիո Արմենիա» և «Ռադիո Ա» ռադիոկայանների կողմից քեսաբահայերին օգնելու նպատակով կազմակերպված բարեգործական ակցիան, որի ընթացքում հավաքված գումարը ուղարկվեց Լաթակիա՝ տեղահանված քեսաբահայերին: Ակցիան օպերատիվորեն լուսաբանած Սփյուռքի և հայաստանյան լրատվամիջոցները յուրօրինակ եթերային կամուրջ հաստատեցին աշխարհի տարբեր երկրներում հաստատված մեր հայրենակիցների հետ, նրանց մասնակից դարձնելով համահայկական այդ կարևոր միջոցառմանը:

Հայկական ռադիոկայանները ներկայացված են նաև You Tube տեսահոսթինգում, որը հնարավորություն է տալիս նրանց օգտվելու տեղեկատվական այս նոր հարթակում առկա դրսևորման ձևերից ու միջոցներից:

Մոբայլ շարժական սարքերի, հատկապես բջջային հեռախոսների միջոցով ռադիոն մեծ տարածում է գտել ինչպես ողջ աշխարհում, այնպես էլ Հայաստանում: Թերևս մոբայլ կապի միջոցով FM ռադիոյի հասանելիությունն ու մատչելիությունն է, որ հնարավորություն է տալիս պոտենցիալ ռադիոունկնդրին բջջային հեռախոսի միջոցով օնլայն տարբերակով ունկնդրել ՀՀ-ում և արտասահմանյան երկրներում հեռարձակվող ռադիոկայաններին՝ օգտվելով նաև նրանց արխիվային, մոբայլ ռեսուրս ծառայություններից: Մոբայլ ռեսուրսի այդ ծառայությունները հնարավորություն են տալիս օնլայն և առցանց հեռարձակում իրականացնող ռադիոկայաններին կատարելու երկարաժամկետ և կարճաժամկետ հավելվածների արխիվացում՝ հնարավորություն ընձեռելով օգտատերերին իրենց հարմար ժամին ունկնդրելու արխիվացված հավելվածները: ՀՀ-ում մոբայլ կապի նմանատիպ ծառայությունություններից օգտվում են ՀՀ հանրային ռադիոն, «Ազատություն» ռադիոկայանի հայկական ծառայությունը, «Վէմ», «Սպուտնիկ-Արմենիա» և այլ ռադիոկայաններ:

Հայաստանյան ռադիոկայանների համար հեռարձակման նոր հնարավորություններ է ընձեռել Հայաստանում գործող «Ռոստելեկոմ» հեռահաղորդակցության ընկերությունը, որի շնորհիվ հայաստանյան 16 ռադիոկայաններ 2016թ. հունիսից կաբելային հեռուստահաճախականությամբ կարող են կազմակերպել իրենց ծրագրերի ռադիոհեռարձակում: Ռադիոունկնդիրները հեռուստատեսային հաճախականությամբ կարող են ընտրել և ունկնդրել հայաստանյան 16 ռադիոկայանների ծրագրերը: Այս ձևաչափը, չնայած նորություն է հայաստանյան հեռահաղորդակցության շուկայում, սակայն վաղուց ընդունված ձևաչափ է աշխարհի շատ երկրներում: 13

Պետք է նշենք, որ Հայաստանում բջջային FM հաճախականությամբ ռադիոունկնդիրների թիվը 2–3 անգամ գերազանցում է օնլայն հեռարձակմամբ ռադիոունկնդիրների թվին: Նման միտում է նկատվում նաև ողջ աշխարհում:

Ըստ TNS Gallup Media ընկերության վերլուծաբանների, եթե 1980-ական թվականներին լսարանը օգտագործում էր էլեկտրոնային լրատվամիջոցները, 1990-ականներին ընտրում ալիքներն ու հաճախականությունները, ապա 21-րդ դարի սկզբներին՝ արդեն ղեկավարում է դրանք:

Գլոբալացման ժամանակակից փուլում հայաստանյան էլեկտրոնային զանգվածային լրատվամիջոցները, այդ թվում ռադիոն, ակտիվորեն ներգրավված են հարուստ ավանդույթներ ունեցող տարածաշրջանային և համաշխարհային էլեկտրոնային տեղեկատվաշուկաներին,

որոնք նպաստում են միջազգային ասպարեզում հայաստանյան ռադիոընկերությունների ինտեգրմանը և հետագա զարգացմանը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Մկրտչյան Ա.Մ.* Գլոբալիզացիա, թե «գլոբալիզացիա», Ի սկզբանե էր Բանն, /ժուռնալիստիկայի և գրականագիտության հարցեր, Եր., 2004, էջ 21:
2. *Castells M.* The rise of network society, sekond edition, Singapore, 2010, 65 p.
3. *Անանյան Գ.Գ.* Հանուն և ընդդեմ գլոբալիզացիայի, Եր., 2003, էջ 6:
4. *Вартанова Е.Л.*, Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики, М., 2013, С.147.
5. *Засурский Я.Н.* Информационное общество и СМИ // Медиаскоп //. 20.06.2006. С. 89.
6. *Մկրտչյան Ա.Մ.* Գլոբալիզացիա, թե «գլոբալիզացիա», Ի սկզբանե էր Բանն, /ժուռնալիստիկայի և գրականագիտության հարցեր/, Եր., 2004, էջ 19:
7. *Засурский Я.Н.* Информационное общество и СМИ // Медиаскоп // 20.06.2006.
8. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе/ пер. с англ. А. Матвеева под ред. В.. Харитонова. Екатеринбург, 2004. С.223.
9. *Белов В.* I-radio: вчера, сегодня, завтра // «Мой компьютер», 2005. № 51.
10. Պոդկաստինգը iPod (Apple ընկերության մեդիանվագարկիչների ապրանքային նշան) և broadcasting (եթեր) բառերի միավորումից է առաջացել: Պոդկաստինգի միջոցով ռադիոկայքեր այցելողները հնարավորություն են ստանում լսել, դիտել և ներբեռնել իրենց հետաքրքրող տեղեկատվությունը և երաժշտությունը: Պոդկաստինգներ ՀՀ-ում ունեն ՀՀ հանրային ռադիոն, "Ազատություն" ռադիոկայանի հայկական ծառայությունը, "Ռադիո Վան", "Երևան" և "Վեմ" ռադիոկայանները:
11. См.: *Насакин Р.* Тематический обзор: Интернет // PC Week. 2006. 24 янв.
12. Թվային ռադիոհեռարձակման համակարգի ներդրման գործընթացի իրականացման ժամկետը երկարաձգվեց մինչև 2018թ., www.tert.am, 5/26/2016:
13. *Лукина М.М.. Фомичева И.Д.* СМИ в пространстве Интернета. М., 2005, СС. 80–85.
14. *Բարսեղյան Հ.,* Մարտունիում գործարկվել է առաջին օնլայն ռադիոն, www. ankakh.com, 02.08.2014:
15 *Болотова Е., Круглова Л.* ТВ vs радио: кто выживет в кризис?// http:// www.chaskor.ru/p.php?id=4296 ё
16 Ռադիոհեռարձակման հնարավորություններ հայաստանյան հեռահաղորդակցության ոլորտում, «Արմենիա» հեռուստաընկերություն, «Ժամը» լրատվական ծրագիր, 29.06.2016թ.:

RADIO IN THE ERA OF GLOBALIZATION

M. Hovsepyan

ABSTRACT

Radical changes in the era of globalization and technological progress have given birth to new sources of information and communication, which, in turn, formed new relationships, forms and approaches. In recent decades, in the region due to geopolitical and economic relations appeared qualitatively new opportunities created by globalization processes. The processes of globalization, in our opinion, were not only a wide range of opportunities for regional and international integration of markets, but also in strengthening the ties between Ar-

menia and the Diaspora. The processes of the development of radio in Armenia in the context of globalization can be divided into the following stages;
a/ information technology, which has allowed the transition to new standards for digital broadcasting. b/ the development of the Internet and its potential use with. c / portable mobile devices (cell phones).
Keywords: radio and information technologies, radio and the created new standards, radio the Internet, mobile devices.

РАДИО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М.М. Овсепян

АННОТАЦИЯ

Радикальные изменения в эпоху глобализации и технического прогресса родили новые источники информации и коммуникации, которые, в свою очередь, образовали новые отношения, форм и подходов. В последние десятилетия, в регионе обусловлено геополитическими и экономическими отношениями появились качественно новые возможности, созданных глобализационных процессов. Процессы глобализации, на наш взгляд, были не только широкий спектр возможностей для региональной и международной интеграции рынков, но и в укреплении связей между РА и Диаспорой. Процессы развития радио в Армении в условиях глобализации можно разделить на следующие этапы: а) информационные технологии, которые позволили переход к новым стандартов цифрового вещания, б) развитие Интернета и его потенциальное использование, с) портативные мобильные устройства (сотовые телефоны).
Ключевые слова: радио и информационные технологий, радио и новые цифровые стандарты, радио в Интернете, мобильные устройства.

Из университетской жизни

26-го июня в Российско-Армянском университете стартовала *Летняя школа* по международному публичному праву (МПП) и международному праву прав человека (МППЧ). Мероприятие состоялось в результате успешного сотрудничества РАУ с представительством Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в Армении, ереванским офисом Совета Европы, Международным Комитетом Красного Креста (МККК) и благотворительной общественной организацией “MissionArmenia”. В первый раз Летняя школа в таком формате была проведена в РАУ в 2016 году. Взяв за основу успешный опыт и результаты Летней школы-2016, организаторы были заинтересованы в том, чтобы проект продолжался и в дальнейшем.

Приветствуя участников, проректор РАУ по науке П.С. Аветисян подчеркнул важность проведения Летней школы в области международного права и прав человека, а также актуальность развития данной сферы. Среди основных целей проведения Летней школы организаторы указали повышение уровня правовой осведомленности будущих юристов и эффективности организации подобных мероприятий, расширение знаний и повышение профессиональных навыков участников.

«Интерес к этой области растет: желающих принять участие в Летней школе в этом году было намного больше, чем в прошлом. Участники были тщательно отобраны в условиях сильной конкуренции», – отметила заведующая кафедрой международного и европейского права РАУ Л.А. Еремян.

Советник по правовым вопросам делегации МККК в Армении Ирен Алоян в своей приветственной речи подчеркнула важность изучения международного публичного права и увеличения числа специалистов в данной сфере, в особенности для Армении.

На церемонии открытия Представитель УВКБ ООН в Армении Наира Марутян обратила внимание участников на значение институционального сотрудничества государственных органов, международных организаций и высших учебных заведений для обеспечения эффективной защиты прав человека и, в частности, прав беженцев. *«Мы очень рады уже двухлетнему плодотворному сотрудничеству с РАУ»,* – добавила в заключение Н. Марутян.

В этом году для проведения лекций по МППЧ были приглашены международные эксперты: советник повопросам международного гуманитарного права в МККК Мариа Химена Лондоньо, менеджер проектов в области прав

человека Совета Европы Андрей Есин и руководитель ереванского офиса Совета Европы Links Наталия Вутова.

Участникам Летней школы по МПП и МППЧ будет предоставлена возможность на конкурсной основе принять участие также в летней школе по международному гуманитарному праву, организовываемой делегацией МККК в Армении в сотрудничестве с Американским университетом Армении и в летней школе по правам беженцев, организовываемой представительством УВКБ ООН в Армении в сотрудничестве с благотворительной общественной организацией “MissionArmenia” и Ереванским государственным университетом.

* * *

С 12 по 17 июня делегация Российско-Армянского университета в составе проректора РАУ Г.З. Саркисяна, заведующего кафедрой общей физики и квантовых наноструктур А.А. Саркисяна, заведующего лабораторией аналитической биохимии вуза Л.С. Унаняна и студентки по направлению «Зарубежное регионоведение» И. Осепян посетила Японию.

В ходе визита состоялся ряд официальных встреч представителей РАУ с руководством Цукубского университета (Tsukuba University), Университета Токай (Tokai University), Японского фонда (Japan Foundation), старшей школы Международного христианского университета (ICU High School) и др. Стороны обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества и определили вектор развития двусторонних отношений, обратив особое внимание на реализацию совместных проектов и программ, создание научных коллабораций, осуществление эффективной академической мобильности. Отметим, что делегация Российско-Армянского университета встретилась также со студентами РАУ, обучающимися в Цукубском университете по программам академической мобильности.

По итогам переговоров были намечены возможные пути взаимодействия между РАУ и университетами и научными центрами Японии в физико-технической и медико-биологической сферах, области IT и высоких технологий и др. Стороны подчеркнули необходимость создания в Армении различных условий для изучения японского языка, армяно-японских исторических связей, а также актуальность более системной и продуктивной популяризации японской культуры среди обучающихся Российско-Армянского университета и РА в целом.

* * *

3–7 июля в Пятигорске состоялся «Кавказский диалог-2017» – ежегодный международный научно-образовательный проект, организованный Фондом поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова уже в шестой раз.

Заведующий кафедрой политологии РАУ О.Л. Саркисян был приглашен в качестве эксперта для участия в работе форума «Кавказский диалог-2017». В первый день форума О. Саркисян выступил с докладом и представил презентацию «Публичная дипломатия на Южном кавказе», а во второй – провел секцию «Роль публичной дипломатии на Кавказе».

Работа Форума проходила в рамках трех тематических секций: «Современные геополитические процессы и экономическое сотрудничество на Кавказе», «Выработка и координация единой медийной политики на Кавказе», «Роль публичной дипломатии на Кавказе». В первые дни были представлены доклады и презентации, а затем по тем же тематическим направлениям были организованы деловые игры. Состоялось также отдельное обсуждение проекта создания Инициативного молодежного комитета по делам Кавказа.

В своем выступлении О.Л. Саркисян отметил, что страны Южного Кавказа скорее являются объектами публичной дипломатии глобальных и региональных акторов: США, ЕС, Россия, Турция, Иран и др. Между тем эффективная публичная дипломатия возможна только при диалогичности, субъект-субъектном соотношении, иначе публичная дипломатия может превратиться в одностороннюю пропаганду. Он также выделил те факторы, которые препятствуют диалогу на уровне гражданского общества между странами Южного Кавказа, и подчеркнул, что в этих странах на данный момент, по существу, отсутствует стратегия публичной дипломатии.

Форум состоялся на базе Института Международных отношений Пятигорского государственного университета. В мероприятии приняли участие молодые политологи, журналисты, студенты и аспиранты, а также ученые, эксперты, представители органов государственной власти из Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, России и Южной Осетии.

* * *

13-го июля на Международном финансовом конгрессе состоялось подписание Соглашения о создании и функционировании Сетевого финансового института в рамках Евразийского сетевого университета.

Сетевой финансовый институт создан шестью вузами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в целях организации сотрудничества в сфере образования и науки в области финансов, направленного на кадровое и научное обеспечение эффективного сопряжения национальных финансовых систем в рамках ЕАЭС и включения их в общий евразийский финансовый рынок.

Соглашение подписали следующие организации:

- Российско-Армянский университет (Республика Армения);
- Белорусский государственный экономический университет (Республика Беларусь);
- Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Кыргызская Республика);
- АО «Финансовая академия» (Республика Казахстан);
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;
- Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Российская Федерация).

Сетевой финансовый институт является первым пилотным структурным объединением, сформированным в рамках Евразийского сетевого университета, и открыт для присоединения к нему других образовательных и научных организаций, банков и финансово-кредитных организаций стран ЕАЭС. Основой для его создания выступил Евразийский сетевой университет, меморандум о котором был подписан 12 апреля 2016 года в рамках Евразийской ассоциации университетов.

Президент АО «Финансовая академия» Министерства финансов Республики Казахстан Наталья Коржова отметила: «Наряду с организацией образовательной деятельности в рамках концепции непрерывного образования особый акцент будет сделан на программах дополнительного образования и повышения квалификации. Предполагается проведение масштабной работы по разработке и актуализации профессиональных стандартов на финансовых рынках, гармонизации квалификационных требований к специалистам финансовых рынков. Особое внимание будет уделено разработке отраслевой рамки квалификаций как инструменту сопряжения квалификационных требований рынков труда стран Евразийского союза, а также механизмов признания уровней образования и квалификаций».

* * *

17-го июля в Российско-Армянском университете стартовала летняя школа «Евразийский интеграционный проект в контексте современных геополитических изменений». В течение пяти дней участники узнают о различных аспектах евразийской интеграции и новых подходах в изучении и осмыслении евразийских интеграционных процессов.

На открытии выступили и приветствовали участников летней школы заведующий кафедрой политологии РАУ Саркисян Оганес Лаврентьевич и проректор по науке Аветисян Паркев Сергеевич. Участникам была представлена программа летней школы, а также практическое задание.

Выступили эксперты из Армении: заместитель директора Института Кавказа в Армении Минасян Сергей, эксперт по вопросам Грузии Джонни Меликян, колумнист журналов “The National Interest” и «Россия в глобальной политике» Арег Галстян, эксперт Института Кавказа Грант Микаелян, заведующий кафедрой истории и теории политической науки Ереванского государственного университета Ашот Енгоян. В последние дни летней школы, при поддержке фонда публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, ожидаются лекции российских экспертов: председателя совета Центра международного продвижения, научного сотрудника Института экономики РАН Романа Чукова и заведующей сектором экономического развития постсоветских государств Института экономики РАН Елены Кузьмины.

Летняя школа – уникальная площадка для интерактивных обсуждений актуальных в данной сфере вопросов с ведущими экспертами, обмена опытом с другими участниками и т.п. В ходе мероприятия будут проведены лекции, дискуссии и практические занятия по таким темам, как экономика Армении в период членства в ЕАЭС, армяно-грузинские отношения в контексте евразийской интеграции, место Южного Кавказа в евразийском интеграционном проекте, тенденции развития ЕАЭС, политический диалог между США и Армения.

Летняя школа «Евразийский интеграционный проект в контексте современных геополитических изменений» была организована кафедрой политологии РАУ, Госкомитетом по науке РА при поддержке фонда публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

* * *

С 7–13 августа в Российско-Армянском университете прошла первая неделя III Летней программы обмена в рамках проекта "Network East-West", организованного в сотрудничестве с юридическим факультетом Берлинского университета имени Гумбольдта. В этом году темой проекта стала «Европейская конвенция о правах человека: современные проблемы».

В программе участвовало по 10 студентов из РАУ и Берлинского университета им. Гумбольдта. Получив темы для исследований, участники приступили к написанию научных статей при поддержке организаторов и преподавателей из двух университетов.

За первую неделю программы студенты активно поработали в группах, выступили с докладами и участвовали в обсуждениях. Студенты из Германии ознакомились с правовой системой Республики Армения, посетив Кассационный суд РА и Офис омбудсмена РА. В РАУ была также организована встреча с омбудсменом Нагорно-Карабахской Республики Рубеном Меликяном. Наряду с участием в интенсивной академической составляющей проекта студенты из Германии также успели ознакомиться с историей и культурой Армении.

С 14 по 20 августа программа продолжится в Берлине, где студенты РАУ и университета имени Гумбольдта присоединятся к участникам аналогичной программы, имплементируемой университетом имени Гумбольдта в сотрудничестве с университетами-партнерами из Чехии, Грузии, Венгрии, Латвии и Украины. В ходе второй недели программы студенты получили возможность поделиться результатами своих исследований со сверстниками и изучить правовую систему Германии.

* * *

1-го сентября состоялось подписание соглашения о вступлении Российско-Армянского университета в Университетский Альянс SAP. РАУ стал первым вузом Армении, вошедшим в Университетский Альянс SAP. Для студентов и преподавателей был также организован День технологий SAP.

На базе Российско-Армянского университета будет запущен SAP "Next-Gen Lab"-центр инноваций и нетворкинга, где студенты, помимо изучения технологий, будут работать над проектами партнеров и клиентов SAP

в Армении, СНГ и по всему миру. РАУ и SAP также будут работать над подготовкой и запуском совместной магистратуры в сфере “Data Science”.

Университетский Альянс SAP – глобальная академическая программа, которая знакомит студентов и преподавателей с программным обеспечением SAP и технологиями для цифровой трансформации экономики и бизнеса, включая решения для интернета вещей, больших данных, блокчейна, аналитики, робототехники, машинного обучения, виртуальной, дополненной и смешанной реальности. Цель программы – развитие технических и управленческих навыков путем включения решений SAP в учебный процесс соответствующих университетов и колледжей. Сегодня в программе участвуют более 3300 учебных заведений из 106 стран мира, 9 из 11 стран СНГ присоединились к SAP.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Р.А. – к.филол.н., доцент кафедры Армековедения РАУ

Акопян Н.А. – соискатель Института философии, социологии и права НАН РА

Акопян Н. – д. псих. н., профессор Армянского государственого педогогического университета им. Хачатура Абовяна

Варданян С. – лектор в унивеситете Практической психологии и социологии «Урарту»

Габриэлян А.А. – аспирант кафедры Мировой политики и международных отношений РАУ

Глджян А. – к.филол.н., Аграрный университет Армении

Гюльзадян Д. – к.филол.н., доцент, преподаватель Ванадзорского государственного университета им. О.Туманяна

Гянджумян Е.Э. – аспирант кафедры Гражданского права и гражданско-процессуального права РАУ, секретарь судебных заседаний Административного суда РА

Дорфман Л.Я. – д.псих.н.,профессор, зав.кафедрой Психологии и педагогики Пермского государственного института культуры

Дунамалян Н.А. – к.п.н., преподаватель кафедры Политологии Института права и политики РАУ

Макарян Ц.М. – соискатель кафедры Конституционного и муниципального права Института права и политики РАУ

Макарян Ц.М. – аспирант кафедры Экономики и финансов Института экономики и бизнеса РАУ

Мартиросян Г.К. – аспирант кафедры Управления, бизнеса и туризма Института экономики и бизнеса РАУ

Мирумян К.А. – д.филос.н., профессор кафедры Политологии Института права и политики РАУ

Мисисян С.С. – преподаватель кафедры Русского языка и профессиональной коммуникации РАУ

Нагдян Р.М. – д.псих.н., преподаватель кафедры Психологии Института гуманитарных наук РАУ

Овсепян М.М. – д.филол.н., профессор кафедры Печатных и вещательных СМИ ЕГУ

Оганесян Т.О. – аспирант кафедры Экономики и финансов Института экономики и бизнеса РАУ

Петросян И.Б. – к.э.н., преподаватель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Института экономики и бизнеса РАУ

Саакян М.А. – к.э.н., доцент кафедры Управления, бизнеса и туризма Института экономики и бизнеса РАУ

Саркисян А. – соискатель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Института экономики и бизнеса РАУ

Саркисян О.Л. – к.филос.н., доцент, зав.кафедрой Политологии Института Политологии и права РАУ

Саркисян Р.М. – аспирант кафедры Конституционного и муниципального права Института права и политики РАУ

Тер-Саргсян Л. – преподаватель кафедры Языков Армянского государственного экономического университета

Товмасян Г.Ж. – к.филол.н., доцент

Ширханян С.С. – к.п.н., преподаватель кафедры Политологии Института права и политики РАУ

Чобанян М.Х. – к.э.н., доцент и преподаватель кафедры Управления, бизнеса и Института экономики и бизнеса РАУ

***Главный редактор** – М.Э. Авакян*

***Редактор** – Ш.Г. Мелик-Адамян*

***Корректор** – Э.А. Рухкян*

***Компьютерная верстка** – А.С. Бжикян*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:

0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com

Заказ № 36
Подписано к печати 15.11.2017г.
Формат 60х84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 17,9 п.л. Тираж 100 экз.